

ЯНКА КУПАЛА

Советский
писатель

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базинов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЯНКА КУПАЛА

ИЗБРАННОЕ

*Вступительная статья,
составление и примечания
Р. И. Файнберг*

*Редакция стихотворных переводов
В. А. Рождественского*

Вклад Янки Купалы в советскую и мировую культуру общепризнан, его книги издаются на многих языках мира. Первым историческое значение этого выдающегося лирического поэта оценил М. Горький. Творчество Я. Купалы оказало основополагающее влияние на развитие белорусской поэзии и драматургии.

В нашей стране в советское время произведения Я. Купалы стали достоянием широкого круга любителей поэзии.

В данный сборник, кроме известных стихов народного поэта Белоруссии, включено свыше ста, ранее не появлявшихся в русских переводах; некоторые стихотворения переведены заново.

© Издательство «Советский писатель», 1973

ЯНКА КУПАЛА

В поэзии каждого народа есть имена, которыми обозначена эпоха в литературе и в истории страны. С деятельностью Янки Купалы и Якуба Коласа, чье творчество ознаменовало рождение современной белорусской поэзии и сыграло основополагающую роль в формировании литературного языка, связан важнейший этап развития национальной культуры Белоруссии.

«. . . Знаете Вы белорусских поэтов Якуба Коласа и Янко Купала? Я недавно познакомился с ними — нравятся! Просто, задушевно и, видимо, поистине — народно»,¹ — писал М. Горький в 1910 году А. Черемнову. В том же году, посылая М. Коцюбинскому стихотворение Я. Купалы «А кто там идет?», Горький признался: «Меня эта вещь взволновала». ² С поразительной прозорливостью великий писатель увидел в творчестве молодых поэтов исторически значимое явление. «. . . Мне кажется, — писал он в статье «О писателях-самочках», опубликованной в 1911 году, — что именно сейчас, после 1905 года, интеллигент должен бы с великим и особенным вниманием присматриваться к росту новых идей, новых сил в массе «потревоженного народа. . .» В этой связи автор статьи обратил внимание читателей «на молсдую литературу белорусов — самого забитого народа в России» и привел (в своем переводе) стихотворение Янки Купалы «А кто там идет?». Перевод Горький сопроводил призывом «уяснить себе глубокий смысл этой песни, которая, может быть, на время станет народным гимном белорусов». ³

С тех пор как были опубликованы эти пророческие слова, прошло много лет. Ныне имя Янки Купалы известно широко. Его стихи переведены на языки разных народов мира. Не всякому поэту дано

¹ М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, М., 1954, с. 144.

² Там же, с. 139.

³ «Современный мир», 1911, № 2, с. 207—208.

выдержать испытание временем. Литературный дебют Купалы состоялся в самом начале нашего века, уже тридцать лет прошло со дня его смерти, а для читателя он остается поэтом-современником. Для такой поэтической судьбы недостаточно одного только таланта. Поэзия Купалы была голосом времени, она запечатлела рождение нового героя истории.

1

Янка Купала — литературный псевдоним. Иван Доминикович Луцевич родился 25 июня (7 июля) 1882 года в усадьбе Вязанка (Радашковичской волости), где его отец, Доминик Онуфривич Луцевич, арендовал у помещика землю. «Отец мой... происходит из мелких сельских арендаторов, согнанных каким-то польским князем с земли»,¹ — вспоминал позднее поэт. На себе самом, на своих близких испытал будущий поэт все, что могла уготовить «доля» человеку, родившемуся в семье безземельного крестьянина. Маленького Янку тянуло к учению, но кочевая жизнь семьи помешала ему получить систематическое образование. «Нужда заставила меня взяться за другую науку, а именно — читать грустную книгу помещичьей пашни и писать печальную повесть своего горя сохой да косой», — писал впоследствии Купала в своей автобиографии.² Рано проявилась страсть к чтению, но оно было бессистемным. Только позднее, уже в годы юности, приехав в Селищи, где поблизости жил помещик С. Чехович (участник польского восстания 1863 года), Янка получил возможность пользоваться настоящей, хорошо подобранной библиотекой. Произведения Некрасова, Кольцова, Шевченко, польских писателей-демократов — Мицкевича, Кондратовича (В. Сырокомли), Конопницкой были особенно близки душе юноши. Позднее пришло увлечение Пушкиным, Лермонтовым, Горьким. Прочтены были в библиотеке Чеховича Г. Успенский и Салтыков-Щедрин, попадалась там и нелегальная литература.

«Книги разбудили во мне фантазию. Но наиболее сильно, я думаю, повлияли на меня белорусские народные сказки, слышанные мною в детстве».³ Юношу захватил мир народного творчества, песни

¹ «Янка Купала», Зборнік матэрыялаў аб жыцці і дзейнасці народнага паэта БССР Янкі Купалы, Мінск, 1952, с. 21. Подробно о семье Луцевичей см.: В. Волюскі, Матэрыялы да біяграфіі Янкі Купалы. — В сб.: «Любімы паэт беларускага народа», Мінск, 1960.

² В кн.: Янка Купала, белорусский поэт. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов, М., 1919, с. IV.

³ Я. Купала, Из автобиографических записей. — В кн.: «Янка Купала», 1952, с. 24.

и сказки белорусского народа. Поэт очень живо поведал о замечательных сказочниках, встретившихся ему в начале жизненного пути, об этих «первых наставниках» и вдохновителях его поэтического творчества.¹

Судьба уготовила Янке Луцевичу не только трудное детство, но и суровую юность. В 1902 году он остался единственной опорой матери и сестер. В поисках заработка Янка переменял много мест, перепробовал много профессий: нанимался в батраки, работал домашним учителем, писарем и несколько лет — чернорабочим на винокуренных заводах.

Примерно в эти же годы — накануне революции 1905 года — состоялось первое знакомство Янки с белорусской поэзией. Книжки стихов Ф. Богушевича и В. Дунина-Марцинкевича, случайно попавшие ему в руки, чрезвычайно увлекли юношу, его живо волновали стихи о крестьянской доле, близким был язык — на нем разговаривали окружавшие Янку люди. Из автобиографических записей узнаем, что тогда он еще не представлял себе ясно будущего пути. Толчком к определению призвания послужило чтение прокламаций и революционных брошюр на белорусском языке: «Это окончательно решило, что я белорус и что единственное мое призвание — служить своему народу всеми силами своей души и сердца».²

Революционный 1905 год ознаменовался в Белоруссии явлением нового поэта. 15 мая 1905 года в минской газете «Северо-западный край» было напечатано стихотворение «Мужик», под которым впервые поставлена подпись «Янка Купала». Псевдоним этот связан с широко бытовавшей в народе легендой о «заколдованном» цветке папоротника, зацветающем в ночь на Ивана Купалу, о счастье, которое достается лишь смелым, вступившим на путь борьбы. Не случайным был и выбор газеты, куда Купала послал свое стихотворение. «Северо-западный край», выражавший в ту пору взгляды революционной социал-демократии, выполнял в Белоруссии роль собирателя передовых литературных сил.

Выступление молодого поэта свидетельствовало о том, что он опирался на определенную литературную традицию.

С той поры, когда воссоединение Белоруссии с Россией приобщило белорусскую интеллигенцию к освободительному движению русского народа, к его прогрессивной общественной мысли, и новая белорусская литература делала свои первые шаги, прошло уже более

¹ Там же, с. 25.

² «Польмя», 1946, № 6, с. 126.

ста лет. Наиболее заметные этапы в поэзии XIX века — творчество Винцента Дунина-Марцинкевича и Франтишека Богушевича — выявили разные тенденции в развитии белорусской литературы. Талантливый драматург и поэт Дунин-Марцинкевич, мужественно боровшийся за право творить на белорусском языке, подробно, с любовью живописавший быт белорусского крестьянства, находился во власти утопических представлений о возможности идиллического мира между помещиками и крестьянами. Такого рода взгляды были неприемлемы для литераторов демократического направления, сформировавшегося в 1880—1890-х годах, когда движение русского пролетариата всколыхнуло по всей стране широкие массы крестьянства и демократической интеллигенции. Творчество поэтов Я. Лучины, Ф. Богушевича, А. Гуриновича отразило нарастание протеста в крестьянской среде.

Два сборника Франтишека Богушевича «Дудка белоруская» (1891) и «Смычок белорусский» (1894) оказались важной вехой в развитии национальной культуры белорусов. В предисловиях к сборникам Богушевич выдвинул общественную и эстетическую программу, которая явилась манифестом передовой белорусской литературы. Он обосновал право на существование белорусского языка, белорусской культуры. Это было выступлением, открыто направленным против национальной политики царского правительства.

Ярко одаренный сатирик, Богушевич одну из главных задач своего творчества видел в том, чтоб просветить крестьянина. Он стремился как можно нагляднее раскрыть тему социального неравенства, разработать ее на доступных своему читателю примерах. Царская цензура и при жизни поэта и много лет после его смерти жестоко преследовала его творения.

Дело Богушевича продолжили одаренный поэт Адам Гуринович (арестованный в 1893 году за революционную деятельность и вскоре ушедший из жизни) и Алоиза Пашкевич, известная в литературе под псевдонимом «Тетка». Она выступила в 1902 году, расцвет ее творчества падает на годы первой русской революции. Революционные события были фактами личной биографии поэтессы, активно участвовавшей в выступлениях виленских рабочих. Такие ее произведения, как «Крещение на свободу», «Под знаменем», «Море», «Присяга над кровавыми бороздами», печатали в 1905 году на гектографе и распространяли в качестве листовок. Голос Тетки звучит взволнованно, убеждающе. Поэтесса использует наиболее доходчивые жанры агитационного стиха — сатирические куплеты, злободневную политическую частушку, политические лозунги, призывы. В белорусской литературе поэт впервые заговорил от имени революционных масс.

С эпохой первой русской революции связано возникновение широкого литературного движения в Белоруссии. «Новый период в истории белорусской литературы имеет своей исходной точкой 1905 год, произведший глубокий переворот в психике народных масс, — писал в одной из своих статей поэт Максим Богданович. — Перед ними встал, выдвинувшись из тени на свет, целый ряд новых вопросов, требовавших немедленного разрешения, а традиционных ответов на них деревня еще не имела. . . В это время белорусское печатное слово сделалось настоятельной необходимостью и быстро получило небывалый размах. Заработали и легальные и нелегальные станки, выбросившие в народные массы тучу произведений, брошюр и, наконец, даже еженедельную социалистическую газету «Нашу долю», выходившую в 10 т(ысячах) экз(емпляров), но чуть не еженемерно конфискованную, а потому и остановившуюся на 7 №. В это время, осенью 1906 г., возникла и вторая, но уже более умеренная, белорусская газета «Наша ніва». . .»¹

В этой характеристике роста белорусской литературы начала века Максим Богданович справедливо выдвигает на первый план проблемы идеологические, напоминает о том глубоком перевороте, который произвела революция в сознании народных масс.

Рождение Купалы-поэта было одним из звеньев этого величайшего по своему историческому значению процесса.

2

Первое опубликованное стихотворение Янки Купалы — «Мужик» — явилось своего рода манифестом. «Это стихотворение. . . — писал народный поэт Белоруссии Я. Колас, — является как бы программой всей поэтической деятельности молодого Янки Купалы вплоть до Октябрьской революции. Какое бы произведение этого периода ни взяли мы, оно неизменно так или иначе примыкает к этому стихотворению».²

По внешнему ходу стихотворение «Мужик» подчеркнуто традиционно. Читая сатирические куплеты, рисующие нищету, бесправие, темноту мужика и сопровождаемые ироническим рефреном «Ведь я мужик, простой мужик!», вспоминаешь многие произведения Богушевича, в особенности известное стихотворение, где рефрен «Как ворона, глуп мужик» сопровождает рассказ о горькой мужицкой доле. В содержании и построении этих двух стихотворений много общего —

¹ М. Багдановіч, Творы, т. 2, Мінск, 1928, с. 24.

² Сб. «Памяти Янки Купалы», Ташкент, 1943, с. 12—13.

речь идет о доле того, кто кормит всех трудом своих рук, а сам живет в беспросветной нищете. Пафос стихотворения Богушевича — в его просветительской интонации. Рисуя контраст между тем, что нищий крестьянин дает людям и что получает сам, сатирик стремится сткрыть мужику глаза, пробудить в нем чувство протеста против неравного распределения жизненных благ. Пафосом просветительства проникнуто и написанное в 1904 году стихотворение Тетки «А мужик поныне не переменился», в котором поэтесса стремится натолкнуть темного «мужика» на размышления о причинах народной неволи.

В стихотворении Купалы развивается та же тема доли мужицкой. Изображение крестьянского быта здесь во многом совпадает с картинной, данной в свое время Богушевичем. Есть сходство и в построении — заключающий каждую строфу рефрен является лейтмотивом стихотворения, его композиционной основой.

Однако не трудно заметить, что, в отличие от Богушевича и Тетки, Купала предоставляет слово самому «мужику». Впервые в решении этой традиционной для белорусской поэзии темы прозвучала не горькая жалоба на судьбу, а уверенность в своей силе и человеческом достоинстве:

Но если жить я долго буду,
Коль будет жизни путь велик,
Вовек я, братья, не забуду,
 Что человек я, хоть мужик!

И тот, кто жизнь мою узнает,
Услышит только этот крик:
Хоть мною каждый помыкает,
 Я буду жить — ведь я мужик!

Пробуждение крестьянской массы, рождение в ней социального и национального самосознания было отличительной чертой эпохи, в которую начинал свой литературный путь Я. Купала. События первой русской революции, борьба русского пролетариата глубоко отразились на судьбе белорусской деревни. «Мужик», «хам», как нередко с презрением называли крестьянина представители помещицкой знати и чиновники царской администрации, осознал, что имеет право добиваться человеческих условий жизни, бороться против эксплуатации, сохранять свои национальные традиции и язык.

Этот глубинный процесс, имевший первостепенное значение для исторических судеб белорусского народа, вызвал к жизни поэзию Янки Купалы. Первое опубликованное стихотворение поэта, заявив-

шее о силе и человеческом достоинстве белорусского мужика, о его способности противостоять жизненным бедам, было программой одновременно и поэтической и общественной.

После «Мужика» читатели долго ничего не знали о Купале. Только спустя два года в газете «Наша нива» появилось его стихотворение «Косцу». Перерыв был вынужденным — цензурные условия не давали возможности публиковать проникнутые бунтарским, революционным духом произведения. Но Купала в эти годы много писал. Строкой известного стихотворения «Это стон, это крик, что живет Беларусь!» можно обозначить главную тему произведений поэта, написанных на протяжении 1900-х годов. С особой экспрессией разработана она в классическом по простоте и выразительности стихотворении «А кто там идет?». Горького привлекала не только программа, высказанная в этом стихотворении, — писателя потрясла поэтическая сила, с какой выражены чувства миллионов бесправных угнетенных людей, разбуженных революцией.

В стихотворении всего пятнадцать строк. Но содержание его настолько емко, наполнено живым дыханием истории, охватывает такой широкий круг вопросов народной жизни, что, вопреки всем признакам жанра, можно назвать его народной эпопеей. Не часто случается, чтобы сама История говорила устами поэта. «Красноречивая и суровая», по определению Горького, песня Купалы являет собой пример того, в какой степени оказывается поэзия способной отразить решающий поворот в исторической жизни народа. Стремясь передать мощь разбуженных революцией миллионных масс народа в самом строе стиха, Купала отказался от всего, что могло бы стих «пригладить», от организации на основе силлабо-тонической системы, от последовательной рифмы. Используя тонический народный стих, чередуя строки с различным количеством ударений, поэт создал «спотыкающийся», неровный, но удивительной силы ритм, передающий тяжелую поступь народного шествия, грозные шаги массы, зашептавшей «людьми зваться».

Стихотворения, написанные на протяжении 1905—1907 годов, составили первый сборник стихов Я. Купалы «Жалейка» (свирель, дочка), вышедший в 1908 году в Петербурге.

Издание «Жалейки» и выступления в «Нашей ниве» принесли Купале литературную известность. В 1908 году он бросает наконец спотылевшую работу на винокуренном заводе помещика Гартинга и переезжает в Вильну. Здесь ему удалось получить место, о котором он, по его признанию, «мечтал с детства»: службу в библиотеке. Осенью 1909 года Купала переехал в Петербург. Туда поэта влекло стремление получить систематическое образование.

Петербургский период жизни Купалы (1909—1913) был насыщен впечатлениями и встречами, сыгравшими немалую роль в развитии поэта. Четыре года, проведенные на общеобразовательных курсах А. Черняева, помогли молодому писателю систематизировать полученные ранее (главным образом — из книг) познания, расширить свой кругозор. Уже известный к тому времени поэт, автор недавно вышедшей книги стихов, Купала по приезде в Петербург вошел в среду белорусской демократической интеллигенции. Библиотекарь Петербургского университета, профессор Бронислав Игнатьевич Эпимах-Шипилло, стоявший во главе белорусского издательского товарищества, поселил Купалу у себя на квартире. В доме профессора еженедельно собирался научно-литературный кружок белорусов, студентов Петербургского университета. Председатель этого кружка Е. Хлебцевич в своих воспоминаниях писал: «На сходках этого кружка Янка Купала читал студентам рукописи своих произведений, интересовался настроениями земляков-студентов, внимательно слушал доклады на разные темы, имевшие отношение к Белоруссии».¹ Е. Хлебцевич вспоминает о том, что Купала общался в Петербурге и с белорусами-рабочими. Один из рабочих Путиловского завода, систематически посещавший поэта, участвовал в подпольной работе, был связан с организацией РСДРП.

Интересно свидетельство Хлебцевича о том, что он в 1910 году вместе с Купалой присутствовал в зале суда, когда белорусское издательское товарищество было привлечено к судебной ответственности за издание сборников стихов Ф. Богушевича.²

Поддержка земляков, которую постоянно ощущал Купала, признание его литературного таланта много значили для молодого поэта. В газете «Минский курьер» была напечатана рецензия на книгу стихов Купалы «Жалейка». «Мы присутствуем при историческом событии чрезвычайной для края важности, — говорится там. — Белорусская песня из области этнографии переходит в область литературы... и «Жалейка» «Янука Купалы» — одно из несомненных доказательств этого крупного факта... Придут лучшие времена, и за подвиг его родной народ заплатит ему своей лучшей благодарностью — бесмертием».³

¹ Я ўг. Хлябцэвіч, Янка Купала ў Пецярбургу. — «Беларусь», 1945, № 11-12, с. 27.

² Я ўг. Хлябцэвіч, Янка Купала і Пецярбургскі ўніверсітэт. — В сб.: «Янка Купала», 1952, с. 62.

³ В л. С. Великий праздник. — «Минский курьер», 1908, 23 августа.

Автор этого отзыва, Владимир Иванович Самойло, один из деятелей белорусской культуры, литератор демократического направления, сыграл не малую роль в писательской биографии Купалы. Именно при его содействии было опубликовано в газете «Северо-западный край» первое стихотворение Купалы «Мужик». Сумев увидеть историческое значение поэзии Купалы уже при самом ее рождении, В. И. Самойло был серьезно озабочен судьбой молодого писателя. Он писал профессору Б. И. Эпимаху-Шипилле 2 декабря 1909 года: «Вы были крестным отцом его творений, его литературным опекуном, таким же вы останетесь для него и лично. Мне он очень дорог как единственный и недостаточно оцененный поэт современной Белоруссии».¹

Прогрессивные деятели молодой белорусской культуры высоко ценили талант Я. Купалы, внимательно следили за развитием его творчества. В Петербурге произошло знакомство Купалы с известной белорусской поэтессой Теткой (она, бывшая в это время политическим эмигрантом, нелегально посетила столицу), там же в 1911 году он познакомился с организатором первого белорусского профессионального театра Игнатом Буйницким.

Годы, проведенные в Петербурге, были для Я. Купалы периодом напряженной творческой работы. В 1910 году вышел в свет сборник его стихотворений «Гусляр», в 1913 году — сборник «Шляхам жыцця» («Дорогой жизни»). Становится шире жанровый диапазон творчества писателя, появляются драматические поэмы Купалы «Извечная песня», «Сон на кургане», «На привале», комедии «Павлинка» и «Примакн», драма «Разоренное гнездо».

3

Однако не всех радовал рост поэта. Белорусское культурное движение было явлением очень разнородным. Особенно отчетливо определились противостоящие лагеря внутри редакции «Нашей нивы». На страницах единственной белорусской газеты выступали и писатели-демократы — Тетка, М. Богданович, З. Бядуля, Т. Гартный, Констанция Буйло и другие, во главе с Я. Купалой и Я. Коласом, и писатели буржуазно-националистического лагеря. Буржуазные публицисты, активно сотрудничавшие в «Нашей ниве», — А. Луцкевич,

¹ Литературный музей народного поэта Белоруссии Янки Купалы.

В. Ластовский и другие — настойчиво доказывали, что белорусская литература — явление бесклассовое, что существует «единое» движение «белорусского возрождения», представляющее «единую» белорускую нацию.

Стремление представить развитие белорусской литературы в виде единого потока, лишённого противоречий, часто вынуждало критику буржуазно-националистического лагеря давать заведомо неверные литературные оценки. Купале пришлось столкнуться с тем, что его творчество подвергалось нарочито фальшивым истолкованиям. Ему предъявлялись обвинения в сентиментальности, его упрекали в «тенденциозности». Купалу настойчиво убеждали в том, что, раскрывая классовые противоречия, он находится на ложном пути.

Было в арсенале идейных и литературных противников Купалы еще одно средство — замолчать его творчество, преградить широким кругам читателей доступ к его поэзии. В этой связи немалый интерес представляет письмо, написанное Купалой 18 апреля 1913 года редактору «Нашей нивы»:

«Уважаемый господин Редактор!

Весьма интересно ведется в Вашей газете отдел белорусской библиографии. В последнем 15 номере «Нашей Нивы» в почтовом ящике напечатано: «За январь и февраль ничего не вышло, в мае выйдет сб. стихотворений М. Богдановича, а может и еще что-нибудь, если соберемся со средствами». Что это — шутка первоапрельская, или что иное? Напомню Вам, что в январе вышла «М. Беларусь»¹ 2-ая тетрадь, а в апреле моя книжка «Дорогой жизни», которую в Вашу редакцию послал. Об этих книжках Вы даже не потрудились напечатать в своей газете объявлений, хотя объявление «Н(ашей) Н(ивы)» напечатано во второй тетради «М(олодой) Б(еларуси)». Мне кажется, что за пять лет моего сотрудничества я не заслужил того, чтобы так беззастенчиво игнорировать мою нововышедшую книгу, как Вы сделали это в почтовом ящике своей газеты».²

Этот любопытный эпизод идейно-литературной борьбы характеризует обстановку, в которой протекала работа поэта.

Как известно, подлинно дружескую поддержку оказал Я. Купале в эту пору М. Горький. Писатель познакомился со стихами Купалы в 1910 году, когда приехавший на Капри белорусский учитель А. Посах прочитал ему некоторые произведения поэта, в том числе и стихотворение «А кто там идет?». Плененный силой этих стихов,

¹ «Молодая Беларусь» — журнал, издававшийся в Петербурге.

² Фотокопия автографа (на белорусском языке) хранится в Литературном музее Янки Купалы.

Горький попросил Посаха выслать ему сборник произведений Купалы.¹

Поэт был очень взволнован, когда ему сообщили о впечатлении, которое его стихи произвели на Горького. Он тогда не знал, что интерес великого писателя к его творчеству носил не мимолетный характер: в своих письмах этого времени Горький неоднократно возвращался к глубоко захватившей его теме. Тем бóльшим событием явилась для Купалы статья, опубликованная Горьким в журнале «Современный мир». Поддержка Горького влила в молодого поэта новые силы, укрепила его веру в литературное призвание.

А о призвании своем Купала размышлял много. Перед каждым белорусским поэтом в ту пору вставал вопрос — для чего он работает, чему служит своим словом. Поэтические декларации стали традицией в белорусской поэзии — напомним «Мою дудку» и «Смычок» Богушевича, «Мои думы» и «Скрипку белорусскую» Тетки. Первый свой сборник «Жалейка» Янка Купала тоже открыл рядом стихотворений, в которых высказывает задушевные мысли о призвании поэта:

В каждой стране, вдохновеньем согрето,
Слово певца о народе звучало.
У белорусов же нет и поэта.

Пусть уж им будет хоть Янка Купала!

(«Я не поэт»)

С самого начала тесно связывает Купала собственную поэтическую судьбу с судьбой своего народа. Поэт сдружил свою песню «с той речью убогой», которая вызывает у многих только насмешки, он считает жизненно необходимой задачей дать права гражданства родному языку, создать поэтические произведения, доступные миллионам своих поработанных соотечественников («Родные песни», «Родное слово»).

В сознании поэта задачи национального освобождения народа не отделялись от борьбы за социальное переустройство жизни. Борьба русского пролетариата гулко отозвалась в Белоруссии, вызвала волну крестьянских и рабочих выступлений. Купала часто непосредственно отзывался на события революционных лет («Там», «Отклик на 29 октября 1905 года в Минске», «Я видел души сильные»), но эпоха революции дала поэту нечто гораздо большее, чем темы для его произведений. Ее дыхание жило во всех его творениях, какой бы

¹ Вернувшись в Россию, А. Посах выслал Горькому сборники стихов Я. Купалы и Я. Коласа (А. Посах, Мае сустрэчы з народным паэтам. — В сб.: «Янка Купала», 1952).

темы он ни касался. Поэтому так естественно определилось с самого начала для поэта его призвание. Он хочет, чтобы его песнь гремела набатом, будила тех, «кто спит», кто «скован ярмом» («Из моих песен»). Волю народа, чувства народа, его мечту о лучшей доле, его стремление завоевать свободу — вот что должен выразить поэт, воспевающий «нищую сторонку» — Беларусь. Не случайно образ косыбы, символизирующий восстание, проходит через многие стихотворения Купалы этих лет.

Кровью сердца написана каждая строка стихотворения «Там», посвященного самоотверженной борьбе русского пролетариата с царизмом:

Дымятся свежей кровью дали.
На эшафот бойцы идут.
А вы, что больше всех страдали,
Стоите здесь, хоть вас там ждут.

С болью, с горьким упреком обращается к своему народу поэт: «А вы молчите, белорусы. . .» Словно заклинание, звучат его горячие призывы присоединиться к политической борьбе братьев по крови и судьбе.

Купала остался верен своему призванию и после поражения революции 1905—1907 годов. Тяжелые раздумья о судьбах своего народа отражались в стихах этого времени, но по-прежнему голос поэта звал к борьбе. В стихотворении «Погибшим», написанном в 1909 году, поэт от имени народа дает клятву продолжить дело павших за революцию борцов:

Спите! Навеки запомним мы ваши могилы,
Вами разбужены, больше уж мы не заснем.

Одной из важнейших общественных задач представляется поэту в эту пору работа на ниве родной литературы. Закончив курсы Черняева, Янка Купала в 1913 году вновь переезжает в Вильну. Он активно сотрудничает в газете «Наша нива», с марта 1914 года до августа 1915-го является ее редактором. «. . . Чуть не каждый номер «Нашей нивы» выходил с белыми пятнами купюр. В конце концов, после того как был конфискован № 2 «Нашей нивы» от 16 января 1915 г. за статью «Думки», Виленский временный комитет по делам печати постановил возбудить против Купалы, как ответственного редактора, судебный процесс». ¹

¹ Ул. Луцэвіч, Мае ўспаміны пра Змітрака Бядулю. — «Беларусь», 1946, № 11-12, с. 48.

Заметно усилился накал борьбы между буржуазно-националистическим и демократическим лагерями белорусской интеллигенции, представители обоих направлений вели открытую полемику на страницах «Нашей нивы». По существу, в газете работали две редакции разного направления, разной политической и литературной ориентации. Чтобы яснее представить себе сложившуюся там обстановку, приведем малоизвестное свидетельство одного из сотрудников: «...состав редакции в 1909 и 1910 гг. резко распадался на две группы, которые были метко названы повоприбывшим из Киева С. Полуняном «верхней» и «нижней» палатами. К «верхней» палате принадлежали: А. Власов, братья Луцкевичи и, когда бывали, — Чиж и Маньковский. «Нижняя» палата состояла из Ядвига Ш., Купалы, Ластовского и Полуняна, а в конце 1909 г. к ней присоединился художник-живописец Н. Дроздович. Редакция в целом никогда не собиралась. На Виленской № 20, где помещалась редакция, магазин со стороны улицы занимала «нижняя» палата, комнату со двора имела в своем исключительном пользовании «верхняя» палата. Между собой работницы этих двух палат редко встречались; в технических делах редакции сносились через запертые на ключ двери по щелке над порогом. Через эту щелку пересылались туда и обратно редакционные материалы и корреспонденции».¹

Хоть автор этих воспоминаний — один из деятелей буржуазно-националистического направления в белорусской литературе — и старается в своих мемуарах приукрасить прошлое, подчеркнуть свою принадлежность к «нижней» палате (на самом деле он был идеологом «верхней»), но обстановку в редакции «Нашей нивы» описал красочно, с потрясающими подробностями. Они рисуют непримиримость позиций двух групп, преследующих разные цели, опирающихся на разных сотрудников, делающих ставку на разного читателя.

Вместе с Якубом Коласом Купала возглавлял демократический лагерь белорусской литературы. Собрание и организация передовых литературных сил в обстановке острой идейной борьбы требовали больших усилий, самоотверженности. У Купалы хватало терпения вести долгую тактическую борьбу внутри редакции, когда надо было взять под защиту кого-нибудь из молодых литераторов, — так, благодаря вмешательству Купалы были напечатаны в «Нашей ниве» первые стихи замечательного белорусского лирика Максима Богдановича. Приходилось принимать бой и в качестве публициста. Один

¹ В. Ластоўскі, Мае ўспаміны аб М. Багдановічу. — «Крывіч», 1926, № 1, с. 62—63.

из наиболее ярких эпизодов литературной полемики разыгрался на страницах «Нашей нивы» в 1913 году.

В газете появилась статья реакционного публициста Юрия Верещаки,¹ озаглавленная «Оплатите долг». В ней шла речь о направлении современной белорусской поэзии. Начав с рассуждений о дивной красоте белорусской природы, автор обрушился на современных белорусских поэтов, «которые, вместо того чтобы восславить нашу действительно безмерно прекрасную природу, обеславили ее». В качестве примеров Верещака, не называя имен авторов, приводит цитаты из стихотворений Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, посвященных нищей белорусской деревне и горькой доле белорусского мужика. Такие произведения, в особенности призывающие к борьбе за лучшее устройство жизни, возмущают автора статьи. У него есть свои представления о причинах, рождающих крестьянскую нищету: «...Янка или Опанас сидит полупьяный на печке, и хозяйство у него не спорится».

Социальные вопросы вообще не могут, по мысли автора статьи, быть предметом подлинной поэзии. «Оплатите долг», — обращается Верещака к белорусским поэтам, — «...почему не выполняете своего посланничества, почему молчите, когда убивают в душах... красоту, почему не учите нас любить и понимать шум бора... задумчивость сумерек, ясность восходов?..».²

На поставленный публицистом вопрос ответил Янка Купала. В статье, озаглавленной «Почему плачет песня наша», Купала показал, что литературные требования, высказанные Верещакой, поднимают вопросы общественного характера. Поэт очень четко выразил позицию белорусских писателей-демократов: «Когда в памятном 1905 году загуляла метель, когда у каждого человека в России пробудилась душа к новой жизни... и у белоруса проснулось чувство своего «я», появилась долго дремавшая думка, что и мы люди. Появились поэты, певцы своего забытого богом и людьми края и доли народной... Эти поэты, всосав с молоком обездоленных и обневолненных матерей все горе жизни Беларуси демократической, — разве могли в первых своих словах воспеть только красоту своей Родины, не взглянув сначала на реальный быт ее сынов?!»³

Спор шел, по существу, о том, что такое лирическая поэзия. Объявляя социальную тематику стоящей за пределами поэзии, Верещака чрезвычайно суживал сферу лирического самораскрытия поэта. На-

¹ Это был псевдоним, под которым выступал в качестве публициста Власт Ластовский.

² «Наша нива», 1913, 5 июля.

³ «Наша нива», 1913, 26 июля.

помнить об особенностях лирической поэзии, как поэзии субъективной, выражающей мир сквозь призму человеческих переживаний и ощущений, автору статьи «Оплатите долг» понадобилось для того, чтобы защитить «чистую» поэзию, оградить ее от дурной, по его мнению, тенденциозности.

Спор между сторонниками «чистого» искусства и защитниками гражданской поэзии возник задолго до этой полемики и ко времени ее возникновения имел уже большую историю. Но схватка на страницах «Нашей нивы» произошла не случайно. Вопрос, по которому скрестили клинки публицисты двух лагерей, для белорусской поэзии той поры был чрезвычайно актуальным.

Новый герой входил в жизнь и в поэзию. Его родила революционная эпоха. Люди, которых тревожила и разбудила революция, которых она призвала к историческому действию, заново открывали для себя мир; им стало доступно очень многое — от большой, изменившей все их сознание истины, что идет всенародная борьба за право «людьми зваться», до менее масштабных, но имеющих в жизни каждого большое значение открытий — красоты окружающего мира, сложности человеческих отношений

Все это богатство, открывшееся человеку из народа, человеку «из низов», должно было стать и становилось достоянием литературы. В белорусской поэзии этот процесс протекал очень активно, привел к рождению больших поэтических индивидуальностей, — быть может потому, что совпал с процессом становления национальной белорусской литературы. Появление на горизонте белорусской поэзии такого созвездия, как Тетка, Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, не было случайным. Им дано было выразить сложный мир переживаний пришедшего в литературу нового героя.

В одной из своих поэтических деклараций, в стихотворении «Кому вас, песни?..», Купала размышляет о тех, кому предназначены его творения. Вглядываясь в будущее, поэт представляет себе такую картину: некий ученый найдет рукописи, стряхнет с них пыль,

Просмотрит, скажет: «Матерьяла
О Беларусі давніх дней,
Коль разобратся, тут немало...»

Такая возможность ужасает поэта. Купала резко выступает против истолкования своей поэзии как этнографического пособия. (Заметим, что вторая строка приведенной нами цитаты в первой публикации звучала так: «Для этнографії людзей».) На первый взгляд кажется странной такая позиция поэта, тщательно изображавшего

именно быт белорусской деревни, любовно описывавшего каждый угол в крестьянской хате, все обычаи народа, подробности его повседневного существования, труда, праздников. По сути дела, противоречия здесь нет. Поэт протестует против превращения поэзии в мертвый памятник быта народного. Для него поэзия — явление живое и действенное, активно участвующее в борьбе за изменение народной доли.

Но есть здесь и другой аспект. Автор стихотворения «Кому вас, песни?..» возражает против одностороннего подхода к своей поэзии, против поверхностных представлений о том, что его творчество исчерпывается изображением народного быта. Задачи, которые он ставил себе, были значительно более широкими.

Стремление раскрыть в песне душу своего народа, его чувства и помыслы тесно связано с характером поэтического таланта Купалы — он лирик по самому складу своего дарования. И мир природы, и движения человеческой души, и будничные явления жизни, и размышления о доле народной — все раскрывается в его поэзии только через человека, все преломляется сквозь призму его раздумий, переживаний. Потому так многообразна в его стихах картина мира. Купала — мастер пейзажной живописи. Но менее всего к его пейзажам подошло бы определение — зарисовка с натуры. Природа живет в его стихах сложной жизнью, она радуется, печалится, плачет, навеивает думы, рождает мечты, волнует или наполняет душу покоем. И все в природе видится поэту каждый раз по-другому — в зависимости от охватившего его душу чувства. Ласково светит «ясное солнышко» людям в стихотворениях «Весна», «Моя молитва», «Думки перед весной», «Засветило тепло». Но то же солнце безжалостно жжет измученных жней («Песня жней»), путника («Сон»), косцов («Косьба»); оно сжигает сухую землю, угрожает голодом целому краю («Тканье покрова»). И в то же время во многих стихотворениях поэта («Из песен долины», «Заход солнца») солнце появляется как символ надежды на освобождение народа от гнета, на завоевание лучшей доли. Мы намеренно взяли примеры из сборника «Жалейка» — из стихотворений одного периода: призму, сквозь которую смотрел поэт, смещало не только время. Она поворачивалась разными гранями в зависимости от настроения, которым рождены были стихи. Скажем, в стихотворениях «Ольха», «Песня», «Бор» мы видим деревья, слышим шум их ветвей. Но как различны эти пейзажные этюды по своему характеру и настроению! Мы попадаем каждый раз в иной мир: то дерево рассказывает о старости и одиночестве, то — о радостях любви, а шум бора наводит на размышления о несправедливом устройстве жизни. Освещенным раздумьями человека,

окрашенным его чувствами и переживаниями предстает мир в поэзии Янки Купалы.

Сила лирического дарования и позволила Янке Купале сделать одно из самых больших открытий в поэзии своего времени.

Крестьянская тема занимала большое место в литературе и поэзии 1900—1910-х годов, она стала объектом острой борьбы. По существу, шел спор об исторических судьбах крестьянства. В творчестве многих писателей деревня представляла во всей неприглядности своего темного быта, раздираемая жестокими социальными противоречиями. Иной рисовала деревню народническая литература, идеализировавшая «патриархальный» крестьянский быт. При всем несходстве этих двух концепций, они сближались в том, что давали искаженную картину жизни современного крестьянства.

Янка Купала выступил от имени тех, кто являлся объектом борьбы. В его стихах крестьянин сам поведал миру правду о себе. С беспощадным реализмом рисует поэт нищий быт белорусской деревни, убогую жизнь ее сынов, но рядом с этой жестокой правдой он показывает и другую: в сознании темных и нищих людей произошли глубокие изменения. Янка да Симонка («Из песни о своей сторонке») захотели «людьми зваться», они обрели чувство человеческого достоинства, многие из них поняли, что право на человеческую жизнь должны сами отстаивать в борьбе.

Вот почему герой поэтических произведений Купалы — человек из народа, человек труда, глазами которого поэт видит мир, — предстает перед нами не только как жертва существующего социального порядка. Герой купаловской лирики живет сложной внутренней жизнью, ему доступна широкая гамма чувств, он способен задуматься над долей своей и своего народа. Вслед за Горьким Купала сумел в человеке труда найти источник подлинной поэзии, раскрыть за внешними подробностями его сурового быта богатую духовную жизнь.

Освещенные мыслью и чувством лирического героя, даже самые простые предметы крестьянского обихода, изображение повседневного крестьянского быта обретают поэтическую жизнь. Описание нищей крестьянской хаты («Моя хатка») проникнуто чувством горячей привязанности героя к «худой и кривой», с земляным полом «будке», в которой он родился и вырос, с которой связана вся его жизнь. Как хорошо здесь, как привычно, как по-своему уютно; как удобно, что в хате помещается жернов, что под балкой коса устроилась рядышком с брусом, что хата дает приют и курам, собакам, кошкам. . .

Столь же любовно в стихотворении «Соха» описана кривая само-

дельная сошка, которая кормит «мир целый». Она увидена глазами пахаря, того, кто сам ее смастерил и сам обрабатывает ею поле.

Крестьянские требования в буржуазно-демократической революции, чаяния «сносной» человеческой жизни выражены поэтом в простой и ясной форме:

Земельки бы сносной
С лужком сенокосным,
Хлевок, да хатенку,
Да славную женку,
Да сальца бы к хлебу,
Да рубль на потребу. . .

(«Разве это много?!»)

Однако как художник, кровно связанный со своим народом, живущий его страданиями и радостями, Купала отразил не только историческую ограниченность требований, надежд своего героя, но и огромные возможности его развития. Лирическому герою Купалы чужд индивидуализм, он ощущает себя частью большого целого — народа. Пробуждающееся национальное самосознание помогает острее ощутить и другую общность — «долю», одинаково неласковую для всех бедняков. Постепенно усложняется духовный мир человека, размышляющего о судьбе своего народа. «Свободная» жизнь на «своей земельке» уже не является пределом стремлений.

Все сильнее проявляется в душе купаловского героя жажда воли, стремление выйти из тесного мира повседневных забот на широкий жизненный простор. «Как ветер, как птица, где солнце, где зорри», мчится вдаль мысль героя («Моя думка», 1910). «Грустно в думках Тамаша», — начинает свое лирическое повествование поэт:

Эх, взлетел бы он орлом
Над родным простором
.
Он вернулся бы в село,
Надышавшись воли,
Обнял, взял бы под крыло
Братьев, хаты, поле.

(«Думка»)

Круг интересов уже не ограничен пределами личного благополучия. О самом страшном проклятии — отчуждении от людей рассказывает стихотворение «Канюк», в основу которого положено народное предание.

Ощущение героем своей слитности с окружающим миром придает лирике Купалы глубину, многозначность, окрашивает ее в богатые по своим оттенкам тона.

С обогащением внутреннего мира героя, с усложнением строя его чувств связана и особая интерпретация гражданской темы в лирике Купалы. Она с самого начала вошла в произведения Купалы как тема революции — стихами поэта говорило время. И в том, какое звучание она получила в творчестве Купалы, тоже слышалось дыхание времени. Тема революции, обычно разрабатываемая в эпических жанрах, естественно и свободно вошла в лирику Поэта большого лирического дарования, Купала чутко уловил те изменения, которые произошли в сознании современника: в строе его мыслей и чувств гражданские проблемы получили новое значение, стали рядом с так называемыми личными проблемами, стали предметом не только размышлений, но и душевных волнений, переживаний, чаяний.

Всё, чем сердце живет,
Что подсказано сном,
Что пред взором пройдет, —
Всё я вылью пером, —

декларировал поэт в одном из своих ранних стихотворений — «Из моих песен». Это понятие — «чем сердце живет» — наполнялось для него все более сложным содержанием. Любовь к своей нищей хатке, к родному полю, к маленькому клочку земли, политому собственной кровью и потом, уже не заполняет целиком душу лирического героя. Его мир раздвигается все шире, любовь к отчему краю, к родной Беларуси неотделима от мыслей о судьбе ее народа. Ни счастье любви, ни упоение славой не дают забыть герою о том, что льются «слезы других» («Счастье»). Размышления о народной доле становятся главной страстью героя, он вкладывает в них все силы своей души:

Я буду молиться и сердцем и думами
И песенной буду молиться душой,
Чтоб черные доли с метельными шумами
Не шли бы вовек над родною землей.

(«Моя молитва»)

Все надежды на будущее связаны с революционной борьбой народа. Борьба эта не ограничена пределами родного края. Образ России часто возникает в стихах Купалы. В трудные годы реакции надежда на новый подъем революционной волны воплотилась в творческом сознании поэта в образе ветра «с Востока» («Песня-сказка»).

Призывы к борьбе все чаще раздаются в стихах поэта в пору, когда определились признаки нового подъема рабочего и крестьянского движения в стране («Половодье», «Молодежь», «На поле тает»).

Будь смелым!.. Недоли ярмо разбивай!
Вперед выходи и других подымай!

(«Будь смелым!..»)

спова, как в годы революции, призывно звучит голос поэта в 1913 году.

Однако революция вошла в лирику Купалы не только как тема борьбы. Она пронизывает собою весь строй мыслей и чувств лирического героя, она определяет его взгляд на мир, на самого себя в мире. Поэзия труда — одна из существенных внутренних тем творчества Купалы. Поэт, столь часто изображавший в грустных или гневных стихах тяжелый, беспросветный труд своего нищего народа, одновременно создал поэтически выразительные картины земледельческого труда. «Гордо, как царица В золотой короне», шествует по полю молодая крестьянка («Жница»). Здесь сила и достоинство человека труда проявились в красоте его царственного облика. Но рядом — изображение тяжелой летней страды в «Песне жней».

Кистью художника, которому хорошо знаком труд на бедной, нищей «земельке», нарисованы образы крестьян в стихотворениях «Косцам», «Пахарю», «Из песен о весне», «Приветствие». Тема, намеченная в начале пути в стихотворении «Мужик», звучит все сильнее в творчестве Купалы. В измученных лишениями и непосильным трудом людях видит поэт залог будущего своего народа. «Такая в нем сила — захочет, И будет весь мир перевернут», — говорит о сеятеле Купала в стихотворении «Из песен о весне». Здесь выражены сокровенные чувства поэта. Доля народная давно перестала быть для него понятием отвлеченным, она в его представлении тесно связана с трудом и силой этого нищего пахаря.

Примечательна интерпретация темы труда в написанной в 1913 году поэме «Она и я». Поэма открывается рассказом о встрече двух любящих, предназначенных самой судьбой друг для друга людей, получивших в начале своего совместного пути благословение добрых сил. Одна из вечных тем мировой лирики введена была в белорусскую поэзию Янкой Купалой. Тема любви сначала вошла в его стихи образами обобщенными, связанными с канонами народной лирической песни. Постепенно она обрела все более личный характер. С особой глубиной лирического чувства разработана она в поэме «Она и я». Это не случайно. Достаточно напомнить о том, что

поэма была написана летом 1913 года, в пору захватившего поэта сильного чувства. Воспоминания жены Я. Купалы живо рисуют атмосферу этих месяцев жизни и творчества поэта.

Сила и чистота чувства, связывающего двух людей, дает героям поэмы ощущение ничем не омраченного счастья. Но таким же источником радости оказывается и труд. Многочисленные трудовые заботы, которыми заполнена жизнь героев, описаны в поэме очень подробно; глава за главой рисуют весь цикл домашних и полевых работ земледельца. Самая мелкая, самая прозаическая деталь в этих описаниях становится необычайно значительной:

За кросна сесть хотела ненаглядная,
Чтоб лен свой седоватый ткать,
Но не было станка у ней, и ладные
Я стал ей кросна собирать.

Я из березы сделал ставы новые,
Набелицы покрепче сбил,
Сам поножи сй выстрогал кленовые,
Навой как надо смастерил.

Каждая подробность быта земледельца становится в этих описаниях интересной и значительной — она окрашена ощущениями высокой радости, красоты, счастья, которыми одаряют человека любовь и творчество. •

«Она и я», — заметил Александр Фадеев, — «поэма исключительного своеобразия, земная, языческая и в то же время по-белорусски тихая, акварельная и опять и опять мужицкая». ¹ В этих немногих словах точно охарактеризованы особенности поэмы. Языческая, земная радость любви и труда выписана красками акварельными, передающими неяркую прелесть белорусской природы. А «мужицкое» в этом произведении не только любовное описание подробностей крестьянского быта — важно, что герои кровно, нерасторжимо связаны со своей землей.

Легко заметить, что, при всей реальности примет сельского быта, герои поэмы живут как бы в безвоздушном пространстве. Нет вокруг ни людей с их сложными взаимоотношениями, ни реальных противоречий жизни. Автор поэмы как бы нарочито изымает своих героев из действительных жизненных обстоятельств. Но это не было уходом от действительности, как представлялось некоторым критикам. Же-

¹ А. Фадеев, Собр. соч. в 7-ми томах, т. 6, М., 1971, с. 341.

лая показать подлинную поэзию труда, созидания, воспеть красоту ничем не омраченной любви, поэт намеренно отрешился от всего, что уродует человеческие отношения, что лишает труженика радости творчества.

Поэтому столь неожиданная, на первый взгляд, концовка поэмы, поднимающая тему борьбы, на самом деле естественно завершает внутреннюю тему произведения.

А воли мне железной надо много!
Хочу я мстить за милую сполна.
Ведь горькою была ее дорога,
В цепях томилась столько лет она! —

возвращается поэт в тот реальный мир, в котором свободное существование сельских тружеников на лоне природы — лишь утопия, в мир, где за счастье свободы, любви, творчества предстоит еще тяжелая борьба. В последних строках поэмы «милая», о судьбе которой идет речь, предстает как обобщенный образ родимой стороны, ее бесправного народа.

«Она и я» — не первый опыт поэта в жанре поэмы. По мере того как от одного сборника стихов к другому мужал поэтический голос Купалы, шире становился жанровый диапазон его творчества. Помимо лирических стихотворений, поэт пишет своеобразные рассказы в стихах («Расплата за любовь», «За что?», «В шинке», «В Филипповки»), обращается к сатирическим жанрам — шуточным куплетам, басне, политической эпиграмме («Ну как тут не смеяться?», «Осел и наука», «Чудеса», «Чем не доля моя?», «Депутаты и граждане»), создает поэмы и драматические произведения.

Ранние поэмы Купалы «Никому» и «Зимой» (1906) примыкают к его стихотворным рассказам, во многом перекликаются с ними. На фоне нищего крестьянского быта разворачиваются трагические истории безмужней матери, влюбленных, разлученных панским произволом. Жертвы социального зла, несправедливости либо безропотно принимают свою судьбу, либо идут навстречу гибели. Лишь позднее, в поэмах Купалы 1910-х годов, тема горя народного и панского произвола нашла новое решение.

В основу поэм «Курган» (1910), «Могила льва» (1913) и «Бондаровна» (1913) положены народные предания и песни. В поэме «Курган» старик гуслир вступает в единоборство с могущественным князем и, не страшась гибели, поет правдивую песню о том, какими преступлениями накоплены богатства владыки. Сюжет поэмы не восходит к какому-либо определенному произведению фольклора, но

глубокая связь с устным творчеством народа ощущается во всем: и в характеристике злодея князя, и в обрисовке гуслера — смелого, сильного духом героя, способного восстать против грозного владыки, и в самом поэтическом строе героического сказания.

Уже во вступлении к поэме образ минувшего — древний курган — дается как живая деталь сегодняшнего пейзажа:

В день Купалы там пташка садится, поет,
А в Филипповки волк завывает. . .

Да и сама тайна, которую хоронит курган, история гуслера — рассказ не только о прошлом.

Не продам свою душу за золото я,
И не правит закон гуслирами —

этот гордый ответ гуслера князю, смелые обличения преступлений владыки, прямой вопрос: «А слышал ли ты, князь, о чем пахарь поет? . . .» — разве все это из области минувшего? При несомненной близости к образам и темам фольклора, поэма рассказывает о поэте-современнике. Песня гуслера всего ближе к поэтическим декларациям самого Купалы — можно в лирических стихах поэта найти аналог каждой мысли, высказанной гуслером надменному владыке. И в обвинениях, которые бросает князю гуслер, помимо речей о золоте, пажитом кровью и потом крестьян, характеризующих любую эпоху угнетения, есть подробности иного рода:

Ты усыпал брильянтами бархат и шелк —
Это сталь кандалов заблестела,
Это висельных петель развитый шнурок. . .

Кандалы и виселицы — это уже колорит вполне определенной эпохи — мрачных лет реакции, той поры, когда создана была поэма Купалы. И вполне современное звучание имела развязка поэмы — на стороне князя сила, он жестоко расправляется с певцом, но подлинную победу одержал гуслер: он выразил всю меру народного гнева, возмущения.

В «Могиле льва» разработано народное предание об основании города Могилева. И здесь Купалу привлекла возможность, обратившись к легенде, показать образ человека, восставшего против социальной несправедливости. В ранней поэме Купалы «Никому» Тамаш убивает свою Алену, чтоб она не досталась пану. На могиле Алены «поднялася липа, с нею рядом — клен». Память о двух несчастных,

об их загубленной любви жива в народе, она взывает (как показывает концовка поэмы) к мести.

Но о какой мести? Об этом как бы размышляет поэт в поэме «Могила льва». Машека, герой поэмы, наделен от природы незаурядной богатырской силой. До того как случилось с ним несчастье, этот силач был кротким парнем, не способным кого-нибудь обидеть. Судьба его круто изменилась, когда возлюбленную Машеки сманил к себе богатый боярин.

Ситуация как будто та же, что в поэме «Никому». Автор сочувствует Машеке, у которого отнял счастье державший в своих руках всю округу боярин. Понимает боль Машеки, его жажду мести... Но вот тут-то и проходит та граница, за которой сочувствие сменяется осуждением. Еще ничего не рассказано о злодеяниях Машеки, а по законам поэзии он уже осужден:

З дня ў дзень хмурней ён станавіўся,
Расла ў ім помста, як змяя, —
И сам, як гадзіна, ў ёй віўся,
Ў жыцці не бачачы пуцця. ¹

Герой вьется, как «гадина», в своей мести, злобе. Мечь «растет, как змея»... Мечь слепая и злобная, жаждущая крови — все равно чьей. Машека становится разбойником, убивающим всех, кто попадает на пути. Память о нем проклята в народе.

Одновременно Купала работал над поэмой «Бондаровна». И здесь исходная ситуация та же — богатому и знатному пану поправилась крестьянская девушка. Но в совершающихся драматических событиях не замешан никто третий — сама Бондаровна вступает в борьбу с всесильным паном Потоцким, защищая свое человеческое достоинство. Судьбе панской наложницы она предпочла смерть.

Действие этой драмы происходит на Украине. В народных лирических песнях о Бондаровне, широко бытовавших на Украине и в Белоруссии, нашли отзвук события, связанные с крестьянскими восстаниями 1768—1769 годов. Эти песни Купала положил в основу сюжета поэмы. ²

Бондаровна появляется лишь во втором разделе поэмы. Весь первый посвящен Потоцкому, его бесславным делам, от которых

¹ Ввиду важности роли, которая принадлежит этой строфе в системе образов поэмы, цитируем ее в оригинале.

² Купале были известны все варианты песен о Бондаровне — см. об этом в кн.: И. Ш о т т, Фольклор в творчестве Янки Купалы, М., 1968, с. 40—47.

«стоном стонет Украина». Рассказу о горькой судьбе Бондаровны предшествуют картины трагедии народной. И далее эти две темы развиваются в поэме в едином русле, они связаны неразрывно.

По традиции лирической народной песни автор часто обращается к своим героям — предостерегает, предсказывает судьбу. Обращения к Бондаровне полны сочувствия к ее горькой доле, здесь сказывается стремление предостеречь от беды, посоветовать, помочь («Ой, голубка Бондаровна, отдохни, коль можешь...»). Иной характер носят обращения к пану. В них — предостережение грозное: судьба Бондаровны неотделима от судьбы народной, а народ способен мстить, умеет порой

Асвяціць зямлю пажарам,
Свежай кроўю ўпіцца!

Итак, снова тема мести — мести страшной, кровавой. Она развивается и в заключительной части поэмы:

Зашумела Украина, —
Горе панам, горе!

Кровавая месть, осужденная в поэме «Могила льва», освящена в «Бондаровне». И в том и в другом случае приговор произносит народ. С точки зрения народных представлений о нравственности нельзя простить бессмысленного кровопролития, а борьба против социального гнета — священное, неотъемлемое право.

Обращаясь в поэмах 1910-х годов к историческому прошлому, поэт, по существу, размышляет о современности. Изменения, которые произошли в сознании широких слоев белорусского крестьянства за годы первой русской революции, помогли поэту в человеке из народных низов увидеть подлинного героя — смелого, сильного духом, способного отдать жизнь в борьбе за свободу.

С опытом революционных лет тесно связана тема «народ и революция», занявшая с конца 1900-х годов большое место в творчестве поэта. Разные ее решения дают драматические поэмы «Извечная песня», «Сон на кургане», «На привале» и драма «Разоренное гнездо».

Герой поэмы «Извечная песня» (1908) — Мужик. Не какое-нибудь конкретное лицо, а фигура обобщенная, понятие собирательное. В двенадцати картинах поэмы показана вся его жизнь — от рождения до смерти. Это опять-таки судьба не личная — те этапы жизненного пути, которые запечатлены в картинах «Крестины», «На службе», «Свадьба», «Весна», «За сохою» и т. д., вплоть до заключающих поэму картин «Похороны» и «На кладбище», не несут на себе печати индивидуальной биографии.

Сходство между «Извечной песней» и «Жизнью Человека» Л. Андреева давно было замечено критикой. Зависимость здесь существует несомненная, но сходство ограничивается чертами внешними — Купалу увлекла сама идея создать обобщенную картину жизни своего героя, он использовал схему построения такой обобщенной судьбы. Однако по внутреннему своему строю «Извечная песня» не только несхожа с «Жизнью Человека», но в известной мере полемична по отношению к ней. Неспособность андреевского героя побороть фатальные силы, направляющие его, имеет глубокие корни в действительности. Писателю казалось, что он показывает круговорот жизни Человека вообще. Содержание этой абстракции хорошо было вскрыто В. Воровским: как он справедливо заметил, в драме Андреева обобщена «жизнь среднего *буржуазного интеллигента* нашего времени». ¹

При рождении героя «Извечной песни» некие силы предрекают ему его судьбу. Это — Жизнь, Доля, Беда, Голод и Холод. Уже самое начало поэмы полемично по отношению к драме Л. Андреева. «Извечная песня» начинается гимном могуществу Мужика.

Всех сильных он будет сильней,
Всех мудрых он будет мудрей.

И реки, и доли, и горы
Внимать ему будут покорно, —

поет Жизнь, награждая родившегося ребенка силой исполина. Однако этого «царя», властелина природы ждет невеселая судьба.

Вот тут моя сила и воля —
Ему уж не вырваться боле, —

поет над ребенком свою песню Беда. Ей вторят Голод и Холод, обещая всюду «ходить за ним вместе».

Силы, предрекающие в первой картине «Извечной песни» судьбу героя, — вполне реальные. Сужденная Мужикю «доля» предрекана определенными социальными порядками. Действие первой картины происходит в бедной деревенской хате: «В осиновом корыте, завернутое в холщовые пеленки, лежит дитя». Беда, Голод и Холод появляются на сцене не потому, что родился Человек, а оттого именно, что человек явился на свет в нищей крестьянской хате. Герой поэмы Купалы — Мужик, и этим предопределена его судьба.

¹ В. Воровский, Литературная критика, М., 1971, с. 273.

Вышибала мне барщина дух,
Думал: воля даст счастье и хлеб.
Вышла воля. А глянешь вокруг —
Как и прежде, я беден и слеп, —

жалуется герой поэмы, работающий не покладая рук и никогда не имеющий вдоволь хлеба для своей семьи.

Здесь поэт остается на почве реальности, показывает покорность обстоятельствам, возвращенную в герою веками угнетения. Лишь в последней картине поэмы есть указание на то, что кое-кто из сыновей Мужика пытается добыть иную долю. Выясняется, что появились борцы «за горькую» правду, люди, способные отдать за нее жизнь. Эти новые приметы крестьянского быта своеобразно окрашивают финал «Извечной песни», вводят в него мотивы надежды, как бы открывают дверь в будущее.

Спустя два года Я. Купала написал драматическую поэму «Сон на кургане». Развивая мотив, прозвучавший в финале «Извечной песни», поэт показывает здесь трудную судьбу борца за долю народную. Тема одиночества человека, который вступил на путь борьбы, но не понят своим народом, проходит через всю поэму. В годы реакции эта тема глубоко волновала поэта, она отразилась в стихотворениях «Забывтая скрипка» (1909) и «Пророк» (1912). В поэме «Сон на кургане» судьбу героя определяет не только произвол властей, но и равнодушные его односельчан. Народ выступает в поэме в качестве пассивной массы, неспособной понять своего защитника и вступить за него в решающую минуту борьбы.

Вопросы о перспективах революционной борьбы, занимавшие столь большое место в литературе той поры, были решены историей. В своей драматической поэме «На привале», написанной в годы, когда наметились признаки нового подъема рабочего и крестьянского движения в стране, Я. Купала по-новому развивает тему «народ и революция».

Действие поэмы, как указывает подзаголовок, происходит в 1906 году Путникам, вынужденным заночевать в лесу, повстречался на привале Неизвестный. «В мозолях руки, гляньте сами, С нужды и горя впала грудь», — отвечает Неизвестный путникам на вопрос, кто он. Песня, которую поет у костра Неизвестный, приходится путникам по душе, она по своему содержанию близка им и понятна, они стараются запомнить ее. Это песня о Левоне — о сильном, но обессиленном народе, пробудившемся от векового сна. «Черное зло» одолело Левона, реакция победила. И все же за ним — будущее:

Лежит, дремлет Левон,
На груди вырос клен,
А коль ветер по свету расходится,
Шумит громко тот клен:
Еще встанет Левон —
Гей, Левоны у нас всюду водятся!

Аллегория, заложенная в песне, доходит до слушателей, они начинают понимать, кто их случайный спутник. И когда появляются всадники, разыскивающие Неизвестного, путники спасают его от преследования. Эта сцена как бы перекликается с эпизодом поэмы «Сон на кургане», где в подобной же ситуации толпа равнодушно выдает героя властям.

Раздумья поэта над важнейшими вопросами народной жизни, над перспективами народной борьбы за свободу были подытожены им в 1913 году в драме «Разоренное гнездо». Проблема жизненной «доли» человека разрешается в этой социально-философской драме как необходимость революционного действия.

4

Столь смело поставить и интересно разработать актуальные для современной литературы темы мог только зрелый художник. К этому времени Купалой был пройден уже большой путь. Вместе с Якубом Коласом он проводил огромной важности работу по созданию белорусского литературного языка — освобождал его от чуждых наслоений, вводил в литературный обиход разговорный язык своего народа. Поэтическое творчество Купалы и Коласа завершило начатую их предшественниками реформу системы стихосложения: силлабическая система, преобладавшая под влиянием польского стиха в белорусской поэзии XIX века, заменена была силлабо-тонической, соответствующей строю белорусского языка.

Поэтический талант Я. Купалы питался из самого чистого источника — его поэзия тесно связана с белорусским фольклором. К устному творчеству народа восходит сюжет многих произведений поэта («Чибис», «Могилы льва», «Бондаровна» и др.); широко использует он арсенал фольклорных поэтических средств. Зачины — обращения к своему сердцу, к своим думам, к своим песням, к силам природы; эпитеты-существительные («песня-грусть», «счастье-доля», «страда-мачеха»); отрицательные сравнения («Я не зоркий вольный сокол, Не орел могучий»); параллелизмы («Тяжко стоиут реки В па-

водок весною, Плачут мои песни, Голосят со мною») и многие другие характерные для фольклора средства поэтического выражения органически вошли в лирику Купалы. Мы встречаемся здесь не с заимствованием приемов, не со стилизацией — по своему внутреннему строю лирика Купалы близка к произведениям фольклора, особенно к лирической народной песне. Их роднит многое — музыкальность, характер изобразительных средств, но в особенности — мировосприятие лирического героя.

Музыкальность — особое свойство лирических произведений Купалы. Стихи его поются — не случайно композиторы так часто пишут музыку на его слова. И не случайно, говоря о своем творчестве, поэт столь часто употребляет слово «песня», ставит его в заглавие своих стихотворений: «Первые песни», «Плачут мои песни», «Из песен недоли» и др.

Как известно, в поэзии начала века напевность, музыкальная организация стиха обретала особое, часто самодовлеющее значение. Музыкальный строй стиха Купалы имеет иные истоки:

Всё в вас отзовется — недоля и доля,
И пахаря вздохи над верной сохой,
И холод и голод, неволя и воля,
И вера, что жизнь будет светлой, июню.

(«Родные песни»)

Как и народная лирическая песня, поэзия Купалы родилась из стремления выразить все, чем живет родной народ. Как и в народных песнях, в стихах поэта «поет горе», слышится стон народа («Плачут мои песни», «Не дайте погубить...»). Но песня поэта не только печальна. Она полна всеми голосами жизни. Она рассказывает о шуме лесной пуши, о пестрых цветах лугов, о синем небе над весенним полем, о пахаре, с надеждой засевающем свою ниву. Поэт пользуется канонами лирической народной песни потому, что его герой выражает свои чувства в наиболее близкой ему, понятной и привычной форме.

Стихотворение «Я видел» строится на параллелизмах — прием, распространенный в купаловской лирике, по происхождению и по характеру тесно связанной с лирической народной песней. Но если в народной песне параллелизмы служат средством передать через метафору душевное состояние человека, то в этом стихотворении они несут иную функцию. Тема жизненного зла, несправедливости, развитая в параллельных рассказах о гибели березки, голубки и деvuшки, завершается раздумьями самого героя:

Я видел всё это, душою терпел,
На месте застыл я и песни не пел,
Заплакал я горько в печали, в кручине
По этой берёзке, голубке, девчине.

Здесь параллелизмы — не метафорическое выражение внутреннего через внешнее, а попытка обнять внутренним взором разные явления жизни, осмыслить их.

В гамме чувств лирического героя Купалы есть многое, что отличает его от героя народной песни. Все настойчивее звучит в стихах поэта мотив «новых» песен, все чаще он признается в своем желании слагать «песню о счастье». Песня и борьба за народную долю — эти понятия неразделимы в сознании поэта. Здесь как раз и проходит та граница, за которой начинается отличное от народной песни своеобразное явление — купаловская лирика. В традиционных, складывавшихся веками формах народной лирической песни раскрывалось новое, рожденное революцией содержание. Так построенное на фольклорном мотиве утерянной доли и разработанное по законам фольклорной песни стихотворение «Эй, скажи, мужичок!» превращается в современное агитационное произведение:

Эй скажи, мужичок,
Куда долю ты дел?
Зашвырнул в ручеек
Или пропил, проел?
.
Не в казну ль передал,
Когда подать платил?
Может, пан обсчитал,
В свой карман положил?

Современным содержанием, социальными обобщениями наполнены стихотворения «Пока солнце выйдет, ..», «На старый мотив», в основу которых легли народные пословицы. Острое социальное содержание получает в цикле стихов «Из песен безземельного» фольклорный мотив поисков утерянной доли.

Средствами и приемами фольклора рисует поэт картины современного быта:

То не воронов рой подымается,
Чтобы трупы погибших клевать, —
То казачьи отряды слетаются,
Чтоб народ беспощадно пытаться.

(«Из песен о неволе»)

Характерные черты быта эпохи реакции показаны и в таких чисто фольклорных по форме произведениях, как «Из песен недоли», «Не жалейка стснет...», «Как в повести», «Что ты хмуришься?..», «Жили-были у отца...». Разработка самых драматических конфликтов современности в традиционных формах народного поэтического мышления — существенная особенность поэтической индивидуальности Купалы.

Однако не только внешние приметы современности входят в поэзию Купалы. Значительно важнее другой процесс — под влиянием событий современности меняется душевная жизнь героя его лирики. Поэзию Купалы от народной песни отличает сложность высказанных в ней переживаний и раздумий лирического героя. Усложняются и представления поэта о жизни, смелее становятся его обобщения.

Расширение сферы творческих поисков обогащало палитру поэта, заставляло его обращаться к новым жанрам, к новым средствам поэтической выразительности. Были у Купалы на этом пути издержки, однако общее направление творческих исканий было плодотворным. Значительно обогатилось художническое видение поэта, более емкими стали обобщения в драматических поэмах «Извечная песня» и «На привале», в лирических стихотворениях 1910-х годов.

Пришедшая к этому времени к поэту высокая культура стиха была возвращена на лучших поэтических традициях, близких Купале по духу и складу его дарования.

Читая Купалу, нередко слышишь поэтические интонации Кольцова («Из песен недоли», «Что ты хмуришься?..», «Сердце бедное»), Некрасова («Мороз», «Зимою», «Тут и там»), Шевченко («Сон», «К своим думкам»), Горького (сердце-светильник в поэме «Сон на кургане»). Но не эту внешнюю связь, не только преемственность в использовании отдельных приемов, ритмов, образов имеем мы в виду, говоря о творческом усвоении поэтом традиций Ф. Богушевича, Т. Шевченко, М. Конопницкой, А. Кольцова, Н. Некрасова, М. Горького. Связь Купалы с его предшественниками и современниками покоилась на более глубоких основаниях. Скажем, усвоение традиций Горького не ограничивалось использованием отдельных горьковских тем, образов, ситуаций; подлинное следование Горькому выразилось в творческом развитии идей писателя о могуществе Человека, о его способности «вмешаться» в жизнь и переделать ее, о романтике и красоте революционного подвига. Многие ситуации и образы драмы «Разоренное гнездо» близки к горьковским, — например сцена, в которой Симон спорит с паньчем о том, «кто здесь хозяин». И все же не эти совпадения определяют родство «Разоренного гнезда» с драматургией Горького, а связь более глубинная —

вслед за Горьким Купала обратился к наиболее драматическим конфликтам эпохи, в судьбах простых людей раскрыл смысл социальных процессов современности.

Деятельность Купалы-переводчика также сыграла существенную роль в творческом усвоении близких ему поэтических традиций. Многие произведения Пушкина, Некрасова, Кольцова, Шевченко, Конопницкой, Мицкевича появились на белорусском языке в переводе Я. Купалы.

Немаловажное значение в творческом развитии Купалы имел опыт работавших рядом с ним белорусских поэтов. Вместе с Я. Коласом Купала открывал богатства живой белорусской народной речи, вместе с М. Богдановичем раскрывал беспредельные поэтические возможности белорусского языка.

Младший современник Купалы, М. Богданович сыграл в развитии белорусской лирики особую роль. С ним в белорусскую литературу, которая до тех пор питалась образцами русской, украинской, польской поэзии, вошел новый поток — произведения греческой, итальянской, французской, немецкой, финской, славянских литератур. На белорусском языке появились стихи Горация, Овидия, Шиллера, Гейне, Верлена, произведения славянских поэтов.

Богданович сознательно ставил перед собой задачу раздвинуть содержание белорусской поэзии, расширить круг ее тем и форм. В лирике Богдановича появились разнообразные стихотворные размеры и самые сложные сочетания строф, на белорусском языке зазвучали гексаметры, пентаметры, элегические дистихи, александрийский стих, терцины, сонет, триолет, рондо, октава.

Купала, сыгравший решающую роль в формировании лирики Богдановича, приобщивший своего младшего собрата к богатствам белорусской народной песни, в свою очередь немало получил от него. Новые веяния в белорусской поэзии серьезно занимали Я. Купалу, толкали его на смелые творческие поиски. Глубоко самобытное художественное мышление поэта нашло выражение в своеобразной форме, которая родилась из органического сплава простоты, песенности, красочности изобразительных средств фольклора с высокой поэтической культурой, выросшей на лучших традициях русской, белорусской, мировой поэзии.

Разнообразны строфика, размеры и ритмы купаловских стихов. Используя различные размеры силлабо-тонической системы стихосложения, поэт обогатил их средствами народного тонического стиха. Это позволяло ему свободно находить ту форму, которая наиболее полно выражала содержание произведения.

В этом плане интересно сравнить два стихотворения Купалы, на-

писанные на одну тему, — поэт размышляет о действенности своей поэзии, скорбит, что его стихи не доходят до тех, кому адресованы. Одно стихотворение написано в форме народной лирической песни:

Ну кому ж, кому
С горя я спую?
Кто послушает.
Песню-грусть мою?

Мог бы выслушать
Песню бедный брат, —
Не до песен тем,
Кто нуждой богат.

(«Сердце бедное...»)

Отказ от последовательной рифмы, свободный тонический стих, позволяющий придать звучанию стихотворения протяжную напевность лирической песни, употребление характерных для фольклора эпитетов — все создает впечатление естественно вылившейся из души лирической исповеди.

А вот лирическая исповедь на ту же тему, написанная в иной форме:

Созревших хлебов золотые посевы
За селами, там, где лесов рубежи,
Склоняли колосья до самой межи
С призывным шептаньем: жней мои, где вы?

И жней сошлись. Направо, налево,
Срезая колосья налившейся ржи,
Задвигались быстро серпы, как ножи,
Под жнивные, старые вечно напевы.

Тоскливая древняя песня плывет,
В колосьях склонившихся шепчущей нивы
И в пуще теряет свои переливы.

Плывет эта песня ко мне и зовет
И в сердце, как звонкие косы, поет:
«Ты так же, брат, сеешь... А где твое жниво?»

(«Жниво». Перевод М. Богдановича)

Это — сонет, труднейший из жанров лирической поэзии, требующий от автора не только изощренной культуры стиха, но и слож-

ного построения, особого поэтического хода, чтобы выразить содержание стихотворения. Сонет «Жниво» удовлетворяет всем требованиям этого сложного жанра: строго соблюдены все формальные его особенности, и выдержано условие соединить воедино две самостоятельные по содержанию части. Здесь Купала, как и в сонете «Запущенный дворец», как и в других сложных по строфике произведениях, показал себя зрелым мастером стиха.

Выразив в одном случае волнующую его тему в форме народной песни, в другом — в форме сонета, поэт, несомненно, обращался к разной аудитории; да и для самого себя он зафиксировал разные стадии размышлений над проблемой «поэт и народ». По сравнению с жалобой, излившейся в песне в прямой непосредственной форме, содержание, выраженное в сонете «Жниво», значительно сложнее; здесь развитие темы идет на ассоциациях, приводит к емким обобщениям. В песне тема поставлена прямо и только в одном из своих аспектов; в сонете она многозначна, вбирает в себя множество дополнительных оттенков.

Янка Купала был зрелым и взыскательным мастером художественного слова. И все же, когда мы говорим о лирике Купалы, мы отдаем дань восхищения не только мастерству. Мы встречаемся здесь с чем-то большим, чем талант, умение. Пытаясь раскрыть своеобразие купаловской лирики, следует, вероятно, говорить прежде всего о направлении таланта, о способности поэта «слушать» свое время. Здесь уместно вспомнить известные строки Тютчева о счастье жить и творить в переломные для развития человечества «минуты роковые». Оно было даровано Янке Купале — он пришел в литературу в годы, когда менялось течение всей мировой истории. Таким даром надо уметь воспользоваться. Купала в высокой степени обладал способностью почувствовать *человеческое* содержание происходящих исторических катаклизмов, способностью передать все движения души человека, стоящего на перекрестке дорог истории.

Разумеется, Купала не был одинок, он возглавлял плеяду талантливых белорусских писателей, а рядом с ним был такой большой поэт, как Якуб Колас. У Коласа рано проявилось тяготение к эпосу. Купале же выпала задача, которую может выполнить только лирический поэт, — рождающуюся в жизни новь он показал миру через призму человеческой души, выразил тончайшие оттенки мыслей, стремлений, чувств своего героя.

Сложный и многогранный процесс становления личности раскрывается в лирике Янки Купалы.

Автор одной из работ о поэте, справедливо опровергая упрощенные схемы вульгарно-социологической критики 1920—1930-х го-

дов, утверждает, что развитие поэта в предреволюционные годы совершалось в направлении к романтизму. Пафос этого исследования, в котором дан тонкий анализ многих творений поэта, заключается в стремлении доказать, что именно романтическое мироощущение дало Купале возможность преодолеть известную ограниченность его общественно-политической позиции.¹ Обращение к романтическим жанрам и следование их законам не равнозначно романтическому мироощущению. Да и стоит ли одни схемы заменять другими? Особенно когда речь идет о таком явлении, как лирика Янки Купалы, не укладывающемся в рамки даже сложно построенной литературоведческой концепции. Стоит ли взвешивать на весах, в каких произведениях Купала — реалист, в каких — романтик? Думается, прав был М. Богданович, когда писал, размышляя в середине 1910-х годов о судьбах белорусской поэзии: «За восемь-десять лет своего действительного существования наша поэзия прошла все пути, а пожалуй, и тропинки, которые поэзия европейская протоптывала более ста лет. Из наших стихов легко можно было бы создать «короткий повторительный курс» европейских литературных направлений последнего века. Сентиментализм, романтизм и натурализм, наконец модернизм — все это, иной раз даже в разных вариантах, отразила наша поэзия. . .»²

Вероятно, в этих особенностях рождения и развития белорусской поэзии надо искать ключ к многогранному миру купаловской лирики. Поэт двадцатого столетия, Янка Купала при всей самобытности своего таланта черпал не только из сокровищницы фольклора и мировой литературы, но и прошел через искусства современной ему поэзии.

В своих «Автобиографических записях» Купала, вспоминая, как сильно его захватило творчество Горького, особенно горьковская драматургия, добавил: «Затем отдал дань времени и увлекся, что называется, символистами — Андреевым, Сологубом и др., из польских — Пшибышевским».³ Из воспоминаний Вл. Ф. Луцевич нам известно, что поэт встречался в Вильне с Бальмонтом — «не только на официальных литературных вечерах, но и товарищеских», что, не питая к Бальмонту симпатии как к человеку, Купала отдавал ему «должное как поэту».⁴

¹ Р. Бярозкін, Свет Купалы, Мінск, 1965.

² М. Багдановіч, Творы, т. 2, с. 39—40.

³ «Польмя», 1946, № 6, с. 123.

⁴ Ул. Луцэвіч, Янка Купала ў Вільні. — В сб.: «Янка Купала», 1952, с. 48.

Известно, что Валерий Брюсов одним из первых перевел стихи Купалы на русский язык. Когда они познакомились в Вильне в августе 1914 года, Янка Купала подарил Брюсову свои книги. На сборнике «Дорогой жизни» он написал: «В. Я. Брюсову на добрую память о первой встрече в Вильне от ученика и поклонника. Вильна, 13/VIII 1914 года».¹

Эти биографические сведения важны. Но когда речь идет о связи лирики Купалы с современной ему русской поэзией, значительное существование другое свидетельство: творчество поэта. Анализ его произведений 1910-х годов показывает, что связи эти были глубокими.

Это было признаком не слабости поэта, как представлялось некоторым критикам, а его силы. Поэзию Купалы отличают богатство изобразительных средств, разнообразие ритмов, сложность строфики, рифмовки. Но есть особенности, по которым сразу угадываются купаловские строки. Поэт М. Богданович справедливо в свое время заметил, какая огромная роль в поэтической системе Я. Купалы принадлежит ритмам — «буйным, стремительным», которые захватывают читателя, «гипнотизируют» его, не дают «опомниться, задержаться». Стремительностью ритма объяснял Богданович и особенности рифмы, то, как «звенят» концы строк, как появляются рифмы внутри стиха, даже слова для него подбираются «звучные», а если в языке их не хватает, поэт употребляет «новые, выкованные им самим...»² Это было написано о стихах, созданных поэтом в 1910-х годах.

Новые, самим Купалой «выкованные» слова не кажутся чужеродными в языковом строе белорусского языка, естественно входят в него. «Сухолесы», да еще поставленные в строке рядом со словом «пустоцветы» (стихотворения «Хохлик», «В купальскую ночь»), вовсе не выглядят новообразованием, зато слово обретает удивительную выразительность, емкость: «скурганенное» сердце («Песня моя»), «темнотворцы» («Близким и далеким»), «суховеинный» стон тополей («Дзве таполі» — в переводе: «Две березы»), «пючницы-чернолицы», «ясногляды» («В старом бору...»), «песняпсвы» («Ты, зеленая дубрава...»).

«Выкованные» поэтом слова не только выразительны, по-новому освещают предмет, явление, — они неотделимы от ритмов купаловского стиха, придают ему особую энергию и особый музыкальный строй.

¹ Ул. Луцэвіч, Янка Купала ў Вільні. — В сб.: «Янка Купала», 1952, с. 52.

² М. Багдановіч, Творы, т. 2, с. 7—8.

Ў вечным боры цемнатворы
Скачуць, плачуць, весяляцца;
Жнуць, збіраюць дзіва-жніва
Ў сонным полі, ў горкай долі.

.
Як начіпы-чарналіцы
Скрыпам-шыпам маладзяцца:
Кінем, плюнем чары-мары
На поляны нечапаны;
Над курганом пезабраным
Скруты-путы разасцслем,
Сном-травой станем, глянём
На паяўлады, на пасады. . .

(«Ў вечным боры. . .»)

Интонация заклинания, звукопись, неожиданные эпитеты (вроде «незабранага» — неплененного — кургана), удвоенные, утроенные существительные и глаголы — все это создает удивительной энергии и выразительности стих. Вульгарно-социологическая критика считала, что в такого рода произведениях Купала отдал дань декадентству. Жаль, что и ныне некоторые серьезные исследователи творчества поэта считают нужным «оправдывать» появление таких стихов, объяснять, что «логика романтического мировосприятия направляла поэта. . . под сень народной мистерии, в царство мифов», что здесь проявляется общая установка «на те элементы народной мифологии, которые служили поэту своеобразной формой прощания с прошлым, с предьсторией своего народа». ¹

Думается, в фантастических картинах поэмы «Сон на кургане», в стихах такого рода, как «В старом бору. . .», «Заклятый цветок», даже в стихотворении «Грянь, музыкант. . .», где изображена пляска мертвецов, Купала остается на почве самой живой реальности. Событиями современности, ее трагическим колоритом вызваны к жизни эти стихи.

Глубоко содержательны и обращения к приемам, где причудливо соединяются опыт поэта, приобщившегося к современной поэзии, и его способность по-разному отбирать средства богатой сокровищницы устного творчества народа. В стихотворении «Знямога» (изнеможение) «плачет солнце молодое» над старою планетою оттого, что «не теми путями» идут за годами года, «мрак влечет» к себе «пагубным дном». Вот что происходит на бедной «старой» планете:

¹ Р. Бярозкін, Свет Купалы, с. 143, 147.

Безнадзейна, бестрывожна,
Ціха, зважна, асцярожна
Хаос гнёзды ўе свае, —
Вара зелле-калатуху,
Пое, зводзе князя-духа,
Перадыху не дае.

В этом стихотворении, ярко рисуящем колорит эпохи реакции, удивительно сплелись элементы народного заклинания с самыми изощренными средствами современной Купале поэзии. Как помогает строго организованная звукопись создать впечатляющую картину наступления «хаоса» на мир! Как выразительны поставленные рядом взаимоисключающие друг друга «безнадзейна, бестрывожна»! Купала на редкость остро ощущал «содержательность» формы и умел для разного жизненного содержания находить разные формы поэтического выражения. Его поиски тесно были связаны с тем, какие он вскрывал пласты действительности.

Эту способность художника редкого своеобразия использовать разные средства и приемы поэтической выразительности, достигать неожиданного эффекта отметил А. Фадеев. Высоко оценивая дореволюционную лирику Купалы, не имеющую себе равной «по кровной близости к мужику, возведенной на уровень самой подлинной поэзии», Фадеев подчеркнул, что поэмы великого белорусского поэта «исключительно своеобразны по какому-то соединению приемов символизма с правдой жизни и кровной близостью к белорусскому мужику».¹

Близость была поистине кровной. Сложный путь лирического героя Купалы отразил разные ступени роста, становления личности самого поэта. Дороги поэта и его героя не всегда совпадают, в некоторых произведениях они заметно расходятся, но в движении лирики Янки Купалы они переплетаются, составляют общий поток, развивающийся по одним и тем же законам.

Меня связала нить и с небом и с землей —
Никем не расторгима связь та вековая:
Как сына, бережет меня земля родная,
И солнцу я открыт и сердцем и душой.

В этих строках сонета 1915 года «Отчизна» выражено ощущение кровной связи со своей страной; поэт — связующее звено между настоящим народом и его будущим.

¹ А. Фадеев, Собр. соч. в 7-ми томах, т. 6, с. 341.

Беликая Октябрьская социалистическая революция принесла белорусскому народу социальное освобождение, условия для развития национальной культуры, государственность. 1 января 1919 года была провозглашена БССР.

Завоеванную свободу белорусскому народу пришлось защищать с оружием в руках — страна пережила немецкую, а потом белопольскую оккупацию. В пору оккупации Белоруссии немецкими войсками Я. Купала жил в Смоленске. После изгнания оккупантов и провозглашения БССР он переехал в Минск. Здесь пришлось пережить тяжелое время, когда на белорусской земле хозяйничали белополяки.

В годы, когда родина была в неволе, волновавшие всегда поэта вопросы национальной независимости страны с особой остротой звучали во многих его произведениях. «На сход!», «Белорусские сыны», «На нашем...», «Поезжане» — в этих и других стихах Купалы выражена его глубокая ненависть к оккупантам, топчущим родную землю.

Это стихи удивительной силы, в них высказана боль поэта за плененную землю предков, за горькую долю ограбленного народа. Но есть в них и призыв к борьбе, осуждение пассивной позиции тех, кто только ждет освобождения, но не участвует в борьбе сам.

На нашем покосе
Гадюки шипят.
Никто их не сбросит
В болото назад.

(«На нашем...»)

Сложными чувствами боли, негодования, стремлением открыть отсталой части народа глаза на то, что происходит, рождено стихотворение «Белорусские сыны».

Против белорусских буржуазных националистов, сотрудничавших с белополяками, Купала боролся оружием сатиры. Его стихотворение «Пять сенаторов» рисует грязню в стане белорусских националистов, показывает их беспринципность, готовность служить белопольскому «ясному панству» за деньги, показывает оторванность этих жалких самозванных «сенаторов» от народа, их боязнь надвигающейся «красной тени».

А лучшие сыны белорусского народа боролись в это время в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах, добывали волю своему народу, не щадили своей жизни для освобождения родной земли.

Мир поднялся, востепенулся...
Верь, свободный ветер дунет
По всей милой Беларусі!
Светел сон твой о Коммуне! —

писал в 1921 году Я. Купала в стихотворении «На смерть Степана Булата», посвящая прославленному герою гражданской войны строки любви, признательности за беззаветное служение родине.

Новый период жизни и творчества поэта начался после окончательной победы нового строя в Белоруссии. Вместе с Я. Коласом Купала возглавляет молодой отряд белорусских советских писателей, ведет большую работу по строительству социалистической культуры. Много сил поэт отдал переводам на белорусский язык революционных песен других народов (в 1921 году он перевел на белорусский язык «Интернационал»), классических произведений русской литературы, «Слова о полку Игореве» и др.

В творческой биографии поэта Октябрьская революция открыла новый и чрезвычайно значительный этап. В 1922 году вышла книга стихов Купалы «Спадчына» («Наследство»), в 1925 году — сборник «Безназоўнае» («Неизвестное»). Особенно плодотворными в послеоктябрьском творчестве поэта оказались 1930-е годы. Поэт живет напряженной творческой жизнью. В конце 1930 — начале 1940-х годов он выпускает три сборника стихотворений: «Песня будаўніцтву» («Песня строительству»), «Беларусі ардэнаноснай» («Белоруссия орденоносной»), «Ад сэрца» («От сердца»). В 1925 году, в связи с двадцатилетием литературной деятельности, белорусское правительство присвоило Я. Купале звание народного поэта БССР. В 1928 году Купала был избран действительным членом Академии наук БССР, а в 1929 — действительным членом Академии наук УССР. В 1939 году за выдающиеся заслуги в области литературы его наградили орденом Ленина.

Таковы основные вехи биографии писателя в послеоктябрьский период. Купала много разъезжал по стране. Витебск, Орша, Борисов, Ленинград, Днепрогэс, колхозы Борисовщины, Оршанщины, Полесья — на стройках первых пятилеток и в колхозах поэт знакомится с бытом рабочих, колхозников, присматривается к тому, что вошло за годы Советской власти в жизнь людей, в складывающиеся между ними отношения. Лучшие произведения Купалы 30-х годов — поэма «Над рекой Орессой» (1933) и цикл стихов на колхозные темы — появились в результате подлинной дружбы, которая завязалась у Купалы с колхозниками Полесья, Борисовщины, Оршанщины.

Поэт смело двинулся навстречу новому в жизни и неутомимо искал неизвестные ранее пути в искусстве. Созданное им в послеоктябрьские годы было не только продолжением работы предшествующих лет, оно знаменовало рождение нового художника.

Разумеется, совершилось это не сразу — речь идет о сложном процессе, имеющем свои внутренние закономерности.

В первые годы революционной эры лирика поэта еще очень тесно связана с прошлым его народа. Современность пока предстает в его стихах в самых общих своих контурах; грандиозность совершающегося исторического переворота передана в образах космического масштаба:

Гей, к солнцу, к свободе, крылатое племя!
В отлет! Все просторы открыты пред нами.
Взять солнце, как факел, настало нам время
И, крылья раскрыв, пролететь над мирами!

(«В отлет!»)

Усиливается в эту пору в стихах поэта ораторская интонация, он ощущает себя трибуном, обращающимся к миллионам («Пора!», «С Новым годом!», «Светает»). «К солнцу! К солнцу!» — зовет он к свету будущего в стихотворении, приветствующем наступление нового, 1922 года.

Не случайно так много произведений поэта обращено в эту пору к детям и молодежи («С Новым годом!», «От минских детей», «Левониша», «Юрочка» и др.) — с детством, с молодостью неразрывно связана тема светлого будущего. О стихотворении «Орлятам» А. Луначарский заметил, что это один из гимнов поэта, «в котором целиком отражается его нынешняя революционная радость».¹ Это наблюдение верно не только по отношению к данному стихотворению. Луначарский выразил самую сущность купаловской лирики первых пореволюционных лет. Это были гимны революции, гимны могуществу народа, завоевавшего в тяжелых боях новую долю. Свою «певеселую сторонку» поэт как бы увидел в ином свете. Страна курных, крытых соломой хат, страна нищеты и горя народного предстает теперь перед нами в образе молодой счастливой красавицы, полновластной хозяйки в своем доме (поэма «Неназванное»). Написанная в 1924 году, поэма сыграла существенную роль в творческой эволюции поэта. Недаром Якуб Колас сравнил сборник «Неназванное» с мостом, по которому «Купала переходит от старой эпохи

¹ «Известия», 1930, 15 мая.

к повои». ¹ Исследователь творчества Я. Купалы справедливо заметил, что в основу поэмы положена «идея единства родины и революции», что именно эта идея определила идейно-художественный пафос произведения: «...ничто не может более красноречиво говорить о новых идейных позициях Купалы о принятии им советского строя, чем то настроение праздничности, счастья, созидания нового, которым проникнута вся поэма. Только поэт, который вместе со своим народом глубоко в душе почувствовал радость и счастье освобождения, мог так ярко передать эту поэзию народного веселья, эту праздничную торжественность, эту романтику радостного восславления жизни». ²

Характерно, что в этом произведении, проникнутом радостью, восславляющем новь Советской Белоруссии, появляются и тревожные ноты:

Еще, как прежде, за кордонами
В руках панов луга и пашни,
Там душат волчьими законами
Родных сестер и братьев наших.

Об опасности вторжения вражеских сил из-за рубежа, о необходимости охранять завоеванную свободу поэт много размышляет на протяжении 20-х и 30-х годов. В стихотворениях «Будь готов!», «А в Висле труп волной качает...» «Одиннадцать месяцев», «Под звездой алою» и других так называемая оборонная тема тесно связана с раздумьями поэта о прошлом и настоящем своего народа, о смысле совершившихся в стране перемен.

В 20-х годах много несправедливого было сказано вульгарно-социологической критикой о поэме «Незванное». В исторической перспективе не трудно вскрыть истоки заблуждений критики. Гораздо труднее понять пафос полемики, развернувшейся в 60-х годах между В. Ивашиным и Г. Березкиным. Авторы интересных работ о творчестве Я. Купалы спорят друг с другом о том, выражены ли в поэме «Незванное» «общедемократические» взгляды (как считает Г. Березкин), может ли поэт, «придерживаясь общедемократического взгляда на судьбы страны, раскрыть идею народности социалистической революции» (В. Ивашин). Опровергая друг друга, участники этого спора как будто забывают о том, что речь идет не об историке, не о социологе, а о поэте; что, споря о произведении

¹ Сб. «Памяти Янки Купалы», Ташкент, 1943, с. 17.

² В. В. Ивашин, У истоков социалистического реализма, Минск, 1963, с. 258—259.

искусства, надо, разумеется, связывать его со взглядами автора, но нельзя столь прямо представлять эту очень сложную связь.

Сравнение с прошлым в эту пору неизменно возникает в стихах поэта, когда он обращается к современности («Две сестры», «Где стоял двор панский...», «Летописное»). На противопоставлении настоящего прошлому построены и первые стихотворные отклики Я. Купалы на события, изменившие на рубеже 30-х годов облик деревни.

Ты, как тяжелый сон тоскливый,
Уходишь дальше с каждым годом, —

прошлся поэт в стихотворении «Уходящей деревне» (1929) со «страшными обломками» былого.

Изменившийся уклад деревенской жизни вначале воспринимался поэтом только в его самых общих чертах. Стихотворения «Уходящей деревне», «Новая осень» скорее были эмоциональным откликом на происходящее, чем проникновением в его суть.

Но остановиться на этом Купала не мог по самому характеру своего дарования. Лирик, которому всегда были открыты людские помыслы и чувства, поэт, чутко фиксирующий на протяжении десятилетий все изменения в сознании и духовном облике белорусского крестьянина, не мог удовлетвориться констатацией внешних перемен в быте деревни. Купала ищет новые пути художественного раскрытия происходящих в деревне процессов.

Предпринятые поэтом в 30-е годы поездки по стране были связаны с этими поисками более углубленного решения темы. Изменился герой, от имени которого на протяжении многих лет говорил поэт, — эти изменения следовало понять изнутри. От констатации внешних примет нового предстояло перейти к более сложной задаче — постичь чувства, мысли, душевный мир строителей социалистической деревни. Длительное пребывание в колхозах Полесья и Борисовщины, непосредственное участие в повседневных заботах колхозников, дружба с ними дали поэту возможность глубже узнать своего героя, острее почувствовать, что внес в его сознание опыт прошедших лет.

Так родилась поэма «Над рекой Орессой» (1933), ознаменовавшая рубеж в творческом развитии поэта. Сюжетную основу поэмы составляет рассказ о строительстве сельскохозяйственной коммуны в глухом углу Полесья. Многие здесь построено на реальных фактах из истории создания сельскохозяйственной коммуны Белорусского военного округа. Но автор не связывал себя задачей очеркиста — летописца действительных событий. В поэме дано поэтическое решение темы раскрепощенного труда.

Тема эта была ведущей для литературы начала 30-х годов. В широко известных произведениях той поры, посвященных социалистическому строительству, понятие героического наполнилось новым содержанием; литература всматривалась в людей труда, менявших облик страны. Именно об этих героях, о людях, «взавших в плен болото», ведет свой рассказ автор поэмы «Над рекой Орессой».

Глава «О минувшем» напоминает о прошлом Полесья. Здесь поставлена одна из важнейших в поэме тем — враждебной, противостоящей человеку природы, которую надо покорить. Мотив борьбы, наступления, проходящий через всю поэму, подготавливается именно здесь, в главе, рисующей картины старого Полесья.

Человек и природа, труд человека на земле. . . Темы эти не новы для Купалы, они волновали поэта на протяжении многих лет. Вспомним поэму 1913 года «Она и я», где опоэтизирован труд земледельца. Герои этой поэмы жили на лоне ласковой матери-природы, богато осыпавшей дарами своих детей.

По иным законам складываются отношения природы и человека в поэме «Над рекой Орессой». Люди объявили войну старому Полесью, пошли на наступление на пески и болота. Плодородную землю и новую жизнь надо отвоевать у природы тяжелым, упорным, неустанным трудом. Такая задача не по плечу одиночкам. Перед нами возникает главный герой поэмы — коллектив. Его поэт показывает в становлении, росте. Оказывается, в битве человека с природой главным плацдармом борьбы является не песок, не болото, не пуца, а человеческое сознание; строительство нового уклада жизни связано с перестройкой собственнической психологии. Есть в поэме драматический эпизод, рассказывающий о «пятерке», отделившейся от своих товарищей, о людях, испугавшихся трудностей. К «пятерке» обращается один из коммунаров, он издевается над убогими мечтами «пятерки» об обеспеченной жизни без трудностей и забот. Он говорит от имени людей, для которых представление о счастье связано с необходимостью бороться за него, построить своими руками. Каждый из коммунаров ощущает себя строителем нового жизненного уклада, проникнут сознанием значения своей деятельности и чувством ответственности за нее. Не случайно в произведении, где поэт впервые нарисовал развернутый образ коллектива, герои так остро ощущают ценность человеческой личности. Рассказ о смерти коммунара Борисенко, о горе его друзей перерастает в торжественный реквием труженику-коммунисту, отдавшему жизнь за счастливое будущее своего народа.

Рассказ о строительстве коммуны написан сильнее, чем последние главы поэмы, повествующие о быте уже освоивших новую землю

людей. История битвы коллектива коммунаров с болотом и человеческой темнотой полна внутреннего драматизма; картина жизни коммуны показана общим планом. Это было противоречие, характерное не только для данного произведения поэта. В его стихотворениях начала 30-х годов тема изменивших облик страны преобразований нередко решается описательно, внешними средствами.

Переломной порой в развитии лирики Купалы советских лет оказалась середина 30-х годов, когда на удивительно чистой ноте прозвучали стихи поэта, посвященные людям новой деревни: «Я — колхозница...», «Лен», «Вечеринка», «Гости», «Алеся» и др. Картины колхозной жизни ярко запечатлены в этих стихотворениях-песнях, иногда шуточных («Вечеринка»), иногда лирических («Лен», «Алеся»). Поэт пристально всматривается в быт современной деревни. Ясли в колхозе, девушка на тракторе, шелковые платья на вчера еще нищих крестьянках... Однако эти внешние приметы современной жизни занимают теперь поэта лишь в той степени, в какой дают ему возможность взглянуть в сегодняшнего героя, почувствовать живое тепло его души, проникнуть в мир его духовных интересов.

Сложная гамма чувств лирического героя раскрывается перед нами в стихотворении-песне «Лен» — и радость человека, приобщенного к творческому труду, и стремление не отстать в работе от других, и удивительно слитое с радостью творчества счастье любви, сила первого серьезного чувства. Светлый взгляд героя на мир, богатство его душевной жизни, вера его в свои силы придают этому лирическому монологу, по видимости такому простому и непосредственному, поразительную глубину и многозначность. Известно, что стихотворение понравилось М. Горькому «Славно!» — пометил он на полях рукописи.

Примечательно по простоте и чеканности формы, по силе лирического чувства, по широте выраженного в нем обобщения стихотворение «Алеся». В формах лирической народной песни разрабатывается нехитрый сюжет: мать поет песню над колыбелью дочери, просит для нее счастливой доли:

Будешь зимней порою
Прясть, наматывать нитки,
Будешь теплой весной
Счастья ждать у калитки.

Мечты крестьянки исполнились — доля дочери сложилась счастливо. Однако совсем не так, как представлялось матери:

Это был или небыль?
Дочка силы набралась,

Прямо в синее небо
Полетела, помчалась.

Девушка-летчик, путь от прялки до самолета... Поэту важны эти детали, они помогают почувствовать протяженность пути, пройденного крестьянкой за годы Советской власти. И все же не на этом держится лирическая тема стихотворения. Мечты матери оказались беднее действительности не потому, что руки, которым было предназначено прясть пряжу, легли на штурвал самолета. Это лишь внешнее выражение других, глубинных изменений в сознании народа. Отброшенным оказался жизненный идеал матери. Быть «самой красивой», радостно встретить весну жизни, «счастья ждать у калитки» — вот все, что могла, желая удачи дочери, представить в своих мечтах мать. Революция дала девушке иную долю — приобщила ее к радости творчества. Расширение понятия счастья — вот смысл той чудесной метаморфозы, которую претерпевает крестьянская девушка Алеся.

Новое отношение к труду, счастье творчества, новые связи, складывающиеся между людьми в нашем обществе, — все эти понятия обрели жизнь в цикле колхозных стихов середины 30-х годов; сложные человеческие чувства осветились светом художественной правды. Купала-лирик вновь совершил чудо, позволил нам заглянуть в тайники души нашего современника.

Круг творческих интересов поэта становится все более широким. Вера в мудрость партии, возглавляющей борьбу народа за социалистическое переустройство жизни, выражена в проникновенных стихах «Великому Октябрю», «Волнуется синее море», «Звезде», «Сыновьям», «Наша молодежь» и др. «День добрый, Москва, наша сила и слава!» — обращает поэт слова любви и благодарности к столице союзных республик. Тема дружбы народов разработана в стихотворениях «Украина», «Грузия», «Джамбулу», «Солнечному Шота Руставели», «Памяти Сулеймана Стальского», в поэме «Тарасова доля» (1939), посвященной Тарасу Шевченко. Рассказ о трагической судьбе великого украинского поэта дает Купале-лирику возможность выразить чувства любви белорусов к братьям украинцам, к огромному таланту, навсегда обессмертившему свой народ.

Рядом доля белоруса
С украинца долей
Шли дорогою тернистой,
Терзались неволей, —

объясняет Купала общностью исторических судеб двух народов силу воздействия шевченковской поэзии на «сердце белоруса».

Братьям из западных областей Белоруссии, оставшимся в панской неволе, посвящено много произведений Купалы, написанных поистине кровью сердца. «Еще там сытый гонор властвует Над молодостью белорусской», — с болью писал поэт в 1924 году в поэме «Неназванное». Стихотворение 1926 года «На Долгиновском тракте» проникнуто глубоко личной интонацией. Близкие, родные, знакомые с детства места оказались за «кордоном». Ни весточки *оттуда*, только кукушка кукует *там*, как некогда. . .

Эта тема, всегда волновавшая поэта, нашла новое решение в цикле стихов «На западнобелорусские мотивы» (1939), где поэт высказал чувства людей, насильно оторванных от родины и вернувшихся теперь в родную семью.

Светлое восприятие жизни, ощущение лирическим героем своей нераздельной связи с миром природы, с людьми, способность пропикнуться их горестями и радостями характерны для лирических произведений Купалы этой поры. И все же многие из его стихотворений и поэм заканчиваются тревожной нотой: поэт не устал напоминать об опасности, грозящей из-за рубежа (концовка поэмы «Борисов»).

С первых дней Великой Отечественной войны Я. Купала оружием публициста и поэта боролся с врагом, напавшим на Родину. «Правда», «Известия», белорусские фронтовые газеты публиковали пламенные статьи поэта, призывавшие к борьбе с фашистскими захватчиками. Стихи Купалы переходили линию фронта, распространялись по всей оккупированной Белоруссии.

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны, —
(«Белорусским партизанам»)

обращался поэт к сынам своего народа, призывая их отомстить «за сестер, за братьев милых, За сожженный кров и хлеб». Это потрясающее по силе выраженного в нем народного гнева стихотворение получило в годы войны широкое распространение в Белоруссии.

Уверенность в силе советского строя, в готовности народа защищать завоеванное за годы революции звучит в стихах поэта «Встает

народ» (1941), «Снова ждут нас счастье и свобода» (1942). Отчетливо нарисованную художническим видением картину победы Купале не довелось узреть осуществленной. Поэт умер 28 июня 1942 года.

* * *

Лирика Янки Купалы — явление глубоко национальное. Она выросла на почве белорусской природы, ее питали история белорусского народа, быт белорусского крестьянства, ее обогатили сокровища белорусского фольклора, традиции белорусских поэтов-демократов.

Но нет сомнения в том, что поэзия Янки Купалы далеко вышла за пределы белорусской национальной культуры — это подтверждено жизнью. Уже в ранние годы литературной деятельности поэта его стихи стали достоянием русского читателя — первые переводы осуществили М. Горький, В. Брюсов, М. Богданович, А. Коринфский и др. В ту пору и украинцы, поляки, чехи, латыши и литовцы читали стихи Купалы на своем родном языке. В советское время в братских республиках нашей страны сочинения Купалы издаются большими тиражами. Знают, переводят, любят поэта и за рубежом — в социалистических странах, в Западной Европе, в Азии, Америке.

Янка Купала навсегда вошел в историю мировой поэзии. Он создал лирическую летопись величайших революционных событий нашего века. С удивительной поэтической силой он выразил процесс, который тогда начинался в разных частях нашей страны, а теперь охватил собой многие страны мира. Вот почему для многих наших современников за рубежом, ведущих национально-освободительную борьбу, поэт народных масс, захотевших «людьми зваться», является не достоянием истории, а близким собеседником.

Горький, проявивший в конце 1900 — начале 1910-х годов такой большой интерес к творчеству Купалы, понимал, насколько назрела после революции 1905 года необходимость появления поэта, кровно связанного с народом, лирика, способного запечатлеть процессы, происходящие в сознании народных масс. Характеризуя в письме М. Коцюбинскому народность поэзии Купалы и Коласа, Горький добавляет: «Нашим бы немного сих качеств! О, господи! Вот бы хорошо-то было!»¹

Янка Купала ответил своим творчеством не только на насущные потребности развития белорусской поэзии. Его поэзия — наиболее наглядный пример взаимодействия братских литератур нашей родины. Творчество Купалы, выросшее на лучших традициях рус-

¹ М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, М., 1954, с. 138.

ской литературы, восполнило затем недостававшее в русской поэзии 1900-х годов звено. В русской литературе той поры не было поэта, который, продолжая дело Некрасова, раскрыл бы изнутри мир встревоженного революцией человека из народа. Эта задача выпала на долю великого лирика, выступившего в 1905 году от имени угнетенного крестьянства Белоруссии.

Большой белорусский поэт и тонкий литературный критик М. Богданович в одной из своих статей писал о русской культуре: «Ее печать лежит на духовном творчестве любого народа России, она является для них общей почвой, сближая содержание их культур, их идейных и литературных направлений. Поэтому можно с полным правом говорить о намечающемся формировании национальной литературы России».¹

Эти удивительные по глубине проникновения в литературный процесс слова написаны в 1916 году. Тогда это было смелым и для многих неожиданным обобщением. Сегодня справедливость его не вызывает сомнений.

В историю формирования национальной литературы страны Янка Купала вписал существенную по своему значению главу. Но лирика его принадлежит не только истории. Она — явление живое, питающее современную белорусскую и шире — советскую поэзию, близкое сегодняшнему читателю.

Р. Файнберг

¹ «Беларусь», 1953, № 6, с. 22 (публикация М. Барсток).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. МОЯ ДОЛЯ

Ну и доля, моя доля,
Ты всегда такой была,
Что уж лучше в чисто поле
От меня бы ты ушла!

Почему ты, доля злая,
Всё мне счастья не даешь?
Что ж ты, горькая такая,
Скорой смерти мне не шлешь?

Так всю жизнь меня ты мучишь,
Словно черт в аду со зла;
Так ты сердце мое сушишь,
Что я сам иссох дотла!

Не даешь ты мне покоя —
Ночь придет, наступит день, —
Всё-то ходишь ты за мною
Неотступно, словно тень.

Понапрасну я стремлюся
Хоть немного лучше жить,
А как только оглянуся,
Доля рядом — как тут быть!

Словно воду вихрь закрутит,
Снова всё перевернет,
Снова душу взбаламутит
И опять беду найдет.

Не мила и жизнь мне станет,
Снова даль темным-темна,
Словно кто мне сердце ранит,
Боль такая в нем слышна.

И так хочется в обиде
В омут броситься скорей,
Утопиться, чтоб не видеть
Света солнца и людей.

Ну и доля, моя доля,
Ты всегда такой была,
Что уж лучше в чисто поле
От меня бы ты ушла!

15 июля 1904

2. МУЖИК

Что я мужик — все это знают
И сплошь да рядом — свет велик —
Меня насмешкою встречают —
Ведь я мужик, простой мужик!

Читать, писать я не умею,
Не очень гибок мой язык.
Я всю-то жизнь пашу да сею —
Ведь я мужик, простой мужик!

Трудом я хлеб свой добываю,
Нередко слышу брань и крик
И вовсе отдыха не знаю —
Ведь я мужик, простой мужик!

Жена в лохмотьях, плачут дети,
Сам без сапог ходить привык,
Век без гроша живу на свете —
Ведь я мужик, простой мужик!

Залиты горьким потом очи;
И молод я или старик,
Тружусь весь день, как вол рабочий, —
Ведь я мужик, простой мужик!

Уж видно, я повинен сгинуть,
Как в темной чаше лесовик,
И псом бездомным мир покинуть —
Ведь я мужик, простой мужик!

Но если жить я долго буду,
Коль будет жизни путь велик,
Вовек я, братья, не забуду,
Что человек я, хоть мужик!

И тот, кто жизнь мою узнает,
Услышит только этот крик:
«Хоть мною каждый помыкает,
Я буду жить — ведь я мужик!»

1905

3. ЧЕГО Б Я ХОТЕЛ

Не пойду я к богатым друзьям:
Хлебосольство известно мне их,
И молитвы их всяким богам,
И презрительный взгляд на других.
Не хочу с ними быть за столом,
На свое унижение глядеть,
Обнесут они чаркой с вином,
У порога прикажут сидеть.

Мне не надо девичьей красы,
Мне не мило лукавство речей,
Режет сердце острее косы
Взгляд изменчивых синих очей.
Не могу я смотреть и страдать,
Ведь любовь исчезает, что мгла, —
То готова всю душу отдать,
То другого, глядишь, обняла.

Не хочу я гулять, где народ
Стонет век от недоли своей,
Где сиротка стоит у ворот,
Чтобы корку хоть подали ей.

Не хочу веселиться я тут,
Где лишь горе одно на пути,
Где другие в неволе живут
И где сил для борьбы не найти.

Что ж сказать о желанье моем?
За что сердце хотел бы отдать?
Почему плачу ночью и днем?
Кто б из вас это мог отгадать?
Так узнайте, чего б я хотел,
Чем душа моя только живет:
Чтоб народ мою песню запел
И узнал, о чем песня поет!

1905

4. В ЗЕЛЕНОМ САДОЧКЕ

Ой, бывало, до ночи
Той счастливой порой
Во зеленом садочке
Мы встречались с тобой.

Друг на дружку глядели
Да беседу вели,
А над нами звенели
На ветвях соловьи.

Ветер в чистое поле
Песни звонкие нес,
Нес их в поле, где воля,
Где ни горя, ни слез.

И навеки клялися
Мы друг дружку любить.
Злые люди взялися
Ту любовь погубить.

Ой, как думки взлетали
В золотистую высь...
Беды их разогнали,
Наши сны не сбылись.

Меня взяли в солдаты,
Нечем горю помочь,
И прогнала из хаты
Тебя мачеха прочь.

Мы навеки расстались,
Потянулись года...
С той поры не встречались
Мы с тобой никогда.

1905

Б. ДУМЫ ПЕЧАЛЬНЫЕ...

Думы печальные,
Многострадальные
Горьки в сиротские ночи.
Стон в смех врывается,
Сердце терзается,
И плачут жалостно очи.

Сны беспокойные,
Думы нестройные
Спать не дают мне ночами,
Призраки хилые,
Тени унылые
Целыми бродят полками.

Работой забитые,
Хлебом не сытые,
Мечутся грустные тени,
Палкой подпертые,
Бедностью стертые,
Руки трясутся, колени...

Кто-то там кается,
Кто-то там хвалится,
Кто-то там дико смеется.
Темные, рваные
Призраки странные
Стали живыми, сдаются.

Тени скользящие,
Цепи гремящие
Следом сюда подоспели.
Звоны кандалные,
Стоны печальные,
Раны на лбу и на теле...

Окровавленные
Тени согбенные
Рвутся из душевной неволи.
Горько им маяться,
Всё продолжается
Стон несмолкающей боли.

Доля нескладная,
Жизнь беспощадная, —
Сам бы тут сгинул душою!
Вижу бездольное,
Вижу безвольное
Горе над бедной землею.

Сердце терзается,
Стон в смех врывается,
И плачут жалостно очи.
Думы печальные,
Многострадальные,
Спутники горя и ночи!

1905

6. НУ КАК ТУТ НЕ СМЕЯТЬСЯ?..

На нашем хитром свете
Различный есть народ:
Один живет как люди,
Другой живет как скот...
Один другим торгует,
Как будто это квас,
Старается подножку
Подставить — и не раз...

Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять...

Вот пан спешит на паре,
Красив упряжки вид!
И вычищены кони,
И панский лоб блестит...
На целый свет надменно
Сейчас глядит козлом,
А был ведь он недавно
Базарным маклаком...
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять...

Вот ростовщик, собравший
Огромный капитал,
Он фабрику построил,
Работу людям дал...
И трудится голодный
На фабрике народ,
И с каждого хозяин
Кровавый гонит пот...
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:
Ворон на свете много,
Да некому стрелять...

Вот доктор, пан богатый,
По-модному одет,
Больных он приглашает
В особый кабинет...
Постукает немного,
И надо рублик дать,
А сам мечтал студентом
Несчастливым помогать...
Ну как тут не смеяться
И правды не сказать:

Ворон на свете много,
Да некому стрелять...

Вот ксендз, служитель божий,
Он поучает всех,
Чтоб церковь посещали
И не впадали в грех...
Чтоб к женкам на свиданье
Не бегали чужим,
Чтоб бедным помогали,
А сам? .. Да бог уж с ним!
 Ну как тут не смеяться
 И правды не сказать:
 Ворон на свете много,
 Да некому стрелять...

Вот эконоом пузатый,
Криклив и груб весьма,
Хотя и на копейку
Нет в голове ума...
Людей он деревенских
Ругает всё сильнее,
А пас еще недавно
В деревне той свиней...
 Ну как тут не смеяться
 И правды не сказать:
 Ворон на свете много,
 Да некому стрелять...

Вот шляхтич, «знатный» родом,
Так, выскочка один:
Он щи хлебает с мясом —
Уже он господин!
Руки не даст тому он,
Кто для него мужик,
Хотя такие ж лапти
Сам надевать привык...
 Ну как тут не смеяться
 И правды не сказать:
 Ворон на свете много,
 Да некому стрелять...

Вот мужичонка хитрый —
Избрали старшиной,
Как черт, переменялся,
И свой ему не свой. . .
С урядником в согласие
И с писарями в лад,
Крестьянина, что липку,
Он ободрать уж рад. . .
 Ну как тут не смеяться
 И правды не сказать:
 Ворон на свете много,
 Да некому стрелять. . .

Теперь свои припевки
На время уберу,
Ведь многим, вероятно,
Они не по нутру:
Горит на воре шапка,
Ему всё мнится сыск,
Укравший поросенка
Повсюду слышит визг. . .
 Ну как тут не смеяться
 И правды не сказать:
 Ворон на свете много,
 Да некому стрелять. . .

1905 (?)

7. ТОСКА

Как железо, будь тверд,
Будь могуч, как вода, —
Коль тоска заберет,
От тоски — никуда.

Коль худая напасть
Одурманит собой
И натешится всласть,
Ты заноешь душой.

Ты заплачешь душой
От кручины — тоски.
Потеряешь покой
До могильной доски.

Диким волком глядеть
Ты на весь будешь свет,
Песни вздумаешь петь —
Вой услышишь в ответ.

Станет адом житье,
Люди — хуже зверей;
Будет думаться всё:
Помереть бы скорей.

Ох, беда! Коротать
Трудно с нею деньки,
Будешь ночью не спать
Ты от этой тоски.

И в слезах изойдешь,
Хоть не ешь и не пей.
И проклятье пошлешь
Ты судьбине своей.

Лишь одно у людей
Счастье есть на веку,
Коль работой своей
Свалят камень-тоску;

Если их поведет
В жизни дума одна:
Мол, трудись за тронх —
И тоска не страшна.

10 марта 1906

8. КОРШУН

Злой коршун под небом свершал свой полет,
С презреньем взирал он на мир человеческий,
Вдруг видит: петух под забором идет,
Хвост будто султан, золотистые плечи.

Тут коршун, как вихрь, на добычу свою
С небес устремясь, петуха убивает,
И гибнет петух в том неравном бою,
В губительной схватке он зря погибает.

А коршун-убийца под небо летит,
Он в небе кичится своею добычей
И чем бы еще поживиться глядит, —
Знать, крови разбойнику хочется птичьей.

Дорогой стрелок проходил той порой.
Спокойно прицелился, выстрел раздался...
Тут коршун крылами махнул раз-другой
И с неба упал, и уже не поднялся.

12 марта 1906

9. ПОКОЙНИК

Человека гнет усталость
От жизни постылой, —
Горе мыкать надоело,
Пора и в могилу.

Хоть еще хотел бы очень
Он пожить, быть может,
Да уж смерть смыкает очи,
Не велит тревожить.

Умер. И теперь, счастливый,
Не боится лиха.

Эй, глядите: диво, диво!
Спит спокойно, тихо.

Надо уносить из хаты,
Чтоб черви не ели...
Снять пора одежды с брата,
Уж воды нагрели.

Спину наскоро обмыли,
Сгорбленную рано,
В гроб беднягу положили,
Как князя, как пана.

И к телеге на дорогу
Несут, как святого.
Собралось зевак тут много
У гроба простого.

Стонут, жалостно вздыхают,
Крестятся невольно,
В голос громко причитают. . .
Хватит лгать, довольно!

Ну, кобыла, ну, худая,
Шагай, не споткнися.
Ты, поклажа неживая,
Лежи, не свалися.

Вот и церковь, поп с кропилом
Покропил водичкой,
Дьяк пропел, качнув кадилом,
Больше по привычке.

С упокойной подорожной
В вечную обитель,
Ой, несите осторожно,
Прах не растрясите!

Гулко звонницы запели
Колокольной песней;
Ой, там сколько б вы ни пели —
Мертвый не воскреснет.

Ну, могильщик, рой же яму
В три локтя без мала,
Захороним богача мы —
Свой труд продавал он.

Что, уж выкопал? . . Ну, ладно!
Чуть-чуть постояли.
Гроб спустили аккуратно,
Землей забросали.

Насыпь выложили дерном...
Холм — крестом увенчан.
Вот и меньше непокорным,
Одним меньше, меньше.

Время, как река, несется,
Нету человека...
И вот так у нас ведется
От века до века.

Смерть взяла, и отступили
Недоля, неволя, —
Покой только лишь в могиле,
Лишь в могиле доля!

18 марта 1906

10. ИЗ ПЕСЕН О БИТВАХ

Играют горны боевые,
Летит по ветру гордый звук,
И песни дивные такие
От них разносятся вокруг.

Звенят о славе чудной горны,
О счастье всех людей труда,
Зовут на штурм недоли черной,
Зовут... да мало ли куда!

Но горны зорю зря выводят:
Притих обманутый народ,
Кто спит, кто места не находит,
Хотя во всех тоска живет.

Мучитель только рад, глумится,
Как над стервятиной шакал, —
Чем громче стоны из темницы,
Тем веселей его оскал.

И видеть страшно в путях силу,
Печаль и слезы с ранних лет,
Хоть заживо ложись в могилу
И не гляди на белый свет.

Как погорелец ходишь дикий,
Готов проклятья людям слать,
Завыть, зайтись в истошном крике:
Где правды, воли где искать?!

Играют горны боевые,
Летит по ветру гордый звук,
И песни дивные такие
От них разносятся вокруг.

30 марта 1906

11. НЕ КЛЯНИТЕ МЕНЯ

Не кляните меня,
Что так грустно пою:
Горе жжет без огня
Сердце, душу мою.

Без огня день и ночь
Кровь на сердце кипит,
И, развеянный, прочь
Сон о счастье летит.

Тяжких дум, горьких дум
Победить не могу,
Плач людской, жалоб шум
Ловит мысль на бегу.

Не могу не скорбеть
И на радостный лад
Не могу песни петь,
Если грустен мой брат,

Если горя и мук,
Если скорби и слез
Столько вижу вокруг,
Сколько сам перенес!

Вот плетется вдова,
В рваном платье, бледна,
В шрамах вся голова,
Грусть во взоре видна.

Просит, долю кляня:
«Дайте хлебушка мне,
Пожалейте меня,
Муж погиб на войне!»

Слезы льются — кап-кап! . .
Что ж ты, брат дорогой?
Смейся, смейся хотя б
Над чужою бедой!

Вот гуляет богач,
И дворец весь дрожит,
А под окнами — плач,
Там сиротка стоит.

Ноги держат едва,
Стужа тело трясет,
И печали слова
Зимний ветер несет:

«Здесь однажды народ
Шел бесстрашно и пел,
Всех звал песней вперед,
Вдаль отважно смотрел.

И отец шел тогда —
Не вернулся назад.
А уже холода,
Хлопья снега летят.

И теперь, в нищете,
Негде хлеба мне взять,
Негде мне, сироте,
Даже ночь скоротать».

Льются слезы — кап-кап! . .
Что ж ты, брат дорогой?

Смейся, смейся хотя б
Над чужою бедой!

Сыплет снегом зима.
Вот старик под окном,
За плечами — сума,
Он стучит костылем.

И про годы невзгод
И про годы тоски
Хрипло песню ведет,
Руки сжав в кулаки:

«Сорок лет я служил,
Спину гнул сорок лет:
Стал служить — молод был,
А теперь я уж сед.

Эх, служил пану я,
Не жалел сил своих
И работал, друзья,
За двоих, за троих.

И пахал, и косил,
И канавы копал,
Лес рубил и возил,
И пинки получал.

Горб я нажил трудом...
Пан же иначе жил:
Богател с каждым днем,
Вкусно ел, вкусно пил.

Я же чахнул, бедняк,
Голодал, мерз, как волк,
И служил верно так,
А теперь...» И замолк.

Только слезы — кап-кап!..
Что ж ты, брат дорогой?
Смейся, смейся хотя б
Над чужою бедой!

Но не смейся над тем,
Что так грустно пою:
Я измучил совсем
Сердце, душу свою.

15 апреля 1906

12. РАСШУМЕЛСЯ ЛЕС ТУМАННЫЙ

.

Расшумелся лес туманный,
Вихрь прошел по полю,
Заметались тираны,
Что несли неволю.

Зашумели, загремели
Молодые песни:
«Долго, долго мы терпели,
Долюшка, воскресни!»

И глядите, что за диво!
Предрекать не надо —
Буйно встанет наша нива,
Будет нам награда!

И туда, где спиныгнулись
Перед паном вечно,
Где казенные тянулись
Дебри бесконечно,

Где была одна пустыня,
Кочки да болота, —
Выйдут люди, пуща сгинет,
Закипит работа!

Наша сила и отвага
Вспыхнет, как зарница.
Наша воля алым стягом
Ярко загорится.

.

Верьте песне — выйдут зори!
Время наступает:
На волнах людского горя
Правда выплывает.

Пусть противятся тираны,
В ноги к ним не ляжем,
Кровью вымоем поляны,
Но свое докажем!

Наше горе, наши слезы,
Жалобы глухие
Встанут силой, встанут грозной
За права людские.

По просторам в поднебесье
Звонко понесутся
Наши думы, наши песни
И в одну сольются:

«Смерть тому, кто у голодных
Пищу отбирает,
Кто на наш народ свободный
Цепи надевает!»

2 июня 1906

13. НАД КОЛЫБЕЛЬЮ

(Подражание)

Спи, мой маленький сыночек,
Не моргни глазком;
Светит месяца кружочек,
Спи спокойным сном.

Может, взрослым песню эту
Вспомнишь невзначай.
Спи, пока не знаешь света, —
Люли-люли, бай!

Подрастешь — узнаешь горе,
Слез придет пора,
Твою силу сломят вскоре
Стужа да жара.

Встретишься с людьми на свете,
С кривдой — так и знай.
Спи покуда! Месяц светит...
Баю-баю-бай!

Подрастешь — и можешь ноги,
Как любой мужик,
Обмотать в убор убогий
Из плетеных лык.

В нем ты помощи попросишь,
Помощи людской;
Спи, пока лаптей не носишь,
Спи, родимый мой!

Провожу тебя я к пану,
Как настанет срок.
Спину гнуть там неустанно
Будешь ты, сынок.

Со скотиной да с сохою
Отдыха не знай...
Спи, пока не стал слугою, —
Баю-баю-бай!

Хлеба, денег там напрасно
Будешь ожидать,
Оплеухи ж ежечасно
Будешь получать.

Хоть зальются кровью очи,
Ты трудись, терпи...
Спи, пока не быют, сыночек, —
Люли-люли, спи!

День придет — пойдешь в солдаты,
Ты — царю слуга,
Верст за тридевять от хаты,
К черту на рога.

На войне ты, забияка,
Кровь прольешь свою. . .
Спи, пока ты не вояка, —
Баю-бай-баю!

Ты домой вернешься к батьке —
Батька беден сам,
Вновь пойдешь на хлеб батрацкий,
Чтоб служить панам!

Не потрафишь — пан богатый
Гикнет: «Вон ступай!»
Спи, не гонит мать из хаты,
Спи пока, бай-бай!

Ты ж не бросишься в канаву,
Горе — не беда, —
Красть научишься на славу,
Будешь пан тогда!

Эх! Богатым станешь скоро,
Гули-голубок! . .
Спи, пока не стал ты вором,
Баю-бай, сынок!

Как в большие выйдешь люди
Ты из бедноты, —
Стражником наемным будешь,
С саблей будешь ты.

Будешь катом ты над братом, —
Жалости в них нет!
Спи, пока не стал ты катом,
Баю-бай, мой свет!

Будешь пан большой ты с виду
И шельмец душой,
Повстречать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой.

Всем чужой ты будешь, знаю,
На земле родной. . .
Спи, с тобою мать родная,
Спи, сыночек мой!

26 июня 1906

14. МОЯ МОЛИТВА

Я буду молиться и сердцем, и думами,
И песенной буду молиться душой,
Чтоб черные доли с метельными шумами
Не шли бы вовек над родною землей.

Я буду молиться и солнышку светлому,
Чтоб грело сирот, как настанет зима,
Светило б, гуляя полями, приветливей
И чаще входило б к несчастным в дома.

Я буду молиться и грозам сверкающим,
Ветрам, что над нами клубят облака,
Чтоб градом не били хлебов созревающих,
Чтоб жалость имели они к беднякам.

Я буду молиться и звездам, досадуя,
Что падают часто и гаснут навек. . .
Я слышал не раз, если звездочка падает,
То где-то скончался, угас человек.

Я буду молиться и полю широкому,
Чтоб жатвой богатой платило за труд,
Чтоб хаты не гнуло нуждою жестокою,
Чтоб светлую долю увидел наш люд.

Я буду молиться и сердцем, и думами,
И песенной буду молиться душой,
Чтоб черные доли с метельными шумами
Не выли над краем моим, надо мной.

5 июля 1906

15. ОЙ, ЗАЧЕМ НА ХАТЫ БЕДНЫЕ? ..

Ой, зачем на хаты бедные
Ветры осени несутся,
Если люди несогретые
Под лохмотьями трясутся?!

Ой, зачем, зачем несчастного
Мать сыночка уродила,
Если доли, счастья ясного
С жизнью мне не подарила?!

Тяжелее с жизнью справиться,
Чем сосне с грозой в поле, —
От нее легко ль избавиться,
Но труднее от недоли!

26 июля 1906

16. ГДЕ Б НИ ВСТРЕТИЛСЯ С НЕДОЛЕЙ...

Где б ни встретился с недолей,
Всюду — в крае небогатом —
Ты свое увидишь поле
И свою узнаешь хату,

Всюду встретишь человека
В вечных лаптях и в сермяге;
Неизбывные от века
Слезы — вот судьба бедняги.

Что же это за терпенье!
Сердце зависти не знает,
В нем живут одни сомненья,
Только в горести страдает.

Горем черным, ой, богато
Одарила люд наш доля:
Горе в хате и за хатой,
Горе в поле и за полем.

Сыро в хате, веет стужей,
В щели дует, плачет ветер;
Слег хозяин, занедужил,
Просят есть жена и дети.

Пусто в хате, и в сарае
Захирела свинка что-то,
Пес голодный завывает,
Словно рядом умер кто-то.

А над полем — голым, плоским —
Вихри пляшут, вихри кружат
И бедняцкие полоски
Перепахивают, рушат.

Пан вдали на паре бойких
Пролетел в своей карете,
А за ним почтовой тройкой
Мчит чиновник на рассвете.

В пустырях до полуночи
Черти с ведьмами играют,
То рыдают, то хохочут,
Хитрых знахарей скликают.

И компания вся эта:
Ветры, вьюги и собаки,
Ведьмы, черти с того света,
Пан, чиновник, вурдалаки —

С гиком, с посвистом трясутся
Друг за дружкой в погоне,
Заклубились и несутся,
Аж земля под ними стонет.

А вослед им тучей страшной —
Горе в муках безысходных

По посевам и по пашням,
Как вчера, так и сегодня.

Пану что до горя в мире?!
А мужик слезу не прячет.
Лишь за чаркою в трактире
Да в могиле он не плачет.

10 августа 1906

17. ОЛЬХА

Обросшая на воле
Бурьяном и крапивой,
Шумит ольха печально
Над речкою бурливой.

Над ней пылают в небе
Закаты и рассветы,
Зима ее морозит
И обжигает лето.

Обламывает ветер
Сучки без сожаленья,
Подтачивает речка
Упругие коренья.

Под пенье птиц весною
Ей весело бывает,
И грустно в день осенний,
Когда листву роняет.

Проходят дни за днями,
Всё так же сиротлива,
Шумит ольха печально
Над речкою бурливой.

14 августа 1906

18. Я ВИДЕЛ

Я видел, как ветер на поле гулял,
Березку до самой земли наклонял,
Песком заносил он луга и покосы
И рвал на березке зеленые косы.

Я видел, как ястреб голубку убил,
Клевал ее сердце, кровь теплую пил;
Вихрь перья и кости голубки развеял,
А голубь тоскует, голубку жалея.

Я видел девчинку, что гибелью злой
Нашла себе вечный приют под водой,
И только от ветра волна закипела,
И только ольха об измене шумела.

Я видел всё это, душою терпел,
На месте застыл я и песни не пел,
Заплакал я горько в печали, в кручине
По этой березке, голубке, девчине.

15 августа 1906

19. ЛИПА

Высокая, кривая,
Стоит, склоняясь к хате,
Развесистая липа,
Дородная, как сватья.

За сотню лет старуха
Немало испытала,
От ветра и от бури
Покоя век не знала.

Не дни и не недели —
Сто лет прожить легко ли?
Все видеть перемены
В крестьянской горькой доле.

Несчастий, и проклятий,
И плача сколько было!
Покойников без счета
Легло уже в могилы.

А липа, как и прежде,
Стоит, склоняясь к хате,
Высокая, кривая,
Дородная, как сватья.

15 августа 1906

20. СЧАСТЬЕ

Мы часто летим за мечтой безрассудной,
Которая счастьем зовется,
Хоть вот она, близко, но всё же как трудно,
Как трудно нам счастье дается!

Одни называют богатством то счастье,
Что блещет монетою звонкой,
Другие — достатком и в доме согласьем,
А третьи — хорошою женой.

Тот к славе стремится — широкой, свободной,
Тот хочет жить тихо, как дети,
Тот — сердцем откликнуться думе народной,
Тот — с песней сдружиться на свете. . .

Вот так и мечтаем мы целыми днями,
Но счастье не роем роится.
И слезы других, что струятся ручьями,
Позволят ли снами забыться?

18 августа 1906

21. ПЕСНЯ ЖНЕЙ

Согнув дугой худые спины,
Серпом махаячи кривым,
Мы, жены, вдовы и девчины,
На полосе большой стоим.

И дружно жнем,
И придаем
Одна другой
Охоту жать.
И песню жалобно поем.

Отдельно каждую загоном
Пан-благодетель наделил,
А управитель гонит, гонит,
Пока не выбьешься из сил.

И мы всё жнем,
И придаем
Одна другой
Охоту жать.
И песню жалобно поем.

Нас жарко солнце припекает,
Рубашка к телу пристаёт,
Соленый пот в глаза стекает,
Засох язык, а пот всё льет.

А мы всё жнем,
И придаем
Одна другой
Охоту жать.
И песню жалобно поем.

Пыль бьет в лицо, стоит над полем,
Не отмахнуться от нее,
И в кровь босые ноги колет,
Как сучья, острое жнивье.

Но мы всё жнем,
И придаем
Одна другой
Охоту жать.
И песню жалобно поем.

И хоть всего у пана вдоволь,
Мы жнем, чтоб стал богаче он,
А мы хоть в петлю лезть готовы,
Нам здесь — работа, дома — стои.

И всё ж мы жнем,
И придаем

Одна другой
Охоту жать.
И песню жалобно поем.

Гей, жните, бабы и девчинки,
Нам тяжко: горе нас гнетет;
Пан справит шумные дожинки:
За пот, кровь, слезы — поднесет!
Мы будем пить,
Как горе пьем,
Панов хвалить
И дружно им
Сквозь слезы песню пропоем.

2 сентября 1906

22. ПРОБУЖДЕНИЕ

... Нет, хватит, хватит! Трудно дале
Терпеть и горько слезы лить!
Мне ничего, ой, нет, не дали,
А взяли всё, чем мог бы жить.

Век спину гнуть холопски надо,
И вместе с потом кровь течет,
И нет от неба мне пощады:
То студит, то жарой печет.

Грозою в хату бьет кривую,
Посевы губит сушь и град.
Зарезал волк овцу худую,
И дровни старые скрипят.

Жена всё трудится, горя,
В дырявой кофточке своей...
Эй ты, что во дворце пируешь,
Над жизнью властвуешь моей!

Взгляни: гноит мне ноги лапоть,
Онучи старые в крови...
Когда ж ты, кровь, не будешь капать?
О доля, раны заживи!

Легко ль, сермяги не снимая,
Весь круглый год ее носить, —
Зимою в стужу промерзает,
А летом жарко в ней ходить.

Редют волосы от пота
Под шапкой рваною моею,
Нажил удушье и лому,
Работать с каждым днем трудней.

Избитые, в мозолях руки,
Весь век в грязи, в пыли живешь...
О, сколько горя, сколько муки
Ты, жизнь бедняцкая, несешь!

Судьба ничем не награждает
За долю горькую мою,
Лишь бор мне эхом отвечает,
Когда сквозь слезы я пою.

Эй, трутни, вы, отродье вражье!
Когда же вам придет конец?
Зачем, где труд кровавый ляжет,
Растут хлеба, встает дворец?

Зачем я сею, а другие
Мой собирают урожай?
...Нет, хватит! Дни идут иные,
Погудкой новой будят край.

Я долго ждал, что время это
Придет, мне надоело ждать.
Встаю, иду навстречу свету —
За зло расплату отыскать.

10 сентября 1906

23. НЕ ТУЖИ

Не тужи, паренек, не тужи,
Не гляди ты сквозь слезы на свет,
Ты ступай-ка и пану служи,
Как служили отец твой и дед.

Спину гни и горюй. Молодых
Сил на пана своих не жалеи,
Не жалеи ты мозолей своих,
Как души не жалеют твоей.

На богатых трудись ты весь век,
Жизнь свою за работой губя.
Позабудь, что и ты человек.
Позабудь, что душа у тебя.

Ты работай, а залы дворца
Гулкой музыкою загремят.
Будут там пировать без конца,
Там столы от еды затрещат.

Пусть твой пот, что на пашню упал,
С лиц раскормленных льется ручьем.
Ты работал, покоя не знал,
А хозяин упьется вином.

Так смотри, паренек, не тужи,
Не гляди ты сквозь слезы на свет,
Ты ступай-ка и пану служи,
Как служили отец твой и дед.

16 октября 1906

24

Зачем впустую на судьбу роптать
И слезы скорби сеять каждый час, —
Мы жить должны, бороться, побеждать,
Чтобы потомки не прокляли нас.

Кривые тропы темного житья
Должны мы солнцем знания осветить,
Чтоб сами мы и наши сыновья
Могли достойно жизнь свою прожить.

Пускай ведет к победам всех живых
Свободы знамя в битве с тьмой и злом,
А все угрозы палачей глухих
Заглушит наших вольных песен гром.

Наукой, волей мы беду уьем,
Посеем долю-счастье... и тогда
Мы на земле родимой заживем,
Как прадеды не жили никогда.

22 октября 1906

25. ЗА ЧТО?

Матушка родная,
Я с бедой сроднился,
Только горе знаю, —
Зачем я родился?

За что, за что
Твой сын бедняк,
За что, за что
Он плачет так?
Скажи!

Я от горя сгину,
Нет тебе удачи,
За себя и сына
Плачешь, мама, плачешь.

За что, за что
Твой сын бедняк,
За что, за что
Ты плачешь так?
Скажи!

Твое горе знаю.
С колыбели участь
Пала мне лихая,
И твоя — не лучше.

За что, за что
Нам доля — враг,
За что, за что
Бедны мы так?
Скажи!

Матушка родная,
Над нуждой смеются.
Жизнь — недоля злая,
Горько слезы льются.

За что, за что
Льет не один,
За что, за что —
И мать и сын?
Скажи!

31 октября 1906

26. ПОЙДЕМ...

Мы пойдем, осушая слез людских половодье,
На счастливую долю надеясь.
Мы пойдем в край, откуда к нам солнце приходит
И приветливый ветер нам веет.

Мы пойдем, но без жалоб, а прямо и смело.
Бросим вызов мы недругам сильным!
Мы пойдем, мы пойдем на великое дело,
Полно спать нам сном рабским, могильным!

Мы пойдем создавать себе счастье земное!
Есть и вера и крепкие силы!
Мы пойдем и разрушим всё лживое, злое,
Правда встанет на свет из могилы!

Мы пойдем с нашим стягом за счастье народа,
Чтоб добыть долю светлую людям!
Мы пойдем, мы пойдем и добудем свободу,
Мы пойдем, как один, и добудем!

27 ноября 1906

27

Где же ты спряталось, ясное солнце,
Летние дни, вы куда отлетели?
Стужа гуляет в родимой сторонке,
Песни заводят метели.

88

Грозно завыли они в чистом поле.
Мне вспоминается счастье бывшее.
Стынет от горькой тоски и недоли
Бедное сердце людское.

Бедное, бедное, сколько мучения
Жизнь обездоленным нам посылает! . .
Если б не сердце, и слез было б менее.
Счастлив, кто сердца не знает!

6 декабря 1906

28. «НАШЕЙ ДОЛЕ»

Первой белорусской газете

Эй, все дружно скажем, что ли,
Белорусы-дети,
Благодарность «Нашей доле»,
Всем родной газете!
Люди радостью встречали
Весть нам дорожую.
Сколько лет ее мы ждали,
Дождались родную.
Всем привет, кто нашу «мову»
Нынче воскрешает,
Учит нас родному слову,
Свет нам посылает.
Пусть газета «Наша доля»
Чаще к нам приходит,
Пусть с ней правда, пусть с ней воля
Будут жить в народе.
К правде путь нам заслонили
Сорною травую,
И могила здесь к могиле
Стали чередую.
«Наша доля» путь отважно
Правит к угнетенным,
К нашей участи сермяжной,
Горем наделенной.
Как шакалы бы ни выли,
Что нам их угрозы!

Нас давно уж закалили
Кнут, кровь, пот и слезы.
Прикупивши соли, хлеба,
Мы поздравим «Долю».
Нам она как ангел с неба,
Как святая воля!

Между сентябрем и декабрем 1906

29. ЧТО ТЫ СПИШЬ?

Что ты спишь, что ты спишь,
Белорусский мужик?
Глянь! Поднялся весь мир,
Необъятно велик!

Только ты, брат, один
Как убитый лежишь,
И на долю свою
Ты, бедняк, не глядишь.

Разве мало ты мук
Вынес в тяжкой судьбе?
Разве мало еще
Слез и горя тебе?

Ведь последний твой грош
Отбирает казна,
Хоть голодный ты сам
И семья голодна,

Хоть заложен кожух,
Чтоб оброк заплатить,
Хоть ты лапти из лык
Должен вечно носить...

Где коровка твоя?
Продал — душит налог! ..
Где твой хлеб? Кулаком
Взят последний мешок!

Выбиваясь из сил,
Всюду жилы ты рвешь —
Сосны рубишь в лесу,
Бревна в город везешь.

Только в печке твоей —
А мороз-то суров —
Уж три дня нет огня,
Ни поленца нет дров.

А чтоб денег в избе
Хоть копейку найти —
Легче с нищей сумой
Побираться идти.

А не деньги ль твои
В царском банке лежат?
Не на деньги ль твои
Царь содержит солдат?

Не на деньги ль твои
Этот храм возведен?
Не от них ли блестит,
Как серебряный, он?

Не на деньги ль твои
Царь настроил дворцов?
Не на деньги ль твои
Насажал он чинов?

Не на деньги ль твои
На воде корабли
И бегут поезда
По просторам земли?

И не твой ли в бою
Сын убитый лежит?
Не твоя ль сирота
У порога стоит?

Так проснись же, проснись,
Белорусский мужик!

Глянь! Поднялся весь мир,
Необъятно велик!

Видишь, всходит уже
Солнце правды святой
И неволю-беду
Скоро снимет рукой!

Только должен ты, брат,
Смело встать, помогать
И за долю свою
Воевать, воевать!

Если нету ружья —
Пусть дрожат палачи! —
Ты косы своей сталь
Поострей наточи!

И иди, и кричи
Тем, кто жаден и лют,
Пусть обратно они
Весь твой хлеб отдадут!

Пусть с тебя не дерут
Ни налог, ни оброк,
Ведь бесплатно всем нам
Эту землю дал бог!

Что нет силы так жить,
Что пусты закрома,
Что не топлена печь,
Хоть мороз, хоть зима!

Ты иди и кричи,
Что страдаешь, как встарь,
Ты иди и кричи,
Что с тобой сделал царь!

Пусть посмотрит весь мир
На такое житье,
Пусть увидит весь мир
Злое горе твое!

Так вставай же скорей,
Белорусский мужик!
Посмотри! Встал весь мир,
Необъятно велик!

1906

30. ТАМ

Дымятся свежей кровью дали.
На эшафот бойцы идут.
А вы, что больше всех страдали,
Стоите здесь, хоть вас там ждут.

Скажите мне: с такой отвагой
За что они на смерть пошли?
И за какие в жизни блага
Такую жертву принесли?

Никто из вас про то не знает,
Что шли они, огнем горя,
За тех, кто долю проклиняет,
Над кем нависла плеть царя;

Кто кормит жадную ватагу,
А сам без хлеба каждый год;
Кто одевается в сермягу
И с торбой по миру идет.

Они пошли, чтоб для голодных
Хлеба густые зацвели,
Чтоб сделать узника свободным
И безземельным дать земли.

Они отчаянно дерутся
За бедный люд, за новый век.
А вы молчите, белорусы,
Как будто вас палач засек.

Вставайте ж каменной стеною
У всех путей, у всех дорог,
Вставайте крепостью стальной,
Чтоб враг осилить вас не мог!

Пока палач в литой короне
Всю кровь не высосал из вас, —
Вставайте! Край родимый стонет,
Зовет к борьбе, как звал не раз.

Вставайте! Пусть алеют стяги!
Свобода-солнце вас зовет.
Побольше силы и отваги —
И счастье наве́к зацветет!

Гоните черное ненастье,
Воспряньте сердцем и душой,
Ударьте в колокол согласия,
В несокрушимый станьте строй.

Идите силой неумемной
Туда, где льется кровь за вас,
Несите горечь жизни темной,
Несите кривду напоказ!

Пусть вражья кровь течет рекою,
Растет и ширится борьба.
Своей бесстрашною рукою
Разбейте цепи у раба!

1906

31. РОДНЫЕ ПЕСНИ

Гей, песни родные! В печали и в горе
Зимой ли морозною, ночью ли длинной
Для милой земли вы и звезды и зори,
Для края родного вы райские гимны.

Всё в вас отзовется — недоля и доля,
И пахаря вздохи над верной сохою,
И холод и голод, неволя и воля,
И вера, что жизнь будет светлой, иною.

Пусть многие, честь на бесчестье сбывая,
Торгуют душою, гонясь за наживой,
Но в песнях народных есть сила такая,
Что людям поможет в борьбе справедливой.

Наложит ли кто нам на руки оковы,
Потопчут ли нивы чужие народы, —
Но в песнях бессмертно народное слово,
И с песнею край мой добьется свободы!

Гей, песни моей Беларуси печальной!
Пора зазвенеть вам счастливей, свободней,
Что минуло время неволи кандалной,
Что люди не стонут, как стонут сегодня!

1906

82. ДУБ

Колыхаемый ветром,
Солнцем опаленный,
Стонет дуб среди поля,
Стонет дуб зеленый.

Стонет, с дрожью качаясь,
И корни трясутся,
Ветви ломаются с треском,
Листья вдаль несутся.

Рухнет дуб этот скоро,
К земле припадая,
Встанут новые всходы,
Смена молодая.

Гей, на старом кургане
Вновь дуброва встанет,
И земли песней новой
Зашумит дуброва.

1906

Ж. ВСЕ ВМЕСТЕ

Гей же, братцы, все мы вместе
Песню запоем
Дружно, смело, на свет целый
О житье своем!

О тех тучах, что проходят
Над родной землей,
О той хатке, что дырявой
Светится стрехой.

О той звездочке, что часто
Оживляла нас
И надеждой светлой душу
Тешила не раз.

К доле нас звала и к счастью,
К радости труда,
Но ложилась вновь на сердце
Лютая беда.

Гей же, братцы, все мы вместе
Песню запоем
Дружно, смело, на свет целый
О житье своем!

О той славе небывалой
Милой нам земли,
Где зарыли нашу долю,
Где беду нашли.

О работе неоплатной,
Той, что много раз
И мозолями и потом
Утешала нас.

Не могли мы жить с недолей,
С горем горевать,
Думы, силы молодые
По ветру пускать.

Гей же, братцы, все мы вместе
Песню запоем
Дружно, смело, на свет целый
О жите своем!

По-над гаем, наша песня,
Птицею взлетай,
Где течет бурливый Неман,
Где родной наш край!

Там поит коней у брода
Хлопец молодой,
А пригожая девчина
Вышла за водой.

И отраднo друг на друга,
Так светло глядят,
Словно в небе ясном звезды,
Их глаза блестят.

Гей же, братцы, все мы вместе
Песню запоем
Дружно, смело, на свет целый
О жите своем!

Долетит, быть может, песня
До забытых сел,
Где сосед ее покличет,
Поведе за стол.

И поздравит хлебом-солью,
Чарку поднесет. . .
Будет песня красоваться,
Цветом зацветет.

И тогда настанет слава,
Не было такой. . .
Запоем, пусть всюду мчится
Наших песен рой!

1906

34. ИЗ СИРОТСКОЙ ДОЛИ

Бродила сиротка по полю,
Искала, родимая, долю,
Какой она сроду не знала.
Напрасно бедняжка ходила, —
Взяла ее скоро могила;
Так доли она не сыскала!

Теперь уж ей, бедной, не надо
Ни хлеба, ни доброго взгляда,
Ни ласки людской, ни привета.
Не бьет ее жизнь, как обычно...
Сиротке легко горемычной
Вдали от неправды, от света.

В земле, сиротиночка, спи ты,
Где мать и отец твой зарыты, —
Ты лучшей не знала постели.
Когда б не спала ты в могиле,
Мы б сердцем друг друга открыли
И грустную песню запели.

Запели б так звонко, чудесно
(Как громко сиротская песня
По свету проходит с тревогой!),
Мы пели, молились бы смело,
Чтоб наша мольба долетела
До самого неба, до бога.

В молитву б вложить мы старались
Всё горе, с которым спознались
На трудном житейском покосе.
Молили б, просили, чтоб в поле
Не нужно искать было доли,
Чтоб легче сироткам жилось.

1906

35. ЗНАЙТЕ, БРАТЬЯ, ДЕНЬ НАСТАНЕТ...

Знайте, братья, день настанет,
Хоть невзгоды жмут, что клещи, —
Наша доля громом грянет,
Грозной молнией заблещет!

К нам несет лишь вести горя
Буйный ветер невеселый,
Словно в горе, словно в хвори,
Он рыдает в наших селах,

Причитает — слушать больно,
Плачет, словно мать о детях. . .
Даже крикнул бы: «Довольно!
Хватит слез и жалоб этих!»

Знайте, братья, день настанет,
Хоть невзгоды жмут, что клещи, —
Наша доля громом грянет,
Грозной молнией заблещет!

1906

36. ВЕСНА

Сгнули стужи, морозы с метелями,
Больше не мерзнет душа ни одна,
Солнышком радостным, зеленью яркою
Землю всю вновь одарила весна.

Речки сонливые снова бурливыми
Стали сегодня, волною шумят;
Мечутся стайками рыбки проворные,
В воду поглубже идти не хотят.

Пущи дремучие, зиму проспавшие,
Песни свои устремили в полет;
Птицы щебечут, листва распускается,
Дятел стучит, соловейка поет.

Всюду трава поднимается сочная,
Принарядились луга и поля,
Около стада подпасок с жалейкою
Ходит, играет, себя веселя.

Пой, пой, жалеечка! Пой, пой, веселая!
Лучшую долю накликай и мне;
С пущей, с ветрами, с залетными пташками
Пой мне о счастье, пой о весне!

1906

87. ВИХРЬ ЗАГУЛЯЛ

Гей, ветер над пущей
Пошел, загулял.
О горе гнетущем
Завыл, застонал.

И клонятся сосны,
И стонут дубы
Под натиском грозным
Суровой борьбы.

Темно над округой,
Качается лес,
Медведь от испуга
В берлогу залез.

А люди, что в чаще
Рубили дрова,
От бури шумящей
Укрылись едва.

И пусто, и дико,
И страшно кругом.
Не мести ль великой
Заплел кто залом?

Как после пожара,
Мертво и черно,

И грома удары
Грохочут давно.

Пусть ветер свободный
Расскажет везде
О горе народном,
О нашей беде.

1906

38. ПЕРВЫЕ ПЕСНИ

Первые песни — первые вести,
Счастьем повеяло в хатках несмелых.
Первые думки с песнею вместе
Пташками взмоют на свет этот белый.

Что их встречает, что ожидает,
Чем отзовутся их дружному хору:
Ждет ли поэта ласка людская,
Иль заплюют его смехом, укором?

Плата за песню — как подаянье,
Не привыкать ему, видно, к невзгодам.
Песня — поэта всё достоянье,
Он утешается в песне с народом.

Что с его песней сделают люди:
Встретит он суд их, насмешки, участие?
Больно певцу, если люди осудят,
А похвала их — редкое счастье.

Нет в его сердце помысла злого,
Думую вечно он к солнышку рвется,
А копь и скажет лишнее слово,
Значит, не сладко в неволе живется.

Может, могилы сырой сегодня
Ляжет земля на усталые веки,
Но не погибнуть песне свободной,
В горе и в радости — жить ей вовеки!

1906

39. БЕГУ НЕУСТАННО...

Бегу неустанно
От доли своей,
Но поздно иль рано
Встречаюсь я с ней.

Надежды все скрутит,
Засвищет бедой,
И сердце мне мучит,
И льется слезой.

Могильные песни
В душе заведет,
Тоскливую плесень
На думы найдет.

Всё бьюсь я напрасно,
Как рыба об лед.
От доли несчастной
Кто выход найдет!

1906

40. ИЗ ПЕСЕН НЕДОЛИ

Сколько жуткого,
Сколько горького
Зла жестокого
Ходит, ползает!

И как трудно жить
Сердцу чуткому
И встречать везде
Злобу лютую.

Вот конвой бредет,
Сабли светятся,
Люди бедные
В кандалах идут.

Вот сиротки плач
Под воротами —
Плачет с голоду,
Стынет с холоду.

Над работою
Бескорыстною
Силы тратятся
Неокрепшие.

Неразумные
Братья кровные
Бьются, ссорятся,
Речкой льется кровь.

Вот, обманута
Злым изменником,
С горя девушка
К полынье идет.

Голоса звучат
Погребальные.
Только крик совы
Всюду слышится.

Эх, и как тут жить
Сердцу чуткому,
Отчужденному,
Одинокому!

1906

41. НЕ ГЛЯДИ...

Не гляди на меня, не гляди, отойди,
Не чаруй меня так наяву и во сне!
Насмехаешься ты. . . Так уйди, не гляди,
Ты замучишь меня, станешь гибелью мне!

Взгляд лучистых очей мою душу обжег,
Я хожу сам не свой и тоскую, любя.

То стремлюсь я к тебе, то стою одинок,
То любимой зову, то клянусь я тебя.

Ты не любишь меня, тебе надо других,
Кто дукатом манит, не считает рублей.
Что же я тебе дам? Горечь думок моих
Или бедность свою, ту, что нет тяжелей?

Чем я, жалкий бедняк, за тебя заплачу?
Знаю: мало души тебе будет одной.
Ты за деньги продашься, пойдешь к богачу
И любовницей станешь его иль женой.

Будешь весело жить, сладко есть, долго спать,
Будут шапки снимать пред тобой за версту.
Я же буду терпеть и свой век проклинать,
Проклинать и тебя и твою красоту.

Так уйди, не гляди. Я боюсь тебя.
Не моя ты теперь и не будешь моей.
Не уйдешь — так погубишь меня и себя.
А обида в груди закипает сильнее!

1906

42. ПОЭЗИЯ

Правду, неправду
С невинными грезами
Смешивай ловко, —
Будет поэзия.

Лето, ночь лунная,
Клен и черешня,
Парень и девушка, —
Вот вам и песня.

Шепот, признания,
Чувства свобода,
Клятвы в любви навек, —
Вот вам и ода.

Сено душистое,
Риги прохлада,
Парень и девушка, —
Вот серенада.

Пуня закрыта,
Голос: «Сосед я!»
Батька с дубиной, —
Вот и комедия.

Зима. Сник парень.
Девушка — «мама».
Слезы и прорубь, —
Вот вам и драма.

Сплетники, воры,
Шум на полмира,
Слово поэта, —
Вот и сатира.

Пана именье,
Жизни отрада,
Щедрость, учтивость, —
Вот и баллада.

Свиньи, подпасок,
Лапоть, портянка,
Дождик и слякоть, —
Вот и «Крестьянка».

Добрый пан, пани,
Кормит их ласка
Бедных, голодных, —
Вот вам и сказка.

Пан, хам и поле,
Труд, голоданье,
Три оплеухи, —
Для окончанья.

1906

43. ХЛЕБ

И с сохой мы шли, с бороною мы шли,
Чтоб почет у тебя заслужить,
Не жалели трудов, чтоб всё взять от земли
И с тобою навек подружить.

И святили тебя, когда шли на посев,
Выбирали тогда лучший день,
Собирать тебя в зной выходили мы все,
Туч боялись, завидев их тень.

А в крещенский мороз, когда шум злой зимы
Слал проклятье и нам и житью,
Рано утром на ток все сходились мы
Плату взять за работу свою.

От души и от сердца служил тебе всяк,
Чтобы ты с нами, бедными, был. . .
А ты что сделал нам, оплатил нам ты как?
Пожалел хоть чуть-чуть, не забыл?

За наш труд над тобой, за пот, кровь над тобой,
Когда лечь надо было на стол, —
Ты укрылся от нас за десятой горой,
Ты ушел из замученных сел.

1906

44. НА СЛУЖБЕ

Эх, проклятая доля моя
В подневольном труде горевать,
Пан сосет мою кровь, как змея,
Да еще угрожает прогнать.

За подачку ничтожную он
Мою душу и радость украл,
И, загнав бедняка в свой полон,
Мало крови — и жизнь бы он взял.

Разве праздники есть для меня?
Разве я, как все люди, гулял?
У меня ли гостила родня?
Кто мне доброе слово сказал?

И досада грызет неспроста,
Не вода в моих жилах течет,
Не глупа голова, не пуста,
Бьется сердце мое горячо. . .

По-людски мне хотелось бы так
Погулять, на беседе побыть,
Рассказать, как горюет бедняк,
И с хорошей, красивой дружить.

Но проклятая доля моя
В подневольном труде горевать,
Пан сосет мою кровь, как змея,
Да еще угрожает прогнать.

1906

45. ИЗ ПЕСЕН БЕДНЯКА

Ой, как жить худо
На свете этом!
Долю добуду ль
С чистым просветом?
Тягостно мне.

Молодость, радость,
Думы, стремленья
Спрятал навек я
Под вьюги пенья
В сердце на дне.

Хлеб добывая
Там, где удастся,
С края до края
Надо скитаться,
А горе жмет.

Если же хлеб свой
Пóтом добуду,
Сильные вырвут,
Злоба их всюду
Хлеб отберет.

Трудом кровавым,
Кривдой людскою,
Судом неправым,
Горькой судьбою
Мучусь в беде.

Жизнь моя — только
Хата да поле.
Где ж мое место?
Где ж моя доля?
Нет их нигде!

1906

46. ТВЕРДИТЕ ВЫ...

Твердите вы, будто печаль в моем пении
И счастья не вижу ни в чем у людей.
Не смейтесь, нет в правде для вас утешения,
Неправды ж не знаю в душе я своей.

Не стану менять я напевы любимые
И жалобой песнь омрачаю свою,
Гляжу на народ, на отчизну родимую
И только об этом для вас тут пою.

Пусть песням бедняцким весь мир откликается,
Пусть враг испугается правды прямой,
Пусть думы о воле в сердцах пробуждаются
И быть человеком захочет брат мой.

1906

47. БЫВАЮТ МИНУТЫ...

Минуты горькие бывают,
Душе тревоги не избыть;
Грудь адским пламенем сжигает,
И нечем тот огонь залить.

В минуты те тяжелым, трудным,
Немилым кажется житье.
Я б проклял мир злой, безрассудный
И сердце бедное свое!

Весь этот свет, и жизнь, и долю —
Всё на погибель бы послал,
И дал бы думам спать я вволю,
И сам бы спал я, вечно спал.

1906

48. ДУМКИ ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Чем краше день, чем день теплей
И чем приветней солнце к нам —
Тем больше радость у людей,
Поются песни тут и там.

И солнце радует весь свет
Надеждой близкою весны,
Зимы метельной канул след,
Земля отбрасывает сны.

Лес зашумит, луг зацветет,
Помчится звонкий ручеек,
И пахарь за сохой пойдет,
Возьмет жалеюку пастушок.

Пусть будет радостно всем им,
Полны надежды все такой. . .
Что ж мне и думушкам моим
Так нынче грустно, брат ты мой?

Мне этой боли не избыть,
От грусти чахну наяву:
Как чибис всё кричит «пить!», «пить!»,
Так «счастье!», «счастье!» я зову.

Проходит молодость моя,
Дорогой нищенской ведет,
Грусть — подколотная змея —
Дух мучит, а беда гнетет.

И тяжко мне, хоть и весна
Несет тепло на целый свет,
Как бы пустыня вкруг одна,
Ни от кого привета нет.

Гей, может, ты, мой темный бор,
Печаль и боль мою поймешь
И шумом гулким весь простор,
Всю даль родную всколыхнешь.

Гей, может, звездочка моя,
Заглянешь в душу ты мою
И далям скажешь всем, как я
Живу, как горе я терплю.

1906

49. ПРОБА ОКТАВЫ

Бей, сердце, бей, полно отваги,
По струнам дум. Буди, мой дух,
Тех, кто уснул в пужде и мраке,
Кто к переменам жизни глух.
Пусть мысли лягут на бумаге,
Утешат братский взгляд и слух,
И пусть, хоть через много лет,
Народу вспомнится поэт.

Что надобно для счастья? Мне бы
Взгляд ласковый со стороны,
И словно я взлетел под небо,
И смех звенит, роятся сны.

А вы, кто не имели хлеба,
Не знали радостей весны,
Припомните души завет
И слово, что сказал поэт.

Измученные злой недолей,
Горюем мы под тучей бед,
А у поэта взор соколий
Вмиг облетает белый свет,
И боль его всех горше болей,
Он вянет, как осенний цвет,
И, братья, будет ли согрет
За муки ласкою поэт?

Мешку, набитому рублями,
Смиранный ото всех поклон,
Хотя б злодейскими руками
Был кривдою наполнен он.
Кто видит бедных между нами
И кто несчастных слышит стон?
Никто, — хоть время дать ответ
На песню, что сложил поэт:

Вот крепко выстроенный белый
Высоко вознесен дворец,
Но разве в нем живет умелый
Его строитель и творец?
Его невзгода одолела,
Сломили бури наконец,
Но путеводный звездный свет
Путь озаряет твой, поэт.

Всего удел — исчезнуть вскоре,
Всё тленно, всё неечно тут,
Хоть на земле людское горе
Спокон веков нашло приют.
Умрет поэт с неправдой в споре,
Друзья проститься с ним придут. . .
Того, кто пел недавно, — нет.
Не смейтесь! Спит в гробу поэт.

1906

50. ИЗ-ЗА ВОЙНЫ

Зима. И метель на дворе свирепеет.
Всё злее холодного ветра напор.
Звезды не светят, и солнце не греет.
Страшно мне выйти и глянуть на двор.

Падает снег — нет конца ему, что ли?
В стены стреляет студёный мороз,
И ветер безумный мечется в поле,
Сугробами снега он хатки занес.

У старого бора деревня стояла,
И нищей, такой она нищей была!
Метелица крыши ее растрепала,
В щелях завывала и стены трясла.

В старой хатенке в стужу и вьюгу
Лучина горит то светлей, то темней,
Там малые детки жмутся друг к другу
И к матери плачущей бедной своей.

Их шестеро. . . Горькие слезы глотают,
Им холодом руки и ноги свело.
И мать их, обняв, на груди согревает, —
Так ласточка прячет птенцов под крыло.

У этих сироток тяжелая доля!
Хоть есть у них мать, да отца с ними нет.
А тут еще этот холод-неволя,
Зима и морозный узор на окне.

Отца их сражаться с японцем забрали,
Ведь он у царя был солдат запасной,
Винтовку и саблю там ему дали,
Худую шинель — и отправили в бой.

Оставил без хлеба он деток несчастных,
Оставил без хлеба больную жену,
С них требуют подати — ждать не согласны!
Оброк уплатить им велели в казну.

Коровка ревет, голодая без сена,
И корма овечка напрасно ждет,
Не топлена печка, дров ни полена,
А вестер в трубе так тоскливо поет.

Ой, бедные детки, как после пожара
Остались вы здесь. Кто паколет вам дров,
Кто печку истопит, кто щей вам наварит?
Кто хлеба для вас испечет, бедняков?

Отца у вас нету, и жить вам не сладко,
Вы сироты: некому вам помогать.
Под бурей трясется старая хатка,
Откуда спасенья вы можете ждать?

А там, на дворе, метель свирепеет,
Всё злее холодного ветра напор,
Звезды не светят, и солнце не греет,
Страшно мне выйти и глянуть на двор.

1906

51. ДОЛЯ ВДОВЫ

Лишь гляну я, гляну на землю угрюмую,
На свет этот, полный неправды людской,
Как вырвется песня, рожденная думами,
Облитая жаркой, горящей слезой.

Напрасно я доли ищу человеческой —
Не видно счастливых в житейском кругу:
А долю вдовы (и раздумывать нечего!)
Горчайшей из горьких назвать я могу.

Никто за вдову-сироту не заступится,
Никто от обид ее не защитит,
А сильный, богатый от правды отступится:
Чтоб слабых обидеть, забудет про стыд.

Растет среди поля березка высокая,
Проносятся вихри и тучи над ней;

Живет без защиты вдова одинокая,
И сколько же терпит она от людей!

Не знала она с мужем счастья беспечного,
Не раз ее сердце сжималось тоской. . .
Теперь же нападки врагов бесконечные
Измучили, отняли сон и покой.

Подобно не сжатому на поле колосу,
Согнулась под тяжестью горя и бед,
Но жалоб ее справедливого голоса
Никто не услышит: им отклика нет.

Своими мозолями вечно кровавыми
Должна она хлеба кусок добывать,
С глумленьем, с обидами биться неправыми
И деток — надежду свою — поднимать.

1906

52. ШУМИТ ВЕСЕЛО ЛЕСОК

Шумит весело лесок,
Шум не затихает;
Полюби меня, дружок,
Я ведь молодая.

Я пригожая девчина,
Полюби душою,
Не увидишь ты кручины
Никогда со мною.

Сердце бьется, любить хочет,
Сердце ждет другого,
Нет покоя мне и ночью,
Как с горя какого.

Не заснуть мне, всё томлюся
От большой заботы,
То печалюсь, то смеюсь,
То всё жду кого-то.

Жду, всё жду, — не затоскуешь
Ты, дружок, со мною,
Приди только, счастлив будешь
Со мной, молодую.

1906

53. ОТКЛИК НА 29 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА В МИНСКЕ

Боже наш, боже, что это будет,
Если так дешево вдруг стали люди?
Царские слуги бьют их, стреляют,
Не за людей, за собак считают.
А за что же это? — Всё за свободу
И за то, что ищут в море кривды броду.
Хотят правду люди достать из могилы,
Чтоб зря не гибли думы и силы,
Чтобы мог бедный хлеба есть вволю, —
Много и бедному надо на долю.

Мало ль, что бедный, убогий. . . а всё же
Быть он раздетым, разутом не может,
Спички нужны, и табак людям нужен,
Чарочку выпить надобно в стужу,
Надобно в праздник булку и шкварку,
Кума иль свата потчевать чаркой. . .
Надо. А царь-то нас плеткою встретил,
Бедный же с горя не чувствует плети,
Верит, что рай получит за слезы,
Будет весна, исчезнут морозы.
Хоть люди гибнут за правое дело,
В бой за свободу идут они смело.
Вот что было на днях у вокзала:
Крови земля напилась там немало —
Столько к земле припадало сраженных,
Столько калек. . . А от крика и стога,
Как на пожаре, вся даль огласилась,
Даже и солнце за тучами скрылось.
Вот дождалась мы царева указа,
Что даровал все свободы нам сразу.
Каждый по-своему думал об этом:

Вправду ли будет указ нам просветом
В горе извечном, в недоле суровой,
Правда ль, что сбросим навеки оковы?
Может, кто лишнее молвил с досады. . .
Царский же сброд стал тогда без пощады.
Как по скотине, стрелять по народу, —
Гибли тут люди за проблеск свободы.

Вот тут узнай, то ль свободу нам дали,
То ли обманом на бойню загнали?
Каждый по-своему думает, судит,
Одни — что хуже теперь еще будет:
Если теперь лишь из ружей стреляют,
Пушками после народ повстречают.
Другие — то, что наш царь нацарился,
Досыта крови он невинной напился, —
Словно без царя обойтись кто может.

А кто ж драть будет, коль царя низложат?
Теперь вот ты трезвый или напился,
А царь с тобою, словно клещ он впился.
Коль жить в свободе такой нам придется,
То и за солнце платить доведется.

1906 (?)

54. БЕЛОРУССКОМУ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ •ЗАГЛЯНЕТ СОЛНЦЕ И В НАШЕ ОКОНЦЕ•

Привет вам, привет с самой темной стороны
От братьев, сестер угнетенных своих
Шлю, радости полный, шлю с песнею звонкой:
Побольше нам зерен вы сейте таких!
Метелицы край наш родной полонили,
И лучших овечек уносит зверье.
И ночью и днем мы как в темной могиле,
Безмолвно и сумрачно наше житье.
Здесь голод с нуждою взывают о мщеньи,
Для духа, для тела и хлеба здесь нет.
Чтоб высушить море всех слез и мучений,
Ста солнц был бы нужен сжигающий свет.

Никто сил отнять у народа не может —
Ведь плети и голод им дали закал,
Но кто же отважно их сон потревожит
И кто таким сильным себя бы назвал?
Вы зорькою ясной над нашей землею
Восходите путь наш во тьме освещать
И знания зерна несете с собою,
Хотите уснувших будить, поднимать.
О, если б теперь вы, предвестники солнца,
Лучей миллионом зардели для нас!
И если б то солнце да в наше оконце
С собой принесли нам в счастливейший час!
Нас восемь миллионóв. Могли бы поклоны
Отвесить нам жители всякой земли.
Нас восемь миллионов — почти, кто смышленный!
А горе свое побороть не смогли.
Но что вспоминать о поре угнетенной!
У вас об одном мы хотели б просить:
Чтоб все эти восемь родных миллионов
Могли бы друзьями вам верными быть.
И сущее диво узнать вы могли бы:
Глядите — встает белорусский народ;
Свой край создает он в лесах и на нивах.
Что ж это такое? — То правды приход.

1906 или 1907

55. АВТОРУ «СКРИПКИ БЕЛОРУССКОЙ»

Не смолкая, всё играешь
Ты на скрипочке своей,
К небу мыслями взлетаешь,
Счастья ищешь для людей.

Словно споря с соловьями,
Льется звонкий голос твой.
Ты играй, играй меж нами,
Бейся песней с темнотой!

Так певучи струны скрипки,
Словно в ней душа живет,

И в руке смычок из липки,
Как перо, легко идет.

Поведешь ты им — и льется
Песня, просто б слушал век:
То от счастья сердце бьется,
То печален человек.

Скрипка нам о чем-то новом,
Всё о светлом говорит,
В песне той родное слово
Белорусское звучит.

Белорусов называешь
Ты людьми среди людей,
Край родной ты воспеваешь,
Славишь песнею своей.

Сердце хочет, отзываясь,
Вторить ей издалека,
Пить и пить, не отрываясь,
Из того же родника.

Всё смелей о нашей доле
Ты на скрипочке играй!
Встретят люди хлебом-солью,
И спасибо скажет край.

Край наш — бедная сторонка,
А народ бедней ее:
Не воспет он в песне звонкой,
Кто ж теперь о нем споет?

Кто, коль бросишь ты пригоже
Для своих играть людей?
.. Эх! Играй же тот, кто может:
Плакать будет веселей.

1906 или 1907

56. КОСАРЮ

Стуки, стук, стук, молоток!
Отбей косу, мужичок.
Отбей острую свою,
А я песенку спою:
Гоп, гоп, гоп!
Я тебе спою.

Прежде был народ хитрей,
Ружей он не знал, ей-ей!
Вместо сабель косы брал
И с врагами воевал.
Гоп, гоп, гоп!
Храбро воевал.

Косу в шейке отогнет,
И насадит, и махнет;
Кто не сдался — тот готов.
Косой резали врагов.
Гоп, гоп, гоп!
Резали врагов.

Грохот пушек не страшил,
Не сломить народных сил:
Один ляжет — сто идет,
Кто ж сильнее, чем народ?
Гоп, гоп, гоп!
Чем такой народ.

Так и ты косу остри,
Да скорее — раз, два, три!
Иди с нею на войну,
Я ж иначе петь начну.
Гоп, гоп, гоп!
А я петь начну.

На войну с травой иди,
Коси гладенько, гляди!
Пусть и молния и гром —
Будь отважным косарем.

Гоп, гоп, гоп!
Храбрым косарем.

Свищут птицы под окном,
Мы всё лучшей доли ждем. . .
Хватит косу отбивать,
Пришло время начинать.
Гоп, гоп, гоп!
Время начинать.

(11 мая 1907)

57

Пой, моя жалейка,
Пой, как соловейко,
Опевай неволю,
Опевай недолю
И греми свободно —
Жив наш дух народный!

Между 1905 и 1907

58. Я НЕ ПОЭТ

Я не поэт — нет, избавь меня боже!
Славы такой не ищу я нимало.
Но песню сложить я сумею, быть может,
И просто зовуся: Янка Купала.

Слава поэтов ласкала на свете,
Много им песен хвалебных слагала. . .
Тихо пою я — кто тихих приметит?
Ведь я из деревни — Янка Купала.

В каждой стране, вдохновеньем согрето,
Слово певца о народе звучало.
У белорусов же нет и поэта.
Пусть уж им будет хоть Янка Купала!

Он незадачливый, тихий, несмелый,
Горькая доля его воспитала.
Слезы, обиду и горе век целый
Только и знал он — Янка Купала.

Песню сдружил он с той речью убогой,
Которая только насмешки спискала,
Пусть ее судят надменно и строго —
Вот, скажут, выдумал Янка Купала.

Счастье так редко над миром восходит,
Нам оно светит так скупо, так мало.
Счастье увидев в родимом народе,
Сам бы стал счастлив Янка Купала.

Долго не цвезть этой песенной силе,
Смерть стережет нас, и дней у нас мало.
Спросит прохожий: «Кто в этой могиле?»
А надпись ответит: «Янка Купала».

Между 1905 и 1907

59. КОМУ ВАС, ПЕСНИ?..

Кому вас, песни, я, несмелый,
Тут буду петь, ткать из души,
Несчастной, страждущей век целый,
Пока не сгину я в глуши?

Петь мне для темных и несчастных,
Что и не смогут прочесть,
Иль для имущих и всевластных,
Кто не захочет вас и знать?

О, верю, верю — это слово
Не выдаст мой родной народ,
Пусть он и темен, и окован,
И беден дум его полет.

А вы, души моей творенья,
В безвестности вам истлеть.

Растопчут вас без сожаленья,
Когтями крысы станут рвать.

Или какой-нибудь ученый,
Найдя вас, пыль стряхнет с листов,
Мой труд читая немудреный
Сквозь стекла старческих очков.

Просмотрит, скажет: «Матерьяла
О Беларуси давних дней,
Коль разобраться, тут немало, —
Жаль, нету рукописи всей.

Ее мы целой не имеем.
Хвостун поэт ее не раз
Давал каким-то книгочиям,
А крыс — хоть пруд пруди у нас.

Грызут бумагу не впервые.
Им труд поэта — не корысть.
Дай им писанья хоть какие,
Добро чужое рады грызть.

А всё же рукопись я эту
Возьму на полочку свою.
О ней и творчестве поэта
Я напишу еще статью.

А часть стихов дадим в печати
И что-нибудь от крыс спасем.
«Поэт из недр» узнает кстати,
Что есть в газетах и о нем».

Так будет рассуждать ученый,
Листы пропавшие искать.

Пусть лучше гибнет труд мой скромный,
Чем эту участь испытать!

Между 1905 и 1907

60. ИЗ МОИХ ПЕСЕН

Всё, чем сердце живет,
Что подсказано сном,
Что пред взором пройдет, —
Всё я вылью пером!

И, чтоб слышал весь свет,
Песне легкой отдам —
Пусть за вихрями вслед
Полетит по полям.

Пусть летает вокруг
Над бездольной землей,
Где спят сила и дух,
Где брат свой — как не свой.

Пусть тех будит, кто спит,
Тех, кто скован ярмом,
Пусть широко гремит,
Словно колокол, гром!

Между 1905 и 1907

61. К ПЕСНЯМ

Песни мои, песни!
Грусти моей дети,
Когда ж зазвучите
Веселей на свете?

Ой, моя да с вашей
Доля очень схожа:
Плачете вы, песни,
И я плачу тоже.

Хотел бы вас, песни,
Потерять, покинуть —
Не смогу расстаться
С вами до кончины.

Выплакал вас сердцем
И душою вольной,
Когда бился с горем
И с лихой недолей.

Вы теперь повсюду
Ходите за мною —
Осенью по кочкам,
По траве весною,

По снегу зимою
И по нивам летом,
Вы меня сроднили
С горем, с этим светом.

Поселили в душу
Мне печаль, тревогу,
И еще о горе
Я услышу много.

Сколько ни тужить мне
Днями и ночами,
Вечно вместе будем —
Вы со мной, я с вами.

Только, мои песни,
Грусти моей дети,
Когда ж зазвучите
Веселей на свете?

Между 1905 и 1907

62. К СВОИМ ДУМКАМ

Думки, думушки-зарницы!
Откуда примчались,
Что в душе моей, как птицы,
Песней отозвались?

То ль навял ветер вольный,
 Что по взгорьям скачет,
Что у тына, как бездольный,
 По сироткам плачет?

То ли вешнюю водою
 Вас ко мне прибило,
Той, что бурною волною
 Берега размыла,

Той, что скрыла доли, кручи
 На большом просторе,
А потом слилась с могучим,
 Величавым морем?

Думки, думушки-зарницы!
 Откуда примчались,
Что в душе моей, как птицы,
 Песней отзывались?

То ли горе породило
 Вас в хате дырявой,
На земле, где гибнут силы
 Без воли, без права?

То ли в колыбели новой
 Со мною росли вы,
Вместе с первым моим словом,
 С той поры счастливой?

Свет казался ясным раем,
 Без обмана — люди,
Не был путь, открытый взору,
 Одинок и труден.

Думки, думушки-зарницы,
 Откуда примчались,
Что в душе моей, как птицы,
 Песней отзывались?

Родила ли вас неволя,
Горе или слезы?
Иль наваял ветер с поля,
Как листки с березы?

То ль пригожая девчинка
Тайно мне шепнула,
Та девчинка, та кровинка,
Что ко мне так льнула?

И клялась любить душою,
Век делить заботы,
Горе всё делить со мною,
А потом... ну что там!

Думки, думушки-зарницы,
Откуда примчались,
Что в душе моей, как птицы,
Песней отзывались?

То ль вас выпахал сохою
На полоске хилой?
То ль вас выкосил косою
С белоусом сивым?

То ль вас люди где добыли,
Как правду скрывали? . .
Сердце мезтью очернили,
Кривдой оболгали.

Ведьмы смерть и боль разлуки
На бесправье сеют,
Обагрят кровью руки,
На трупах шалеют! . .

Думки, думушки-зарницы,
Откуда примчались,
Что в душе моей, как птицы,
Песней отзывались?

Гей же, думки, громко пойте,
Пока сердце бьется!
Громко пойте, с горем спорьте,
Кто-то пусть смеется!

Придет время, и вас мило
Кто-то и приветит,
Может, хоть девчинка-светик,
Что меня любила!

Придет время — поймут люди,
Где правда сияет. . .
Пойте ж, думки, счастье будет,
Утро наступает!

Между 1905 и 1907

63. ДУМКИ

Мысли льются, роем вьются,
Будят сон души.
На свет божий, свет пригожий
Рвусь я из глуши.

Ввысь за горы, за озера,
Там, где речки шум,
Мне бы птицей устремиться
За полетом дум!

Сердце бьется, к жизни рвется,
Счастья свет любя,
Эй ты, горе, может, вскоре
Поборю тебя!

К светлой доле в чисто поле
Скоро выйду, мать. . .
На полатах в темной хате
Надоело ждать!

Свет великий, песни, крики,
Гул со всех сторон...
Звон я слышу, к славе высшей
В гости кличет звон.

Вышли люди, в ранах груди,
Факелы в руках,
В сумрак ночи смотрят очи,
Им неведом страх!

Сон нарушив, будят душу,
Вновь надежда в ней,
Ободряют, призывают
В бой идти скорей.

Думки бродят, в сердце входят...
Верю я и сам:
Сгинет горе, будет вскоре
Радость всем сердцам.

Думки эти о рассвете
Стороне моей
Песней новой, звонким словом
Возвещу скорей.

Дни настали — к счастью в дали
Уж проложен след...
Трудно, мать, мне в тесной хате —
Полечу я в свет!

Между 1905 и 1907

64. Я НЕ СОКОЛ...

Я не зоркий вольный сокол,
Не орел могучий,
Что возносится высоко
За седые тучи.

Я не звонкий соловейка
С его песней славной,
Я всего лишь воробейка,
Выросший под Гайной.

Я, любя свой край родимый,
Не лечу в чужие,
Бьюсь с морозом в злые зимы,
В зимы снеговые.

Мне бы, на плетень взлетая,
Песенки чирикать
Да людей родного края
К доброй славе кликать.

Словно сад, люблю я хату,
Хоть ее и нету,
Схож я с пташкою крылатой
Бедной долей этой.

Ястреб схватит воробейку
Иль мороз поборет,
А меня в сыру земельку
Спать загонит горе.

Над могилкою моею
Крест поставят люди,
Пташка малая над нею
Петь весною будет.

Всё ж под песню легче, знаю,
В яме спать постылой. . .
В жизни — слезы, доля злая,
Песня — над могилой.

Между 1905 и 1907

65. ПЕСНЯ О ПЕСНЯХ

Так и сяк, и там и сям
Жить нам с песней нужно.
Вот готова песня вам —
Только пойте дружно.

Запишу ее потом,
Чтоб хранили люди.
Что написано пером,
То топор не срубит.

Сердце песни нам дает.
К ним почета требуй.
Плоховат хозяин тот,
Что сидит без хлеба.

Песней жив всегда народ —
Без нее что б было?
Не избыть бы нам невзгод,
Тьма бы нас давила.

Нам бы больше книг, газет,
Больше бы ученья!
Тем, кто нам приносит свет,
Всюду уваженье.

К свету пусть народ идет.
Полно спать, вставайте,
О чем песенка поет,
Всё перенимайте.

Пойте, пойте все дружной,
Белорусы-братцы,
Вы с неправдою смелей
Станете сражаться.

Будет радость впереди,
Время думам сбыться.
Сами станем мы людьми,
Край наш обновится!

Между 1905 и 1907

66

Хоть ты, сердце, лопни, тресни,
Хоть гони меня, пан, в шею, —
Буду петь я свои песни,
Будни ль, праздник — не сробею!

Думки, оды петь я буду,
Чтобы каждый веселился,
Чтобы тутошнему люду
Свет невиданный открылся!

Чтоб, шагая ли за плугом,
Работая на дворе ли,
В чаще леса ли, над лугом, —
Все по-своему бы пели!

Чтобы ты, брат, не стыдился
Своей речи, своей мовы,
Языка, с каким родился,
Хоть и дан тебе был новый.

Петь тебе я, милый, буду,
Чтоб протер свои ты очи! —
Не научишься покуда
Отличать хоть день от ночи.

Потому что слеп ты, брате,
Как табак на дне кисета,
Хоть не волк — живешь ты в хате,
Даже сердце прячешь где-то.

Знаю: жалостлив душою,
Малой твари не обидишь,
А что мовою родною
Пренебрег, — того не видишь!

Гей, проснися, белорусе!
Добры люди повставали.
Гей, проснися, белорусе!
Зорьку правды увидали.

Между 1905 и 1907

67. ПЛАЧУТ МОИ ПЕСНИ

Тяжко стонут реки
В паводок весною,
Плачут мои песни,
Голосят со мною.

Не стоните, воды,
Паводком бурливым,
Бросьте плакать, песни,
Горько, несчастливо.

Кто удержит реки,
Что стремятся в море?
Кто заглушит песни,
Коль поет их горе?

Велико ли горе,
То, что сердце мучит,
То, что ненавидеть
И рыдать научит?

Как дубок, что сломлен,
Сохнет, увядает,
Как в железной клетке
Соловей смолкает, —

Так я пропадаю,
Так не знаю доли,
Как дуб, засыхаю,
Плача в злой неволе.

Не дано мне жизнью
Ни земли, ни хатки,
На чужих я трачу
Сил своих остатки.

Где-то за горами,
Не окинуть оком,
Свет большой и шумный
Стелется широко.

Соколом бы вольным
Полетел по свету,
Только где ж вы, крылья?
Доля, где ты, где ты?

Я бы пел о счастье,
Как порою вешней
В садике зеленом
Птица на черешне.

Гулко стонут реки
В паводок весною,
Плачут мои песни,
Голосят со мною.

Между 1905 и 1907

68. СЕРДЦЕ БЕДНОЕ...

Сердце бедное,
Не грусти, замри!
Душа смутная,
Песен не твори!

Ну кому ж, кому
С горя я спою?
Кто послушает
Песню-грусть мою?

Мог бы выслушать
Песню бедный брат, —
Не до песен тем,
Кто нуждой богат.

А кто счастьем сыт,
Кто богат во всем,
Песня грустная
Отзовется ль в нем?

Так кому ж, кому
Звонко я спою?
Кто послушает
Песню-грусть мою?

Перед кем, ой, кем
Душу мне открыть?
Стон беды, нужды
Заглушить, забыть?

Между 1905 и 1907

69. ОТПОВЕДЬ

Вы, паны, меня с песней к себе призываете,
Чтобы в ней воспевал я большие деянья,
Рай, не снівшийся мне, на земле открываете,
Говорите: найду этим славу, признанье. . .

Шумно ветер поет над родными дубравами,
Над залитою потом и кровью землею;
Не гонюся, паночки, ой, нет, я за славою,
Не взойдет надо мной доля светлой звездюю.

Слышу я, слышит сердце мое беспокойное,
И душа моя боли во мне не избудет;
Как родился, несчастье досталось бездолному,
Не утешили в горе и добрые люди.

Мать не тешила песней меня колыбельною:
Надо мной она пела о тяжкой доле;
За окном подпевала зима ей метельная,
Ветер песни ее нес по снежному полю.

А когда я подрос, свет узнал, не утешила
Меня молодость, трудно пришлось мне с нею:
Холод, голод, беду на мои плечи вешала,
И участия и ласки не видел нигде я.

За столом не бывало мне места свободного,
Над моей нищетою смеялись убогой,
У порога мое место было, безродного,
И в колючках дорожка вилась за порогом.

Не ласкали меня руки девичьи белые,
Не глядели в глаза мне веселые очи,
Как пустынный, забытый людьми, я дни целые
Так живу и печалюсь с утра и до ночи.

Как бездомный, на свете век целый я маюся
Без угла, без родимой приветливой хатки;
За чужую работой из сил выбиваюся,
Веры в долю счастливую гибнут остатки.

Так, паночки, в грядущую славу не верится,
Обещанья пустые мне слышать не мило;

А что в сердце, в душе моей нынче имеется —
Буду вкладывать в песни до самой могилы.

Буду петь не за славу, что вы обещали мне,
Буду петь — ведь люблю я родные поляны,
Буду петь — ведь люблю свою песню печальную,
Отплачу я народу за дар, долей данный.

Между 1905 и 1907

70. КАК ПОЙДУ Я, ПОЙДУ...

Как пойду я, пойду по загонам,
По следам, где шел пахарь, пойду,
По лугам и лесам по зеленым
И по селам, где знают нужду.

На жалейке своей всем на диво
Там я песни начну распевать;
У несчастных хочу и счастливых
Думы светлые я вызывать!

Я для нивы погудку сыграю,
Чтоб хороший ленок подняла,
Чтобы рожь колосилась густая
И за труд наш наградой была.

И к поляне прильну я устами,
И опять попрошу у земли,
Чтоб она красовалась цветами,
Чтоб стога по раздольям росли.

Роще крикну, чтоб гордой, скупую
Не была для семьи трудовой,
Помогла воевать ей с зимою;
Сам послушаю шум боровой.

А приду в села к нашему люду —
Стану всюду по хатам ходить,
Ранить горем сердца там не буду,
Буду петь да играть — всех будить.

Между 1905 и 1907

71. ГДЕ Б И ПРАВДА ЖИЛА...

Где б и правда жила, где б и доля цвела,
Где народ не стонал бы над горем-бедой,
Где бы слез не лилось, где бы кровь не текла,
Полетел бы туда, полетел бы душой.

И запел бы там песню, эй, думку свою,
Словно в темном бору соловейка весной,
Чтобы свет услышал, как счастливо пою,
Слез не лью, как теперь, я ночью порой.

Да не мне петь о счастье, где жизнь без тревог:
Всюду вижу и слезы, и кровь, и беду;
Неспокойной душой наделил меня бог,
И с такою в могилу, наверно, сойду.

И пока не придет воля светлой зарей,
Разве могут о радости песни звучать?
И пока буду видеть, как плачет брат мой,
На земле мне правдивого счастья не знать.

Свищет ветер, листву обивает с берез,
Ветки с хрустом ломает, протяжно гудит.
Кто смеется от слез — сам виновник тех слез,
Кто не может будить — сам зато крепко спит.

«Прочь с дороги, мужик, оборванец худой!
Что? Своих ты вельможных панов не узнал?
Ну-ка, в сторону, хам! Эй, ты, шапку долой!» —
Черт летит и кричит, волю ругани дал.

Между 1905 и 1907

72. НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Жизненным тернистым, трудным
Я путем иду,
А за мной моя недоля
Гонит вслед беду.

Черную беду такую
Мне не сокрушить,
Слезы, горе насылает
Так, что трудно жить.

Грустно, слезы поневоле
Льются из-под век,
Хоть пришла бы смерть-могила,
Чем так жить весь век!

Эх, пойду я в бор дремучий,
Песню запою,
Лесу выскажу кручину
Горькую свою.

Где ты, доля, где ты, воля?
Нет их с давних пор;
Здесь шумят дубы и сосны,
Глухо стонет бор.

Кажется: сосну бы обнял,
Согрел бы собой,
Холодно и неудобно,
Страшно мне порой.

Заковала всё неправда,
Весь затмила свет,
Как же жить и что же делать?
Но ответа нет.

Только черная неволя
Всё не отстаёт,
Хоть с ней борются и гонят,
А она живет.

Между 1905 и 1907

73. ИЗ ОСЕННИХ НАПЕВОВ

Не гуди так, осень,
Непогодой дикой;
Не кручинься, сердце,
От беды великой.

Не живу, а чахну
Без поры пригожей;
И на свете осень,
И на сердце тоже.

Много встретил весен
Я, в полях гуляя,
Но весны на сердце
Я еще не знаю.

Молодость, веселье
Не были со мною;
Пойте ж вы хоть, песни,
С несчастной душою.

Не гуди так, осень,
Непогодой дикой;
Не кручинься, сердце,
От беды великой.

Между 1905 и 1907

74. ИЗ ПЕСЕН НЕДОЛИ

Шумные березы
Побелил мороз,
Хотел бы я плакать.
Только нету слез.

Хотел бы запеть я
О беде своей,
Только нету песни,
Ност грудь сильней.

Хотел бы, чтоб зимы
Ушли со двора,
Чтобы красовалась
Летняя пора.

Хотел бы, чтоб доля
В хате век жила,
Чтоб с бурливой речкой
Недоля сплыла.

Хотел бы, чтоб воля
Гуляла со мной,
Чтоб солнышко грело,
Как греет весной.

Только доли светлой
Не отыщет взгляд, —
Кандалы неволи
На руках звенят.

Нет весны и солнца,
Вместо света — тьма,
Морозом морозит
Лютая зима.

Морозом морозит,
Вьюгами грозит,
На работу гонит,
Голодом морит.

Эй, пойду я в поле,
Доли поищу,
Острою косою
В поле засвищу!

Ой, пойду я в поле,
Словно на войну,
Поищу там воли,
Саблею махну!

Может, выйдет доля
Ясною зарей,
Может, встанет солнцем
Воля надо мной!

Между 1905 и 1907

75. ИЗ ПЕСЕН О СВОЕЙ СТОРОНКЕ

Невеселая сторона
Наша Беларусь:
Люди — Янка да Симонка,
Птицы — дрозд и гусь.

Поле залито слезами,
Всё оно в камнях,
Сенокосы наши с пнями,
С кочками во мхах.

С полосы за труд упорный
В осень соберешь
Лишь ячмень, как сажа черный,
С головнею рожь.

Небогатые деревни,
Нет нигде садов,
Только кое-где деревья
Чахнут у прудов.

А в деревне люд убогий,
Горькое житье,
Вечно в лаптях преют ноги,
На плечах тряпье.

А как темен люд весь этот,
Трудно и сказать.
Необутый, неодетый,
Не учен писать.

Каждый ведь над ним смеется
И зовет «дурным».
Бедный мой народ. . . Сдается,
Плакал бы я с ним.

Так немило, что могилой
Словно отдает
Беларусь, моя сторонка,
А люблю ее.

С ней когда бы разлучился,
Плакал бы, грустил. . .
Волку лес, где он родился,
Тожe дорог, мил!

Дома голод коль узнаю —
Хлеб водой запью,
Но тоска-кручина злая —
Жить в чужом краю.

Там не жди участия в горе,
Каждый там чужой.
Будешь жить, с тоскою споря,
Жить с бедой одной.

Кто подхватит, коль затянешь
Песнь в чужом краю?
Там любить свой край ты станешь,
Словно жизнь свою.

Между 1905 и 1907

76. ЭТО КРИК, ЧТО ЖИВЕТ БЕЛАРУСЬ

Волк завоюет иль буря застонет вокруг,
Запоет соловей, загопочет ли гусь, —
Я тут вижу свой край, бор, и речку, и луг,
Нашу родину-мать — Беларусь.

Пусть холмиста земля, камениста она,
Воробью по колено, что сею, растет,
Но душа моя этой земельке верна
Даже в годы тревог и невзгод.

Хата крыта соломой, и бедно гумно,
Не скрываю — на вид неприглядны они.
Но своею рукой здесь бревно на бревно
Положил я в минувшие дни.

Хата крыта соломой, — что ж делать, нужда,
Под соломенной крышей и рига стоит,
Но я в сердце, как веру, ношу их всегда,
Их всегда моя память хранит!

Здесь в далекие дни я узнал божий свет,
Я отсюда шагал в школу в утренний час,
При лучине здесь сказки рассказывал дед,
Здесь и труд я познал в первый раз.

В ригу складывал хлеб, сено клал каждый год,
Здесь впервые я Зосе сказал, что люблю...
А потом здесь с детьми собирал умолот,
И теперь рядом баню топлю.

И хоть горе познал, сгибло счастье навек,
Умерла моя Зося, нет в хате детей, —
Привыкает к родимой земле человек,
Будто куст, прирастает он к ней!..

Всё здесь будто беседу заводит со мной —
И березка, знакомая с детства, и дуб,
Снег морозной зимой, травка вешней порой
И колодца знакомого сруб.

А бурливый ручей, а зеленый мой сад!..
Тут, брат, сердце отдашь ради этих чудес...
Этот сад посадил я лет двадцать назад,
А теперь он разросся, как лес!

С этим садом я сжился, как с хатой своей,
Знаю, сколько он слив, сколько яблок дает,
Скоротал я в нем с Зосей немало ночей
И мечтал до утра напролет.

Ой, бывало, как солнце пригреет весной,
Дух захватит в саду этом, словно в раю,
Распевают здесь птицы рассветной порой,
Теша песнями душу мою.

Там кукушка считает мне годы мои,
Там запели скворцы, там звенит соловей,
Над крапивой, летая, кричат воробьи.
Солнце греет теплей и теплей!..

Брат, теперь погляди на поля и на луг,
Погляди на простор, где прошли косари, —
Здесь свистела коса, потрудился здесь плуг,
Труд кипел от зари до зари.

Далеко протянулась полоска овса,
Возле — поле, где что ни картошка, то шар,
Узким поясом ржи пролегла полоса,
Дальше — вспахано поле под пар.

Средь овса шелковистый пробился ленок,
Зеленеет, овес оттеняя собой. . .
Там усатый ячмень под росую прилег,
А подальше — лужайка с лозой.

Что уж тут говорить! Здесь, куда ни гляжу, —
Край любимый кругом и родная земля.
Здесь и люди. . . да что. . . о них после скажу. . .
Их судьбе не завидую я.

Только как не любить это поле и бор,
Где б я ни был — всегда я к ним сердцем
стремлюсь. . .

Если ж часом застонет от бури простор, —
Это стон, это крик, что живет Беларусь!

Между 1905 и 1907

77. А КТО ТАМ ИДЕТ?

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такой толпой? —
Белорусы.

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках? —
Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою? —
На свет божий.

А кто же это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон? —
Нужда, горе.

А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим? —
Людьми зваться.

Между 1905 и 1907

78. МОЖНО...

Можно плесенью выбелить хатку родную,
Может ветер недолей заплакать над ней,
Можно петь соловьиные песни, ликуя,
Что, мол, счастлив весь мир, горя нет у людей.

Можно в кровь и пожары окрасить долины,
Могут молнии падать и громы греметь,
Могут люди в сражениях гибнуть безвинно,
Можно цепи на всех беззащитных надеть...

Но ведь есть же великая правда земная,
Есть же правда, что солнцу по силе равна, —
Лишь до времени спит, но проснется, сверкая,
За свое унижение оплатит сполна.

Между 1905 и 1907

79

Я видел души сильные,
Им вихри улыбались
И пели песни дивные,
Чтоб вышли и сражались,

Сражались с неправдою,
Чтоб силой непокорною
Разбили цепи тяжкие —
Оплот насилья черного.

И вышли люди сильные
На битву на кровавую,
Да смертью храбрых умерли,
Покрыты вечной славою.

И только плакать хочется
Над братскими могилами,
Над краем над измученным,
Над гибнущими силами.

И только плакать хочется,
На целый свет печалиться,
Что так земля родимая
С ног от неволи валится!

Между 1905 и 1907

80. ПЕСНЯ ВОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Напрасно свистами нагайки
Тираны устрашить хотят,
Напрасно черной сотни шайки
Расправой дикою грозят, —
 Душой я вольный человек,
 Я им останусь целый век!

Мне не страшны Сибирь, остроги,
Меч палача и звон оков,
Пусть руки закуют и ноги,
Я пытки вынести готов, —
 Душой я вольный человек,
 Я им останусь целый век!

Нам хлеб мерещится тем боле,
Чем горше голод нас гнетет;
Тем больше люди рвутся к воле,
Чем меньше к ним она идет, —
 Душой я вольный человек,
 Я им останусь целый век!

Напрасно хохот раздается
Тиранов подлых над землей,
Что воля ими закуется,
Падет, задушена петлей, —
 Душой я вольный человек,
 Я им останусь целый век!

Да разве солнце кто потушит,
Погасит свет могучий дня?
Тираны воли не задушат,
Ведь воля солнышку родня, —
 Душой я вольный человек,
 Я им останусь целый век!

Между 1905 и 1907

81. ВОЛЯ

И люблю ж я, люблю
Эту волю свою!
Прахом лягу — велю
Дать мне волю свою!

Зачем соколом быть,
Так высоко летать, —
Только б волею жить,
Только б гнета не знать.

Если б я расковал
Звенья цепи одной,
Я бы всем показал,
Как жить с волей родной!

Лягу в землю свою
В милом нашем краю,
Но пред смертью спую,
Как я волю люблю!

Между 1905 и 1907

82. ИЗ ПЕСЕН БЕЛОРУССКОГО МУЖИКА

Я — магнат, я — богач!
Всем я рад и всем сыт!
Что мне пан, что палач?
Целый свет мне открыт!

Знаю — будет пора:
Под мою рукой
Станет долом гора
И долина — горой!

Воду рек поверну,
Темный бор повалю,
А за сошкой шагну —
Целый свет накормлю.

Говорят, что любой
Дух мой слабый согнет:
Как махну я косой —
Наземь ляжет осот!

Говорят, что других
Обижаю людей...
Не с трудов ли моих
Разжирел богатеи?

Я силен — знает всяк —
На полях и в лугу!
Только горя никак
Одолеть не могу.

На загоне моем
Только град всё пожнет,
Только ведьма залом
На меня заплетет.

А зимой в холода
В хате ветер поет,
Только дров никогда
Паанский бор не дает.

А придет смерть моя —
Как меня схоронить?
Нету даже гнилья,
Чтобы гроб сколотить.

Смерть придет, но за ней
Не уходит беда —
И с могилки моей
Насыпь смоев вода.

Между 1905 и 1907

83. Я МУЖИК-БЕЛОРУС...

Я мужик-белорус —
За сохою я рос;
Темен сам, белый ус,
Пряди длинных волос.

Мне отцом голод был,
И растил и кормил,
Мать — лихая беда —
Сил дала для труда.

Хоть обиды терплю, —
Должен быть глух и нем;
Мир я хлебом кормлю,
Сам мякинушку ем.

От работы такой
С барышом целый свет,
Только мне никакой
Благодарности нет.

Видишь — высится бор
Непроглядной стеной,
Загудел мой топор —
Бор лежит предо мной.

Я кобылку стегнул,
За сохой зашагал,
Только плечи пригнул —
Целину распахал.

Я засеял клочок,
А потом, когда сжал,
Пан пшеницы точок —
Любо глянуть — собрал.

Кто со мной не знаком?
Я мужик-белорус!
Синяки подо лбом,
Темен сам, белый ус.

Кабы грамотным был
И читать бы умел,
Я бы счастье добыл,
Я бы песенки пел.

Я посмел бы сказать,
Что и я человек,
Что и мне горевать
Надоело весь век.

Между 1905 и 1907

84. НА СТАРЫЙ МОТИВ

Светит месяц, светит.
Всходит солнце рано.
Мужик пашет поле,
Не свое, а пана.

Не свое он поле
Потом поливает,
О своей земле он
Горестно вздыхает.

Ходит за сохою
С песнею протяжной,
Только пар струится
От рубахи влажной.

То, что завтра будет,
Мужика тревожит.
Гонит прочь он думы,
Отогнать не может.

Вот наступит осень,
Навезут немало
Хлебушка в амбары,
Сена в сеновалы.

Паны за границу
Укатят надолго,
Мужику ж придется
Зубы класть на полку.

Он чужое пашет
С Юрия до Спаса.
Осенью не будет
У него запасов.

Горькое бесхлебье
В дом придет зимою
И в семью раздоры
Приведет с собою.

И в корчму загонит,
Чтобы горе залил,
Чтобы там шубенку,
Скинув с плеч, оставил.

Продувает хату
Ветер злой, морозный,
А в бору у пана
Строевые сосны.

Расшумелись сосны,
Будто молвят шумом:
«Отгони тревогу,
Брось ты эти думы.

Вот пора настанет,
И земли прибудет,
Улыбнется счастье
Самым бедным людям».

Слушает он сосны,
А верить не смеет,

Пашет он и плачет
Над судьбой своею.

Не шуми, бор панский,
С утра и до ночи;
Пока солнце встанет,
Роса выест очи.

Роса очи выест,
Силушка завянет,
Пока счастье в хату
К мужику заглянет.

Между 1905 и 1907

85. ПОЙТЕ, ЛЮДИ, ПЕСНЮ...

Пойте, люди, песню
И поздно и рано:
Хорошо жить с паном,
А лучше без пана.

За твою работу
Плату пан назначит,
Да с панской щедроты
Не станешь богаче.

Лет уже семнадцать
Плата в день всё та же:
Выйдет грошей двадцать
Или меньше даже.

Где же легкой службы
Искать в нашей доле!
Ведь служба -- не дружба,
Тяжелей неволи.

Надо хорошенько
Знать житьишко это:
Спать ложись поздненько,
Вставай до рассвета.

Трудись, задыхайся
На ветру морозном,
Дрожи, унижайся
Перед паном грозным.

Похлебкой холодной
Говей, разговляйся,
Усталый, голодный
На нарах валяйся.

Бранит пан богатый —
Ни слова не скажешь:
Хоть не виноватый,
А язык привяжешь.

Хуже, чем скотину,
Кривдою изводят,
Бранью без причины
Встретят и проводят.

Пойте, люди, песню
Весь век неустанно:
Хорошо жить с паном,
А лучше без пана.

Горше этой доли
Нету для народа.
Кто не любит воли —
Не нашего рода!

Между 1905 и 1907

86. ВОТ ТУТ И ЖИВИ...

Нету хлеба, нету соли,
 Ни клочка земли;
Нету счастья, нету доли, —
 Вот тут и живи!

Вслед зиме идут морозы,
 В Минск дрова вези;
Дети мерзнут: крики, слезы, —
 Вот тут и живи!

За зимой весна настала,
Вьюги отошли,
А тут корма, хлеба мало, —
Вот тут и живи!

Весной, летом что есть мочи
И коси и жни;
Пот кровавый залил очи, —
Вот тут и живи!

Прошло лето, пришла осень,
Подати неси,
А детей голодных восемь! —
Вот тут и живи!

Да и счастлив будь к тому же,
Долю не кляни:
В хате голод, беды, стужа, —
Вот тут и живи!

Век работай неустанно,
Всё от всех терпи;
Правду скажешь — хуже станет, —
Вот тут и живи!

Веселятся, пьют в палатах,
Светятся огни;
Меня ж гонят вон из хаты, —
Вот тут и живи!

Между 1905 и 1907

87. ГОНИШЬ НЫНЧЕ, ПАНЫЧОК...

Гонишь нынче, панычок,
Ты меня из хаты,
Я ведь бедный мужичок,
Счастьем не богатый.

Гонишь, гонишь... А ведь я
В срок платил, не медлил,
За хатенку из гнилья
Драл ты грош последний.

Иль на то тебе и бог
Дал богатства вволю,
Чтоб гонять ты бедных мог,
Как скотину в поле?!

А ведь я с тобой родня,
Коль считать с Адама! . .
Что ж ты гонишь так меня,
Не боишься срама?

Поработал бы ты сам,
Всё бы сам заметил
И узнал, как беднякам
Трудно жить на свете!

Между 1905 и 1907

88. ИЗ ПЕСЕН БЕЗЗЕМЕЛЬНОГО

Ох, как гляну, гляну я:
Доля бесталанная,
Горе беспрестанное —
Снова плакать стану я.

У тебя, хорошего,
Ни земли, ни лошади,
Нет в кармане грошика,
Одежда изношена.

В ночь идешь глубокую,
Смотришь в даль широкую,
На звезду далекую
И на рожь высокую.

И клянeshь всесветное
Горе беспросветное,
Долю неприветную,
Долю свою бедную.

Эти думы жгучие
Слышит гром за тучами .

Да леса дремучие,
Но не люд измученный.

Вот как гляну, гляну я:
Доля бесталанная,
Горе непрестанное —
Снова плакать стану я.

Между 1905 и 1907

89. А ТЫ, БРАТЕЦ, СПИ!

День весенний. Солнце всходит —
Свет для всей земли.
Пробудился дух в народе, —
Встали и пошли.

Будет дела всем до поту, —
Только не дремли!
Дружно выйдем на работу,
Ты же, братец, спи!

Спи, на слезы и на горе
Рукою махай.
Хоть и пролил слез ты море,
Говори: пускай!

Люди труд свой начинают,
Выйдя до зари,
И о вольных днях мечтают, —
Ты же, братец, спи!

Загостилась бедность в хате,
Тьма там с давних пор,
Женка, дети шлют проклятья...
Ты же — как топор.

Дремлет сошка по излогам,
Не вспахав земли,
Ржа косу ест над порогом, —
Ты же, братец, спи!

Спи! .. Придут, быть может, люди
И в твой бедный край
И тебя в сердцах разбудят,
Прокричат: вставай!

И на их призыв народный
Светоч ты бери,
Всех буди в тот час походный
Или лучше... спи?!

Между 1905 и 1907

90. ЛЮЛИ-ЛЮЛИ, МУЖИЧОК!

Песней жалостной лесок
Шумит из тумана:
Люли-люли, мужичок!
Подниматься рано!

Петухи еще — и те
На селе не пели,
Еще кони в темноте
Сено не поели.

И ужи по всем лугам
Ползают во мраке,
А по стойлам, по хлевам
Рыщут вурдалаки.

Совы, ведьмы, кожаны
Кружатся, летают.
На своих отцов сыны
Руку поднимают.

Хитрый змей унес казну
От старого скряги.
Волки воют на луну
За селом в овраге.

Песней жалостной лесок
Шумит из тумана:
Люли-люли, мужичок!
Подниматься рано!

Еще злая темнота
Рассвет не пускает,
Еще правда, доброта
Людей не равняет.

Между 1905 и 1907

91. ЭЙ, СКАЖИ, МУЖИЧОК!..

Эй, скажи, мужичок,
Куда долю ты дел?
Зашвырнул в ручеек
Или пропил, проел?

Заморозил в мороз
Иль с лаптями сносил?
Иль на рынок завез,
Детям хлеба купил?

Иль косой подкосил,
Иль сохой запахал,
Иль лопатой зарыл,
В глубь земли закопал?

Иль на жердь в огород
Распилила пила?
Иль разъел ее пот,
Иль слеза залила?

Не в казну ль передал,
Когда подать платил?
Может, пан обсчитал,
В свой карман положил?

Иль побил ее град,
Словно жито побил?
Или долей твоей
Бог других наградил?

Так скажи, мужичок,
Куда долю ты дел?
Зашвырнул в ручеек
Или пропил, проел?

Между 1905 и 1907

92. ЕЩЕ ДОЛГО ЛЬ...

Еще долго ль, братья, будем
Под неволею стонать?
Долго ль будем свое счастье,
Свою долю проклинать?

Или так же, как сегодня,
Будем мы терпеть беду?
Или горькая недоля
Всем нам пала на роду?

Обижают нас повсюду,
Все закрыты нам пути,
За людей нас не считают, —
Жизни хуже не найти.

Хоть твои в мозолях руки
И в труде ты каждый день,
Хоть ты от работы трудной
Сохнешь с голоду, как тень, —

Но твои жена и дети
Будут по миру ходить,
Но твоим жене и детям
Нечем грудь свою прикрыть.

По морозу и по снегу
Босиком бежишь на двор,
Ведь твоя такая доля,
Вечный жизни приговор.

Если смог ты заработать, —
То последний этот грош,
Весь свой заработок, бедный,
Ты за подати снесешь.

И хотя нам эту землю
Бог бесплатно даровал
И платить подушно подать
За нее не указал, —

Но здесь этого не помнят,
И как могут, так дерут,
И последнюю коровку
Вмиг за подать продадут.

Кто виновен, угадайте,
То ли бог, то ль черт проклятый?
Всё же лучше не болтайте,
Сами тоже виноваты! . .

Между 1905 и 1907

93. НА ДОБРЫЙ СТАРЫЙ ЛАД

Забудься и трудись!
Ни сердца, ни души
Не чувствуй, не томись —
И в шуме иль в тиши
Забудься и трудись!

Над хаткою твоей
Кружится ветер злой
И песнею своей
Разносит стон былой
Над хаткою твоей, —
Забудься и трудись!

Нужды пожар туши
И вновь за труд берись —
И в шуме иль в тиши
Забудься и трудись!

Хоть ночи мрак густой
Закрыв дороги все,
Идешь ты, как слепой,
По слез своих росе
С извечной темнотой, —
Забудься и трудись!

Преграды все круши,
Не жалуйся, борись —
И в шуме иль в тиши
Забудься и трудись!

Хоть горе вслед бежит,
А на сердце порой,
Как камень, грусть лежит,
Хоть горько, боже мой, —
Забудься и трудись!

Ни сердца, ни души
Не чувствуй, не томись —
И в шуме иль в тиши
Забудься и трудись!

Между 1905 и 1907

94. НЕ ТЯНИСЬ К БОГАТЫМ

Пойдут ли пожары, болезни, лишенья,
И голод и холод забродят по хатам, —
К дворцам не ходи ты искать утешенья!
Там только услышишь ты смех и глумленье.
Совет тебе, брат мой, — не верь ты богатым!

Не льни ты к богатому, бедный, убогий,
Тебе он не станет ни сватом, ни братом!
Там будешь собой вытирать ты пороги,
Швырнут тебе кость, как собаке, под ноги. . .
Так слушай, мой брат, — не тянись ты к богатым!

Богатый гуляет, одетый и сытый;
Смотри: что ни день — всё им праздник, проклятым,
Ты ж вечно работаешь, потом облитый!
Так будь человеком, хоть ты и забитый. . .
Мой брат, берегись и не верь ты богатым!

Между 1905 и 1907

95. ВОТ КАКИЕ

Сытый, раскормленный,
С окриком вечным,
Весел и пьян.

С пота батрацкого
Стал он беспечным, —
Это ваш пан.

Битый кнутами,
Работою скрючен,
Обувь из лык,

Холодом, голодом
Вечно измучен, —
Это мужик.

Между 1905 и 1907

96. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ

На шумном жизни празднике
Не всем один обед —
Для сильного и слабого
Различен и привет.

Вот сильный за беседою
Почетом окружен,
И жизнью, как хозяйкою,
За стол посажен он.

И угощают сильного
С поклоном за столом,
А перед ним и чарочка
Всегда полна вином.

Но где же место слабому?
Забитым места нет, —
К порогу в страхе пятится,
Не для таких обед.

Одни объедки жалкие
С презреньем им швырнут
И сильным не допитую
Им чарку поднесут.

Играет громко музыка,
Гуляет сильный, рад.
Глядят на это слабые,
Из-за угла глядят.

Между 1905 и 1907

97. ЧТО НАМ НАДО

Надо нам хлеба, как солнца и неба,
Чтоб на весь год было хлеба у нас,
Дров хоть полено да лошади сена,
Копейку какую себе про запас.

Нашей бы доле счастья да воли,
Большой и лучший земельки клочок,
Сытой коровы и хаты сосновой,
Чтоб красовался при хате садок.

К празднику шварку, порою и чарку,
Булку и сыр для желанных гостей,
Платья и книжек для ребятишек,
Нужны нам школы для наших детей.

Ровной дороги, обувь на ноги,
Женам на платье ситец цветной;
Чтоб без напасти, стражника власти,
Жили мы смело в хате родной.

Доктора надо, больниц нам надо,
Чтобы бесплатно лечить бедняков;
Чтоб не скитаться с котомкой под старость,
Нужны приюты для стариков.

Ой, много, много деревне убогой
Надобно сделать, чтоб лучше жила, —
Плакать не будем, боль не разбудим,
Боль наших ран, что недоля дала.

Труд нам поможет, быт новый сложим,
Горе повергнем крепкой рукой,
Сбросим недолю, сбросим неволю,
Солнце зажжем мы над нашей землей.

Сгинет тьма ночи, высохнут очи
От слез, что жгли нас ночью и днем.
Сломим мы голод, горе и холод,
Станем людьми мы и счастье найдем!

Между 1905 и 1907

98. ОЗАРИЛО ТЕПЛО...

Озарило тепло блеском радости ясной
И весь свет разбудило от зимнего сна.
Эх, напрасно ты, вихрь, расшумелся, напрасно:
Всюду видим мы свет, к нам приходит весна!

От ее молодой, чудодейственной силы
Убежали, исчезли снега и мороз;
Холод зимний сломив, всё весна воскресила,
С нею меньше на свете и горя и слез!

Словно радуга, счастье на лицах играет,
Все стремятся к работе и правде святой,
Невеселые думы и сны разгоняет,
И так хочется жить, сердцем жить и душой!

Ой, как хочется жить и надежду лелеять,
Вечно в сердце баюкать, мечтать об одном:
Что весна наше горе большое развеет
И растопит, как снег, животворным огнем! ..

Между 1905 и 1907

99. ВЕСНА

Ой, весна, ой, весна!
Мне с тобой всё милей,
С тобой доля ясна,
С тобой жить веселей!

Как явилася ты,
Лес иначе шумит,
Раскрывая листы,
Величаво стоит.

Ты зеленой травой
Землю вмиг убрала,
Нас зовешь за собой,
Чтоб взялись за дела.

Гомон пташек вокруг
С каждым днем всё растет.

На жалеюке пастух
Голосисто поет.

Чуть окрасил восход
Небо ясной зарей,
Вышел в поле народ
С бороной и сохой.

Трудовою рукой
Засевает поля. . .
Уроди хлеб густой
Нам, родная земля!

А подальше взгляни,
Там девчата стоят,
Вот запели они,
Песни вольно летят.

Всюду, всюду кругом,
Весна, право твое!
Твоей долей живем,
Украшаем житье.

Озари всё у нас
Светом солнечных дней
И в любой трудный час
Души нам обогрей!

Озари, если взгляд
Затуманит слезой,
Разбуди тех, что спят,
И сердца успокой!

Между 1905 и 1907

100. ИЗ ПЕСЕН О ВЕСНЕ

Светило солнце, птицы пели,
Была весна уж две недели,
Гнездо вил аист на трубе;
И почки лопаться хотели
В лесах, что весело шумели;
И коршун жертв искал себе.

Но тучи вдруг сошлись, сгустились,
Грачи на пашню опустились,
Запел петух не в свой черед;
И ветер с севера повеял,
Снегами землю всю засеял;
Озябших пташек коршун бьет.

Так будет длиться две недели:
Заменят птичий хор метели,
На крыше аист замолчит.
Но вновь очнется вся природа,
Тепло прольется с небосвода,
И выстрел коршуна сразит.

Между 1905 и 1907

101. СТРАННИК

Тащится по свету
Сирый странник вдаль,
Нигде крова нету,
На сердце печаль.

С котомкою малой,
С посохом в руках
Он идет, усталый,
Грусть в его глазах.

Странник ждет с тревогой
К ночи бурь с грозой,
Тянется дорога
Узкой полосой.

По бокам березки,
Как в строю, стоят,
Житные полоски
Расстелились в ряд.

В каждой деревушке
Всё как искони —
Лепятся друг к дружке
Хатки и плетни;

Вон — пахарь маячит
С кривулей-сохой,
Борона там скачет
По пашне сухой;

Там, в лугах, скотинку
Пастушок пасет,
Огород девчинка
Полет и поет.

Видит всё прохожий,
Душу боль щемит,
Думами тревожа,
Жизнь его томит:

«Ой вы, хаты, поле!
Люди вы мои!
Где же, где же, доля,
Милости твои?»

Без конца, без краю
Землица лежит,
Сколько хат — не знаю —
На земле стоит.

Что ж ко мне, калеке,
Так ты, доля, зла?
Видно, мне вовеки
Не сыскать угла?»

.

Ташится, плетется
Сирий странник вдаль;
Грудь на части рвется,
На сердце печаль.

Между 1905 и 1907

102. КОСЬБА

Дни за днями летят, и Петров день вот-вот,
Налетел и погнал на косьбу всех людей;
Молоток, и коса, и бруски пошли в ход, —
Стуки-стук, стуки-бряк, ну, дружной, веселей!

Свищут косы в траве, просто диво, гульба,
Размахнулась рука, разыгралась кровь.
Солнце жжет горячо, пот ручьями со лба —
Обмахнул рукавом, да и дальше, да вновь...

Лег прокос за прокосом широкий такой, —
Пан в карете, наверно, проедет меж них.
Эх, отдался работе люд бедный с душой!
Коль поесть — как бог дал, а косить — за троих.

Маши дружно косой, пока блещет роса,
Куй железо, пока не успело остыть!
У околицы, брат, надо всё подкосить,
А там дальше, в лугах пусть походит коса.

Любо выйти в простор на родной стороне,
Сена запах вокруг, гомон всюду стоит,
А трава полегла, как народ на войне,
И в траве неумолчно кузнечик звенит.

Вот подсохла трава, живо, бабы, сюда!
Ворошите, чтоб сеном скорей стал укус.
Во всю ширь, во всю мочь развернулась страда,
Погляди... в копнах к вечеру весь сенокос.

.

Выходи, бедный люд, когда солнце к косьбе
Кличет с неба и голодом мучишься ты;
Режь траву, добывай долю силой себе,
Час придет, выйдешь ты из беды, темноты.

Выходи, бедный люд, от зари до зари
Бейся всюду, не гнишь под тяжелой нуждой,
И за правду свою ты борьбою гори,
С косою острой своей за нее ты постой!

Между 1905 и 1907

103. ЗАХОД СОЛНЦА

За безвестную
Даль туманную
Закатилось
Ясно солнышко.

Ой, пора, пора
Тебе, доброе,
Отдохнуть пойти
После дня забот.

Находилось,
Нагулялося
Над землею ты
Над обиженной,

Нагляделось,
Как колосьями
Нива бедная
Убиралась.

Обогрело ты
Бесприютного,
Слезы вытерло
Обездоленным.

Улыбнулось ты
Всем замученным
Долей-радостью,
Волей-соколом.

После этой всей
Страды-мачехи

Ляг ты, солнышко,
За горами спать.

А назавтра встань
С новой силою,
Разожги огни,
В сердце сгасшне.

Распали огни
Веры в будущность,
Что дождемся мы
Новых светлых дней.

Между 1905 и 1907

104. ВЫЙДУ...

Выйду с лубяной
Я со своею,
Узкий загон свой
Густо засею.

Рожью засею
Крупной и чистой
На этом поле,
На каменном.

Может, блеснет мне
Доля над нивой,
Может быть, стану
Скоро счастливым.

Дождиком смочит,
В холод согреет,
Буйно и споро
Хлеб мой созреет.

Выжну под осень,
Как будет спелый,
Хватит мне хлеба
На год на целый.

Между 1905 и 1907

105. СЕЯТЕЛЮ

Готовится лето к отлету,
Листва понемногу редее;
На шею повесив лукошко,
Он в поле выходит и сеет.

И полной мозолистой горстью
Он жито на пашню бросает,
И прячет он в землю надежду,
Что снимет с посева — не знает.

Червяк ли работу подточит
Дождливою осенью этой,
Весной ли зальет половодье,
Иль градом побьет ее летом?

Иль, может, пожар уничтожит?
Да мало ль чего не бывает!
Такие вот горькие думы
Всегда мужика обступают.

Но думать об этом не надо.
Весной и осенней порою
Он пашет, боронит и сеет
Мозолистой крепкой рукою.

Увидев того хлебороба,
Подумает старый и малый:
«В труде помоги ему, боже!
Родись, урожай небывалый!»

Любому, кто доброе сеет,
Удачи в труде пожелаем.
От зерен хорошего сева
Богатому быть урожаю!

Между 1905 и 1907

106. ОСЕНЬ

Эй ты, откуда,
Осень, взялася?
Песнею грустной
Так разлилася?

Счастьем одних ты,
Осень, встречаешь,
А над другими
Горем рыдаешь.

Света одним ты,
Тепла навеешь
И дать богатства
Не пожалеешь.

Им ты насыплешь
Хлеба амбары,
Золота груды
Дашь им в подарок.

В окна же хатки
Бедной мужицкой
Дико ты бьешься
С воем и визгом.

Старая хатка
Стонет, трясется,
Вот-вот бессильно
Рухнет, сдается.

Что делать бедным?
В хате скрываться, —
Страшно им, страшно
С холодом знаться.

Бледные дети
Жмутся у печи,
Ноги босые,
Голые плечи.

К детям под села
Мать их больная,
Голову к пряже
Низко склоняя.

Рядом отец их
Сел, невеселый,
С думой бедняцкой,
С думой тяжелой.

Как тут не думать:
Кончилось лето,
Только не будет
Хлеба у деток.

Целое лето
Бился — легко ли, —
Что ж уродило
Бедное поле?

С узкой полоски
Много ли проку,
А ведь немало
Платить оброку.

С поля собрал вот
Пять коп без мала,
Обмолотил их —
Волость забрала.

Ну, от оброка
То, что осталось,
Лавке, торговцу
Всё и досталось.

Вот и живи тут,
Будь ты счастливым,
Будь ты богатым
Осенью с нивы.

Холодно в хате,
Голодно в хате,

Да и скотинке
Корму не хватит.

Плохо, ой, плохо
Жить нам в неволе,
Но жить не лучше,
Коль нету доли.

Думы всё мучат
Снова и снова...
Бедный, несчастный,
Жалко такого.

Ветер над хатой
Стоны заводит:
Знай ты, бедняга,
Стужа приходит.

Знай ты, несчастный,
Знай ты, убогий,
Будешь морозить
Руки и ноги.

Выедешь зорькой
В город с дровами,
Стужа пронижет
Всеми ветрами.

Будешь ты дрогнуть
Ночкою в поле,
Детям добыть чтоб
Хлеба и соли.

Уши замерзнут,
Плечи вспотеют,
Ноги в лаптишках
Окоченеют.

И, проклиная
Горькую долю,
Будешь ты сеять
Слезы по полю.

И так, измучен
Трудом, морозом,
С жизнью простишься
Под тем же возом.

Между 1905 и 1907

107. ОПУСТОШЕНИЕ

Эй, зачем ты, ветер,
Зло разбушевался,
Над деревней этой
Так разлютовался?

Люди ль рассердили
Небо грозное?
Или злобной силе
Нужно отступное?

Взворошил солому,
Крыши с хат срывая,
Развалил у дома
Ветхие сараи.

Налетел нехстати
Ты с лихой бедою.
Будет мерзнуть в хате
Беднота зимою.

Будут плакать дети,
Мать над колыбелью
Проклянет злой ветер
С холодом, с метелью.

Что ты в поле, ветер,
Так разбушевался,
Над деревней этой
Так разлютовался?

Между 1905 и 1907

108. ЗИМА

Пришла зима постылая,
Холодная зима, —
Терпи, сторонка милая,
Грустна ты и нема.

Затмилось солнце ясное,
Не слышен шум листвы,
На поле мгла ненастная,
Ни злаков, ни травы.

Снег белый всюду стелется
Постелью грбовой,
Шумит, гудит метелица,
Снега метет метлой!

Мороз — палач безжалостный —
Льдом реки заковал,
Стрельбой своей безрадостной
Он бить по стенам стал.

Стрельбой своей проклятою
Влет слабых пташек бьет
И в хате и за хатую
Покоя не дает!

В хлевах — скотина сонная,
Народ — в тепле жилья,
Снегами обновленная
Не радуется земля.

Проходят волки тощие
И днем и в час ночной,
И слышится за рощами
Их похоронный вой.

Беда, беда прохожему
Их в поле повстречать —
Не жить неосторожному,
Родни не увидеть!

Вмиг очи вырвут ясные,
До капли выпьют кровь
И в ночь уйдут ненастную
Искать добычи вновь. . .

Ой ты, зима постылая,
В снега весь мир одет, —
Терпи, земля родимая,
Зимою жизни нет!

Терпи, сторонка милая,
И муку пей до дна, —
Пройдет зима постылая,
Придет твоя весна!

Между 1905 и 1907

109. МОЯ ХАТКА

И худая и кривая
Хаточка моя,
Слеплена она, как будка,
Просто из гнилья.

На стрехе, как на болоте,
Мхи вовсю растут;
По углам порой собаки
И коты снуют.

Два лишь стеклышка в оконце,
Из лучин оно,
Одна низенькая дверца,
И крыльцо одно.

И внутри убогой хатки
Бедно, хоть ты плачь;
Неприглядно, что поделать,
Я ведь не богач.

Нет в ее замшелых стенах
Горниц ни одной,
Потолок ее из дранок,
Пол в ней земляной.

Как войдешь — при самом входе
Печь в углу стоит,
Что урядник, исподлобья
Эта печь глядит.

А под печкою — курятник,
Кур моих приют,
Там, когда вставать мне надо,
Петухи поют.

Против печки ручной жернов,
Полка с ним рядком;
Там коса торчит под балкой
Рядышком с брусом.

А в углу под образами
Стол стоит, как пан;
По соседству две скамейки
И один топчан.

Так вот найдите мою хатку,
Милую мою!
Целый век свой я живу в ней,
Ем, тружусь и сплю.

Хоть худая, хоть кривая,
Просто из гнилья, —
Не отдам ее другому,
Ведь она моя!

Между 1905 и 1907

110. СОХА

Мой друг неразлучный,
Соха ты кривая,
Мир целый ты кормишь,
Сама ж век худая.

Веревок, железа
Извел я немало,
Чтоб с пользою, сошка,
Ты поле пахала.

Твой острый сошник,
Чтобы землю он резал,
Мне в кузне кузнец
Отковал из железа.

Рогаль и колодку —
Размер точка в точку —
Я сам для тебя
Смастерил из дубочка.

На плахе березовой
Выстругал дышло,
Еловое дышло,
Чтоб лучше ты вышла.

Еловое дышло
С колодкой сбито,
Ярмо изнутри
Толстой кожей покрыто.

И палка, ярмо
Запирая исправно,
Торчит на концах его
Слева и справа.

Я долго трудился
С таким матерьялом,
Чтоб легче ты в поле
Наш хлеб добывала.

Всё это рукою
Умелой, здоровой
Привел я в порядок —
И сошка готова.

Волов запрягаешь —
Скот тощий, понурый,
Хлестнешь хворостиной:
«Эй, Рыжий! Эй, Бурый!»

И вал борозды
Побежит за сохою,

И мы позабудем
Про горе лихое.

Мы песню затянем,
Чтоб мир закачался,
Чтоб гул нашей песни,
Как гром, раздавался. . .

Ты, сошка, худая,
Я — пан твой, оратай,
Век бедный, голодный,
Хоть пан наш — богатый!

Между 1905 и 1907

111. ЛАПТИ

Не проклинайте
Их, немудреных,
Не презирайте
Друзей исконных!

В них уважайте
Труд неустанный —
Лапотник кормит
Досыта пана.

Может быть, лапти —
Гаю, ой, гаю! —
Дадут достаток
Нашему краю.

Все в сапоги мы
Обуем ноги;
Сгинет со света
Лапоть убогий.

Лапоть последний,
Так может статья,
В церкви повешен,
Будет качаться.

Ладно сплетенный
Лапоть с тесемкой

Памяткой будет
Нашим потомкам.

Пусть им расскажет
Он, как в неволе
Плохо жилось нам
В хате и в поле!

Как все в деревне
Лапти носили,
А богатеи
В золоте жили.

Долгий и горький
Век будет прожит,
Сменятся люди,
Реки, быть может.

Лапоть же будет
В церкви качаться,
Станут о лапте
Песни слагаться.

Между 1905 и 1907

112. НИЩИЕ

С торбой каждый, с думкой важной:
«Дадут — не дадут»,
Старым следом дед за дедом
На базар идут.

Как дорогой к дому бога,
Тот же всё закон:
Отправляться побираться,
Чуть слышат звон.

Каждый сгорблен: это торбы,
Как горбы, торчат.
На базаре, к старцу старец,
Все садятся в ряд.

Сели тесно — мало места —
И пошли, пошли:
Эти двое, хрипло воя,
Песню завели.

Там на лирах трое сырых
Струнами бренчат,
Под бренчанье из писанья
Тянут на свой лад.

Те нестройно — за покойных,
Эти — за живых,
За скотинку, за дожинки
И за всех родных. . .

Гей, в молитвы, словно в битвы,
Ринулись все враз,
Ну, а оком ненароком
Смотрят: кто подаст?

Вот последний в час обедни
Кончился «подай»;
Сыплют люди, что-то будет,
Старче, не зевай!

Беспокойно и нестройно
Грянул песен гул —
И весь этот рой распетый
Руки протянул.

И, как с неба, ломти хлеба
Сыплются, притом
С хлебом дружно — за что нужно —
Молятся потом.

Деды встали: хватит пялить
На всех нас глаза!
Пошли люди, что-то будет, —
Кончился базар.

С торбой каждый, с думкой важной:
«Где еще дадут?» —
Старым следом дед за дедом
По домам идут.

Между 1905 и 1907

113. НАД МОГИЛАМИ

Спите вы, бедные,
От солнца скрытые,
Спите, бездольные,
Горем убитые!

Горстки землицы вам
На очи кинули —
Сразу из памяти
Навек вы сгнули.

Там, где уснули вы,
По-над курганами,
Слезы возносятся
Мглою, туманами.

Кресты еловые
Набок скривились,
Холмы могильные
Водой размылись.

Ивняк с крапивою
Здесь разрастаются,
Лишь редко-редко где
Цветок качается.

Вы же виденьями
Бледными, хилыми
Летом восходите
По-над могилами.

Мыши летучие
Ночью слетаются,

Да совы серые
Перекликаются.

Порою зимнею,
Порой печальною
Волчья разносится
Песнь погребальная.

Спите вы, бедные,
От солнца скрытые,
Спите, бездольные,
Горем убитые!

Между 1905 и 1907

114. ДЕВЧИНКА, ГОЛУБКА МОЯ!

Девчинка, голубка моя!
Когда б улыбнулась ты мне!
Любуюсь без памяти я
Тобой наяву и во сне!

Девчинка, голубка, приди
Ко мне — ведь тебя я люблю,
Согрею на белой груди,
Тебе мои думы пошлю.

Девчинка, голубка, с тобой
Забудем мы свет и людей.
Расстанемся с горем-бедой,
С печальной недолей своей.

Девчинка, голубка, любя,
Жизнь горькую встретим свою.
Я вытру слезу у тебя,
Я песню тебе запою.

Девчинка, голубка, не дам
Обиде тебя никакой,
Делить буду я пополам
И счастье и горе с тобой.

Девчинка, голубка, вдвоем
Начнем с тобой гнездышко вить,
Одною душой заживем,
Чтоб чувства и помыслы слить.

Девчинка, голубка, мы так
По жизни волнам поплывем
С любовью и счастьем. Пусть враг
Завидует тем, кто вдвоем!

Но только, голубка моя,
Меня, сироту, пожалей:
Люби, как люблю тебя я,
Милуй и целуй горячей!

Между 1905 и 1907

115. ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Что, скажите, на свете черней темной ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Что нас тайнами больше чарует, чем ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Что невесть куда нас заведет среди ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Что нас губит, как путника в темные ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Что влечет, хоть страшит нас, как темные ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Между 1905 и 1907

116. ПРОСВАТАННАЯ

Бедняжка, иди, наряжайся
И в ленты косу убери.
Тревогу забудь, улыбайся,
Не едут ли сваты — смотри.

Приедут они на смотрины
И речь о тебе поведут.
Подумай, какую судьбину
Они для тебя привезут.

Подумай — придется остаться
В деревне и хате чужой,
С чужою сторонкой спознаться,
Сродниться с чужою семьей.

Овца, поросенок, телушка
Даны тебе будут отцом,
А матерью — шаль, да подушка,
Да старый сундук с полотном.

И всё заберет себе милый,
Как с купленной, вместе с тобой.
Тебе ж суждено до могилы
Ему быть женой и рабой.

Должна ты прислуживать мужу
И слушаться мужней родни.
Работу, и голод, и стужу
Узнаешь ты в горькие дни.

Ни ласки, ни доброго слова,
Обиды свекрови — до слез,
И ругань сварливых золовок,
И всяких немало угроз.

Ты многое стерпишь — и всё же
Откроешься мужу. но тот
Советом тебе не поможет,
Сам полон тоски и забот.

Твое неутешное горе
Начнет тебя больше томить,
Как станешь ты матерью вскоре,
Как будешь ты грудью кормить.

Ты в поле умаешься шибко,
Снопы всё вяжи да вяжи.

Ребенок с тобою, и зыбка
На козлах висит у межи.

А с поля вернешься с ребенком —
Работница, мать и жена, —
Дитя спеленаешь пеленкой
И ужин готовить должна.

Совсем одолеет усталость,
Когда ты увидишь сама,
Что в доме муки не осталось,
Пустые стоят закрома.

Себе не найдешь ты покоя,
Как станешь в замужестве жить,
Недоля всегда за тобою,
Как тень твоя, будет ходить.

Ты мужа отправишь в дорогу
И станешь его ожидать,
И пьяным не раз у порога
Придется его повстречать.

И мужем под пьяную руку
Ты будешь побита порой.
Ты горькую жизни науку
Узнаешь нелегкой ценой.

И очи от слез потускнеют,
По лику морщины пройдут,
И время надежды развеет,
И в сердце желанья умрут.

В краю обездоленном свянешь
Печальной рабынею ты
И вечною жертвою станешь
Работы, нужды, темноты.

Не думать о том постарайся,
Хмельного ты выпьешь вина.
Иди же скорей, наряжайся,
Ты им приглянуться должна.

И лучшее платье надень же,
Ведь надо скорей улететь,
Иначе и дома не меньше,
Чем замужем, будешь терпеть.

Звенят бубенцы на дороге,
Слышны голоса вперебой,
Идут... Вот уже на пороге.
Ты плачешь... О чем? Бог с тобой!

Тебя, дорогая, не я ли
Разжалобил песней своей,
Коль падают слезы печали
Из этих пригожих очей?

Брось плакать и смейся! Пусть плачет,
Кто песни недоли поет.
А может, и будет удача,
А может, и счастье придет!

Не слушай печального шума
И в силы свои ты поверь,
И лучшую долю придумай,
Чем та, что имеешь теперь.

Между 1905 и 1907

117. САПОЖНИК

Так и быть, расскажу
Про мое вам житье.
Я не хуже других
Знаю дело свое.

За моим верстаком
Дело так и кипит:
Женка дратву прядет,
Подмастерье сучит.

Сам я крой намочил,
На копыл натянул,
Стук да стук молотком,
Шилом, дратвой махнул.

Сотню шпилек вгоню
Я в подошву рядком.
Прибиваю каблук
И подковку на нем.

Снял с колодки сапог,
Чтоб ушки пристрочить.
Ну, любуйся, сынок,
Долго будешь носить.

Пусть любуются все,
Что за мастер у вас.
Всё, что хочешь, сошью,
Только дайте заказ.

И богато б я жил
(Хоть не беден и так),
Если б ты не носил
Только лапти, бедняк!

Между 1905 и 1907

118. С ДОРОГИ

Дорогой далекой, дорогой нелегкой,
Среди и холмов и долин,
Оборванный, старый, безмерно усталый
Шел с посохом путник один.

Несли его ноги к селу у дороги,
Где поле, где роща была.
Там жил он так славно порой стародавней,
Там молодость-радость прошла.

Там жил он когда-то, там кинул он хату
И женку оставил свою,
И миленьких деток — родных малолеток,
И мать, и отца — всю семью.

Лет много, без счета, вдали он работал
В тяжелой доле-нужде,
А счастья, и воли, и радостной доли
Ни разу не видел нигде.

И вот он шагает из дальнего края,
Чтоб снова увидеть своих, —
И старую хату, где жил он когда-то,
И женку, и деток родных.

Идет он, подходит, в селение входит,
Кругом, как бывало, глядит:
И хаты такие, как прежде, — гнилые,
И так же корчма там стоит.

Тут хата Захарки, там Еськи, Гончарки,
Там Янкина женка живет,
Тут кум Давиденок, там сват Михальчонок,
Там Сорка, что соль продает.

А вот и ограда знакомого сада
И с низкими окнами дом, —
Ах, путник, ты снова у дома родного
Стоишь перед старым крыльцом!

Заходит он в сени, аж гнутся колени,
А сердце трепещет, болит:
Что ждет его вскоре, — то ль радость, то ль горе?
Он дверь распахнул и глядит. . .

Глядит он, о боже, а видеть не может,
В глазах у бедняги темно,
А слезы ручьями из глаз льются сами:
Чужие живут там давно!

Между 1905 и 1907

119. ГРАД

О вы, что всегда и одеты, и сыты,
И с мыслью одной — как прожить веселей!
Вы видели горе в деревне забытой?
Вы видели труд изможденных людей?

Из вас над сохою кто горбился в поле?
И в город дровишки на кляче кто вез,
Чтоб фунтом разжиться крупы или соли?
В день знойный томился и в лютый мороз?

Дворец ваш смеется над долей батрачьею,
Там песни веселья и радости крик.
А в нищей деревне и стонет и плачет
Ваш брат, оскорбленный, голодный мужик.

Потеть, он пашет, боронит и сеет,
И яства и хлеб добывая для вас.
А кто же из вас мужика пожалеет?
А песням его вы внимали ль хоть раз?

Вы с песней расправиться были бы рады,
И песня отскочит от вас, как от пней, —
В ней слышится жалоба горестной правды,
Обида бездельных вам слышится в ней.

Пируйте в безумье, пируйте до срока,
И, может, придет вам на память самим:
С Нероном судьба рассчиталась жестоко,
И пал высоко возносившийся Рим.

.

Знакомого пана проведаль вчера я;
Сижу. Из деревни приходит мужик,
Худой, чуть живой, — знать, живет голодая,
Хоть всякий в деревне к бесхлебью привык.

Вошел, весь трясется. Стоит на пороге
И дальше ни шагу — совсем оробел.
Он смелый, коль стужа застигнет в дороге,
Коль пот льет кровавый, чтоб пан богател.

Вздыхая, глядит он с порога угрюмо,
Робея, не вымолвит слова никак,
Видать, у него невеселая дума.
И пан вопрошает: «Что скажешь, бедняк?»

«Паночек любезный! — мужик отозвался. —
Будь милостив, сжался над горем моим:
Семье своей хлеба добыть я пытался,
Ждут дома детишки. Что вымолю им?»

Их семеро, деток голодных, заждалось.
Не топлена печка — да что в ней варить!
А тут, как на грех, и жена расхворалась.
Глаза не глядели б, как стали мы жить.

Грызть землю — одно мне теперь и осталось.
Паночек, будь жалостлив к горькой судьбе:
Дай хлеба хоть пудик, хоть самую малость,
Сумею весной отработать тебе».

Так молит он пана, так слезно взывает,
Знать, столько он плакал, что плакать устал.
Тяжелое бремя семьи проклиняет,
Твердит, что не лодыря бог наказал,

Что градом побита кормилица-нива,
Как будто промчались по-ней табуны,
А нива шумела хлебами на диво,
Подобно разливу высокой волны.

«По правде скажу я, паночек, — работа
На ниве несчастной меня извела,
Пахал, боронил, не жалеючи пота,
Затем, чтоб земляца побольше дала.

Засеял полоски, и ладилось дело:
На радость пшеничка, овес и ячмень,
И рожь неплохая — совсем уж поспела,
Хожу и люблюсь на них что ни день.

Вот, думаю, будем с крупкою и хлебом,
Что лишнее — в Минск отвезу и продам,
И соли куплю я, бог даст, на потребу,
И долг в магазин и налоги отдам.

Но только напрасно я думал об этом:
Видать, полюбила недоля меня!
Напрасно трудился весною и летом,
Дождался прихода несчастного дня.

Однажды я облачко в небе приметил,
А летнему дождику кто же не рад!

Но страшный поднялся безжалостный ветер.
О боже, хотя б не посыпался град!

Попрятались птицы от грома и гула,
Наохлился коршун, закрылся крылом,
И молния где-то вдали промелькнула,
И валит деревья разгневанный гром.

Свет кажется адом, земля одичала,
Секут, извиваются молний кнуты.
И вот оно — бури безумной начало, —
Стремятся потоки воды с высоты.

А утром пошел я к посевам на поле.
Завидел полоску — поник головой.
И дальше идти не хотелось мне боле,
И тяжело и страшно, сам будто не свой.

Пришел. Затряслися и ноги и руки.
Заплакать хотел я, но не было слез.
Там, где я трудился, где принял я муки,
Всё выбито градом — ячмень и овес...»

Так кончил несчастный рассказ свой печальный.
Текла по щекам за слезою слеза —
Так в пору покоса в час утренний, ранний
Блестит, на траве повисая, роса.

И я бы заплакал, брат, вместе с тобою,
Но слезы бессильны растрогать людей;
Лишь сильные могут бороться с бедою,
А сытый лишь тешится скорбью твоей.

Вы скажете, может, что пан справедливый
Дал хлеба иль ржи, не оставил в беде?
Нет, горю чужому не внемлет счастливый,
И добрых панов ты не встретишь нигде.

Гульба да веселье — одна им забота,
И пан бедняку так ответствовал сам:
«Весною платил я тебе за работу,
Плати ж и за хлеб мне! А в долг я не дам».

Между 1905 и 1907

120. КАНЮК

(Предание)

Живет, братья милые, в нашем народе,
Бытует издревле преданье одно,
От дедов ко внукам идет-переходит,
И мне по наследству досталось оно.

Его повторить, ой, полезно бывает
Для грешных, трусливых и темных людей,
В нем видим, что радости тот не узнает,
Кто правды не хочет узнать поскорей.

Годов тому много, аж счет им потерян, —
С мгновенья, когда сотворился наш свет;
Уже были созданы люди и звери,
И птахи-певуньи, каких только нет.

И люди имели всё-всё, что хотели:
Долины, и горы, и поле, и луг;
Леса зеленели, и травы шумели,
Тепло и приветливо было вокруг.

Одной только влаги земле не хватало,
Еще ни единой реки не текло;
И так всё живое от жажды страдало,
Что слезы глотало и этим жило.

И спорили все, обезумев от жажды,
Как этой великой беде пособить,
И сжалился бог и сказал им однажды:
«Я вас научу, как водицы добыть.

Вода у вас будет на вечные веки —
Скорей соберите всех тварей земли,
Копайте колодцы и делайте реки,
Но только чтоб все на работу пошли!

И помните: тот, кто останется дома,
Не станет со всеми работать в беде, —
Пить, пить будет вечно просить, но такому
Воды отыскать не удастся нигде!»

Вот кинулись люди к работе-громаде,
И звери, и птицы, и каждый жучок;
Из сил выбиваясь грядущего ради,
Копают и крепят сыпучий песок.

Ну! Будет им праздник, уж каждый напьется
И сохнуть не будет, как сох до сих пор;
Вот делают реки и строят колодцы,
Дают им одежду — от срубов до створ.

Однако хоть все и послушали бога,
Взялись за работу аж в тысячу рук, —
Канюк в этом деле большом не подмога,
Гуляет и горя не знает канюк.

Увидел бог это с высокого неба,
Зовет канюка и вопрос задает:
«Неужто вода тебе, брат, не потребна?
Ведь кто не работает, тот и не пьет!»

«Я пить не хочу, — отвечает он богу, —
А коль захочу, так всегда есть роса».
И тут он пустился к родимому лугу,
Аж вихорь вскипел, зашумели леса.

А с неба громовый вслед голос раздался:
«Вовеки ты будешь жить только росой!
И хоть с этим светом бы ты расставался, —
«Пить, пить!» будешь тщетно канючить с тоской».

Вот кончено дело, отрыты колодцы,
И море шумит, и струится река;
Кто только захочет, сейчас же напьется,
Один только слышится крик канюка.

Кричит он так жалобно, так покаянно,
Надеясь, что бог его всё же простит;
Лишь утром напьется росы он с поляны,
И жажда весь день его смертно томит.

Кричит как бы людям он всем в поученье —
Пусть видят, как богом карается грех
Того, кто, страшась и труда и мученья,
Не хочет на совесть работать на всех.

Так знайте же, братья, кто к общему делу
Руки приложить не захочет своей,
Такому бог скажет: «„Пить!“ кликай век целый
И трижды будь проклят отчизной своей».

Между 1905 и 1907

121. ТАК... НЕТ...

Так-нет, так-нет,
Маятник бормочет,
Так-нет, так-нет,
Слышу дни и ночи.
Так-нет, так-нет,
Плакать ли, смеяться,
Так-нет, так-нет,
Скорей слез дожждаться!
Так-нет, так-нет,
Есть у нас свобода,
Так-нет, так-нет,
Но не для народа.
Так-нет, так-нет,
Сколько хочешь воли,
Так-так, так-так,
Но для ветра в поле.
Так-нет, так-нет,
Есть земли немало,
Так-так, так-так,
Всем бы нам достало.
Так-нет, так-нет,
Пашня, луг, поляна,
Так-нет, так-нет,
Но только для пана.
Так-так, так-так,
Где горя искати?
Так-нет, так-нет,
Лишь в мужицкой хате.

Так-так, так-так,
Слышу дни и ночи,
Так-нет, так-нет,
Маятник бормочет.

Между 1905 и 1907

122

Тяжко мне, тяжело, слуге бесприютному,
В слезах и печали свой век коротать,
Сердце тоской безысходной окутано,
Ой, тяжело томиться и радости ждать!

Тяжко мне, тяжело (судьба окаянная!),
Весь день прошагав за хозяйской сохой,
Пот вытирая рубахою рваною,
Заплакать, к земле прижимаясь чужой.

Тяжко мне, тяжело... О чем же я думаю?
Чем скрасить безмерное горе свое?
Ветра доносится песня угрюмая,
Что нива, что сошка, что всё не мое.

Тяжко мне, тяжело добро, мной добытое,
Политое потом моим, отдавать,
Знать, что по горло хозяева сыты им,
А я должен с голоду век помирать.

29 января 1907

123. СОН

Не помню дня и той минуты,
Лишь помню — это было днем,
Когда, невзгодою пригнутый,
С родным простился я селом.

Я каменистой шел тропкою.
Сияло солнце в вышине.
Кропил мне пот лицо худое,
И тяжело дышалось мне.

Я изнемог. Устали ноги,
Я еле-еле их тянул,
И на кургане, у дороги,
Я сел и сразу же заснул.

Ко мне явились сновиденья.
О, сколько их увидел я!
И весь дрожал я от волненья,
И холодела грудь моя.

Я спал. Но явью сон казался,
И жизнью жило всё кругом:
Тот нож кровавил, тот смеялся,
А этот спал тяжелым сном.

Дух времени махал крылами,
Забвенье отряхало пыль,
Века вставали за веками,
Из пепла воскресала быль.

Измена правду попирала,
За жизнь, за счастье шла война...
Парады пышно принимала,
Жила и не жила страна.

И видел воинов я сильных,
И видел трусов и лжецов,
Цепей я слышал звон могильный,
И слышал вольных я сынов.

Душа терзалась и терпела,
В поту холодном бился я,
Хотела крикнуть — и не смела
Душа свободная моя.

Проснулся. Жизнь рекой катилась,
Несла меня в своем кругу...
Я шел. Иду. Но то, что снилось,
С тех пор забыть я не могу.

21 марта 1907

124. Я НЕ ДЛЯ ВАС...

Я не для вас, паны, о нет,
Порою песенки слагаю, —
Что спало в сердце, там, на дне,
Бужу и в свет на суд пускаю.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Подчас не ведаю покоя,
И слезы взор туманят мне,
Печальной вызваны душою.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Дни лучшие свои теряю
И в вечной с муками войне
Живу и радости не знаю.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Словесный пласт поднять стремлюся
В своей родимой сторсне,
На скудном поле Беларуси.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Лью слезы над судьбой людскою.
Вы грязь в лицо швыряли б мне
Своею подлою рукою. . .
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Пою. Вам не понять мученья,
Не вздрогнет сердце в тишине
На голос братского терпенья.
Не вздрогнет, нет, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет!
Одной утехой жить дано вам,
Черствея в сытости, в вине, —
Вас не растрогать правды словом.
Не тронуть вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет, —
Несу для бедных это слово,
Страдаю с ними наравне,
В одни закованный оковы.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет, —
Для тех, для темных, несчастливых.
От них и отклики ко мне
Летят через леса и нивы,
А не от вас, паны, о нет!

8 июня 1907

125. ПЕРЕД ТРОИЦЕЙ

Гаю, гаю, гаю,
Я пойду в дуброву,
Нарублю там маю,
Маю молодого.

Будет тут сосенка,
Будет тут рябинка,
Клен тут будет тонкий,
Будет и калинка.

Перед хатой низкой,
В землю вросшей, древней,
От оконцев близко
Посажу деревья.

Вечерком, и ночью,
И порой рассветной
Как начнут листочки
Шелестеть под ветром,

Говорить, шептаться
Тихо меж собою,
Головой склоняться
Здесь же, надо мною, ---

Мнится мне: толкуют
Деревца, гадают,
Как бы дать другую
Долю мне и краю.

9 июня 1907

126. ПЕРЕД БУРЕЙ

Что вижу? — всё тихо, всё спит под бесславьем...
Иль правда — разбиты народные силы?
Ужель всех бойцов за народное право
Сгубили тираны, свели их в могилы?

Ужели так сломлена воля народа,
Что деспоту сдался он сам безнадежно?
Ужель дух мятежный, дух гордый свободы
Погиб и его воскресить невозможно?

Иль мало нас мучило тяжкой бедою?
Иль мало цепей не так страшны потери?
О нет! Что-то сердце твердит мне иное.
Такой тишине я не верю, не верю!

Так только бывает пред летнею бурей,
Что птица замрет, светит солнце несмело,
И тучи нависли, не видно лазури, —
Вот гром загрохочет, и дрогнет свет целый!

14 июня 1907

127. НЕ ВЕРЬ...

Ты не верь слепой удаче,
Не живи мечтой,
Что хоть кто-нибудь заплачет
Над твоей бедой.

Ты не верь той сказке складной,
Что из панских рук
Землю в будущем бесплатно
Ты получишь вдруг.

Ты не верь, что ржа с годами
Оковы разъест,
Что темницы рухнут сами
По воле небес.

Ты не верь... Знай, до могилы
Живешь силой рук, —
Верь же силе, только сила
Избавит от мук!

Сгинет всё от века злое,
Ляжет к счастью след;
Так, ломая лед весною,
Оживает свет.

14 июня 1907

128. ВСТАНЬ!

Встань!
Все, глянь, Пошли...
И вот —
Свобод! Земли!
Что, брат,
Не рад? Что стал?
Свел хлеб,
Ослеп, Увял?
Ну, в бой!
Не стой! Бушуй,
Стучи,
Кричи, Воюй!
И так
Бедняк
А то Пропал,
Чего б Достал?!
•

15 июля 1907

129. ПОКА СОЛНЦЕ ВЫЙДЕТ...

Пока солнце выйдет,
Всё во мраке ночи;
Тот нас не обидит,
Кто только не хочет.

Тем, кому не надо,
Тем поля без края,
А у нас так мало —
Хлеба не хватает.

Сколько леса, сколько,
Взглядом не окинуть!
А у нас-то нету
И на домовину.

Светит солнце, светит
Подчас и в оконце, —
Бедняк за слезами
Не видит и солнца.

Плачут мать и дети,
Слезы льются градом...
Не плачьте, трудитесь,
Платить подать надо.

Не плачьте вы, дети,
Не плачь, мать родная,
Острог вас утешит
Или пуля злая...

26 июля 1907

130. ЛЕТО

Ой ты, лето горячее, с бурями!
Оживляешь ты поле и луг.
Расставайся же с думами хмурыми, —
И светло и привольно вокруг.

Шум стоит над тенистой дубровою,
Не совет ли идет у ветвей?

Речка, в зелень укрывшись ольховую,
Вдаль бежит, рыбка плещется в ней.

Нива наша в колосья убралася,
Красотой несказанной цветет,
Как зеленый ковер распласталася,
Будто шепот над нею плывет.

И колосья ведут речи дивные,
Снова теплого дождика ждут,
Песни жаворонков переливные
Ни уснуть, ни грустить не дают.

Нивы, доли вдали зеленеются, —
Припади к ним сыновней душой. . .
Нет, никто разлюбить не осмелится
Этот край, бесконечно родной!

Дай ты, лето, мне веру могучую
В то, что счастьем засветится край,
Дай для песен мне силу живучую,
Злу и кривде противиться дай!

1907

131. РАЗВЕ ЭТО МНОГО?

У мира и бога
Прошу я немного:

Земельки бы сносной
С лужком сенокосным,
Хлевок, да хатенку,
Да славную женку,
Да сальца бы к хлебу,
Да рубль на потребу,
Здоровья — на годы,
Немного свободы —

И всё! . . Разве много
Мне надо от бога?!

1907

132. ЖИЛИ-БЫЛИ У ОТЦА...

Жили-были у отца
Три Василья-молодца.

Служил первый у господ,
Лил на панской ниве пот.

Второй стражником тут стал,
Пулей, саблей засвистал.

Третий сын в родном краю
За свободу пал в бою.

Батька старый в хате спит,
И дуда при нем лежит;

Он порой дуду берет,
Песню грустную поет:

«Ой ты, дудка, ой, дуда!
Жизнь не жизнь мне, а беда!

Тяжело и грустно мне
В моей бедной стороне».

1907

133. УЧИТЬСЯ...

Учись, мой хороший, ученье поможет
Справляться с бедою, с нуждою...
Что мучит сегодня, что думы тревожит,
Навек разлучится с тобою.

Всё сгинет, что мучит, ты станешь могучим,
Ни в чем от людей не отстанешь
И правду от кривды, как солнце от тучи,
Всегда отличишь, распознаешь.

И труд и наука — успехам порука,
Они придадут тебе силы,
Учись же для счастья и сына и внука,
Для битвы с недолей постылой.

Жить станешь богато, полна будет хата,
Когда ты науку познаешь;
Часок и для отдыха сыщешь тогда ты,
И козни врагов разгадаешь.

Ты ложь превозможешь, пути ты проложишь
И к счастью, и к славе, и к воле. . .
Учись терпеливо, где только ты можешь, —
И в хате, и в поле, и в школе!

Все люди значенье познали ученья,
Лишь ты в его суть не вникаешь,
Темней, белорус мой, ты ночки осенней,
Зато ты и счастья не знаешь. . .

1907

134. ПРИШЛА ОСЕНЬ...

Пришла осень, мужичок,
Ой, пришла!
Глянь, что в клеть и на точок
Принесла.

Ты работал, горевал
Круглый год,
Разливал ты, разливал
Кровь и пот.

Наделил же молодца
Труд велик:
Наметал стожок сенца
Наш мужик;

Сложил кучкой на току
Он снопы;
Там мякины в уголку
С полкопы;

С копну гречки и овса
В кучке тут.
Вот и плата тебе вся
За твой труд.

На току цепом до дня
Ты греми,
И коровку и коня
Накорми.

И отдай, что было взято
Весной,
На помол вези остаток,
Он твой. . .

Пришла осень, мужичок,
Ой, пришла!
Глянь, что в клеть и на точок
Принесла.

1907

135. ВРАГАМ БЕЛОРУССКОГО

Чего вам, господа, угодно?
Что растревожило ваш вкус?
Вы речью смущены народной,
Какой гордится белорус?

И что вам дико в ней иль ново?
Ведь вас народ не обокрал,
Свое он только вспомнил слово,
С каким родился, выросал.

Теперь и вы заговорили,
Вдруг вышли из подземных нор;
А где же до сих пор вы были?
Над чем трудились до сих пор?

Ваш брат и темный, и голодный
(Не будет скоро жалких хат),

Он мыслей не знавал свободных,
Врагом ему был свой же брат.

Вы, песням горестным внимая,
Боитесь жалобы глухой?
Вам страшно видеть солнце мая?
И вам милее холод с тьмой?

Что сделал белорус такого,
Что он осмелился сказать?
Эх, брата уважать родного
Вас нужно долго приучать!

Эх, бросьте кривдой пробавляться, —
Не раб любой народ, а пан;
И белорусы утвердятся
В семье бесчисленной славян!

Не стоит руганью напрасной
Свои сердца вам бередить!
Не погасить вам правды ясной:
Жив белорус и будет жить!

Немало «хамские» натуры
На шеях вынесли своих!
И свист доносчиков понурых
Теперь не запугает их!

К свободе, равенству, наукам
И к свету мы проложим след!
Дышаться будет вольно внукам
Там, где сегодня плачет дед!

1907

136

Горе гнетет мое сердце бездольное,
Мучает, тяжело гнетет,
Замерла жалоба в думках невольная,
Боль неизменно растет.

207

Что ни начну я — а песне нет вылета,
Выхода нет, всюду тьма.
Льдом все пути мои выбиты, вылиты.
Лед — как могила сама.

1907

137. ИЗ ПЕСЕН О НЕВОЛЕ

То не посвисты зимней метелицы
И шумят и гудят над землей —
Это сев, что мучителем сеется,
Чтоб сковать весь народ трудовой.

То не воронов рой подымается,
Чтобы трупы погибших клевать, —
То казачьи отряды слетаются,
Чтоб народ беспощадно пытаться.

То не рек половодья бурливые
Затопляют низины полей —
Это в смертном бою несчастливые
Мир весь залили кровью своей.

И над этою кровью могильные
Всюду слышатся стоны сирот,
Плачут в горести люди бессильные,
Плачет весь мой несчастный народ.

А над стоном, над жгучими ранами —
Смех мучителей ночью и днем. . .
Воют волки вдали, над курганами,
Залит мир весь кровавым огнем.

1907

138. ПОЛЕ РОДНОЕ

Ты болотцами,
Ты камнями
Приукрасилось,
Наше полюшко.

Ты и городом
И деревнею
Обездолено,
Наше полюшко.

С непогодами,
С недородами
Век ты борешься,
Наше полюшко.

Хоть куда-куда
Ты богатое,
Ты и бедное,
Наше полюшко.

А богато ты
Горьким горюшком,
Ты бедным-бедно
Счастьем-долею!

Ветры буйные
Вьются, носятся
Над тобою век,
Наше полюшко.

Люди мучатся
Беспросветностью,
Проклинаючи
Наше полюшко.

Ой, проснися ты,
Изменися ты,
Стань счастливым ты,
Наше полюшко.

1907

139. К ЧЕМУ НАПРАСНЫЕ МЕЧТАНЬЯ...

К чему напрасные мечтанья,
Дитя недоли, темноты?
Терпи, несчастное созданье, —
Терпеть и можешь только ты!

Пусть мать с отцом сулили оба,
Что счастье выпадет тебе, —
Как ты родился, так до гроба
И будешь кланяться судьбе.

Носи заплату на заплате
И лапти рваные носи;
Не думай летом о прохладе,
Утихнуть вьюгу не проси.

Работай тупо, как скотина,
На сытых ворогов твоих;
Пусть сохнет грудь, трещит хребтина, —
Забудь о думках удалых.

Больной, справляй свою работу,
Горюй, бедуй, как год велик.
Молчи, хоть слепнешь ты от поту, —
Как в чаше, твой заглохнет крик.

Кричат ли: «День!» — хоть ночь глухая,
И ты за всеми вслед кричи.
Кричат: «Страдай!» — иди, страдая.
Кричат: «Молчи!» — сиди, молчи.

Ступай, куда пошлет недоля,
Всё делай, что велит она.
Будь рад, что есть щепотка соли;
Мучений чарку пей до дна.

Поверь попам, что после смерти
За муки в рай тебя пошлют:
Ведь ада лучшего и черти
Не могут выдумать, чем тут!

1907

140

Ой, печально в нашем крае
Жить, не зная доли.
Но печальней, долю зная,
Не увидеть воли.

210

Так заманим в наши сети
Золотую волю,
Что всем людям солнцем светит
В радостном приволье.

Думать о недоле горькой
Мы не будем доле.
Будет счастье, счастье только,
Воля станет долей.

1907

141. ДАЙТЕ МНЕ...

Дайте мне волю, дайте орлиную,
Сбейте, сорвите оковы!
Душу наполнить перед кончиною
Дайте отрадою новой!

Дайте мне долю, дайте богатую,
Долю без горести черной;
Дайте, чтоб вечно в хате, за хатою
Доля была мне покорной!

Дайте мне света, солнца сияния,
Выйти из тьмы помогите,
Тропы прямые к радости, к знанию,
К счастью мне путь укажите!

Дайте мне правду ярче дня ясного,
Правду, что всё побеждает.
Выньте из сердца, сердца несчастного,
Всё, что тревожит, терзает!

1907

142. РАЗЛАД

Куда ни глянешь — люди, люди,
Куда ни глянешь — шельмы, шельмы,
И всякий в грудь себя бить будет,
Что, дескать, честен неподдельно.

Один крадет — богатство множит,
Другой — бездомнее собаки. . .
Беду нажить-то всякий может,
Изжить беду свою — не всякий.

Осел копытом золоченым
Закованного льва лягает. . .
Могилы вторят вдовьим стонам,
И реки кровью набухают.

Добро ли, зло — одно мерило;
На сердце гадят, думы душат,
Везде суют свиное рыло
И самое святое рушат.

Судьба налево и направо,
Как сучка, хвостиком виляет:
Одних завертывает в саван,
Других на свадьбу скликает.

Неправда правду оседлала
И скачет на людской хребтине,
А человек — ком гноя, сала —
И впрямь сродни слепой скотине.

Черт весел, зубы скалит только, —
В аду аж ломаются ворота;
Рад шельма: с ведьмой крутит польку. . .
Такой разлад — его работа!

1907

143. ПРЕСТУПНИК

Меня в тюрьму пошлите,
Закуйте в кандалы!
Грехи мои ужасны,
Проступки тяжелы.

Я в роще сухостою
Без спроса нарубил,

И лошадь я в ночное
На панский луг водил.

В правленьи волостное
С налогом опоздал.
На службу в церковь нашу
Я в праздник не попал.

Я перед земским шапку
Забыл с испугу снять,
Уряднику, подвыпив,
Грозил бока намать.

Читать любил я книжки,
Газетку раз нашли.
Кричал с другими вместе:
«Свободы и земли!»

Я грешник, я преступник,
О милосердный бог!
Надеть велите цепи,
Послать меня в острог.

1907

114. СГИНУЛО СОЛНЦЕ...

Сгнуло солнце. А белые, грозные
Всюду сугробы легли пеленой,
Бьется метелица в стекла морозные,
Ветры в трубе завывают печной.

В хате лучина, погаснув, дымится,
Нет в материнской груди молока;
Как в ветхой хате с морозом ужиться,
Чем накормить в этой стуже сышка?

Черная доля и черные тучи
Жутко нависли над бедной семьей;
Словно вороны над полем, всё круче
Вьются над хатою горе с бедой.

Там, где от века гуляют метелицы,
В страшной Сибири лесистых низин,
Люди со зверем судьбой своей делятся,
Муж и отец там — семьи господин.

1907

145. ИЗ ПЕЧАЛЬНЫХ ДУМ...

Взлечу ли я пташкой с крылатою думою
На милое поле, на поле родное,
Взгляну ли на бедную хату угрюмую —
Тяжко мне видеть здесь горе людское.

И жаль мне вас, люди, что грустно, невесело
Вам на родимой земле живется,
Что небо так тучи над вами развесило
И что над бедой вашей каждый смеется.

Хоть угнетает вас жизнь неприветная
И без поры загоняет в могилы,
Вы сквозь свою темноту беспросветную
Видеть свое унижение не в силах.

Жаль потому мне вас, люди забитые,
Темные люди, несчастные люди,
Жаль, что такие вы, светом забытые,
Жаль, что такая жизнь долгою будет.

1907

146. ЗАМОЛЧИТЕ, ДУМЫ...

Смолкли леса шумы
Зимою в морозы,
Замолчите, думы,
Не рождайте слезы!

Хоть жизнь не отрада,
Речкой горе льется,

Но тужить не надо —
Пусть весь мир смеется.

Не внимайте, уши,
Не смотрите, очи,
Если жизнь всё душит
И лишь зла мне хочет.

Кривдою великой,
Душа, не смущайся,
Гомону и крику
Ты не поддавайся.

Сердцем к сердцу пылко
Рвешься, ищешь друга.
Стой, бедняк, — ошибка,
Лед там иль гадюка.

Потерпи, подумай —
Лучше удержаться.
Надо ль с песней-думой
Безотчетно рваться?

Смолкнет в горе голос,
Враг крыло подранит,
Будешь ты как колос,
Что растет в бурьяне.

Буря сломит колос
И с землей смешает.
Век с тобой боролась
Ненависть людская.

Так замрите, думы,
Сердца не томите,
Словно ветра шумы,
Далеко летите.

От такого света,
От людей подале
И несите эту
Песнь моей печали.

Ветер там, быть может,
Что гуляет в поле,
Вас не потревожит,
Поймет мою долю.

1907

147. НЕ ДРУЖИ...

Не дружи с папами,
Бедный мужичок.
Ведь у них уголья,
У тебя ж клочок.

И гулять в палатах
Не придется, брат, —
Там народ веселый,
Песенки звенят.

И вино там льется
Пенистой рекой,
От еды столы там
Гнутя дорогой.

Сыты и дородны,
Легкое житье,
Там паны пируют,
Место ж где твое?

Станешь у порога,
Только шапку мнешь
И потухшим взглядом
Пир весь обведешь.

Загрустишь, бедняга,
Над судьбой своей, —
Нет тебе здесь места,
Нет тебе друзей.

1907

148. ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Прежде мы пану
Делали дело,
Теперь казны «власть»
К нам подоспела.

Нету как будто
Панской неволи:
Будто бы наши
Хаты и поле.

Прежде у пана
Все мы страдали,
Хлеба с полоски
Мы не видали.

Так же и нынче
Всё пан отбирает,
И на налоги
Нам не хватает.

Прежде у пана
В горькой неволе
Нас за провинность
Плетью поролл.

Нынче же земский
Сам с казаками
Чинит расправу,
Часто над нами.

Прежде нам «мамкой»
Пан был с нагайкой,
Нынче казна нам
Стала «хозяйкой».

Вот наше счастье
На самом деле.
Век без опеки
Жить мы не смели.

Пойте ж, гуляйте
Вольно, бесслезно!
Рухнули цепи
Барщины грозной.

Минет невзгода —
Будьте лишь вместе.
Кличет обида:
Встаньте для мести!

1907

149. НА ПРОЩАНИЕ

Будь счастлива, девчонка, в недоле,
Пусть веселье не минет тебя!
Мне с тобою не жить уже боле,
Гонит доля отсюда меня.

Будь счастлива, голуба-девчонка! . .
Не сержусь я на гордость твою,
Слово ласки не бросишь вдогонку, —
Я ж так сильно любил и люблю.

Муки сердца изведаль сполна я,
Все страданья любви испытал,
А всю радость любовного рая
Недруг вырвал, опошлил, стоптал.

Я так счастья на свете знал мало
И привета не знал от людей,
Увидал тебя — весело стало,
И ты стала всего мне милей.

Как слуга, как невольник, тебе я
Так старался всегда угодить!
Так любил, так надежду лелеял,
Что взаимностью будешь платить.

Но за эту, девчоночка, дружбу
Ты меня не жалела ничуть,
За любовь, за привет мой, за службу
Не могла слово ласки шепнуть.

Эх, девчонка, девчонка, свет видит
Всю неправду и правду твою,
И, кто знает, не завтра ли выйдет
Мне награда за горесть мою?

Будь счастлива, девчонка, любися
С тем, кто только играет тобой;
Но, обман распознав, уж не гнися, —
Тогда лучше покончить с собой!

Меня, знаю, девчонка, забудешь, —
Или память слуга заслужил?
Но хоть верить ты мне и не будешь,
Тебя первую так я любил.

Еще раз — будь, девчонка, счастлива,
Хоть нам счастья и трудно сыскать!
Я ж один, как над речкою ива,
Буду жить и тебя вспоминать.

И на память (пусть в сердце воскреснет,
Чем я жил на заре своих дней)
Я сложу свою лучшую песню
О тебе, о любимой моей.

1907

150

Тебя все дразнят: «Человек!»
Тебя я кличкой не обижу:
Людского, хоть гляди весь век,
В душе твоей, панок, не вижу.

1907

151. НЕ ДАЙТЕ ПОГУБИТЬ...

Не дайте погубить певца
В безвестье, в бедности, в глуши,
Сгоните грусть с его лица,
Развейте мрак его души —
Не дайте погубить певца.

Его давно расправа ждет,
Волнует песней он сердца,
Послушайте, что он поет, —
Не дайте погубить певца.
О вашей горькой доле он
Допеть сумеет до конца, —
Хотя б за общий с вами стон
Не дайте погубить певца.

1907

152. ЧТО ТЫ ХМУРИШЬСЯ?..

Что ты хмуришься,
Небо синее?
Что вы носитесь,
Ветры дикие?

Что кричите вы,
Совы серые?
Что раскаркались,
Черны вороны?

Что шипите так
На святое всё,
Змен лютые,
Подколотные?

То ли солнышко
Закатилось,
То ль затмилось
Лучезарное?

Души сильные
Обессилели,
Люди добрые
Все озлобились.

Песни вольные
Обескрылели,
В них могильные
Стонут жалобы.

А за песнями
Лишь кандалный звон,
Стон закованных
Над землей стоит.

Ой, страшна же ты,
Сторона моя;
Ой, как страшно здесь
Человеку жить!

(4 января 1908)

153. ПОДЫМАЙСЯ, ВСТАВАЙ!..

Подымайся, вставай!
Мало ли заботы:
Панский двор и купец
Кличут на работу.

Подымайся, вставай!
Беды-горя хватит:
Зарастает пустырь,
Ни полена в хате.

Подымайся, вставай!
Умойся слезою:
Рвут кобылку твою
Волки за горою.

Подымайся, вставай!
Погляди в тревоге:
Туча шла, разнесла
Твой посев убогий.

Подымайся, вставай!
Сына хворь сгубила:
Надо гроб сколотить,
Выкопать могилу.

Подымайся, вставай!
Не ворчи спросонку.

Шли дружки да зашли,
Да зовут в корчомку.

Подымайся, вставай!
Пропил всё — да что там!
Закружился в глазах
Свет коловоротом.

Подымайся, вставай!
С чем же ты остался?
Потянули в острог —
Ну, вот и dospался!

19 октября 1908

154. НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Подошел новый год — на всем свете народ
Всё о доле счастливой гадает,
Вот и ты, как и все, встречай года приход,
Белорусов семейка родная!

Всё, что нам обещал каждый год, — недодал,
Задолжали всей нашей семейке.
Пусть же новый наш год, что сегодня настал,
Всё вернет нам, как есть, до копейки!

Чтобы к цели простой мы стремились душой,
К лучшей доле, и воле, и славе.
Счастья не было нам, всё в нужде день-деньской, —
Новый год пусть всё это поправит!

Ссоры, сплетни не раз гнали к гибели нас,
Разлучали со счастьем, свободой. . .
С новым годом пускай новый близится час
Братства, дружбы, согласия народа!

Вот желанья мои для народной семьи,
Их не так уже много, сдается.
Так и песня поет, так и, братья мои,
Жить вам нужно. Пусть лучше живется!

Декабрь 1908

155. КТО ТАКОЙ ТЫ?

Кто такой ты?
— Свой я, здешний.
Чего хочешь?
— Доли вешней.
Какой доли?
— Хлеба, соли.
А поболе?
— Земли, воли.
Где родился?
— На порожке.
Где крестился?
— При дорожке.
Чем умылся?
— Кровью, потом.
Кем быть хочешь?
— Не быть скóтом...

1908

156. ЗА ПРАВДУ

За правду, за счастье, за лучшую долю
Ты честно, товарищ, стой!
И кривде не дайся, и смело сражайся,
Отвага да будет с тобой!

Пусть горькие слезы, что в зной и морозы
Родная земля приняла,
Дадут тебе силу, чтоб горе сломила
И в сердце огни разожгла.

Хоть вихри шалеют, хоть песни немеют,
Хоть горем измучены мы,
За светлое право, за счастье и славу
Пробьемся мы к солнцу из тьмы.

Мы тесно сплотились, мы в мыслях сроднились;
Одна у нас родина-мать.
Мы дружбу прославим, других мы заставим
И нас, как людей, уважать.

Так смело за нами — отчизны сынам —
Вставайте же, время не ждет!
Уж солнце восходит, и воля в народе
Проснулась и к правде зовет.

1908

157. НАХАРИУ

Слезай-ка с полатей, светло уже в хате
Весна заглянула в окно.
И пташка щебечет, и листик лепечет,
И ждет тебя нива давно.

Пусть сошка кривая, кобылка худая,
И сам ты и беден и худ, —
Пора тебе в поле, в родное раздолье,
Где дедов и прадедов труд.

Ты пана сильнее, богаче, знатнее,
Тобою отчизна крепка,
Добудешь ты хлеба — другим на потребу,
А сам ты — голодный пока.

Вставай понемножку, да живо за сошку,
Да в поле — к великой борьбе:
Счастливую долю на дедовском поле
Ты выпахать должен себе!

Пусть недруги злятся, пусть местью грозятся,
Люби свою ниву, свой край, —
И, сколько есть силы, до самой могилы
Паши, борони, засевай!

1908

158. ПЕВЦУ АЛЬБЕРТУ ПАВ(ЛОВИ)ЧУ

За посвященье, за стих крылатый
От сердца, пане, кланяюсь Вам, —
Ни серебра у меня, ни злата,
Что ж я Вам, бедный из бедных, дам?!

Дам я Вам слово, братнее слово,
Вещее слово, — не знаю других.
Сейте на ниве края родного
Правду и в думках, и в песнях своих!

Чем будет больше севцов на поле,
Посеют больше, больше пожнут;
Чем будет больше певцов недоли,
Тем больше света в души вдохнут.

Край наш убогий, народ убогий
И темный такой, что трудно сказать;
К счастью закрыты ему дороги —
Так хоть какую бы радость дать!

Не пожалей же сердца на это,
Певец мой милый, мой брат родной...
Сражайся с тьмою во имя света,
Пой голосисто, о счастье пой!

1908

159. ОСЕЛ И НАУКА

(Басня)

Ослиной глупостью у нас
Корили дурней много раз,
И наконец пора пришла —
В науку отдали Осла, —
Учили глупого читать,
Писать учили и считать.
Осел в науке так был смел,
Что книжки все, как сено, съел
И даже стал, хоть ты убей,
Еще упрямей и глупей!

Мораль сей басенки проста:
Есть люди на манер скота!
Как ни учи Осла-глупца,
Ослон он будет до конца!

1908

160. КОСЦАМ

Где ж вы, где, удалыцы, где вы, хлопцы-косцы?
Долго ль вас мы должны еще ждать?
Время косы точить, время сено косить,
Время силу свою показать.

Пусть, покуда роса, звонко свищет коса,
Пусть ложится в прокосах трава,
Прочь бурьян и осот, пусть конец им придет,
Ведь народная сила жива!

Солнце жжет, как огнем, пот струится ручьем...
Что ж, привычна вам эта страда,
Так вы с детства росли, путь нелегкий прошли,
Вас никто не жалел никогда.

Пот струится ручьем, — оботри рукавом,
Да косою взмахни веселей,
Да из впалой груди песню слез заведи,
Песню горькую доли своей.

Песню пой за косою, пой, пока над тобой
Неба высь голубая ясна;
Плуг, земля и коса — это наша краса,
Это наша отрада одна.

1908

161. МОЛОДОСТИ

Ты скажи, скажи,
Моя молодость,
Что дала ты мне,
Сыну пахаря?

Ой, дала ты мне
Свой несметный клад:
Силу крепкую,
Богатырскую.

Ведь трудом моим
Не нахвалятся,
На мозолей кровь
Не насмотрятся.

Где мой капнет пот,
Там простор полей
Шумным колосом
Принарядится.

В сенокос трава
Ляжет под ноги,
И застонет бор
Под рукой моей.

Послушанием
И покорностью
Одарила ты
Меня, молодость.

Только счастье где,
Скажи, молодость?
Что ж мне волю дать
Позабыла ты?

1908

162. НА СЕНОКОСЕ

Чуть на небе заря
Занимается,
В курной хате мужик
Поднимается.

Берет свитку мужик
Пропотелую,
Берет лапти с колка
Перепрелые.

И косу он свою
Взял отбитую, —
Всё, что надо косцу,
Не забыто им.

Так на луг он идет,
Луг блестит росой,
С песней топит косу
Он в траве густой.

Видно силу в косьбе,
Стать могучую,
Слезы в песне его
Всё горячше.

1908

163. РАЗВЕЙСЯ, ТУМАН...

Развейся, туман, пронеситесь, тучи,
Над бедною хаткой моей.
Пусть солнце проглянет — и тяжкие думы
Рассеются в блеске лучей!..

Что звало на волю, простор и свободу
И к жизни прекрасной, иной, —
Вы, злые туманы, вы, черные тучи,
Закрыли, сдавили собой.

Стою и гляжу я на хатку кривую,
На ниву пустую свою,
И горькие слезы сдержать не могу я,
И грустную песню пою.

Молюся я небу и жизнь озираю —
Поможет ли мне кто-нибудь?
Но тьма беспросветна от края до края —
Ни света, ни следа — ничуть!

Ни света, ни следа!.. И силы слабеют,
И гаснет надежда в груди!
Кругом только горе, недоля, могилы...
Вот вся наша жизнь, погляди!

1908

164. ИЗ ПЕСЕН ЖИЗНИ

День был весенний. В бороздку на дно
Пало, взошло, зеленеет зерно.
В курную хату — была не была —
Доля-недоля меня принесла.

Лето настало. Уж колос глядел,
Рос, красовался, налился — доспел.
Счастья не зная, в родимом краю
Вырос и я на недолю свою.

Осень на свете. Бор стонет, шумит.
Колос несжатый на поле стоит.
Тяжко на сердце. Средь голых равнин
Сам я, как колос, бедую один.

Вот и зима. Белый вывалил снег.
Колос в сугробе нашел свой ночлег.
С долей борясь, из сил выбился я.
Где же ты, где же, могилка моя? . .

1908

165. СВАТ

(Из рассказов старого земляка)

Не зная броду,
Не суйся в воду!

Пословица

«Плесни-ка там в чарку! Ну, хлопчики, тихо!
Ты, Ганька, в печи уголек мне найди-ка!
Вот трубкой пыхну и начну без припевки,
Как был я моложе, как сватался к девке», —
Заводит рассказ, как всегда интересный,
Михалка, шутник, всей округе известный.

«Зимой это было, январь был в начале.
Деньки мясоеда пришли — загуляли.
Все будние дни — как одно воскресенье,
Пирушки и свадьбы — ну, нету спасенья!

Тот тянет горелку, тот сделался сватом.
Без гостя, без чарки в деревне нет хаты.

Глядел я... (Тут нужно сказать для порядка:
Не робкого был я в то время десятка.)
Решил — и готово, и еду со сватом —
Он помер теперь, его звали Кондратом.
Всё знал он, что нужно для дела такого,
В карман никогда он не лазил за словом.

Мы водки с собою в дорогу набрали,
Шинок был под Гайной, шинкарь звался Гдалей:
Конь добрый, звенят бубенцы под дугою.
Мы тянем горелку, раз дело такое.
Ой, чарки! Вы с нами в дни счастья и горя.
Беда — не беда, по колено нам море!

«Гони, сват!» — кричу я. Конь мчит быстроногий,
Хоть девки не знал я, а сват — к ней дороги.
«Гони, сват!» — кричу я. Пронесются версты.
Морозная ночка: и месяц и звезды.
Гремят бубенцы под дугой, не смолкая.
Конь скачет, копытами снег поднимая.

Летим... Вот приехали. Лают собаки.
Навстречу нам кто-то выходит во мраке.
«А кто там?» — мы слышим. «Свой!» — отвечаем.
«Прошу заходить! Мы гостей поджидаем».
Идем. Вот мы в хате. Пылает лучина.
Хочу я скорее увидеть девчину.

«Мир дому!» — сказали, крестясь на иконы.
«Спасибо!» — хозяин в ответ на поклоны.
И просит садиться. На лавку мы сели.
Жду, скоро ли будет беседа о деле.
В таких переделках я не был дотоле.
Сижусь сам не свой и боюсь поневоле.

Достали табак, задымилась трубки,
На лавках сидим и толчем воду в ступке,
Как будто много и дела не знаем.

Про снег прошлогодней зимы вспоминаем.
Одни говорят, умолкают другие.
Ой, тяжкое дело беседы такие.

Прошло с полчаса. Тут мой сват оглянулся
И в сени выходит. С бутылкой вернулся.
О главном он речь заведет — это ясно.
«Чего, — говорит он, — крутить понапрасну?
Хозяин, товар покажи нам. А кстати —
Барыш на столе, ну и мы в вашей хате».

(Примерно так сваты в ту давнюю пору
Всегда начинали вести разговоры.)

Хозяин, как будто ни в чем не бывало,
Повел нас туда, где кобыла стояла.
«Эх, ловкая шельма, и бегаёт прытко.
Полсотни отдашь — не потерпишь убытка.
Торговец из Гайны — и тот это понял,
Без торгу клал сорок и пять на ладони».

Я это услышал — аж сердце схватило!
Куда занесла нас нечистая сила!
А мой-то дружок, не поняв этой речи:
«Мы сватать приехали к вам издалече.
Он хлопец не бедный и доброй природы,
Зовётся Михалкой, живёт возле Жмуры».

На месте готов был я тут провалиться.
«Простите, но нет в моем доме девицы.
Всех баб — лишь старуха моя да вот кляча.
Могу побожиться, что девки не прячу».
Уж лучше б в лицо мне кто кинул онучу,
Чем этот совсем непредвиденный случай!

Как вышел из хаты, как сели мы в сани,
Как ехал со сватом — всё это в тумане.
Вы смейтесь над нами, ругайте по чести,
К другой мы тогда поспешили невесте.
Тут надо заметить, что сват мой Кондратка
Ни в чем не уступит, хоть шло б не всё гладко.

Приехали. Встреча. Мы слов не жалеем.
Мой сват подбодрился, и я стал смелее.
Я вижу девчину — мне весело тоже,
Хоть девка — по правде — прости меня боже!
Пригожа ль — не сватова это тревога,
Всё просто ему, словно с моста дорога.

Бутылка опять на столе загостила.
Беседа пошла, всё опять любо-милло.
Невесту нашли — так чего ж не хватает?
Вино и закуска нас вновь ожидают!
Тут всё на мази у нас, как говорится.
От радости сват мой готов прослезиться.

Глаза на девчину я поднял несмело
И чувствую: скажут мурашки по телу.
Клянусь я всех девок и свата старанье,
Но это еще не конец испытаньям.
Знать, не дал бог счастья мне ночью этой,
Иль я под такую родился планетой?

Хватили изрядно — пора собираться,
А свату и с места никак не подняться.
Вдруг вижу — детишки за печкой, их двое —
Девчонка и мальчик. Что ж это такое?
«Чьи это?» — спросил я не очень спокойно.
«Мои, — отвечает, — мои, дорогой мой!»

Что ж дальше? Да что там! Налей-ка мне, кстати.
Вот как насолил мне мой старый приятель!
Прошло с того году лет двадцать без мала,
Чего в это время у нас не бывало!
Женились люди, справляли крестины,
Лишь мне одному не досталось девчины.

И больше о сватанье нету заботы,
Пропала отвага, пропала охота...»
Так байку закончил Михалка, известный
Шутник, балагур, человек интересный.
А я записал эту байку простую,
Похвалите — я расскажу и другую.

1908

166. ТУЧИ И ДУМЫ

Черные тучи по небу плывут,
Черные думы заснуть не дают:
Тучи мне хату, а думы покой
Рады затмить, затуманить собой.

Падает с неба то снег, то вода,
Черные думы приносит беда;
Так и воюет бедняк человек
С тучами, с думами целый свой век...

1908

167. ГДЕ ВЫ?

Где вы, хлопцы непокорные,
Где вы с песней удаюю,
Как на поле на просторное
Выходили вы толпою?

Иль ушли вы на далекие
На сторонки на чужие,
Иль легли вы, одинокие,
Все в могилы там сырые?

Где вы, песни, где, свободные?
Где же отзвук ваш могучий,
Как вы силу всенародную
Звали жить в труде кипучем?

Иль вы замерли без жалобы
Среди леса, среди поля,
Иль и вас в оковы ржавые
Заковала всех неволя?

Гей, не видно друга сильного, —
Спит. Кто сон его встревожит?
Гей, из стона из могильного
Песня вырваться не может!

1908

168. ЕЩЕ БУДЕТ ВЕСНА

Не пугайся, что тучею злою
Скрыто небо с конца до конца,
И что всё заколдовано тьмою,
И что ворон кружит над землею:
Еще будет весна!

Не пугайся, что лист пожелтый
Сброшен лесом с конца до конца
И не слышно птиц певчих день целый,
Прошмыгнет только заяц несмелый:
Еще будет весна!

Не пугайся, что бедная нива
Опустела с конца до конца,
Что мужицкой рукой несчастливой
Недожатое брошено жниво:
Еще будет весна!

Не пугайся, что вольные силы
Спят в оковах с конца до конца,
Что насилье тут всё задушило,
Что смерть роет и роет могилы:
Еще будет весна!
Еще будет!

1908

169. БОР

Темный и хмурый, хмурый и темный,
Непроходимый раскинулся бор;
Гордо над нивой высится сонной,
Тайный он с небом ведет разговор.

Глухо несутся вольные шумы,
Бор начинает как будто стонать;
В сердце рождаются светлые думы,
Хочется пушу подслушать, понять.

Что ты, о чем ты, бор беспокойный,
Шумную эту беседу завел?
Иль недоволен долей такою,
Иль что недоброе в мире нашел?

Может, ты видел слезы недоли?
Может, детей твоих враг загубил?
Может, услышал стоны неволи?
Может, над горем людским загрузил?

А может, ветер, в кронах гуляя,
Новое что-то поведал тебе?
Так говори мне, пуща глухая,
Всё, что ты можешь сказать о себе.

Темный и хмурый, хмурый и темный,
Непроходимый раскинулся бор;
Гордо над нивой высится сонной,
С небом он только ведет разговор!

1908

170. СВЕТАЕТ

От неманских вод, из-под хвой Белавежи,
Соседи, соседки, приветствую вас!
Блуждала я долго по кочкам, по межам,
Но стежку-дорожку сыскала хоть раз.

Хоть, знаю, известно вам, кто я такая,
По праву какому пред вами стою,
Где дом мой, народ мой, какого я краю, —
Послушайте смутную повесть мою.

Везде, где гонимое слышится слово,
Язык белорусский, — владенье мое;
Немало столетий тому, как сурово
Идет в моей хате крестьянской житье.

Из хаты моей по буграм, по полянам
Гоняли, чего не сгубила, искать.

Глядите: и руки и ноги все в ранах,
А раны на сердце — кому ж их понять?!

Полоску мою кровь и пот удобряли,
По острым камням я ходила босой;
И песню насмешкой мою привечали,
И взгляд на одежду бросали косою.

И с грязью мешали, и вслед мне плевали
Все те, кто росли даже рядом со мной;
С народом моим мне погибель вешали,
И страшно мне было так жить сиротой.

За плугом, с серпом, с топором и с косою
Повсюду я шла, куда шел мой народ;
В недоле своей он мне верил порсю,
Всё крепче мечтал обо мне что ни год.

Шло время. Погост вырастал на погосте,
Сравнились могилы, погнили кресты;
Там деды свои горемычные кости
Сложили до срока от злой темноты.

Шло время. Я стала народной слезою,
Средь вихрей осенних и холода зим
С людскою навек повенчалась бедою, —
И брезгали мной, как народом моим.

Не тешила песней я ниву родную,
Крест тяжкий неволи с народом несла,
И думал чужак, что уже не живу я, —
Не верьте! Живу, как от века жила!

Всегда, сколько силы, с народом я вместе!
Жива, и народ мой со мною, при мне!
Я всё пересилила, вынесла с честью, —
Живуча, могуча в своей стороне!

Затменье прошло, миновала тревога,
Заря занялась над простором родным.
Большая лежит предо мною дорога.
Светает! Светает! Пора мне к своим!

1908

171. РОДНОЕ СЛОВО

Ты, слово родное, могучее слово,
Со мной наяву и во сне;
Ты душу встряхнуло мне радостью новой,
Ты песней откликнулось мне.

Ты, слово родное, бессмертное слово,
Всегда побеждало ты ложь;
Хоть гнали тебя, забивали в оковы, —
Напрасно! Ты снова живешь!

Ты, слово родное, свободное слово,
Смелей зазвучи, веселей,
Хоть гады шипят и хоть кружатся совы, —
Живешь ты во славу людей.

1908

172. ПАХАРЬ

Пахарь мерным шагом
За сохой идет,
Старый конь-бедняга
Головой трясет.

Скачет, скачет сошка
То на пень, то с пня. . .
Пахарь мой, дорожка
Тяжела твоя!

От своей работы,
От нужды устал,
Сгорблен ты заботой,
Хоть еще не стар!

Ноги утомились,
Ты едва бредешь,
Плечи опустились,
И в коленях дрожь.

Кто тебя неволит
Так трудиться век —
Злая ли недоля,
Злой ли человек?

По земле жесткой,
Эй, шагай живей
Узкою полоской,
Пашенкой своей!

Землю шаг за шагом
Сошкою взрезай
Да коня-беднягу
Гони, погоняй!

Так, сгибая спину,
Ты загон в загон
Паши десятину,
Не считай ворон!

С каждым поворотом,
С каждой бороздой
Обливайся потом,
Землю жги слезой!

От труда, от зноя
Весь ты изнемог...
Принесен женою
Скудный узелок.

Женка, что ж ты это
Хлеба не несешь? . . .
. . . Для того ль всё лето
Взращивал ты рожь!

Ты на чью ж потребу
Льешь кровавый пот,
Если вместо хлеба
Лебеда, осот?!

Для чего же в поле
Биться, хоть умри,

С голодом-недолей
С зари до зари?!

Доля твоя, доля,
Где она росла?
В чистое, что ль, поле
Доля утекла?..

.

Брат, что очи клонишь,
Тучи ты темней?..
Мир ты, пахарь, кормишь,
Сам же — всех бедней... .

1908

173. ДУМКА

«Эх ты, брат мой, брат родимый,
Что ты мрачен стал?
Или ты с дороги сбился,
Иль ее не знал?..»

«Как же, брат, мне быть веселым,
Как мне не тужить:
Доля темных тяжким камнем
На земле лежит.

Глянь на хаты, на деревни,
На крестьянский край,
На народ взгляни сермяжный
И тогда узнай,

Сколько этой крови алой,
Сколько слезных рек
Разошлось, разлилось
Здесь из века в век.

Благодарностью ж, наградой
За миллионы ран —
Лишь кресты могил забытых
Да немой курган».

«Не грусти! Заблещут звезды,
Счастья дни придут,
И цветы свободы, счастья
На земле взойдут».

1908

174. С НАДЕЖДОЮ СМУТНОЙ...

С надеждою смутной,
С горячей слезою
Брожу, бесприютный,
Сторонкой родною.

Брожу и не знаю,
Где правда, где сила,
Спросить лишь желаю
У думки немилой:

Пусть скажет мне просто,
Пусть мне напевает
О солнце, о звездах,
О радостном крае,

Где небо — как небо,
Где доля — как доля,
Где вдоволь всем хлеба,
Где — воля-раздолье!

Где люди — как люди:
В содружестве тесном,
Где кривды не будет,
Где песни — как песни!

Где нет ни морозов,
Ни жгучего зноя,
Где горькие слезы
Не льются рекою,

Где ясное ясно,
Где светлое солнце,
Где доля прекрасна,
Как светлое солнце.

Хоть миг мне бы дали
Тех радостей милых. .
Жить век свой в печали
Я, люди, не в силах.

1908

175

Гряну по струнам бунтарским я, гряну
Пóтом обмытой рукою —
Лейся, катись по полям неустанно
Песня широкой рекою.

Долго блуждал я, блуждал пустырями,
Всюду встречая невзгоды;
Смех и насмешки летели с ветрами,
Слышал я стоны народа.

Скорбь, что летела из дали далекой,
Камни — и те услышали;
Чахнул, как раб, я в тоске одинокой,
Тернии путь устилали.

Если порою придет просветленье —
Солнцем простор озарится;
Следом выходят, идут поколенья —
Все от темницы к темнице.

1908

176. ПЕРЕД ВИСЕЛИЦЕЙ

Приблуды над Невой кровавой,
Когда ж опомнитесь, когда?
Кто дал меня топтать вам право
И привести на смерть сюда?

Я жил в деревне — там душили,
Я был там нем, я был там слеп,
Жизнь пропадала, как в могиле, —
Где свет в деревне, где там хлеб?

И я пошел, пошел за хлебом. . .
Я всюду слышал звон цепей;
Я ночевал под голым небом
Один с недолею своей.

Так брел. . . Кому я нужен, нищий?
Я из последних сил шагал;
Я в поисках ночлега, пищи
Холопов ваших повидал.

Живу. . . Всё горше, чем вначале. . .
Я проклял жребий рабский свой. . .
Но часто зовы долетали,
Они влекли за волю в бой.

То скованные поднимались,
Где царь-палач и капитал,
Неволи цепи разрывались,
И мертвых тел вздымался вал.

Раз все дороги мне закрыли
И лучшей жизни мне не знать,
Шел напролом, хоть был бессилен
Я, чтоб за правду постоять.

А вы, вампиры, кровопийцы,
С полей меня сорвав, потом
Судить посмели как убийцу
Того, кто честным был бойцом!

Короны, митры бережете,
Что кровью поливал мой дед,
Теперь на плаху внука шлете,
Сражавшегося за рассвет.

Что ж, душегубы, тешьтесь властью,
Мне не уйти из ваших рук,
Вы привели меня к несчастью,
Вы и избавите от мук.

Но я не стану бить поклоны,
Пред гибелью не промолчу,

Знать ваших не хочу законов,
Знать ваших судей не хочу!

Ведь в цепи всё вы заковали —
И суд, и правду, и закон!
Расправу правом вы назвали,
Наградой — похоронный звон.

Вы задушили дух народный,
Народ к страданиям привели,
Вы умертвили неугодных,
Что ждали «воли и земли».

От братской крови опьянели
Вы, лютых хищников подлей,
Став мясниками в самом деле,
На бойню гоните людей.

Чтоб тысячи сынов народа
В полях маньчжурских уложить,
На всех, кому близка свобода,
Мечи вы начали точить.

Пустили с нищенской сумою
Сирот, и вдов, и матерей,
Науки свет сменили тьмою —
Вам тюрьмы подавай скорей!

Одев отчизну в пепелища,
Сынам напомнили «ясыр»,
Вы радуетесь — ворон рыщет
И вместе с вами правит пир.

Свершается убийство вами
Не в первый, не в последний раз, —
Не долго быть вам господами,
Придет погибель и на вас!

Ее не отвратить слезами,
И суд над вами будет скор.
Людского мщения над вами
Навис отточенный топор.

Палач! Эй, шельма, вешай ловко!
Я своего не знал угла. . .
Ты, не скупясь, намыль веревку,
Чтоб лучше шею обняла.

А после тело содрогнется,
Уйдет всего один боец.
Пусть колокол не отзовется,
Но всех вам не убить сердец.

Ведь грозные не смолкнут клики
Везде, где солнце свет дает:
Здесь спит боец, боец великий
За волю, долю и народ!

1908

177. ЗА КОСОЙ

Каждый раз, как живой муравью-ковром
Лето выстелит луг, день-деньской
Косы свишут, звенят над рекой за селом,
Слышны песни косцов над рекой.

В серебристой росе только косы блестят,
За прокосом ложится прокос;
Пуща звоном полна, песни пущей летят,
Зазвенел и запел сенокос.

И на песни и звон пуща шлет свой ответ,
Замирая в извечной мольбе:
Песен кос и косцов я дождусь или нет
На другой, на великой косьбе? . .

1908

178. БРАТУ

Мой ты бедный, мой ты темный,
Мой родной,
Ты спросил: а кто такие
Мы с тобой?

Люди мы или скотина?
Ты узнай,
Спроси косу, спроси сошку,
Этот гай;

Это поле, где упал ты,
Ослабев;
Эту сгнившую избенку,
Этот хлев.

У цепей спроси, у доли,
Той, что есть,
Люди мы или скотина,
Кто мы здесь?

13 сентября 1908
или 13 сентября 1909

179. МОЛОДАЯ БЕЛАРУСЬ

Гей ты, гей, Беларусь, сторона молодая,
Что блуждала в веках без дорог, погибая,
Гей, скажи мне, откуда же слава твоя?
Гей ты, гей, Беларусь молодая моя!

.....
Не из пышных дворцов, не из жизни богатой,
А из вечных обид в покосившихся хатах,
К жизни вызвана правдою смелой, живой,
Я взошла, расцвела негасимой звездой.

Чужеземцы обманом меня заставляют
Поклоняться себе, продают, покупают;
Им меня не сломить униженьем таким,
Не склонюсь перед ними с народом моим.

Не страшны мне угрозы врагов моих сильных,
Не боюсь я и песен унылых, могильных.
Миру лживому скоро глаза я протру, —
Только я здесь хозяйка, и я не умру.

Закалилась я горем и кровью народа,
Разобьются теперь об меня все невзгоды.
Там, где падала я, сын поднимется мой,
Полон воли и славы, упрямой стопой.

Искры света я в мыслях бездольных посею,
Обновлю я сердца и надеждой согрею.
Я им жизни правдивой зарю покажу,
На развалинах новое зданье сложу.

И от края до края над вольной землею
Встанет сила моя непокорной волною,
И певцы обо мне станут песни слагать,
Будет петь их народ и меня прославлять.

К нам согласие и дружба пожалуют в гости,
Успокоятся прадедов тени и кости,
Сбросит внук угнетения тягостный груз,
Сын родимой земли, верный сын — белорус.

.

Гей ты, гей, Беларусь, сторона молодая,
Встань из тьмы, униженье былого свергая,
Чтоб жила и свобода и слава твоя!
Гей ты, гей, Беларусь молодая моя!

12 января 1909

180. В ШИНКЕ

Что заснул там, шинкарь? Просыпайся, лентяй!
Пьют не зря бедняки! Живо чарки подай!
Нам ли долю свою вспоминать, проклинать, —
Наливай, выпивай, чтоб не слышать, не знать!

Эй, скрипач, ты настрой-ка нам скрипку свою,
Я под звон гулких струн оживу, запою!
Ты играй нам, скрипач, горячей, веселей,
От души заиграй, режь смычком, не жалей!

Мне теперь, сироте, век по людям ходить.
Рано, рано отца мне пришлось хоронить.
Работящим он был — недоест, недоспит,
Жалко мне старика, вспомнишь — сердце болит. . .

За деревней, где лег перекресток дорог,
Там увидишь ты в темной траве бугорок;
Там березка, посажена мною, растет,
Соловейко весною там песни поет. . .

. . . Это было однажды весенней порой.
Трудновато в деревне нам было весной:
Хлеба нет ни зерна, нечем подать платить,
Мы и сон и покой потеряли — как быть?

И старик мой в ту пору всё горько вздыхал,
Всё ходил он и что-то под нос бормотал.
А была у нас телка Красулька тогда,
Надо в город, продать — и не рады — беда!

Он слезу горевую смахнул рукавом,
На веревку Красульку — и в город пешком.
А в глазах-то темно: нелегко бедняку, —
И с чего это так не везет мужику?

Вот и город. Красульку отец продает,
Прячет деньги, и вот уж домой он идет,
Марширует домой и поет от нужды —
Хоть на час откупиться есть чем от беды.

Пуща темного зверя немало таит,
Больше злых между нами, родные мои!
Всюду стежки-дорожки по свету бегут,
Да они мужику только горе несут.

Далеко уж за город старик отошел,
Глядь — за пазухой денег своих не нашел!
Ни Красульки, ни денег, и доля темна. . .
Не беда: есть веревка, утеха одна!

Я и мать — мы отца поджидаем домой,
А его нет и нет; день проходит, другой, —
Слух пошел по селу, что в лесочке петлей
Кто-то жизнь свою кончил, — а был это... мой...

Что ты спишь там, шинкарь? Просыпайся, лентяй!
Пьют не зря бедняки — больше водки подай!
Нам ли долю свою вспоминать-проклинать, —
Наливай, выпивай, чтоб не слышать, не знать...

16 января 1909

181. А КАК ИЗ ХАТЫ ВЫХОДИМ...

... А как из хаты выходим,
Крестимся мы многократно,
Грустно глазами поводим,
Дескать, вернемся ль обратно?

А как пойдем мы полями,
С нами, за нами невзгода;
Сорные травы стеблями
Машут нам: «Жди недорода!»

А как за лесом в потемках
Грустные песни полюбятся,
Только лишь елки-сосенки
Шумом на них отзовутся.

А как по шляху шагаем,
Горе у нас за спиною.
Как привиденья, блуждаем
Днем и ночью порою.

А как вернемся мы к брату,
Все испытавши дороги,
Наша награда богата:
Грязный кабак да остроги.

22 января 1909

182. ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Звездочки, мигая,
Смотрят с высоты;
Вот гора, другая,
В инее кусты.

Скрип саней негромкий,
Да за лесом — луг,
Волчий вой в сторонке,
Глухомань вокруг.

Чуть бредет коняга,
Сани — за конем,
Янка под сермягой
На санях — клубком.

Холодно, морозно,
Иней пал седой;
Фыркает тревожно,
Еле жив, гнедой.

Небо золотится,
Под санями шум. . .
Много Янке снится
В эту ночку дум:

О родном селенье,
Уголке родном,
О поре весенней,
О житье ином.

Он о милой бредит,
Тешится сквозь сон. . .
Как же он доедет?
Как доедет он? . .

30 января 1909

183. ПОГИВШИМ

Спите все те, что настойчиво правду искали
И, не найдя ее, рано в могилу сошли.
Грязью бросали в вас, вольно дохнуть не давали. . .
Пусть же утешатся: в землю навек вы легли.

Гулко несется стон леса в ночные потемки,
Ветер в трубе завывает, шумит за окном. . .
Спите спокойно, труда и недоли потомки,
Скоро над вами поминок огни разожжем.

Мало, так мало вас было меж темными нами,
Были сильны еще ложь и туман вокруг нас!
Вы, победившие всё, поднялись орлами,
Были нам светом таким, что горел и не гас.

Грозно неслись ваши кличи, могучие кличи;
Души из камня — и те свой отбросили сон.
Бедный ваш край — он мечтал о грядущем величье,
Сил не хватило. . . Пропел похоронный вам звон.

Свежие насыпи травка еще не покрыла,
Светел песок на могилах, омытых дождем.
Спите! Навек запомним мы ваши могилы;
Вами разбужены, больше уж мы не заснем.

3 февраля 1909

184. НЕ ВЗДЫХАЙ

Не вздыхай, не горюй, брат измученный мой!
Жизнь свою не кляни, не кляни!
Думу-песню запой, выйди твердой стопой,
Еще раз не засни, не засни!

Хоть за тучею туча плывет чередой,
Туч сильнее эти солнца огни.
Ты, мой брат, не горюй, рвися к солнцу душой,
Еще раз не засни, не засни!

Тяжкий крест ты несешь — это тень пред зарей,
Дальше — новые, лучшие дни!
Так не плачь ты, мой брат, спой ты песню со мной,
Еще раз не засни, не засни!

8 февраля 1909

185. НАКАНУНЕ ВЕСНЫ

.. И ветер чуть хатки не свалит,
И снег всё ложится, не тая,
Но тает картошка в подвале,
Ни зернышка нет. . . голодаем.

И сена клочка не найдется,
Солома кончается тоже,
Кобылка уж еле плетется,
Коровка подняться не может.

Наведался в хату я к сыну —
И он голодает с семьею!
Ведь в долг не дают в магазине,
А нет ни рубля за душою. . .

Так трудно на сердце, так трудно!
Дум черных прогнать не умею. . .
До травки б дожить изумрудной,
До дня, когда колос созреет!

21 февраля 1909

186. ПАМЯТИ Т. ШЕВЧЕНКО

(25 февраля 1909 г.)

День этот по всей Украине встречают
Как праздник, и каждый гордится и рад, —
Рожден е творца «Кобзаря» отмечают,
И песни его, не смолкая, звучат.

Тому, кто свет истины нес для народа,
Поклон пробужденная шлет сторона,

Об этом толкуют днепровские воды
И думает думу степей тишина.

Певец вдохновенный, никем не забытый,
Как жил он для песни, так с ней и умрет.
И слава его не на мраморных плитах,
А в слове, что время в сердцах не сотрет.

Сын бедной семьи, слаб здоровьем, с годами
Он ужас штыкам, пулеметам внушал,
Как зверя, его оковали цепями
И в тюрьмы кидали, чтоб не жил, пропал.

Слепцы! Как могли они видеть в тревоге,
Что люди, как он, и в могилах живут,
Что можно связать только руки и ноги,
А вольные думы свободны от пут?!

Бывает, что трудно приходится людям:
Певец появился — и радость опять;
Певец умирает. . . а с песней что будет?
Эх! Видно, лишь камню того не понять!

Живет эта песня, как вихрь пролетает
Над лесом могил и над тьмою бежит,
Срывает замки и решетки ломает,
И кривда немеет, и сила дрожит.

Изменит когда-нибудь мир песня эта,
Другие пути нашей жизни найдет,
Взойдет наше счастье немеркнущим светом,
И долею лучшей земля расцветет.

Так песнь Украины почтим золотую
Мы все, не предавшие правды живой.
И вспомним мы «бабкину» песню простую,
Он славе отчизны служил всей душой.

О сын Украины, сын верный народа!
Ты слово родное в себе не глушил.
Боролся, учил, как быть стойким в невзгодах, —
Народ твой запомнил, чему ты учил.

На севере, западе, юге, востоке
На кобзах души твой играет «Кобзарь».
В избушках, темницах, в палатах высоких
Сердца ты колышешь, как звоном звонарь.

К нам слово твое долетало в дубравы,
Душой мы слышали, что скажет сосед.
Листок прибавляем к венку твоей славы,
Прими, брат, и наш белорусский привет!

25 февраля 1909

187. ЗА ЧУЖУЮ ЕЛКУ

1

Это было. . . И в народе
 Это не забыто.
Жил в деревне в своей хате
 Мужичок Микита.

И была у него женка,
 Семеро детишек,
Да коровка, да лошадка,
 Да сарай подгнивший.

А еще у него было
 Сердце золотое,
Только грешен: глянуть в чарку
 Он любил порою.

Воевал он век с бедою;
 Докучало горе.
Выпьет чарку — легче станет.
 По колено море.

Забранит жена — что делать
 С бабой безрассудной!
Одним словом, жил Микита
 И легко и трудно.

Так, ни шатко и ни валко,
 Бедняку жилося,
 Но, как сказано, не вечно
 Жбан водицу носит.

Подошла с ветрами осень,
 Холодна, плаксива;
 Липа листься поскидала,
 Опустела пива.

Тучи небо обложили,
 Заслонили солнце,
 Дождик льет — не дай-то боже! —
 Всё стучит в оконце.

Стариков и ребятишек
 Стужа донимает.
 У Микиты — ни поленца,
 Как тут быть — не знает.

Долго думал. Что тут думать?
 Лес неподалеку.
 В панский бор идет Микита
 Ночкою глубокой.

Ой, богата лесом-пущей
 Вся наша сторона:
 Прямо в небо так и лезет
 За сосной сосенка.

Дуб, сосна, да вяз, да елка —
 Кто их сосчитает?
 Зашумят они, как будто
 К чему призывают.

Подошел Микита к елке
 И давай под корень
 Топором рубить с размаху,
 Только эхо вторит.

Рубит смело, не горюет,
Что пришел к чужому.
Кто не вор в лесу, известно,
Не хозяин дома.

Ель упала, бор затрясся,
Дрогнул, как от грома,
И отправился Микита
За телегой к дому.

4

Возле леса, на опушке,
Меж кустов косматых
Много лет уже стояла
Лесникова хата.

Лесником служил у пана
Гришка Валивода,
Человек он был недобрый,
Хоть крестьянин родом.

Он в соседних деревеньках
Был известен многим:
Не один ведь из-за Гришки
Отсидел в остроге.

На него точило зубы
Бедняков немало,
Им жестокость лесникова
Костью в горле встала.

И как назло, в эту пору
Услыхал Микита:
По кустам к нему навстречу
Шел лесник сердитый.

5

«Что ты делаешь, ворюга,
Ночную порою?»
Наш Микита Валиводу
Видит пред собою.

«Что? Срубил вот эту елку», —
 Прямо отвечает,
А что пан в лесу хозяин —
 Будто и не знает.

«Кто ж тебе позволил, шельма,
 Панский лес тревожить?
Да тебя за это дело
 Мало укокошить.

Отдавай топор скорее,
 Не то будешь битым!»
И лесник за грудь с досады
 Ухватил Микиту.

Тот ему ответил что-то,
 Гришка обозлился,
И с Микитой в злобе волчьей
 Драться он схватился.

6

Дождь пошел: за каплей капля,
 Словно слезы, льются,
А Микита с Валиводой
 Не бросают, бьются.

Вдруг в ночи раздался выстрел,
 Эхо прогремело,
И затихло всё. . . Лишь пуща
 Темная шумела.

Всё шумит, шумит протяжно,
 Колыхая кроны,
Заглушить как будто хочет
 Всех несчастных стоны,

Будто хочет всем поведать
 Дерево лесное,
Как идет несправедливо
 Всё житье людское,

Как греха у нас и горя
Всё не убывает. . .
Ох, и правду говоришь ты,
Пуща неживая!

7

И никто в селе Микиту
Больше не встречает,
Понапрасну кличут дети
И вдова рыдает.

Под крестом уснул бедняга,
Никто не разбудит.
Спи! Придут к тебе с приветом
На могилу люди. . .

Правду все узнали — случай
Редкий между нами.
Скоро Гришка Валивода
Зазвенел цепями.

И людей пугает место,
Где погиб Микита. . .
Это было. . . И в народе
Это не забыто.

.

Так погибли сразу двое
За добро чужое,
А пойдя узнай, — о боже! —
За чье, за какое?

1 марта 1909

188. ПОЛОВОДЬЕ

Крепко сковало просторы безбрежные,
Но обновленья пора настает —
Солнце опять заблестело по-вешнему,
Реки проснулись, и тронулся лед.

С грохотом, скрежетом льдина за льдиною
Мчатся вперед в неизвестную даль.
Катятся волны могучей лавиной,
Рушат заторы, как молоты сталь.

Нет, не удастся вам, люди бездольные,
Вашей запрудой сдержать ледоход!
Сила ни с чем не сравнимая, вольная
Сломит преграды и дальше пойдет.

Эх ты, весна, половодье бурливое!
Всё обновишь ты в родимом краю.
Пусть же выносит волной говорливую
К доле счастливой людскую семью!

27 марта 1909

189. ПОЭТУ-БЕЛОРУСУ

Ты хочешь знать, какой обязан
Быть горестной земли поэт?
Он должен видеть зорким глазом
Сквозь горе правды ясный свет.

Тебе другие не помогут:
Ты в пуще солнца не найдешь.
Ты сам найди себе дорогу,
С которой больше не свернешь.

Пусть сердце сердца не боится,
Пускай душа поет с душой.
Тогда лишь песня будет литься,
Когда отыщешь голос свои.

Борись за песенное слово,
Не жди ты платы от людей,
Поэт — слуга слуги простого,
Поэт и царь любых царей

На звезд далеких хороводы
Взгляни ты дерзко, без тревог.
Проникни в тайны сил природы,
Чтобы задумался сам бог!

Подслушай стон земли родимой
И в уголки любые глянь,
Чтоб песня правды негасимой
Брала с любого сердца дань.

Счастливым ты иль несчастливый —
Людей смелее поднимай,
Над белорусской сонной нивой
Высоким светочем сияй!

Тебя услышав, всколыхнется
Миллионный дремлющий народ,
И отзвук славы пронесется
Из рода в род, из рода в род!

И ты в своем венке терновом
Увидишь лавровый венок.
На ниве будущего словом
Своим взойдешь ты, как росток.

Твой бедный прах могила примет,
За годом будет год спешить.
Забудется поэта имя,
А песня будет жить и жить.

14 апреля 1909

190. ДЕВУШКЕ

Не беги от меня, радость жизни моей,
Пожалей, приголубь бедняка-сироту,
Сердце мне разбуди, сон тяжелый развей,
Душу песням открой, разгони темноту.

Я утечи не знал в горемычные дни,
Не заглядывал свет солнца в хату мою,
Бушевали вокруг только вихри одни,
Только клял я не раз долю злую свою.

Так за годом шел год — нету счастья в былом.
А ведь есть оно, есть на родимой земле!
Это счастье в любви, в смелой схватке со злом, —
Так постой, не беги, будь звездой во мгле!

Мы с тобой по земле твердым шагом пойдем,
Чтоб осилить беду, смело взявшись за труд,
Жить, любить и терпеть, дорогая, вдвоем
За униженный край, за измученный люд!

22 апреля 1909

191. ИЗ ПЕСЕН О ВЕСНЕ

И зелень, и птицы, и песни,
И в пестрых цветах луговина,
И дни всё светлее, чудесней —
Отрадная сердцу картина.

Всё мило: и небо, и поле,
И шум, что из пущи несется.
Как сердцу не рваться на волю?
Куда-то всё рвется. . . всё рвется. . .

И вся пробудилась округа,
Работою утро встречает.
Вот пахарь шагает за плугом,
Жалейка у стада играет.

И сеятель тоже хлопочет,
Бросает отборные зерна.
Такая в нем сила — захочет,
И будет весь мир перевернут!

Гей, гей, хлебороб терпеливый,
Хозяин и плуга и поля,
Встряхнись же от думы тоскливой,
В руках твоих слава и доля.

23 апреля 1909

192. ПЕСНЯ-СКАЗКА

В непогоду издалёка
Ветер мчится к нам с востока,
Сказки сеет молодые,
Слышат их сердца родные.

Что же там вдали светлеет?
То надежда пламенеет.
Кто-то едет с новым сватом,
С новой свадьбою по хатам.

Сбрось одежду с плеч худую,
С окон пыль смахни густую,
Пыль смети скорей с оконца,
Громче крикни: солнце, солнце! . .

Будто с песней, будто с лаской,
С несказанной светлой сказкой
В непогоду издалёка
Ветер мчится к нам с востока. . .

30 апреля 1909

198. ЗАКЛЯТЫЙ ЦВЕТОК

Лишь праздник Ивана Купалы
Приблизится с ночью своей,
Цветка заповедного жало
Чарует несчастных людей. . .

С надеждой, и верой, и силой
Из мира, где песни и труд,
По чащам, долинам, могилам
За цветом бегут и бегут. . .

Сова пропоет о разлуке,
Лопочет крылами кожан. . .
Бессчетные тянутся руки,
Где дремлет купальский курган.

Тех радостно очи смеются,
Тех кровью зрачки залило,
Толкаются, корчатся, бьются,
Мешаются правда и зло.

И ветки хотят наклониться,
И вереск трещит под ногой.
Вот-вот за цветок ухватиться
Готовишься слабой рукой. . .

Ан нет! Гаснут звездные светы,
Откликнулся кочет в селе. . .
Ни ночи купальской, ни цвета,
Всё сгибло, пропало во мгле.

Мигают безумные очи,
Бессчетные вздохи летят. . .
Сова не смолкает — хохочет,
Да крылья кожаньи свистят. . .

След косточки стелют, — устлалн. . .
Сдается, пора отдохнуть. . .
Но стоит явиться Купале,
Все снова бросаются в путь.

16 июня 1909

194. ЗАБЫТАЯ СКРИПКА

1

Долго под балкой лежала
В доме крестьянском глухом,
Долго лежала, молчала
Скрипка в забвеньи немом.

Годы текли за годами —
Сколько безрадостных дней!
Скрипка дремала. Сляями
Пыль осаждалась на ней.

Очи в слезах не сумели
Горя ее угадать,
Пальцы в мозолях не смели
Струны игрой пробуждать.

Долго ждала она друга —
Пусть он нарушит покой,
Струны натянет упруго
Строгой и верной рукой.

Деревнею странник дорожный
 Брел и замедлил свой шаг.
 Встал перед хатой. Тревожно
 В дверь постучался бедняк.

Страннику отдых предложен —
 В хату хозяин зовет. . .
 Скрипку заметил прохожий,
 Смело певунью берет. . .

Бережно тронул руками,
 Пыль обтирает полкой. . .
 Струны заплакали сами,
 Голос вдруг подали свой.

Бьется прохожего песня
 С липовой декою в лад;
 Люди вокруг него тесно,
 Головы свесив, сидят. . .

«Долго искал тебя, скрипка, —
 Песня плывет в синеве, —
 Был без водицы я рыбкой,
 Ягодой в буйной траве.

Рвались и сердце и думы
 В глубь несказанных светлиц,
 Звали их хвойные шумы,
 Звали их струи криниц.

Звали. . . И с думой о чуде,
 Полон надежд и тревог,
 Шел я с людьми и в безлюдье,
 Много изведаль дорог.

Села, деревни мшнуя,
 Шел меж кустов, пустырей,
 Звал тебя, звал я, родную,
 Музыка ждал я твоей!

Славься, добыча святая,
 Пан я всех нив и всех вод,
 Даже кто звезды считает —
 Песен моих не сочтет!

Птицей весенней я буду,
 Петь я кукушкой начну,
 В праздник печальному люду
 В очи пытливо взгляну.

Молний и тучек в раздолье
 Буду и царь и пастух,
 Лягу росую на поле,
 Вышью я радужный круг.

Души взволную я всем вам
 Дивом купальских цветов,
 Буду я лаской и гневом,
 Лживых низвергну богов!

Будет Воздвиженье — стану
 Я за лесами смотреть,
 В душу природы я гляну,
 Буду всей пущей владеть!

Ночью, поминки справляя,
 Гляну в иные края —
 С тем светом, страха не зная,
 Буду беседовать я.

Снова я птицею взмою —
 Мир не захочет дремать,
 Будет всем сердцем со мною,
 Будет он песне внимать.

Пой же ты, скрипка живая,
 Каждую звонкой струной!
 Люди! Сомнений не зная,
 Смело за мною, за мной!

Я вам открою все чары,
 Чары небес и земли,
 Счастья иного пожары,
 Чтоб вы согреться могли!

Новую правду открою,
 Новые песни сложу. . .
 Гей же, за мною, за мною —
 К солнцу я путь укажу! . . .»

Так призывала, звенела
 Скрипка та, вторя певцу,
 Эхо под небо летело,
 Ночь подходила к концу.

Песни могучая сила
 Горы бы сдвинуть могла. . .
 Кончил он. . . Смотрит уныло:
 Хата пустая была. . .

17 июня 1909

195. ЯВОР

За угрюмою горою
 Дремлет явор одинокий
 И кивает головою,
 Всё кивает в мир далекий.

Сколько он обиды знает?
 Сколько грусти в тихом шуме!
 Кто посмотрит — разгадает,
 Всё услышит в сонной думе.

Грустен явор. Не хватает
 Сил, чтоб биться с непогодой.
 Вместе с листьями теряет
 Он по ветке с каждым годом.

Раньше явор всем на диво
 Красовался в полной силе,

Властелином был над нивой,
Люди явор полюбили.

От пригорка до пригорка —
Дул ли ветер, солнцѣ ль грело —
То ли сладко, то ли горько
Всѣ о нем жалейка пела.

Будни, праздники летели —
Он всегда с людьми своими.
Сколько песен всюду пели,
Где его звучало имя!

Годы мчались за годами,
Наши песни — как не наши,
А мы сами — как не сами,
А наш явор? Сердцу тяжко. . .

За угрюмою горою
Плачет, хмурый, одинокий,
И кивает головою,
Всѣ кивает в мир далекий.

26 июня 1909

196. ЖАЛУЙТЕСЬ, СКОРБНЫЕ СТРУНЫ...

Лира смолкает в покое,
Струнный теряется звон;
Лирник, притронься рукою —
Явится песен мильон.

Жалуйтесь, скорбные струны,
Эхом окликните даль!
В горестном мире безумном
Так неизбывна печаль!

Сердцу отраду несите,
Сбросьте оковы с души,
Новым лучом озарите
Сон непробудный в глуши!

Чары призывные лейте,
Мыслей живых череду,
Призраки будней развеите,
Злую гоните беду!

Дайте счастливую долю
Скорбью омытым краям,
Тихому, отчему полю,
Темным безрадостным дням.

Шире дорогу дерзанням! . .
Ярче пылай, красота!
Здравствуй, зарниц полыханье,
Радость, мечта, доброта!

Лира поет безответно,
Лирник горюет один. . .
Встаньте из мрака к рассвету,
К солнцу из гиблых низин!

9 июля 1909

197. МОЛОДЫМ НА СВАДЬБЕ

Не дубок в гаю при ниве,
Не в лугу лилея —
Молодой сидит счастливый
С женушкой своею.

Кто поймет, кто разгадает,
Что им в душу пало,
И кто думки их узнает, —
Нет таких, пожалуй!

Вышла радость им обонм,
Радость в сердце льется,
Просто счастье золотое
В руки им дается.

Их засталица поздравит —
Каждый так, как может.
Я себя считаю вправе
Их поздравить тоже.

Молодому с молодою,
Пусть все люди знают,
Я желаю всей душою,
Что себе желаю.

Средь людей покрасоваться,
Жизнь вдвоем обдумать
И в какой-то год дожждаться
И кумы и кума.

Целоваться, миловаться
В молодые годы
И весь век не расставаться
И не знать невзгоды.

Долгой жизни вам желаю,
Как цветы цветите.
Молодой и молодая,
До ста лет живите!

Вот скажу я рсчь какую,
Не солгу, сдается, —
Кто милует, кто целует,
Счастья тот добьется.

11 июля 1909

198. ДЕВУШКА И ВЕНОК

Солнце землю согревало,
Птицы пели многозвонно;
Девушка цветы срывала
У дубравы у зеленой.

Заплетала их в веночек,
На головку примеряла;
Радостью сияли очи,
Солнце девушку ласкало.

Одного недоставало
Ей цветка в венок заветный. . .

Вышел хлопец из дубравы
К ней с улыбкою приветной.

Тот цветок найти желая,
Шли вдвоем они по лугу,
Только где найти не зная,
В очи глянули друг другу.

Так ходили всё долинкой,
Солнце им вослед сияло,
И веночек свой девчинка
Где-то в травах потеряла.

То ли рада, то ль не рада,
Плакать ей или смеяться?
Нет цветочка... Хлопец — рядом...
Надо ж было так сменяться!

Ходит девушка, не тужит...
Хлопец есть — венка не стало;
А что лучше? А что хуже?
Бабка надвое сказала.

22 июля 1909

199. ИГНАТ И ПИЯВКИ

(Басня)

Как говорят,
Сто лет назад
Игнат
Задумал в речке искупаться,
И надо же так статься,
Как на грех
(Иль это заяц,
Такой нахал,
Тропу ему перебежал?),
Лишь в воду он ступил у травки,
К ноге прилипли три пиявки
И кровь сосут — да что есть сил.
Игнат от боли завопил.

Беда! Қорежась так и сьак
И стиснув свой кулак,
На них обрушился бедняк —
Они ж не перестали:
Сосут, как и сосали.
«Эй, полно вам доить, сестрицы!
Иль мало вам своей водицы?
И смех, и грех, и стыд, скажу я,
Сосать так кровь чужую!» —
Игнат степенно им толкует.
И в тот же час
(Не в первый для пиявок, видно, раз) —
Ослышался иль нет? —
Такой он получил ответ:
«Мои соседки виноваты», —
Одна из трех промолвила Игнату,
Одетая в блистающие латы,
И потянула теплый сок,
Да так, что в крюк согнул он бок.
«Не мне, а им — такой разбой! —
Жить кровью хочется чужой», —
Игнат услышал от второй,
Такой же толстой и тугой.
А зуд от первой, может быть,
Всё ж было легче выносить.
«Я? Да я так, от доброты,
Возьмись за тех уж лучше ты!» —
Ему и третья отвечала
И плотно так к ноге припала,
Что всех других пересосала.

Что дальше там произошло,
До нашей басни не дошло.
Пиявки же (чем черт не рад!)
Сейчас, как сотни лет назад,
Живут обычаем своим.
Но как совет дать лучше им,
Доныне думает Игнат.

28 июля 1909

200. ДОЛГОЖДАННАЯ

Ты пришла ко мне тогда,
Как звенели холода,
Жалобно скрипел плетень,
У ворот мелькала тень.

И меня согрела ты
Под покровом темноты,
Панна ты была, я — пан. . .
После вновь зацвел курган.

От меня ушла, когда
Приближались холода:
Ветер снова рвал плетень,
У ворот мелькала тень.

23 сентября 1909

201. ЧЕРНЫЙ БОГ

В заскорузлых тряпках грязных
С головы до ног,
Из болот и ямин разных
Выполз черный бог.

Черти, ведьмы, лесовицы —
Всё к нему спешит,
Тушит новые зарницы,
Тушит новый быт.

Ногти-когти разлопушил —
Жди от них вреда, —
Поднял вой, и в страхе души
Мчатся — кто куда.

Весь кагал нечистой силы
Собрался в одно,
Так и тянет сброд постылый
Всех на дно, на дно.

Воронье кружится стаей,
Каркает навзрыд.
Черный бог уже пылает,
Черный бог горит.

Эй, до пепла разгорайся,
Змейный черный бог,
С белым ты не поравнялся —
Победить не смог!

25 сентября 1909

202. С ЯРМАРКИ

С ярмарки иду я,
Ноги заплетаю,
Ничего не чую,
Ни о чем не знаю.

Ночка наступает,
До села далёко,
Щурится лукаво
Месяц-лежебока.

Вижу, черт навстречу —
Что твой пан без шубы;
Что-то про Марысю
Шепчет, скаля зубы.

Что мне, пану, слушать
Всяких посторонних?
Море по колено,
Еду на ста конях!

Черту оплеуху —
Зайцем обернулся,
К лесу покатился
И не оглянулся.

Ну, валяйте дальше,
Ноги-мимоходы!

Хата недалече,
Будет вам свобода!

Эх-ти!.. Дома баба —
Не пропустит тихо;
Ну, мы ей покажем,
Почем фунтик лиха!

Чуть покажет жало,
Я ей, шельме, вспомню,
Что шепнул нечистый
Нынче про нее мне.

Вот уже и сени,
Усмехаюсь слабо...
Выплюсь лучше в сене —
Спи одна там, баба!

17 октября 1909

203. ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Тихо... Гляньте-ка: забрезжило,
Утро проступает;
Оживает всё, что не жило,
Что отжило — тает.

Солнце с теменью сражается;
Мох слетает с хат и бань;
Даль за далью пробуждается;
Озимь крепнет в эту рань.

Реже покрики совиные,
Тает жуть ночная,
Расстается с мертвечиною
Воронье, взлетая.

На курганы опускается
Золотой росой туман
И безбрежно разливается
Вдоль покосов и полян.

Долей-мачехой придавленных
Зори окликают,
Близ погостов окровавленных
Кони ожидают.

20 октября 1909

204. ПОЛИЛИСЯ МОИ СЛЕЗЫ

Полилися мои слезы
На живые вербалозы,
На былинки на сухие,
На невзгоды на людские.

Полилися мои слезы
На жару и на морозы,
На глухие непогоды,
Молодые мои годы.

Полилися мои слезы
На недуги, на занозы,
На надломленные груди
И на всё, что было, будет.

Полилися мои слезы
На напасти, на угрозы,
С тяжкой думой — покорися! —
Полилися, полилися.

Полилися мои слезы
На пути, на перевозки,
На кровавые поляны,
На забытые курганы.

21 ноября 1909

205. ПРОФЕССОРУ В. ЭНИМАХ-ШИПИЛЛЕ С НОВЫМ 1910 ГОДОМ

Дружным ходом, год за годом
Важно вдаль идет-бредет,
То заплачет, то заскачет
Вслед за Старым Новый год.

Вот «Девятый» вышел с хаты,
Он покинул поле, луг.
В путь готовый, год наш Новый
Новых дней заводит круг.

И от трона и короны
Сам отрекся Старый год,
Новый, кстати, в важном штате
Путь положенный пройдет.

Слышу голос: даст он колос
Иль траву пустую нам?
Я не знаю, не гадаю,
Как промчится — скажет сам.

С годом Новым щедрым словом
Вас поздравлю в этот час.
Поздравляя, вам желаю
В добром здравьи жить для нас.

Меж своими и чужими
Жить да счастья наживать,
С давним рвением просвещенье,
Как и прежде, засевать.

Там, далёко, с руки легкой,
Ясный брезжит нам просвет.
Будет внуку жить не штука,
Легче будет, чем жил дед.

Вспыхнут зори на просторе,
Сгонит солнце горя лед,
И, как сваты, в наши хаты
Смело новый день взойдет.

Кто за правду с нами в равной
Был тревоге и труде,
Гонит прочь тот темень ночи,
Как никто и как нигде.

Но за братство ни богатства,
Ни наград не ожидай, —

Слава будет — дадут люди,
Твой родной подарит край.

Пусть же в крике, в злобном рыке
Гонят солнце с синевы
Вой упорный гадин черных
И с рассветом крик совы.

Дружным ходом, год за годом
Будет длиться строй времени —
Все невзгоды, непогоды
Пролетят, пройдут, как сон.

Декабрь 1909

206. КАК Я ПОЛЕМ ИДУ...

Как я полем иду, гнется колос ко мне,
С ним печальной душой я беседу веду,
Колос слушает всё в зачарованном сне, —
Колос гнется ко мне, как я полем иду.

Как я лугом иду, травка никнет у ног,
Я с нее осыпаю росу на ходу,
И печальны цветы от неясных тревог, —
Травка никнет у ног, как я лугом иду.

Как я лесом иду, в сердце думу таю,
Я встречаю могучих дубов череду,
Там, как дома, я с пущею песни пою, —
В сердце думу таю, как я лесом иду.

Как я в хату войду, что-то душу гнетет,
Грусть приходит ко мне, накликая беду,
В отсыревшем углу только плесень цветет, —
Что-то душу гнетет, как я в хату войду.

1909

207. ОТЦВЕТАНЬЕ

Не шумит полоса,
Не звенит в лугах коса,
Не кладутся в стог пласты,
Только сыплются листы
На ольховые кусты,
Осыпаются леса.

Не искрится даль небес,
Не цветет трава чебрец,
Птиц промчался караван,
Над землей встает туман,
Вестер бьет в немой курган,
Сонно шепчет темный лес.

Доля вольная идет,
То поманит, то пугнет,
Смотрит прямо в очи мне,
Сердце бьется в полусне,
Всё же думка о весне
Сердцу голос подает.

1909

208. СНЕГ

Залегла, как постель,
Лебединая бель
На поля, на курганы. . .
Ворон, галка, кожан
Замерли не на смех:
Это снег, только снег. . .

За старухой зимой
Ты постель, милый мой,
Навалил над душой,
Будто крест над межой. . .
Ах! Не твой ли тот смех:
Это снег, только снег.

Думы, песен полет
Лед облил, занял лед.
Он протек по лесам,
И свежей стало там,
Где житье не на смех:
Это снег, только снег.

Ты и жил, и любил,
Не погиб и забыл,
Что мечтать и жалеть,
Только в дали глядеть,
Что прожить не на смех:
Это снег, только снег.

Кто — родной иль чужой —
Умер, кончил с землей,
Поп пропел, дрогнул звон,
Мертв — из памяти вон. . .
Бой за хлеб не на смех:
Это снег, только снег.

Может, легкие дни
Не затронут — ни-ни! —
Ни беда, ни нужда,
Ни огонь, ни вода,
Только счастье и смех:
Это снег, только снег.

1909

209. ПЕСНЯ ЗВОНАРЯ

На горе высоко, от людей далеко,
Где орел лишь садится бесстрашный,
Высоко возведу — чтоб была на виду —
Я кирпичную звонницу-башню.

И начну я свой звон, со всех слышный сторон,
Равный голосу вихря и грома,
Пусть мой колокол бьет — соберу весь народ,
Ни один не останется дома!

Разгудится мой звон от окон до окон,
 Душу, сердце разбудят удары.
Дрогнут камни темниц, брызнут искры зарниц,
 Шевельнутся овраги и яры.

На мой клич вечевой кто живой, чуть живой
 Под горою косою засверкает.
Правду звоном скажу, стежку-путь укажу
 В вольный край, где шумят урожаи.

За другою горой дам воды ключевой,
 Животворное каждому зелье,
Пусть отраду несет всем, кто жил средь невзгод,
 Всем, что терпят и прежде терпели!

Это будет мой клик, и могуч и велик,
 А коль душам не слышен он сонным,
Брошу молнию, гром — пусть помогут огнем
 Мне по нивам пройти потрясенным!

Грянет грозный раскат, я ударю в набат,
 Размахнусь, как давно не бывало,
В гуле меди родной рухнет камень седой —
 Так, чтоб поле вокруг застонало!

Треснет медь пополам, рухну с башней я сам,
 И орел улетит в поднебесье,
А над склоном горы звезд зажгутся костры,
 Воронье закричит в чернолесье.

.

В белом поле мертво. Был звонарь — нет его.
 Тихо, тихо над сонным простором.
Только жив неживой меди гул вечевой,
 И о нем ветры шепчутся с бором.

И года пролетят, звонаря вспомнит брат,
 Башню-звонницу вспомнит сестрица.
На высокой горе, на вечерней заре
 Сказка-песня ручьем заструится.

Вспоминая мой век, поглядит человек
На поросшие мохом каменья,
И ему черепок, звонкой меди кусок
Даст надежду и силу в терпенье.

Буду всё звонарем, хоть давно под холмом
Спит моя голова молодая, —
Чтобы свет ведать мог: дум высоких цветов
На обломках старья вырастает!

1909

210. ТУТ И ТАМ

Вы тут гуляете, панове,
Вы сыты, пенится вино.
А что там, в нищих деревеньках, —
Вам дела нет, вам всё равно!

Тут, смочена людскою кровью,
Копейка сходит задарма.
А в деревеньке безутешной
Рубцы от рабского ярма.

Вы тут сошлись разбить над чаркой
И честь и славу пополам.
А там... там молча роют яму, —
Кому? Не время ль вспомнить вам?

1909

211. Я И ВОЛЯ МОЯ

Мы родились на свет —
Я и воля моя;
Лаской встретила нас
Вся людская семья.

Вместе выросли мы —
Я и воля моя;
Было небу светло,
Ликовала земля.

Вместе мы и живем —
Я и воля моя;
Воля песни поет,
Поннимаю их я.

Лишь не вместе умрем —
Я и воля моя:
Воля — век будет жить,
Спать в земле буду я.

1909

212

Я не плачу над этой могилой —
Брат в ней спит, он теперь не страдает;
Я уж сжился с недолей постылой,
Я над хатой худой не рыдаю.

Я не плачу над нивой бесплодной —
Пот и кровь я привык лить напрасно;
Я не плачу над долей народной —
Будет доля когда-нибудь ясной.

Но сжимается грудь моя, люди,
И слеза сразу взор мой туманит,
Как подумаю, что со мной будет,
Если песни петь силы не станет.

1909

213. ГУСЛЯР

Гей, гусляр, гусляр!
Дай сильней удар,
Бей по струнам, пусть
Даст нам песня в дар
Мощь великих чар, —
К солнцу звездный путь
Дай, гусляр, гусляр!

Где курганы в ряд
На полях стоят,
Ты зажги рассвет,
Ты — слуга и царь,
Ты — дударь-звонарь, —
Слышит, знает свет. . .
Эй, гусяр, ударь!

Гром небесных туч
Ты вложи, могуч,
В каждую струну;
Мир велик и стар, —
Сея песен жар,
Через всю страну
Ты шагай, гусяр!

Ты играй, гусяр,
Чтоб гудел бор-яр,
Ты звени сильнее,
Чтоб сметал пожар
Всех господ, всех бар, —
Песню новых дней
Начинай, гусяр!

Между 1908 и 1910

214. ПРИВЕТСТВИЕ

Вновь я с вами, со своими,
Милые крестьяне!
Вместе повстречаем ночку,
Вместе утром встанем.

И пойдем за плугом дружно
Утром в чистом поле
Вместе борозды ворочать,
Наживать мозоли.

О простой работе нашей
Для родной сторонки
Будут ветру баять сказки
Тополя, сосенки.

Полосу за полосою
Вспашем мы на диво:
Зерна лягут, встанет колос, —
Вырастай счастливо!

Пашней проходя за плугом
На просторе божьем,
Чистым сердцем, вольной думкой
Песню-сказку сложим.

Разнесет та песня-сказка
Славу нашу всюду,
Удивится свет великий
Песне той, как чуду.

Пусть узнает свет, что может
Для отчизны милой
Сделать сердце белоруса,
Труд его и сила.

Между 1908 и 1910

215. ГУСЛИ-САМОГУДЫ

Заиграли, зазвенели
Гусли-самогуды,
Сразу песни полетели
К трудовому люду.

От поляны к чаще темной
На родном просторе
Слышен голос неумный,
Словно волны в море.

Про широкую сторонку,
Беларусь родную,
Очень жалобно, негромко
Гусли повествуют.

То ее душа стенает,
Горестью повита.
Струнный звон напоминает
Колокол разбитый.

Эта песня правдой дышит,
Каждому понятной.
И ее недаром слышит
Мир весь необъятный.

Гусли жалуются в звоне,
Сердце надрывают,
Кажется, что роща стонет
И курган вздыхает.

Между 1908 и 1910

216. И ВЕТЕР, И СОКОЛ, И Я...

И ветер, и сокол, и я —
Одной мы судьбы сыновья;
Живем мы в печали глухой
И думой и песней одной.

Чуть крыльями ветер взмахнет,
Летит, и шумит, и поет,
Поет о свободе своей,
Поет о недоле людей.

Как ветер, и я бы летел,
И я о свободе бы пел;
Как ветер, свободен мой дух,
Но горе, но цепи вокруг.

Под звездами сокол повис,
Глядит по-орлиному вниз,
Земли ему в небе не жаль,
Милей ему звездная даль.

Как сокол, до солнца и я
В подзвездные взвился б края,
Покинул бы долю и дом
И не пожалел бы о том.

И ветер, и сокол, и я —
Одной мы судьбы сыновья;
Живем мы в печали глухой
И думой и песней одной.

Между 1908 и 1910

217. ПЕСНЯ И СИЛА

Больше размаха, простора
Дремлющим песням и силам —
Дрогнут любые затворы,
Мы всколыхнем и могилы.

Предка извечную думу
Правнук услышит душою,
Прошлого мрак побеждая,
Жизнь мы иную построим.

Путь золотой мы проложим
К звездным горящим высотам,
Встанем над злом и бесславьем,
Встанем над гиблым болотом.

Мощь мы такую покажем,
Чтобы весь мир удивила:
Что значит воля народа,
Что значит песня и сила!

Между 1908 и 1910

218. ЭЙ, ОТКЛИКНИСЬ, ДУША!..

Эй, откликнись, душа, песней громкой звени!
Пусть же вдаль песня с ветром промчится,
Пусть же в братских сердцах разгорятся огни,
Думы новою плещут кринницейй.

От зари до зари по сторонке родной
У людей слезы горькие льются,
Люди счастья не видят, сдружились с бедой,
С черной долей сражаются, бьются.

Жизнь без жизни у них! Их беда и печаль
Богатеям лишь жить помогают;
Их обидит любой, никому их не жаль,
Даже бог их и то забывает!

Стоны слушает их только шум боровой,
Только звезды их видят печали.
Эй, откликнись, душа, на их стон вековой,
Чтоб долины и горы дрожали!

Между 1908 и 1910

219. СЧАСТЬЕ

Крылья бы мне соколиные,
Волю б небесной зарницы —
С ними б не рвался в низины я,
Сверху глядел на землю.

Птицей летал бы над долами,
Вольно парил бы над светом,
По-над лугами, озерами,
Счастья лучом обогретый.

Мчался бы верхом и низом я,
В небе не зная границы,
Тайны б земные пронизывал
Взором небесной зарницы.

Песнь задушевная, чистая
Вольно б лилась на раздолье,
Слушали б звезды лучистые,
Ветры бы вторили в поле.

Смертнюю сломленный силою,
Всё же стремился б я в дали,
Тучка была б мне могилою,
Звезды поминки б справляли.

Так и по смерти с землицею
Знаться мне было б не надо,
Вечно бы светлой криницею
В сердце струилась отрада.

Взвейтесь, о вихри могучие,
В гордом, победном усилье,
Горе развейте дремучее,
Дайте мне солнце и крылья!

Между 1908 и 1910

220

Измученный путем далеким,
На склоне гаснувшего дня
Прилег я под крестом высоким,
И вещий сон объял меня.

Мне снился лес. Он был огромен,
Но было в нем душе темно,
Он был, как дно морское, темен,
Безлюден, как морское дно.

Я заблудился. Страшно стало
Мне в чаще, в темной глубине,
Лишь небо бурей рокотало. . .
Я думал: смерть придет ко мне. .

Надежда слабая немела. . .
Вдруг светом озарилась мгла,
Возникла тень в одежде белой,
Ко мне неслышно подошла.

И молвит мне: «Зачем, сын мира,
Поник ты сердцем и душой,
Я — песня, и со мною лира,
Бери нас, мы пойдем с тобой.

И смерти страх тебя оставит,
И зашумит безмолвный лес,
Мы путь тебе проложим к славе,
Откроем тысячи чудес!»

И чудо! Страх мой смертный сломлен,
Лес просветлел, заговорил,
И стал мне внятн птичий гомон. . .
И я проснулся, полон сил.

Между 1908 и 1910

221. НАШЕ ПРОШЛОЕ

Не жили мы, а прозябали,
Пусть счастья не ходили,
Утех и радостей не знали,
Венок славы не носили.

В труде извечном, в униженьи,
От мук голодных обессилен,
По мхам и кочкам, словно тени,
Бродили, горестно бродили.

Был осужден в беде томиться
Сын своего родного края.
Того ж, кто думал пробудиться,
Ждала могила лишь сырая.

И нашу песню заглушали
То замогильный вой, то скрежет.
В борьбе с невзгодой мы стояли,
Как вербы в шторм на побережье.

Между 1908 и 1910

222. ИЗ ПЕСЕН ЖИЗНИ

На тяжелую долю-недолю
Человек народился на свете.
От пеленок на волю-неволю,
От пеленок в житейские сети.

Рос. Ходить его мать научила,
В лапти новые сына обула.
Как на праздник, его проводила,
А сама втихомолку всплакнула.

И дала, ой, дала на дорогу
Медный крестик, слезами омытый,
А отец, заглушая тревогу,
Наставленья давал деловито.

И пошел он дорогой знакомой,
Вслед за ним шли жара и морозы.
Князем-паном он зажил без дома,
Видя мир сквозь горючие слезы.

Невеселые думки томили,
Он в покорности жил и печалн,
Петухи на работу будили,
Звезды тихие к отдыху звали.

Как проснется — пойдет он, бывало,
По-над речкою лугом цветистым,
Слез напьется своих до отвала,
Пот-роса его вымоет чисто.

Тянет век свой, обласкан заботой
Доли-мачехи, горькой судьбою.
Год за годом работай, работай,
А прогнать голод можешь петлею.

Ой, живется, ой, славно живется
Человеку на свете на белом.
И спина уж погнулась, сдается,
И головушка вся поседела.

.

Хватит! Хватит! Не всё, знать, осилил.
Закрывай же усталые веки.
И, беднягу, тебя положили
На погосте в могилу навеки.

И насыпали холмик песчаный,
И поставили крест деревянный.
Гей, лежи с своей долей-недолей!
Гей, лежи с своей волей-неволей!

Между 1908 и 1910

228. БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЕ

Людьми забытые, живем,
Не видим счастья даже в снах,
Не знаем радости ни в чем,
Дорога наша вся в слезах.

Не нам весна цветет, поет,
Нам лето рожью не шумит,
Снопов нам осень не дает,
Зима нам только век гудит.

Вся наша жизнь в родном краю
С извечной горькою нуждой,
Мы пашем ниву не свою,
И урожай у нас не свой.

И хаты нет у нас своей,
Не наш пасется в поле скот.
О сердце, сколько слез ни лей,
К нам в гости радость не придет!

Зимой метелицы метут,
Весной грозят разливы рек,
Воды и стужи вдоволь тут,
Так и живем мы с ними век.

Нас гонят из одних углов,
Идем искать углов других,
Взяв, что осталось от трудов,
Убогий скарб из хат гнилых.

Детишки, женки на возах,
Едва прикрытые тряпьем,
А мы в изношенных лаптях
За ними молча вслед идем.

Идем, в лицо нам ветер бьет,
Не видно солнца, горек путь,
Беда, нужда к земле нас гнет
И кашлем раздирает грудь.

Эх, наша доля! Сколько раз
Тебя мы звали погостить.
Тебе, знать, доля, не до нас,
Да где б могла ты с нами жить?

Иль ты с бедою нашей, доля,
Устала век ходить по свету
И где-нибудь погибла, что ли,
А может быть, тебя и нету?

Во все края нас жизнь кидает,
И даже смерть собрать не в силах,
Хотя она любого знает
И каждого ведет в могилу.

Хотя всё это с каждым будет,
Его земля навек придавит,
И крест над ним поставят люди
На память всем о бедной славе.

И вырастет над ним сосенка,
Стон безземельного услышит
И с песней грустной и незвонкой
Над ним ветвями заколышет.

Между 1908 и 1910

221. СЯДЬ ЗДЕСЬ, У СТОГА...

Сядь здесь, у стога, сядь, отдохни,
Брат, истомленный дорогой!
Ты сиротою шел меж людьми...
Долгие ночи, долгие дни
Отдыха ждал ты с тревогой.

И не нашел ты друга нигде!
В хату тебя он зазвал бы,
Там ты забыл бы о горькой беде,
Что за тобою ходит везде,
И хоть часочек поспал бы.

Там утолить бы голод ты смог
И отогреть свои ноги.
Дали бы угол, хлеба кусок. . .
Веры и силы ты сразу, дружок,
К новой набрал бы дороге.

Но не нашел ты хатки такой. . .
В путь бы — да мало уж силы;
Сядь здесь, у стога, брат мой родной!
Здесь как забудешься горькой душой,
Легче дойдешь до могилы.

Между 1908 и 1910

225. СОЛНЦЕ, ВЫЙДЕШЬ ЛИ, РОДНОЕ?

С плачем думка-песня льется
Над печальной стороною,
С плачем эхо вдаль несется. . .
Солнце, выйдешь ли, родное?

Мать-вдова и сиротинка
У окна ночной порою
Смотрят, как чадит лучинка. . .
Солнце, выйдешь ли, родное?

Ты идешь в пыли дорожной
Вдаль с котомкою пустою,
Путь далекий — сбиться можно. . .
Солнце, выйдешь ли, родное?

Мужик с горем встанет, ляжет,
Всё вздыхает над судьбою,
Жене, детям что он скажет?
Солнце, выйдешь ли, родное?

Трудится бедняк до поту
Над убогой полосою:
Ни красы, ни умолоту. . .
Солнце, выйдешь ли, родное?

Безземельных что за доля,
Лучше в гроб с такой бедою:
Нет ни хаты, нет ни поля. . .
Солнце, выйдешь ли, родное?

Сердце, полное тревоги,
Изболелось и ноет;
Нет ни правды, ни дороги. . .
Солнце, выйдешь ли, родное?

С плачем думка-песня льется
Над печальной стороною,
С плачем эхо вдаль несется. . .
Солнце, выйдешь ли, родное?
Солнце, выйдешь?

Между 1908 и 1910

226

Как возьму жалейку в руки,
Как возьму свою,
Нипочем тогда все муки,
Песенку пою.

Что мне слезы, что мне горе,
Что мне боль моя?
Песню слышат, песне вторят
Небо и земля.

Ветер громче, ветер глуше
По стрехе стучит,
Ветер песней тешит душу,
Песню в дали мчит.

Между 1908 и 1910

227. ДУМКА

Грустно в думках Тамаша,
Грустно, одиноко.
Рвется сердце и душа
Далеко-далеко!

Эх, взлетел бы он орлом
Над родным простором,
По-над хатой, над селом,
Над зеленым бором.

Побывал бы там и тут
В неба синем море,
Повидал бы, как живут
Звезды на просторе.

Он вернулся бы в село,
Надышавшись воли,
Обнял, взял бы под крыло
Братьев, хаты, поле.

.

Грустно в думках Тамаша,
Грустно, одиноко.
Рвется сердце и душа
Далеко-далеко!

Между 1908 и 1910

228. К СВОИМ ДУМАМ

Вы скажите, думки,
Горе-веселушки,
Что же вы притихли,
Как в осень пичужки?

Что же вы притихли,
Что вы замолчали?
Или вы со мною
Счастья не знавали?

Иль вас, бедных, люди
И не звали в гости,
Или вашу радость
Оплевали в злости?

Иль вас мое сердце
Слушать не умело?

Или моя доля
Обижать посмела?

Эх вы, мои думки,
Что же вы, вставайте!
Может, вам и тяжело, —
Снова заиграйте.

Не к чему вам слушать
Злые сказки вражьи,
Слушайте, что сердце,
Что душа вам скажет!

Как напевы гуслей,
Как орел парящий —
Голос ваш свободный,
Словно сталь звенящий.

Так взыграйте ж, думки,
С верою счастливой,
Всей земле на радость,
Людям всем на диво.

Между 1908 и 1910

229. ИЗ ПЕЧАЛЬНЫХ ДУМ

Ой, как жить мне трудно
В бедности, в глуши:
Вместо смеха слезы
Рвутся из души.

Счастья не дозваться
Столько лет подряд;
Горе не уходит,
Хоть и выгнать рад.

Песню бы из сердца
Выпустить на свет! . .
Пусть летит, отыщет
Ласку и привет.

Пусть счастливей будет
Сына злой беды, —
Может, кто услышит,
Запоет с нужды.

Может, отзовется
Роща в стороне,
Может, ветер вольный
Будет вторить мне.

Может, звезды в небе
Песенки моей
Вдруг услышат голос
И сверкнут ясней.

Может, ей ответят
Шепоты ночей,
А может, и люди
Будут в дружбе с ней.

Между 1908 и 1910

230. КАК ТУТ БЫТЬ ВЕСЕЛОЙ ПЕСНЕ?

Как тут быть веселой песне,
Думке веселиться,
Если в хате моей тесной
Солнце жить боится?

Где ни шел бы я, печальный, —
Не слышал привета,
И ни днями, ни ночами
Не видал просвета.

Черной доли суд неправый
Не дает покоя;
Звезды счастья, звезды славы,
Нет, не надо мною.

Не заходит ко мне в гости
Милая утеха,
И повсюду людской злости
Не смолкает эхо.

В униженьи и в недоле
Жизнь свою я трачу,
Только сердце мое стонет,
Песня моя плачет.

Между 1908 и 1910

231. КТО ПОЙМЕТ МОЮ НЕДОЛЮ?

Кто поймет мою недолю,
Кто печаль развеет,
Сердце, сдавленное болью,
Кто унять сумеет?

То ли реченька родная,
То ль в саду черешня,
То ль девчинка дорогая
Удалою песней?

Чтоб немного счастья дать мне —
Такой нету силы.
Дней веселых не видать мне
До самой могилы.

Между 1908 и 1910

232. ВЫЙДУ, ВЫЙДУ...

Выйду, выйду я из хатки
В свой родной садок
И под грушей, там, где грядки,
Посижу часок.

Шумит груша надо мною
И дрожит листом.
Грустно мне, и нет покоя
На сердце моем.

Набегают мне на очи
Слезы, как роса.
Светлой думы гнать не хочет
Молодость-краса.

Издалека мчатся думы,
Грустные, как я,
Застилают свет угрюмо,
Радость бытия.

Льются песни, как ненастье, —
Осень иль зима, —
Что не знать мне воли, счастья,
Что повсюду тьма. . .

Ой, не рви ты сердца боле,
Грусть постылых дней!
Крикну грозно я — и доля
Прибежит скорей.

Гей, беги ты, гей, лети ты,
Доля-друг, ко мне!
Я кричу, тобой забытый,
Наяву, во сне.

Тихо. Голос замирает.
Доли не слышать.
Только груша продолжает
Листьями дрожать.

Между 1908 и 1910

233. СИРОТСКАЯ ДОЛЯ

Тяжко сиротинке
Одинокой жить,
С долею счастливой
Век ей не дружить.

И в семье и в людях
Терпит сирота,
Стужа ее студит,
Мает маета.

На дитя родное
Любо нам смотреть,
Только сиротинку
Некому жалеть.

От ворот к воротам
Просит всё на хлеб,
А протянет руку —
Каждый глух и слеп.

Каждый, кто увидит,
Осмеет ее,
На ногах лаптишки,
На плечах тряпье.

Терпит сиротинка,
Жизнь темна, как лес,
А сойдет в могилу —
Кто поставит крест?

Кто, как ляжет в землю
Сиротинка спать,
Душу за молитвой
Будет поминать?

Может, только ветер,
Что в плетнях поет,
Может, туча слезы
Дождиком прольет.

Может, будут звезды
По ночам сиять,
Над сиротской долей
Будут горевать.

Между 1908 и 1910

234. НАД КОЛЫБЕЛЮ

Ты не плачь ночами,
Слез не лей, сыночек!
Дорожи слезами:
Пригодятся очень.

Звезды в небе вечном
Видят наши беды:
Для тебя намечен
Путь отца и деда.

Вырастешь, мальчишка,
Ты до крон сосновых,
Станешь ты, братишка,
Сильным и здоровым.

Но в нужде согнется
Дух твой непокорный,
Но нести придется
Крест недоли черной.

Уведут дороги
От родимой хаты,
Свет пройдешь широкий —
И не встретишь брата.

Сам оденешь путы
Горемычной доли,
Сам совьешь петлю ты
Для своей же воли.

Год пройдет за годом
Долгой чередою,
Бури, непогоды
Встанут над тобою.

Сколько б ты ни бился
С горем беспросветным,
Бедным ты родился —
И умрешь ты бедным.

Так не плачь ночами,
Слез не лей, сыночек!
Дорожи слезами:
Пригодятся очень.

Между 1908 и 1910

235. НА ДУДКЕ

Как же можно в хате этой
Жить боле,
Если хлеба вечно нету
И соли?

В этой хате счастья мало
Любому;
С крыши буря раскидала
Солому.

Стены валятся, всё в хате
Гнилое.
Крышу вихрь, гляди, подхватит, —
Ишь, воет!

Еле брезжит свет в оконце,
Как ночью.
Заглянуло бы хоть солнце:
Не хочет.

Весна голод за собою
Приводит,
Половодье к нам с бедою
Приходит.

Летом — трудно. Пот стекает
Рекою.
Что засею, град сбивает
Без боя.

Придет осень, вой ненастный
Заводит,
На пустом току напрасно
Цеп ходит.

А зимой метели в поле
Гуляют
И поминки по злой доле
Справляют.

Между 1908 и 1910

236. ИЗ ПЕСЕН О МУЖИЦКОЙ ДОЛЕ

Чей загон так убог —
Не дорос, не досох?
Чья в лугах осока?
— Мужика!

Чья всегда и везде
В неустанном труде
Вся в мозолях рука?
— Мужика!

Чью снес ветер лихой
С хаты крышу долой,
Сбил подпоры с точка?
— Мужика!

А чьего в край чужой
От полоски родной
Оторвали сынка?
— Мужика!

Кто, как волк, окружен
С четырех всех сторон,
Чья недоля горька?
— Мужика!

Чьи дела и труды
Не минуют беды,
Ни тюрьмы, ни шинка?
— Мужика!

Чья там песня слышна,
Будто гонит она
На тот свет бедняка?
— Мужика!

Позабытая чья
Там могила, друзья,
След к ней смыла река?
— Мужика!

Между 1908 и 1910

237. ПЕСНЯ-СКАЗКА

Гей! за морем за синим далёко
Есть одна сторона, есть одна,
А у князя там дочь ясноока,
Светозарой зовется она.

Гей! далеко за бором, за гасм
Есть одна сторона, есть одна,
А там князь, узорочьем сверкая,
На чеканные встал стремена.

Гей! далеко за хатой, за полем
Есть одна сторона, есть одна,
А там молодец, тезка недоли,
Нет копейки на чарку вина.

Гей! и чудное дело случилось:
И тот князь и тот хлопец-бедняк —
Оба сразу в княжну ту влюбились,
Полюбили — да как еще, как!

То не речка волною играет
И не явор колышет листом —
Это кровь молодая вскипает,
Это сердце пошло ходуном.

И поехали свататься оба
(Не могли они больше так жить),
Быть своею женою до гроба
Светозару решили просить.

Едут день, едут ночь, едут долго,
Едут всяк со своей стороны;
То сквозь заросли, то вдоль проселка
Они едут, надежды полны. . .

Не орлы-соколы за добычей
На равнину из чащи летят —
Двое витязей в терем девичий,
Обгоняя друг друга, спешат.

«Вот, княжна! — они молвили хором. —
Госпожа наша! — бросились к ней. —
Погляди на нас ласковым взором,
Кто из нас тебе будет милей?»

«Я богат, злата-серебра вволю,
Шелком выстелю стежки твои;

Мое поле — твое будет поле,
И служить тебе слуги мои».

«Я не знатен и беден, зато я
Тебе верное сердце отдам,
Слуг не дам я — сам буду слугою,
И богатством твоим буду сам».

Услыхала княжна эти речи —
И в мужья себе хлопца берет.
Князь кипит, громы-молнии мечет,
Отомстить ему клятву дает.

То не ворон на падаль слетает,
Чтоб вчерашнюю высосать кость, —
Справедливой дороги не знает
Человечья змеинная злость.

У колдуньи князь помощи просит,
С темной силою дружится он;
Молодым он дурману подносит
И наводит на них крепкий сон.

Просыпается хлопец в темнице,
Он последний теперь из людей;
Светозара горюет в светлице,
Князь пирует с дружиной своей.

Ходят тучи шумливо, сердито,
Похоронный разносится звон;
Люди плачут над парой разбитой,
Князю бьют за поклоном поклон.

Между 1908 и 1910

238. ГОЛУБЬ И ПАРЕНЬ

Любит голубь голубку,
Вьет гнездо, носит крупку;
Парень любит девчину,
Ставит дом чин по чину.

Забил ястреб голубку,
С гнездом ветер смел крупку;
Отбил недруг девчину,
Дом сгорел, нет помину.

Нашел голубь другую,
Следом ходит, воркуя;
Парень ходит, тоскуя,
Не глядит на другую.

Голубь вьет гнездо снова,
Он не помнит худого;
Парень хочет в могилу,
Ставить дом не под силу.

Между 1908 и 1910

239. ПЕСНЯ

По дороженьке по зимней
Мужичок идет;
Вьюга воеет, вьюга злится,
Снег метет, метет.

Только горькая недоля
Да с большой бедой
Его выгнала из хаты
На холод такой.

На кладбище рыть могилу
Мужичок спешит:
Дома сделан гроб сосновый,
В нем жена лежит.

Возле белой домовины
Последнюю дань
Детки дарят, детки плачут:
«Мама, мама, встань!»

Пять их, бедных малолеток,
Сиротинок пять;
Кто заменит им родную,
Дорогую мать?

Кто от мачехи их будет
Защищать лихой?
Кто сироток пожалеет,
Мне скажи, друг мой?

Между 1908 и 1910

240. НЕ ЖАЛЕЙКА СТОНЕТ...

Не жалейка стонет
В поле над полоской,
И не ветер клонит
Белую березку.

То бедняжка в поле
Плачет безутешно
Над своей недолей,
По своем сердечном.

Жил, любил сиротку,
Встречи промелькнули,
Нежился с лебедкой...
Думки обманули.

Был он смелый, сильный,
За народ поднялся.
Холмик лишь могильный
Памятью остался.

Зной стоит горячий,
Дождь могилу моет,
А девчинка плачет,
Ее сердце ноет.

Между 1908 и 1910

241. БЫЛО ЭТО ВЕСНОЮ...

Было это весною...
Вил гнездо воробейка;
На лугу на зеленом
Заливалась жалейка.

Жаркой, летней порою
Бед не знал воробейка.
Тучи громом гремели,
Надрывалась жалейка.

Злой, осенней порою
Коршун гнал воробейку;
На ветру-непогоде
Голосила жалейка.

Люттой, зимней порою
Мерз, замерз воробейка;
Отыграв свою песню,
Спит под снегом жалейка...

Между 1908 и 1910

242. ДЕВЧИНКЕ

Ты — сиротинка, я — одинокий,
Вместе б отправиться в путь нам далекий
Колкою жизни тропинкой;
Горе и счастье, надежды и думы
Сложим с тобою в скрыню одну мы, —
Стань мне женою, девчинка!

Новую хатку тебе я построю,
Станем хозяйничать вместе с тобою,
Будет и хлеб и скотинка;
Будем делить и труды и заботы,
Будем домой возвращаться с работы
Вместе с тобою, девчинка.

Верь, дорогая, мне, молодому,
Я не позволю обидчику злomu
Взор твой туманить слезинкой.
Буду беречь тебя, как свои очи,
Буду обнов я дарить, сколько хочешь,
Будешь довольна, девчинка!

Буду хранить тебя в ласке и холе,
Дам тебе в доме полную волю,
Стану послушной былинкой.

Буду — подыметесь ль яростный ветер,
Холодно ль, страшно ли станет на свете —
Всюду с тобою, девчинка!

Если ж нам горькая выпадет доля,
Счастье уйдет и останется горе
В трудный наш час, сиротинка, —
Вместе сносили и зной мы и холод,
Вместе мы знали достаток и голод,
Вместе умрем мы, девчинка!

Тихо мы ляжем в землю сырую,
Срубят на крест нам ель молодую,
Холмик обложат дернникой.
Часто при жизни слезы мы лили —
Экий покой здесь, в темной могиле,
Рядом с тобою, девчинка!

Между 1908 и 1910

243. ПОДОЙДИ...

Подойди, мне в лицо погляди
Да сгони-ка мне слезы с очей,
Песню спой и тоску отведи,
Зачаруй красотою своей.

Я один, мне так тяжко! Тоска,
Что ни ночь, гонит сон с моих век,
Ты, веселая, так мне близка,
Я б с тобой стал счастливым навек.

Ты поешь — соловейко поет,
Взор твой — звездочек блеск золотой,
Светит солнцем лицо мне твое,
Ты прекрасна, как ангел святой.

Ты нейдешь — к тебе в мыслях бегу,
Без тебя нет ни ночи, ни дня;

А придешь — говорить не могу...
Ты, девчинка, замучишь меня.

Говорят, что любовь мне не впрок,
Что, мол, всех на селе ты бедней...
Мне ж дороже богатства — веночек
Золотой на головке твоей.

Деньги б нажил и прожил бы вдруг,
Иль украл бы их злой человек,
Ну, а сердца любимой из рук
Уж никто бы не вырвал вовек!

Так приходи ж, к моей жаркой груди
Белой грудью нежнее прильни;
Всем на зависть скорей приходи,
Дай мне счастье, тоску разгони!

Между 1908 и 1910

244. ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДЕВЧИНКА...

Плывет реченька долинкой,
Много рыбок в ней;
Полюби меня, девчинка,
Как рыбки ручей!

Как известно, без водицы
Рыбкам не прожить;
Без любви, как говорится,
Доли не добыть.

Без любви делиться горем,
Счастьем не с кем тут;
Вылей слез в беде хоть море —
Люди не поймут.

Кто ж полюбит, приголубит,
Всё поймет душой;
Полюби меня, девчинка,
Сердце успокой.

Будем вместе красоваться,
Вместе песни петь;
Будет раем свет казаться,
Правдою светлеть.

Окружу тебя большою
Заботой своей;
Не узнаешь ты со мною
Горя от людей.

Будет радостно, отрадно
Мне с тобою жить;
В доле этой ненаглядной
Слез не будешь лить.

Полюби меня, девчинка,
Только всей душой,
Не дай с горя мне завянуть,
Сердце успокой!

Между 1908 и 1910

245. ПЕСНЯ

Бежит быстрая речонка,
Пенится волна;
Полюбилась мне девчонка
На селе одна.

В быстрой речке днем и ночью
Водица бурлит;
У девчонки горят очи,
Кровь кипит, кипит.

Эй! Так хочется водицу
Из речушки брать;
Девчоночку белолицу
В губы целовать.

Я для мельницы в речонке
Воду подниму;
Ненаглядную девчонку
За себя возьму.

Рожь под жернова положим
Для добрых людей;
Плакать женушка поможет
Мне в хате моей.

Между 1908 и 1910

246. ХАТКА

Пошатнулася,
В землю въехала
Деревенская
Хата бедная.

Вдоль по крыше мох
Расстиляется.
Тьмой-лучинками
Окна хмурятся.

Как расходятся
Ветры буйные,
Задрожишь ты вся,
Хатка темная.

К тебе, милая,
Не зашел никто
С речью ласковой
Да с утехою.

Лишь идут к тебе
По мужицкую
Силу крепкую,
Работающую.

Ты бедна, но всё ж,
Вековечная,
Дольше всех дворцов
Будешь ты стоять.

Между 1908 и 1910

247. ПОЛЕ

Поле мое, поле!
Поле, дар мой божий!
Люблю тебя, поле,
С молодой рожью.

Люблю твои межи
С каймою зеленой,
Борозды прямые
Широких загонов.

Люблю тебя, поле,
Веселой весною,
Как ты зеленеешь
Повсюду, родное;

Как погожим утром
Роса заискрится,
Пташка защебечет,
Солнце разгорится.

Люблю тебя летом,
Золотая нива,
Как шумишь под ветром
Радостно, счастливо;

Когда колос спелый
Под серпом согнется
И грустная жницы
Песня разольется.

Люблю тебя, поле,
В осень нескуюю,
Когда клеть наполнишь
Ты мою пустую;

Как мне за работу
Отплатишь достойно,
До весны, до лета
Проживу спокойно.

Люблю тебя даже
Тогда, мое поле,
Как зима примчится
На твое раздолье;

Как метель седая
Загудит, застонет,
Будто мое счастье
Навеки хоронит.

Поле мое, поле!
Дай же ты мне силы,
Чтоб тебя любил так
До самой могилы!

Между 1908 и 1910

248. ВЕСНА

С лучезарным взором
И в одежде светлой
Ходит лесом-бором,
По лугам заветным.

Солнцу-ясногрею
Расплетает косы
И утрами сеет,
Словно жемчуг, росы.

Перелетной птицей,
Ветерком летает,
Катится криницей,
Рыбкою играет.

Ходит за сохою
На поле просторном,
Теплою землею
Накрывает зерна.

В рощицы заходит,
Шелестит чуть внятно,

Разговор заводит
С белкою и дятлом.

По родным просторам
Всей сторонки нашей
Управляет хором
Голосистых пташек.

Радугой веселой
Над долиной встанет,
В деревнях и селах
В хаты к нам заглянет.

Хлопцу и девчине
Светло усмехнется,
Что-то в уши кинет,
В сердце отзовется.

Так весна по краю —
Полям, сенокосом —
Ходит, золотая,
С лютниками в косах.

Между 1908 и 1910

249. ВЕСЕННЕЕ УТРО

Весенняя ночка
Стремглав пролетела,
Весеннее утро
Приходит несмело.

Луч утренний взмахом
Денек начал новый,
И прячутся в страхе
И мечутся совы.

И звезд и созвездий
Семейка уснула,
И солнце лучами
С востока моргнуло.

Туман уплывает,
С землей расстается;
Домой из ночного
Наш конюх плетется.

От щебета пташек
Леса загудели,
И листья и травы
Росой заблестели.

Проснулась деревня,
Над крышей дым вьется,
Скрип мерный телеги
Вдали раздается.

А солнце всё выше!
Взгляни на раздолье —
Вон плуг с бороною
Работают в поле.

Пастух гонит стадо,
Жалейка играет,
Везде ходит гомон,
Ничуть не стихает.

И всё призывает
К труду — и всё мило...
Куй, брат мой, железо,
Пока не остыло!

Между 1908 и 1910

250. ЛЕТО

Лето ты, лето, пригоже-цветистое,
Сколько отрады несешь ты с собой!
Стройно загоны бегут колосистые,
Пахнет приятно трава над рекой.

Косы звенят по лугам говорливые,
Кой-где на ниве и серп замелькал,

Песня послышалась наша тоскливая,
Эхо откликнулось, бор отвечал.

Шум доносился от леса одетого,
Солнце купалось в сиянии рос.
Эх, кабы счастья да радости к этому,
Эх, кабы горя поменьше и слез!

Между 1908 и 1910

251. ПЕТРОВ ДЕНЬ

Ну и времечко! Округу
Завертело, закрутило!
Шум идет от луга к лугу,
Даже глянуть любо-мило.

Косы на лугу сверкают.
Тот гребет, тот копны мечет.
А по ниве серп гуляет,
И плывут возы далече.

Всюду сила и охота:
Люди трудятся умело.
Ой, мужицкая работа —
Пот недаром моет тело!

Между 1908 и 1910

252. В ПЕТРОВКИ

Пришел, мужичок,
Петров денек.
Не спи, не зевай,
Косу, знай, отбивай
И остри, остри!

А как кончишь остришь,
Иди сено косить,
Махать косой,
С росой, не с росой,
От зари до зари.

Женке взять серпок
Вели, мужичок,
Пусть туда бежит,
Где твой клад лежит,
 Не зевай, смотри!

Пусть жнет серпом,
Пусть сноп за снопом
Вяжут руки ее,
Пусть жнет и поет
 От зари до зари.

Лей ты с женкой пот,
Пусть недоля уйдет,
С нею смело борись,
За троих трудись,
 Ниву в срок убери.

А кто летом из нас
Не сберет про запас,
Тот будет зимой
Бедовать с нуждой
 От зари до зари!

Между 1908 и 1910

253. НОЧЬ

Ночь легла кругом
На полях немых.
Покоренный сном,
Шум земли затих.

Спит простор полей,
Спит речная гладь.
Не видать людей,
Песен не слышать.

У леска привал,
На лужке огонь.
Заяц проскакал,
Звякнул путом конь.

Промелькнув едва,
Чья-то тень вспорхнет.
Нетопырь, сова
Понеслись в полет.

Недалеко бор
Катит смутный шум.
Спит полей простор,
Страшных полон дум.

В смутных он мечтах...
Что стряслось с душой?
Полный тайны страх
Ночь несет с собой.

Между 1908 и 1910

254. ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Солнышко в тучах осенних,
Небо дождем разливается.
Черные птицы в смятенье
Носятся, как привиденья...
Холод, зима приближается.

Аист гнездовье покинул,
К югу лететь собирается.
Падают листья с рябины,
Стала смирнее скотина...
Холод, зима приближается.

Люди — и те погрустнели,
Песня — и та обрывается.
Дрожь неприятная в теле —
К хате скорее, к постели!...
Холод, зима приближается.

Нудно... Сижу одинокий,
Дума за думу цепляется;
Снится край лучший, далекий,
Сердце — в печали глубокой...
Холод, зима приближается.

Дни пролетают, и годы
В темной пучине скрываются.
Молодость с вольным полетом
Гаснет во тьме непогоды. . .
Холод, зима приближается.

Сумрак расставил мне сети,
Слезные вихри взвиваются.
Губятся силы в расцвете. . .
Боже, как жутко на свете!
Холод, зима приближается.

Между 1908 и 1910

255. ЗАЗИМОК

На пригорках и в долине,
На путях, на перевалах —
Всюду снежные кристаллы,
На кустах сверкает иней.

В синем небе, как живые,
Ярко звезды заблестали,
Забелели всюду дали,
Все просторы полевые.

Смолкли песни, стихли стоны. . .
Тихо, будто бы в могиле.
Лишь, раскрыв к полету крылья,
Глухо каркают вороны.

Одинокий волк выходит
На околицу пустую
И унылую такую
Песню старую заводит.

Эхо, вылетев в раздолье,
По низине опустелой
Вмиг в деревню залетело,
Задрожало в частоколе.

Между 1908 и 1910

256. ЗИМОЙ В ЛЕСУ

И легла ж тишина
В том бору за горой,
Хоть бы ветка одна
Всколыхнула покой.

Белый, чистый снежок
На сосновых ветвях,
В перелеске залег
На кустах и на мхах.

И замолк пташек хор,
Тишину бор хранит,
Только стукнет топор
Да пила зазвенит.

Это силой большой
Тешит душу мужик,
Рухнул дуб вековой,
И могуч и велнк...

Дальше — глушь, тишина
В том бору за горой,
Хоть бы ветка одна
Всколыхнула покой.

Между 1908 и 1910

257. ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Вольным гомоном сосен высоких
И туманами сонных низин,
Сказкой близких веков и далеких
Кличем, солнце, тебя, как один.

Распусти золотистые косы
И холодный загон обогрей,
Разукрась луговые покосы,
Зерна новые в землю посеи.

С бесприютной покорной землицей,
Как с невестой, навек обручись,
Разливайся зеркальной криницей,
По горам, по долинам струись.

По селеньям, полям рассыпайся
Животворной алмазной росой,
В цвете радуг веселых купайся,
Лаской наши сердца успокой.

И как, взор свой живой обновляя,
В день купальский ты светишь с высот,
Обнови славу нашего края,
Осчастливь его скорбный народ.

Пусть нам яворы вечные думы,
Думы-байки шумят-шелестят,
Пусть несутся, летят эти шумы,
По всему белу свету летят.

Так сияй же с раздолий высоких
На туман белорусских низин...
Сказкой близких веков и далеких
Кличем, солнце, тебя, как один!

26 апреля 1911

258. ЯВОР И КАЛИНА

Песней весны лебединою,
Скинувши зимние чары,
Шепчется явор с калиною
В грустной долине над яром.

Листики зеленью хвалятся,
Небо их речь понимает,
Чистой росой умываются,
Солнце лучом их ласкает.

В вечер молитву покорную
Вместе с землей посылают;

Тайно с ней в ноченьку черную
Месяца, звезд дожидают.

Смех им русалочий слышится,
Крик пролетающей птицы,
Слышно, как травы колышутся,
Плещут струею криницы.

Слышится музыка дивная
В грустной долине над яром.
Шепчется явор с калиною,
Скинувши зимние чары.

6 мая 1910

259. БРАТУ НА ЧУЖБИНЕ

Ты помнишь ли, мой друг старинный,
Где ты родился, где ты рос,
Напевы вьюг зимою длинной,
Сверканье летних чистых рос?

Свет солнца, звездные просторы
И месяц в сумраке ночном,
Во тьме русалок разговоры
И песни птиц погожим днем?

А помнишь ли ты взгляд несмелый
Родного дальнего села,
Откуда шел в свет этот белый,
Где молодость твоя прошла?

Леса, луга, поля немые,
Шуршанье лоз, цветы полян,
Кресты могил, где спят родные,
И древний прадедов курган?

Ты помнишь ли свой двор и хату
С завалинкой, с худым плетнем?
Всё это было ведь когда-то
Построено твоим отцом.

Вдоль тракта старые ракиты,
Извилистый песчаный скат,
Мост, половодьями подмытый,
Берез плакучих грустный ряд?

Ты помнишь ли, как мать родная,
Склонясь над зыбкою твоей
И песню-байку напевая,
Ждала с надеждой светлых дней?

Святую песнь полей раздольных,
Людей нехитрый разговор, —
А эхо ловит темный бор
И звон протяжный колокольный?

Ты помнишь дни косьбы и жнива,
Ночное, отблески огней
И перелет гусей крикливых,
И аистов, и журавлей?

Знакомый, грустный вид деревни,
Обычай сельской простоты. . .
Край белорусский мирный, древний,
Свой край родимый помнишь ты?

17 мая 1910

260. МОЙ ДОМ

Мой дом — раздолье звездной дали,
Простор орлиный, вековой,
Где ветры битвы затевали
С косматой тучей грозовой.

Мой дом — тайник замшелой пуши,
Где сосны держат небосклон,
Где смех русалочий зовущий
Тревожит вечный, мирный сон.

Мой дом — песчаные отроги,
Где злой мороз, где зной печет,

Где рожь склонилась у дороги,
Где всё смочил кровавый пот.

Мой дом — высокая ракита,
С осинной старою курган,
Где кости прадедов зарыты,
Где плачут ночка и туман.

20 мая 1910

261. НА КУПАЛЬЕ

На Купалье на святое
Рви, мать, зелье роковое,
Папоротником что зовется
И счастливым признается.

Как нарвешь его на воле,
В темном лесе, в чистом поле, —
Положи за образами,
Освяти его слезами!

Дважды, трижды, многократно
Окропи слезой алмазной!
Счастья жди — его приплода —
От восхода до захода.

Как цветы его проглянут,
Детям счастья дни настанут,
Будем, мать, под кровом хаты
Мы счастливы и богаты.

5 июня 1910

262. НАД ИМАТРОЙ

В суровом краю, между скал-исполинов
Река с водопадом вниз воды стремят;
Вуоксою речка зовется у финнов,
А Иматрой — сам водопад.

Клокочут, рокочут падучие волны,
На целые версты шум-грохот стоит.
Лишь скалы, как будто литые, безмолвны,
Да хвойная чаща молчит.

Беснуется Иматра, мчит мимо кручи,
Несет прямо к бездне волну за волной;
Как будто мохнатые хищные тучи,
Грызутся они меж собой.

Как будто в могилу, низвергнутся с кручи,
Там скрутятся, вспучатся страшным жгутом,
Рассыплются радугой, пылью летучей
И вздыбятя новым горбом.

Сверкнут, озвереют, рванутся на скалы,
Все ужасы Дантова ада затмив;
И хлынут на волю — и сразу устало
Плывут средь покосов и нив.

Другие их сменят, и в пене и в громе
Извечно теснятся меж гулких громад;
Свободой своей и родимой Суоми
Взмыть словно бы к звездам хотят.

Стоишь и глядишь на кипящие воды
И слышишь, жалливой душою скорбя,
Как стонут они, будто впрямь непогода,
И как бы всё кличут тебя:

«Иди к нам, бродяга, оставь свою долю,
Покой вековечный дадим в забытьи;
Мы будем шуметь неизведанной волей
И с солнцем беседы вести.

Иди же, волна твое тело остудит,
Омоет, ошпарит, с собой унесет.
Народ про нас сказку сложить не забудет
И песню певец пропоет».

Так мрачно меж северных скал-исполинов
Река с водопадом вниз воды стремят;
Вуоксою речка зовется у финнов,
 А Иматрой — сам водопад.

20 июня 1910

263. Я ОТ ВАС ДАЛЕКО...

Я от вас далёко, полосы родные,
Я гляжу сегодня в небеса чужие,
Но душой и сердцем только вас я знаю
И стремлюсь, как прежде, к милому мне краю.
Нет еще на свете пропасти глубокой,
Нет еще на свете той стены высокой,
Что б хоть на минуту — днем, порой ночьюю —
Беларусь посмела разлучить со мною!

Я от вас далёко... Каждый упрекает,
Но чужие мысли кто же разгадает,
Что понять сумеет тот огонь, то море,
Что бушуют в сердце, с горькой долей в споре?
Только тот поймет их, кто до смерти самой
Знал одни гоненья от судьбы упрямой,
Кого доля-ведьма с юных лет немало,
Словно лист осенний, по свету бросала.

Я от вас далёко... Пусть везде брожу я —
Дома только дума днюет и ночует.
Слышу только гомон Беловежской пущи,
Вижу только Неман, вниз плоты несущий.
Кто взрастит в чужбине садик возле дома,
Кто мне там построит крепкие хоромы,
Что б могли сравниться с хаткою веселой
И с гурьбой березок в белорусских селах?

Я от вас далёко... Делит нас полсвета,
А живу я с вами зиму всю и лето.
Осенью дождливой с вами я печален,
С вами у весенних радуюсь проталин.

На восходе солнца, на его заходе
Думаю я думы о родном народе,
И едва увижу — пролетают гуси,
Жду от вас вестей я с милой Беларуси.

Я от вас далёко... Из чужого края
Я на ваши песни эхом отвечаю.
Я пою вам, братья, сердцем и душою,
Сам хочу лететь к вам со своей тоскою...
Нет такой могилы, крепкой домовины,
Что б могли отчизну схоронить от сына,
Беларусь родную — и поля и реки, —
Как людей хоронят, схоронить навеки!

Я от вас далёко... Боже ты мой милый!
Неразлучный с вами до сырой могилы,
Буду день и ночь я думать неустанно,
Как вы там живете, в стороне желанной.
А когда придется лечь мне в домовине,
Этот холм могильный тень моя покинет,
И, на крест склоняясь, погляжу туда я,
Где мой край любимый, Беларусь родная.

17 июля 1910

264. МОЯ ДУМКА

Как ветер, как птица, где солнце, где зори,
Так рвется, так мчится вдаль думка моя;
Обнимется с небом и падает в море,
Великое море людского житья.

И в сердце ударит мне правдой суровой,
Его всколыхнет, словно ветер листву,
И сердце откликнется песнею новой
И с песнею к звездам летит в синеву.

Хвалу прозвенев неизведанной дали,
Она возвращается к доле людской;
В глазах промелькнет, что слезой засверкали,
И вновь мчится к солнцу, к заре молодой!

На небе приволье, и свет, и свобода,
Но думка встревожена: нет там людей;
А здесь, на земле нашей, много народа,
Но солнце и воля не светят тут ей. . .

И так вот всё время, где ясные зори,
Летит, словно птица, вдаль думка моя,
Иль падает в море, в безбрежное море
Людского, забытого счастьем, житья.

19 августа 1910

265. РОДНОЕ СЛОВО

Под ярмом неправды многие столетья
Тихо и покорно жили мы на свете,
Жили и тянули свой ярем устало,
И страна родная неродною стала.

Не для нас и сосны по ночам шумели,
Не для нас и нивы в мае зеленели,
Оставалось с нами лишь родное слово,
Чтоб вести нас к счастью бытия иного.

И оно вело нас: кроткие душою,
Не пятнали дум мы злобой и тоскою,
Молча умирали, молча шли на муку
Для чужой корысти, под чужую руку.

Умирая дома или на чужбине,
Отданы гоненью, отданы кручине,
Словно в чаще темной, сбились мы с дороги
И напрасно ждали от людей подмоги.

Всё отнимут люди в черное ненастье,
Заглушат надежды, вырвут веру в счастье,
Но того не вырвут, что нам мать певала,
Как бессонной ночью колыбель качала.

Не отнять у сердца молодого слова,
Не сковать вовеки никаким оковам,

Как не взять младенца от родимой груди,
Как отца у сына взять не смогут люди!

Ты сроднилось с нами, слово речи милой,
Словно ива с корнем, словно с солнцем нива,
Делишь с нами счастье, делишь с нами горе,
Словно мать родная с ласкою во взоре.

Мы и сами даже никогда не знали,
Как тебя мы в сердце крепко сохраняли,
Как оберегали в счастье и в несчастье
От напрасной злобы, от людской напасти.

Ты вело нас в жизни с гордостью и славой,
Пред врагом ты низко шеи не сгибало.
Кто теперь со злобой над тобой смеется,
Тот подобен ветру, что в ракидах бьется.

Над тобой смеется, кто не знал от века,
Что такое думы, доля человека,
Кто по свету носит, зло и непритворно,
Вместо сердца — камень, а души — дым черный.

Вечно будешь с нами жить ты в мире этом,
Речью миллионов говорить со светом,
Из золы бывшего, дней слепых, кровавых
Вырастать посевом самой светлой славы.

И рукой в мозолях тем родимым словом
В книге всех народов на странице новой
Белорус напишет о поре унылой
Горестную повесть Беларуси милой.

Декабрь 1910

266. ПАМЯТИ С. ПОЛУЯНА

Куда идем? .. куда проклятье нас ведет?
Какие дали обретаем?
Где вера в будущее, где мечты полет?
Чем мысль и сердце окрыляем?

Несчастный край! Чем был, чем стал, чем будешь ты
С твоим век стонущим народом!
Как нес — несешь ярмо покорства, темноты
И перемен ждешь год за годом.

Всё ждешь. . . А жалобы глухие чуть слышны;
Поля осотом зарастают;
Зря губят силы твои лучшие сыны,
Бесславно головы слагают.

Нет ни тропиночки туда, где светлый быт
Хранил бы душу в славе, в силе;
Большак извечно только и открыт
К шинку, острогу и могиле.

Тревога выгнала отвагу; на весь мир
Туман от края и до края;
Одно лишь воронье слетается на пир,
Над свежеею добычей грая.

Куда идем? . . . Еще в темнице этих лет
Огонь души одной потушен,
Хоть слала так она в грядущее свой свет,
Как только слать великим душам!

Не стало сил бороться с гнетом вековым,
Бороться с долею несчастной.
На радость недругам, на горе всем своим
Прибавился курган напрасный.

Как мало жил, а сколько счастья людям дал
Своей работой благородной!
Об отчей стороне как только не мечтал,
Как верил в свой народ свободный!

Как он любил простор родимых нив и сел
Душою сына, сердцем брата!
Любил даль светлого приволья, как орел,
Не знал границ мечте крылатой.

Искал он правду среди врагов и среди друзей,
А люди так привыкли к фальши;
И одиноким он остался меж людей,
Мысль устремляя выше, дальше.

Для истых белорусов был бойцом, слугой,
Но белорусы заплатили —
Эх! только нитками к петле его тугой,
Хоть и вздыхали на могиле!..

О, стыд вам и позор, слепцы, что смельчакам
Дороги не даете в жизни!
Когда-нибудь в глаза потомки плюнут вам,
Проклятьем помянут на тризне.

За что, чуть благодать прозренья к нам сошла,
Курган мы видим за курганом?
За что кропить алтарь свой кровью начала?
Сверкнула призраком обманным?

Пал воин за свободу, славу и народ,
Песком засыпали суровым.
Спи, мой товарищ, спи, заря еще взойдет,
И брат заплачет добрым словом.

Спи, славный сеятель родного языка
Над сонной стороной своею!
Да будет так же, друг, земля тебе легка,
Как ты легко парил над нею!

1910

267. ДУДАРЬ

На кургане на извечном,
Под осиной вековой,
Сел дударь, ссутулив плечи,
С поседелой головой.

На дуде, на самогуде
(А дуда — что твой набат!)

Заиграл, пуская в люди
Песню к песне, лад и склад.

Песня рвется, как живая,
Лесом-пущею шумит,
Пыль забвения сметая,
Нашу память шевелит.

След за следом, рой за роєм
Тени прошлого встают. . .
Князь за князем, бой за боем,
Воскрешенные, живут.

Края отческого долю
Видим так, как видим свет,
Долю-волю, что в неволю
Перешла, сошла на нет.

Погребенную в курганах
Славу громкую отцов,
Белы кости безымянных
Белорусских удальцов,

Что иной не знали воли,
Как погибнуть за других. . .
Сколько мертвых в нашем поле —
Всех — и пришлых, и своих!

И сегодня не в забаву
Беднякам певец поешь,
Что со славою за славу
И захочешь — не умрешь.

И о будущей свободе
Думка в песню вплетена:
Не пора ль — дударь выводит —
Пробудиться ото сна?!

Нам давно так не играли,
Что за дивная дуда,
Полнит выси, полнит дали, —
Знать, дударь он хоть куда!

Музыкант он благородный,
Гордо звук его летит,
Гордо долею народной
И свободою гудит.

Он такое в нас тревожит,
Что словами не сказать,
Что лишь сердце только может
Белорусское понять.

1910

268. ЗАПУЩЕННЫЙ ДВОРЕЦ

Владелец жалкий твой забыл давно во всем
Науку предков — бережливость и терпенье
И за границу ведет «раздел» имения,
Торгуя каждым кустиком и деревцом.

А ты, ты, созданный богатством и трудом,
Приют магнатских захудалых поколений,
Стоишь, но всюду гниль и запустенье,
И щели затканы усердным пауком.

Оборванный пастух скотину в парк погнал,
Здесь суеверия живут из лета в лето,
И поселился черт под крышей этой,

И гибель по углам из грязных мрачных зал
Кричит, открыв зловещий свой оскал:
«Мое здесь право! Я на жизнь кладу здесь вето».

1910

269. МИКИТА И ВОЛЫ

(Басня)

Тут или там, недавно иль давно —
Не всё ль равно —
Микита
Сеял жито,
И вдруг волы, как на беду,
Одну скривили борозду.

Вот он и стал (хоть чисто шли всё лето)

Им выговаривать за это:

«Я, — говорил он, — как могу

Вас берегу,

Сам недосплю,

А вас кормлю

Соломкою зимою,

А летом травкой луговой,

Даю водицы

Вам из криницы,

Чищу, холю.

А вы что? Знай что вволю

Кривляете по полю,

Да совести в вас нет! . . .»

Волю в ответ:

«Мы б, может, не кривляли,

Когда бы ни кнута,

Ни хомута

Не знали».

1910

270

Если б мне хотя б полоску

Иль ее кусочек,

Из колосьев свил бы, люди,

Свил бы вам веночек.

Если б мне над быстрой речкой

Свой лужок, оттуда б

Я принес букет вам, братья,

Весь из незабудок.

Если б мне хотя б избенку

И свою усадьбу,

У меня в гостях вы, люди,

Были б как на свадьбе.

Но не мне так привечать вас

Искренне, как дети,

Слава богу, нивы, доли,

Хата — на всем свете.

334

Пусть хоть эту мою думку
Край мой не откинет,
Как вспомин о горемычном
Белорусском сыне.

1910

271. ЛЕСНАЯ ЦАРЕВНА

Далёко-далёко — верст сто от села —
В зеленой дубраве царевна жила,
Хозяйкой зеленого леса была
И правила вечным владеньем своим.

Как ясное небо, был чист ее взор,
И был ей короною звездный узор,
Из листьев зеленых был соткан убор,
Сама же была она легкой, как дым.

О сказках негаданных лес ей шумел,
И гимны красе ее вечно он пел,
С ней вместе был весел и беды терпел,
И утро и вечер с ней вместе встречал.

Она — что богиня (а лес был царем) —
Купалась в росе, умывалась дождем,
Лицо утирала огнистым лучом,
А ветер ей косы чесал, заплетал.

За тучею туча, сто лет и сто зим...
Лучистые звезды над лесом густым
Ласкали сияющим взором своим
Ее, ненаглядную думку мою.

С ней песни аукались в чаще лесной,
К ней сказки слетались полночной порой,
Царевна моя, лес зеленый ты мой,
Я с вами и песни, и сказки пою.

«И ночью, и днем, перед сном, после сна
Я тут королева, — так пела она, —
Но я как сиротка, я правлю одна,
С кем словом в такой обменяться глуши?»

А ветки лесные, послушные мне,
Склоняются долу, шумят в вышине,
Они говорят о зиме, о весне,
Но сердца в них нет, как и нет в них души.

Чего-то мне в царстве том недостает.
К чему мне и светлое тело мое,
И голос, что пташкой рассветной поет,
Лучистые очи и руки, как хмель?

К кому я горячею грудью прильну,
Услышит ли кто, как я долю кляню,
Кто знает, что тьму лишь я вижу одну,
С кем лягу, обнявши руками, в постель?»

А лес продолжает шептать что ни день:
«Царевна моя, легкойвечная тень,
Свою пред тобою склоняю я сень,
Люблю и молюсь я, как богу, тебе!

Иль мало даров моих видела ты?
Не жаль для тебя мне своей красоты,
Дарю для нарядов листву и цветы,
Целую, милую в покорной мольбе.

От глаза дурного тебя я храшу,
Ращу для тебя певчих пташек семью,
И шумом я славлю царевну мою.
Как солнышко, снишься ты мне наяву.

Ты летом — под сенью зеленых вершин,
Зимою — в алмазах окрестных равнин,
Зимою и летом я, верный твой сын,
С тобою, тобою, царевна, живу.

Чего ж тебе более в этой глуши?
Ты ждешь человеческого сердца, души.
Подумай, царевна, и дум не суши, —
Ты сгинешь, коль сыщет тебя человек.

Мне слышится гул из-за ближней горы,
Уж люди там точат свои топоры.

Смотри, до последней с тобою поры
Мы дожили, свой загубили мы век».

Так пела царевна, так лес отпевал.
Людских ей хотелось утех и похвал,
А он лишь одну ее нежил, ласкал,
Старался отнять у ней веру в людей.

О лес мой зеленый, родимый ты мой!
Лесную царевну свою успокой,
Нельзя миновать ей дорожки людской,
Придется расстаться с короной своей!

.

1910

272. БЕЛОРУС

Сел, как крест на раздорожье,
Средь лесов и поля,
Сложил руки, ждет. . . Чего же?
Всё какой-то доли.

Встанет, выйдет полем, лугом,
Снова неустанно
Стал тупым царапать плугом
Ту же грудь кургана.

На щепе крестов могильных
Бульбу подпекает. . .
Сам, как крест, стоит, бессильный,
Доли ожидает.

Но придет ли доля эта —
Кто тут отгадает?
А судьба из лета в лето
Лапти посылает.

1910 (?)

273. ИГНАТУ БУЙНИЦКОМУ

Хорошо Игнат Буйницкий
Наши танцы водит,
А вокруг него как будто
Ходуном всё ходит.

Как запляшет, даже сердце
Плясать начинает;
Лучших танцев, надо думать,
В Питере не знают.

Пляшет «Мельника», «Антошку»,
«Метелицей» вьется,
Пляшет «Юрку», и ни разу
Он не ошибется.

Он под дудку, под цимбалы,
Топнув, припевает. . .
Берегитесь, добры люди,
Белорус гуляет.

Веселей, Игнат, пляши нам,
Силы не жалея, —
Может, станут думки наши
Плясать веселее!

17 февраля 1911

274. ГЕЙ, ВПЕРЕД!

Гей, вперед, куда к счастью
Сердце рвется, нас зовет.
Хватит нам терпеть напасти,
К солнцу, к звездам, гей, вперед!

Пусть отцы вчера стонали,
Умирали не в свой час. . .
Мы сильнее горя стали,
Счастье всё в руках у нас.

Думка к думке, дружно, смело,
Всё вперед одной семьей,

Знай получше свое дело —
Знай, за правду крепко стой!

Словно Млечный Путь, нам ляжет
К новой, светлой доле шлях,
Слова, дум никто не свяжет,
Нас давить не будет страх.

Бросят навсегда затею
За людей нас не считать,
Белоруса не посмеют
Вечно в лапти обувать.

Так вперед, покуда к счастью
Сердце рвется, нас зовет.
Хватит нам терпеть напасти,
К солнцу, к звездам, гей, вперед!

2 июня 1911

275. КАК В ЛЕСОЧКЕ ЗАЦВЕТАЛИ...

Как в лесочке зацветали
Липа да калина,
Золотые сны сплетали
Мы с тобой, девчнна.

Колыхались и шумели
Вольные березы,
Зеленели, шелестели
Тростники да лозы.

Как во поле наливался
Колос над межою,
Я встречался, обнимался,
Милая, с тобою.

И мелькали и сверкали
На покосах косы,
В цвету травы замирали,
Замирали росы.

Как поспела, покраснела
Ягода рябина,
Глянули вокруг несмело
Мы с тобой, девчина.

Под листвой былинки спали,
Бор зеленый гнулся,
И кричали в темной дали
Журавли да гуси.

3 июня 1911

276. ИЗ НЕДОЦВЕТОВ

Луг едва зеленел,
Сад едва зацвстал, —
Молодую свою
Я тогда повстречал.

Ветер косы ее
Расплетал, заплетал,
Колыхал, напевал
И к груди припадал. . .

И поплыли мы с ней,
Как во сне золотом,
По зеленой земле
В дали, к солнцу, вдвоем.

По весенним цветам
И по ниве родной
В дали, к солнцу, вдвоем,
В ясный день голубой.

Под огнистой зарей
На кургане седом
Обручились мы с ней
И росой и огнем. . .

Скоро темная ночь
Подошла, наплыла,
Как глухая стена
Между нами легла:

Молодую мою
Разлучили со мной. . .

.
Я расстался навек
Со своею весной.

4 июня 1911

277. ВЕРБА

Стоит и засыхает,
От старости черна,
И сучья простирает
Безлистые она.

Их моет непогода,
Печет июльский зной;
Немеют год от года
И ввысь глядят с тоской.

Здесь пташка-щебетунья
Себе не вьет гнезда,
И пчелка-хлопотунья
Уж не летит сюда.

Одна воронья стая
Вечернею порой
Всё кружится, летая
Над вербою сухой.

Осенней долгой ночью,
Как сумрак упадет,
Седых туманов клочья
Тут водят хоровод.

И ветер, сатаня,
Сечет ее кору,
Когда заводит с нею
Бесовскую игру.

Проклятия и хохот,
Что ужаса полны,

И жалобные вздохи
Тогда всю ночь слышны.

О старой вербе люди
Промолвят в час такой:
«Пусть бог судьей будет
Над грешною душой!»

12 июня 1911

278. ЗА ЧАРКОЙ

Ну, что мрачен ты так, мой дружок дорогой? ..
Ставь же чарку на стол — так бы надо давно.
Брось дремать и вздыхать! Ты вздохнешь всей душой,
Когда жить иль не жить будет впрямь всё равно.

Стукнем чарку о чарку! Грустить нам не след.
Сразу станет душа разгораться огнем.
Веселей и смелей глянут очи на свет,
Веселей и смелей всё пойдет ходуном!

Ты твердишь всё одно, что жить плохо тебе.
Брось и думать о том, лучшей доли желай!
Сам ужом извивался я в горькой судьбе,
А теперь всё равно мне, что ад и что рай.

А ведь было — ой, было! — малина-житье:
Счастлив был, песни пел, на всё птишкой глядел.
Если хочешь, скажу... расскажу тебе всё...
Дай лишь чарку, а то я совсем онемел.

Как, наверно, уже догадался ты сам,
Про девчину тут речь... Говорить нелегко...
Были молоды мы да глупы по годам:
Двадцать первый мне шел, ей семнадцать годков.

По соседству жила, звали Евой ее,
И по нраву пришлась мне и людям кругом.
То глядит на тебя, то всё песни поет.
Равной не было ей, как я помню, ни в чем.

Всех на свете дороже была мне она.
Днем всё мучился я, ночью сна я не знал.
Шел ли я за сохой иль косил дотемна —
Увидать бы ее — одного я желал.

Не скажу, чтоб меня не любила она:
Ей я по сердцу был, как сама она мне.
Для обоих была в этом радость одна,
И теперь те деньки в самом сердце, на дне.

Я на ярмарки хаживал с нею не раз,
И гостинцы дарил, и в садочке гулял.
Дорогую мою я голубил подчас,
Обнимал, целовал, сердце ей зажигал.

А мамаша моя (память вечная ей!)
Так любила ее, дочкой звала родной.
Всё ждала, чтобы Еву назвал я своей,
В церковь божью повел, зажил дома с женой.

И одна лишь меня донимала беда:
Призыв мой, как петля, уж на шее висел...
Батяка жив и не стар, брату вышли года,
Сам я крепок, здоров — значит, льгот не имел.

Что тут делать, как жить, где найти мне пути?
В петлю, что ли, мне лезть? Лучше заживо в ад!
Иль жениться теперь и в солдаты идти,
Иль жениться тогда, как приду из солдат?

Ворожил, размышлял — и один и с людьми.
Ева мне говорит: «Всё равно, как ни жить».
Мать: «Теперь же женой себе Еву возьми».
А отец: «Лучше после, ведь всё может быть!»

Отложил на потом. Отложил... навсегда...
Скоро осень пришла, и в присутствии, в Шклов,
Сам отец и отвез... Миновала беда:
Отпустили прощаться домой молодцов.

Года, что ль, не прошло, как шинель я надел,
Мне из дому письмо: пишут — мать умерла.

Я заплакал, на белый бы свет не глядел,
Жалко матери мне — доброй к сыну была!

Был в походе тогда я, приехать не мог
Долг последний, печальный родимой отдать,
А потом, до конца моей службы, мне бог
И могилку ее не сулил повидать.

Ну, а что ж я об Еве, ты спросишь, молчу?
Написали — жива и здорова. И всё.
Верил этому я — всё, бывало, лечу
Думой к ней и про счастье мечтаю свое.

Хоть и был далеко, а любил, вспоминал
И глядеть не хотел на других я девчат.
Ей одной письма слал и покоя не знал,
Ждал лишь дня, как отпустят меня из солдат.

Так за годом шел год. Наконец уже срок
Моей службы пришел. Отпустили к родным.
Я вернулся — и что ж! Э, мой милый браток,
Была замужем Ева за батькой моим!

Что за старого Еву толкнуло идти,
Я над этим, дружок, головы не ломал.
Сиротою была — нет другого пути,
Кто посватался первый, тот замуж и взял.

Сколько я пережил, не расскажешь сейчас...
Много в хате родной злых я вытерпел мук.
Почему не взяла смерть любого из нас?
Хлебом не был мне хлеб, всё валилось из рук.

А она — уж при мне — всё мрачней день за днем.
Где счастливый тот смех, ясный взгляд без забот?
Поглядим друг на друга порой и вздохнем,
Я на пашню скорей, а она в огород.

Так и дни проходили в беде, а она,
Наша мачеха, тает у всех на глазах.
Батька хмур, не глядит и молчит, как стена;
Ношу тяжкую нес, знать, и он на плечах!

Только на год хватило такого житья. . .
Говорили в селе — натерпелся, бедняк!
Две души под конец потеряла семья:
Еву бог к себе взял, я из хаты — в кабак.

Так злодейка-судьба мне сулила навек:
Хатой стал мне шинок, а свет целый — тюрьмой;
Загубил сам себя ни за что человек
Из-за милых очей, из-за кривды людской!

13 июня 1911

279. ПЕСНЯ МОЯ

Песня моя выростала не в холе,
Не средь невянущих южных цветов —
Грустного севера бедное поле
Жизнь дало ей у полынных кустов.

Пуша и ночи ее пеленали,
Нянчили сказками доли глухой,
Дождик и росы весной купали,
Кутали снежные вьюги зимой.

Песня моя не одета парчою,
Хитрою выдумкой ей не блеснуть —
Только б сиять белорусской красою,
Лесом шуметь да косою звенеть!

Служит она угнетенному краю,
Верит, что лучшее время придет.
Ведь если факел в ночи угасает,
Завтра другой зажигает народ.

И не нужны моей песне светлицы,
Княжьих хором музыканты и хор,
Как ручеек она вольный стремится
К солнцу и звездам, в великий простор.

И не отдаст принужденье ни звука,
Службы лакейской не примет она.

Воля живая всегда ей порука
В том, что дорога для песни — одна.

Песня моя и не просит привета
Сердца, глухого к порывам живым,
Ветер, летящий с далекого света,
Встретит, проводит напевом своим.

Дружбу отдаст она небу и пиве,
Жалобам леса готова внимать,
Слушает голос их в бурном разливе,
Любит на звезды глядеть и мечтать.

Песня моя всем поведать готова
Горе сторонки родимой моей,
Хат развалившихся, рабства людского
И не засеянных хлебом полей.

Время, как речка, течет, и не будет
Нашим житьем старый день помыкать, —
Новое время и новые люди
Станут рожденную мысль продолжать.

Не подкупали монетою звонкой
Песню мою — кто ее упрекнет?
Хочется жить ей с родимой сторонкой,
Петь от души, чтобы слышал народ.

Петь — и порою, летя на просторе,
Отклик найти и в глухих деревнях,
Всю Беларусь — необъятное море —
В солнечных ясных увидеть лучах.

15 июня 1911

280. НЕ ПРОСНИ

Спи, девчина, пока солнце
Не сверкает над долиной;
А как солнце на оконце
Луч свой кинет — встань, девчина!

Поскорее поднимися,
Чистой вымойся росой,
Сердцем к солнцу потянися,
Ветру дай играть с косою!

Вся пронизанная светом,
Взором весь простор окинув,
Выйди к ясной доле этой,
Солнцу равная девчина!

Расцветай ты цветом белым
На лугу зеленом нашем;
Дай ты волю думке смелой,
Чтобы стала радость краше. . .

Время светлой, дивной сказкой,
Песней грянет соловьиной. . .
С солнцем, с сердцем, с вечной лаской
Не проспи весны, девчина! . .

16 июня 1911

281. ПОЙТЕ, ПЕСНИ!

То ли поздно, то ли рано,
Жду — напасть ко мне придет;
Где ни гляну, где ни стану,
Дума голос подает.

Солнце, месяц, небо в звездах,
Люди, рощи, целый свет —
Всё-то в сердце отзовется,
Всюду жизни вижу цвет.

И в погоду иль в пенастье
Не могу дремать и ждать:
Так и хочется о счастье
Песню вечную слагать,

Доброй долей, дивной сказкой
Сон прогнать из хат немых,

Утешая солнца лаской
Стариков и молодых,

Звать призывно на покосы,
На раздолье, на простор,
Пусть звенят смелее косы,
Пусть в лесу стучит топор,

Пусть боронят, жнут, и косят,
И поют на целый свет,
Всё ненужное отбросят —
Ляжет чистый, ровный след.

А покуда сердце бьется,
Знай, дремать не время нам,
Громче песня пусть поется
По загонам и лугам!

16 июня 1911

282. ЖНИЦА

Гордо, как царица
В золотой короне,
Шествует в веночке
По меже зеленой.

Из колосьев спелых
У нее веночек,
Сама молодая —
Как в саду цветочек.

Розовая кофта
На жнице счастливой,
Серп в руке зубренный
Со стальным отливом.

Обнимает ветер
Жницу молодую,
Ей лицо и шею
Ласково целует.

Ей кругом колосья
Кланяются в ноги,
На нее дивится
Груша у дороги.

А она, царица,
Весела, счастлива,
Прославляет песней
Золотую ниву.

И навстречу солнцу
Шествует, сияя.
Это наша жница,
Дочь родного края.

21 июня 1911

283. ИЗ ЛЕТНИХ ЗАРИСОВОК

Катится речка, долиною вьется,
Плещет вода и по камешкам бьется,
Зыбится меж берегами.
Девушка грудью на травку ложится,
Хочет, как видно, достать до водицы,
К ней дотянуться губами.

Ива ей шею листвою щекочет,
Плещется речка, смеется ей в очи,
Солнышко всех обнимает.
Девушка, солнышко, речка да ива...
Всё улыбается, смотрит игриво,
Дума их всех привечает.

25 июня 1911

284. КАК В ПОВЕСТИ

Лес. Возле леса дорога,
Рядом с деревней убогой.

Хата за низеньким тыном,
Бабушка в хате с девчиной.

Точно такая же хата
Рядом стояла в заплатах.

Хлопец в той хате жил с дедом,
Был он девчине соседом.

Звали девчину Маланкой,
Хлопца же кликали Янкой;

С малых лет знались друг с дружкой,
Янка с Маланкой-подружкой.

Каждый год теплой весной
В поле шел Янка с сохой;

Пряла Маланка и ткала,
Отдыха тоже не знала.

Летом, взяв острую косу,
Шел Янка с ней на покосы;

Сено девчина сушила,
Ниву жать после ходила.

Осенью рожь молотил он,
Сосны колол на лучину;

Ну, а она лен чесала,
В поле картошку копала.

Сани он ладил зимою,
Ехал иль шел в лес с пилою;

В лес она тоже ходила
Иль на току молотила.

Как-то из старенькой хаты
Янку позвали куда-то.

Там посадили за что-то,
Крепко закрыли ворота.

Больше его не видали,
Что стало с ним — не узнали.

Он где-то роет, копает,
Солнца в ночи ожидает.

Ну, а девчина? . . . Что с нею?
Я расскажу вам позднее. . .

Люди ж сказали, что Янку
Очень любила Маланка.

4 июля 1911

285. Я КАЗАК — НЕ КАЗАК...

Я казак — не казак,
Что нагайкою бил,
А казак, что давно
Крепко волю любил,

Что с дружками гулял
За Днестром на заре,
В вольной сече гремел,
Как волна на Днестре,

Что на бел свет певал
Песни доли своей,
Принимал, как друзей,
Подневольных людей,

Что умел постоять —
Не один знал поход —
И за волю свою,
И за весь бедный род,

Что корону и трон,
Города потрясал
И что кровью закон
Самодержцам писал!

7 июля 1911

286. ГДЕ? ..

Где ты, старенькая хатка,
Где же ты, родная,
Та, в которой дни и ночи
Век свой скоротаю?

Где загон земельки черной,
Дорогая нива,
Что дала бы мне в утеху
Золотое жниво?

Где ты, конь мой бысролетный,
Как живешь на воле,
Где ты, конь мой, что помчал бы
За счастливой долей?

Где приятели, дружочки,
Близкие, чужие,
Что мне горем не сушили б
Годы молодые?

Где ты, милая девчинка,
Равная цветочку,
Что закрыла бы мне очи
В последнюю ночьку?

Из всего, что проходило,
Как волна по морю,
Только думки мне остались
На беду, на горе.

Мне остались только песни,
Да что с ними будет:
Доля горем наделяет,
Обижают люди.

12 июля 1911

287. БЛИЗКИМ И ДАЛЕКИМ

Вам, мракобесам близким, далеким,
Шлю свой привет я с лаской сердечной,
Шлю благодарность шмелям слепооком,
Пусть ваша сила вам кажется вечной!

Крови вам надо — вот мои жилы,
Будет гадюкам, пьявкам завидно;
Ройте, копайте братьям могилы,
Что ж, вам работы этой не стыдно!

Можете жалить, злобно кусаться,
Нет, мне не страшен рык ваш звериный,
Вырвете жилы — сердце не сдастся,
Прочь из кровавой вырвется тины.

Не испугают кривды оковы,
Братской любви мне светит горенье,
Брошу я в пепел мрака основы,
Им под ногами гнить удобреем!

Жил и без вас я, жил и меж вами,
Облаком вольным плыл над землею.
Вам не стреножить мыслей цепями,
Вам не опутать их клеветою.

Я разрываю ваши тенета,
К ясному свету дух мой стремится,
Вырвется чистым он из болота,
К высям проложит путь, словно птица,

Вдаль, где еще белорусская дума
Яркой звездой не заблестела,
Где только ворон каркал угрюмо,
Где только звери рыскали смело,

Где всюду правду с торгов пустили,
Где лишь слезами выткали счастье,
Где только солнце вам не осилить...
Солнца сиянье не в вашей власти.

Лестью и лаем из подворотни
Не опорочить вам моей славы.
Сам я судья! Лет будущих сотни
Произнесут мне приговор правый.

Не охраняли вы мои годы,
Сам провожал я зиму и лето,
Силу давали мне непогоды,
Крылья дарило пламя рассвета.

Если ж в земные скроете недра
Прах мой до срока, весь не умру я, —
Не умирают вольные ветры,
Гнев мой не спрятать в землю сырую.

К вам приходите я стану ночами,
Ваши гнилые рухнут затворы,
Буду смеяться грозно над вами,
В страхе смертельном взвоете, воры!

12 июля 1911

288. ЗА СВОБОДУ СВОЮ...

За свободу свою
Всей душой постою.
Я люблю беду
От нее отведу.

Лучше людям я сам
Хоронить себя дам,
Чем свободу терять,
Злой беде отдавать.

В сердце, в думах своих
С самых лет молодых
Я ее сберегал
И своею назвал.

Гей ты, гей, ветер, пой
О свободе святой!

Гей ты, гей, бор, шуми,
О свободе греми!

Гей ты, солнце, гори
От зари до зари,
В бой ты выйди из мглы
И расплавь кандалы!

13 июля 1911

289. ЕСЛИ Б Я В КРАЮ РОДИМОМ...

Если б я в краю родимом
Вольным князем стал,
Был бы князем я радивым,
Праздности б не знал.
И закон и право сели б
Там, где им под стать,
И за правду люди смели б
Голос поднимать.
Не тащил бы я задаром
У народа хлеб,
Тем, кто трудится, не барам
Молотил бы цеп.

Если б встал я солнцем красным
Над родной землей,
Был бы солнцем щедрым, ясным
Летом и зимой.
Не легла бы на разлоги
Сумрачная тень,
Озарял бы все дороги
Я и ночь и день.
Сохранил бы в вечном цвете
Ширь полей, лугов,
Все расплавил бы на свете
Кандалы рабов.

Если б синей был я речкой
На земле моей,
Я бы речкой тек далечко
По сторонке всей.

Животворною кринницей
 Был бы наяву,
Смыл бы чистою водицей
 Всю дурман-траву.
На цветочки, что повяли,
 Пал бы я росой,
Я б катился меж полями
 Светлой полосой.

Если б пташкою крылатой
 В небе я летал,
Был бы пташкой не заклётой,
 Мучиться б не стал.
Я бы карканьем угрюмым
 Не пророчил слез,
А на крыльях наши думы
 К богу бы понес.
Зло, неправду рабской доли,
 Нищету и тьму —
Всё бы я по доброй воле
 Подсчитал ему. . .

14 июля 1911

290. ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Чуть летнее солнце уйдет за откосы,
Заря зацветет в поднебесье высоком,
На землю падут серебристые росы,
Тумана завеса повиснет над логом.

От бледного месяца бледные тени
Уснувших селений на нивы ложатся,
Как тени минувших давно поколений,
Столбами встают, полусонно толпятся.

Заветная думка неясно всплывает
И просится в сердце, рождаясь в затишьс,
И ласково светит, как сказка живая,
И вьется так близко, и радость колышет.

Молитва вечерняя вслед ей выходит,
Безмолвьем ложится на тихие дали

И прядью жемчужной до звезд на восходе
Плывет и мерцает, как грани в кристалле.

Будь вечной отрадой, блаженство покоя,
С планетной зарницей и месяцем бледным!
Пусть песня баюкает сердце людское
И чистым выносит над шумом победным!

14 июля 1911

291. ОБРУЧЕНИЕ

Далекой, нелегкой гонимы ходьбой,
Под елкой высокой мы сели с тобой,
 Как царь и царица;
Мохнатый, нежатый сох вереск у ног,
Спал ржавый, шершавый под шишками мох
 Над темной криницей.

По сучьям колючим ползла дреза,
Блестела несмело роса, как слеза,
 По листьям ольховым;
Короной зеленой дед-бор потрясал
И шумным раздумьем законы писал
 Негаданным словом.

Нам молча, как ночью, мерцали огни,
Меж елей темнели подгнившие пни,
 Как стража немая;
И тихой лосихой маячила тень,
За горы, в просторы клонился наш день,
 Минуты считая.

Тем часом сгущался настой тишины,
И полночь на помощь пугливые сны
 Спешила покликать...
Под елкой высокой ты встала, я встал...
Над нами суками сыр-бор хохотал
 Без памяти дико...

14 июля 1911

292. ДВЕ БЕРЕЗЫ

За околицей, в грозы, две стояли березы,
Как одна, две березы стояли,
И стонали сквозь слезы, истлевая, березы,
Как одна, две березы стонали.

О восходе под грозы всё шумели березы,
Как одна, две березы шумели,
О закате сквозь слезы запевали березы,
Как одна, две березы всё пели,

Что в грозу и в морозы пановали березы,
Как одна, на полях пановали,
Что качались и в грозы самовластно березы,
Как одна, погибая в печали.

Мстят небесные грозы — и качнулись березы,
Как одна, головою качнули.
И навеки сквозь слезы две заснули березы,
Как одна, две березы заснули.

17 июля 1911

293. ТЫ ПРИДИ!

Ты приди ко мне весною,
Цветиком приди,
Красотой цвети со мною,
Думку разбуди. . .

Ты приди ко мне и летом,
Колосом приди,
Песней жнивной, в поле спетой,
Думку услади. . .

Ты приди, как будет осень,
Звездочкой приди,
В край далекий с шумом сосен
Думку поведи. . .

Ты приходи ко мне зимою,
Солнышком приходи,
Давней сказкой золотою
Думку пробуди. . .

Ты приходи на край могилы,
Цветиком приходи,
Стройный клен рукою милой
Там ты посади. . .

.

Ты приходи!

28 июля 1911

294. ЖАРА

Искрами пышет и жаром,
Блещет, мерцает, дрожит,
Мир ненасытным пожаром
Сжечь, уничтожить грозит.

Выси обуглила, склоны,
На горизонте — ни зги;
Заволокла лес зеленый
В черного дыма круги.

С ветром по тропкам несется
Огненно-белым песком,
Выпила речки, колодцы,
Дно их застлала огнем.

Саваном дымно-туманным
Вдаль по земле поползла,
Пóтом кроваво-багряным
Очи земли залила.

Жалоба-крик вылетает,
Крепнет в груди всё сильней, —
Гибелью солнце сияет,
Жалит и жалит, как змей.

30 июля 1911

295. РЕЧКА

Из-за деревни, мимо поля,
Долиною в лесную тишь
Спокойно, запросто, на воле
Бежишь ты, реченька, бежишь.

Порою камешек подгонишь,
Травинку тонкую качнешь,
Слегка ольховый корень тронешь,
Цветок теченьем унесешь.

И подо льдом, как на свободе,
Всё катишься, а теплым днем
На берег выглянешь разводем
И вновь бежишь своим путем.

Струится весело водица,
И мысль моя за нею вслед
То рвется вдаль, то вновь боится:
Ей мил и страшен этот свет.

Журчит мне речка на просторе:
«О доле хочешь знать моей?
Я капля в море — только море
Мое от дум твоих светлей».

1911

296. САД

Зазеленел порою вешней
За хатой прадедовый сад;
Там груши, яблони, черешни
Сошлись и дружно встали в ряд.

Они вершинами кивают,
Плывут напевы их ветвей,
Они как будто призывают:
«Приди, прохожий, к нам скорей!»

Приди и сядь в тени прохладной,
Забудь всё то, что пережил,

Послушай листьев шум отрадный,
И он тебе прибавит сил.

Ты долго шел, блуждал ты много,
Ты крест исканий нес и нес,
И на расстанных встал дорогах, —
Скорей же к нам — от бурь и слез! . . .»

Так будто шепчет сад ветвями
Всё с той же думой много лет;
А дума что? Она с ветрами —
Зачем, кто знает? — мчится в свет. . .

1911

297. СЕМИК

Сквозь непогодь стужи угрюмой
Проглянул весенний просвет;
Ты слышишь ли, видишь ли, друг мой,
Как льется приветливей свет?

Ты видишь, как небо мерцает,
Как травкой смеется земля?
Ты слышишь, как лес оживает,
Как плещется уток семья?

Ты видишь селение наше
И братьев забытых его —
Удел их и горек, и страшен,
Он им не сулит ничего.

Семик эти люди встречают,
Надели нарядный убор,
Ветвями они украшают
Светлицу, крылечко и двор.

И веселы люди, как дети,
Отбросили бремя работ,
Хоть завтра на всем белом свете,
Ах, сколько невзгоды их ждет! . . .

1911

298. ДУБ

Поднимая ветви
На глухом раздолье,
Вырос одиноко
Он в далеком поле.

Он стоит, могучий,
Он забот не знает,
Буря ли бушует,
Вихрь ли гуляет.

На одном он месте
Днюет и ночует,
Много сказок знает
И поет, ликует.

Дождь подмыл коренья,
В нем дупло, как хата,
Он стоит и дремлет,
Грозный и сохатый.

1911

299. ЛЕТНЯЯ РОСА

Ночка жемчуг рассыпает —
Это так роса искрится,
А туманы обвивают
Луг зеленый над криницей.

Но лишь утра час настанет,
Блики солнца заиграют, —
Рос приходит отцветанье,
И туманы в речке тают.

Жемчугами в долах росы
Отсверкали утром летним;
Солнца косы, наши косы
Не дают им полдень встретить.

1911

300. СЛУГАМ АЛТАРНЫМ

Не Ватикана я слуга
И не «святейшего» синода!
Отчизна сердцу дорога,
Душа моя всегда с народом!

Пою я песни не для вас,
Не вам судить о них! Я знаю:
Возмездия настанет час,
Он вас жестоко покарает!

Вы с черной злобою своей
Убить хотите правды силу,
Живые помыслы людей
Загнуть смирением в могилу!

Уж около двух тысяч лет
Вы торговать Исусом стали,
И в цепи рабские весь свет
Вы лицемерьем заковали.

И, чтоб хвалу вам воздавали,
И вашим митрам, и тиарам,
Инакомыслящих карали
Крестом, и кровью, и пожаром.

Вы говорили, что добро
Себе призвало вас на службу,
Но палачам за серебро
Навеки продали вы дружбу!

И смеее вершить свой суд,
На дум свободу посягая?
Вы возвели в святыню кнут,
Себя проклятью обрекая!

1911

301. РОДИЧАМ ПО РЕЧИ

Шлю вам песней, братским словом
Приветствие, люди,
Не гасите веры, что вам
Житься лучше будет!

Вы не слабы, не ленивы,
Вы — народ могучий,
Ваше царство — ваши пивы,
Царь ваш — труд живучий!

Не в хоромах ваша слава,
Не в богатой митре,
А в труде, в работе правой,
Честной и нехитрой.

Вы одеты не парадно,
Не в шелка и фраки, —
Нет почетней неприглядной
Грудовой сермяги!

Ваши руки в кровь избиты,
Песок на них виден,
Но на хлеб, вами добытый,
Никто не в обиде!

Ваша правда, ваша сила
Глаза врагам колет,
Вижу — свежие могилы
Роет вам неволя.

Кости дедов — не порука ль
Вашей давней силе,
Не звучат ли в песни звуках
Слезы, что вы лили?

Так пускай вас не осилит
Злоба непогоды,
Расправляйте смело крылья,
Как и все народы!

Сгинет кривда, сгинет горе,
Гнет мы сбросим вражий,
Мы добьемся светлой доли
На земле на нашей!

1911 или 1912

302. ПОЛЕТИ, МОЯ МЫСЛЬ...

Полети, моя мысль,
Лётом сокола,
Огляди этот свет
Кругом-около.

Лётом светлой звезды
По-над стрехами —
Сыпь надеждой живой
И утехами.

Пой о воле людской
Думы чудные,
Озари всюду жизнь,
Стежки трудные.

Золотые всем сны
Пусть откроются,
Пусть печаль на душе
Успокоится.

Гонят пусть от себя
Тьму бездольную,
Пусть друзьями навек
Пойдут вольные.

Так лети, моя мысль,
С буйной силою,
Встреть ее хорошо,
Земля милая!

1911 или 1912

303. РВИСЯ, ДУМКА!..

Пока старость, подступая,
Не согнула тело,
Рвися, думка молодая,
Выше, дальше, смело!

К цели светлой и прекрасной,
К свободе и счастью
Рвись, пока не станет ясно,
Разгони ненастье!

Горемычно, бесприютно
На душе и в хате, —
Если ж спать нам беспробудно,
Горя больше хватим.

Рвися, думка молодая!
Зря, что ль, сердце точишь?
Ты отыщешь, побеждая,
Всё, что ты захочешь!

1911 или 1912

304. МОЛОДАЯ БЕЛАРУСЬ

Вольный ветер напел вольных песен тебе,
Бор зеленый взметнул дружным гомоном,
Солнце звало к посевам, к их славной судьбе,
Звезды в сердце сияли надломленном.

В час великих надежд, бурь и тягостных дней
Зацвела, расцвела, долгожданная,
И криницей живой над отчизной своей
Поплыла, потекла, несказанная.

Поплыла, потекла, сказку жизни струя,
Полям, лесом, горой и долиною...
Вся в цветах-перелесках корона твоя,
Вся ты, вся — чистота лебединая.

И горишь, и гуслярскою песней звенишь,
Вспоминаешь прошедшее давнее,
На просторных путях ты сегодня стоишь,
Смело смотришь в грядущее тайное.

Вся в сиянье идешь, как живой огнецвет,
Сеешь ласково сны золотистые,
Не пугает тебя зарубежный сосед,
Не пугает дорога тернистая.

От межи до межи, от озер до криниц
Обновленья напевы расходятся,
Радость-мать обнимает сердца без границ,
И для нас лучший день нынче родится.

Уж не так топоры, удаляясь в боры,
Валят сосны зимою морозною,
Уж не так косари от зари до зари
Раззвенелись порой сенокосною.

Крепнет сила в руках, льется песня без слез,
Грудь надеждою славной колышется,
Это новый закон прочно перьями кос
Навсегда и по-новому пишется.

Расцветай же, вздымай на орлиных крылах
Душу, сердце и думы заветные,
Вызывай, выкликай на простор, на размах
Силы, ведьмой-петлей не задетые.

Высылай, рассылай ты по свету гонцов,
Как с гнезда соколиного соколов,
Пусть летят, долетят до бойцов-удальцов,
Пусть гремят вестью в даях и около.

Долго в поле, в лесах ты, сторонка, и так
Сиротой ночевала, забытая,
Много крови твоей выпил кривды червяк,
Кости ветер точил непокрытые.

Соколиная ввысь поднимайся семья
Над крестами отцов, над курганами,
Занимай, Беларусь молодая моя,
Красный угол в семье меж славянами.

1911 или 1912

305. ПУТЬ МОЙ...

Путь мой не устлан цветами душистыми,
Солнышком ласковым не озарен,
Между полями убогими, мглистыми
Вьется нерадостно он.

Путь мой сквозь ночь безрассветную тянется,
Сумрак, туманы клубятся кругом,
Даль же несбыточной сказкой туманится,
Сказкой, негладным сном.

Путь заграждают мне недруги бедами,
Манят в дороге бессильно уснуть, —
Вера в грядущее с силой неведомой
Дальше зовет меня в путь.

Встретится брат мне, звенящий оковами,
Только оков тех не видящий сам.
«Путь куда держишь?» — он скажет сурово мне,
«Дальше!» — ответ ему дам.

Дальше и дальше песками бесплодными
Буду идти, непокорный, вперед,
Зори пока не погаснут свободные,
Сердце пока не умрет!

1911 или 1912

306. ГДЕ ТЫ, СЧАСТЬЕ МОЕ?..

Где ты, счастье мое, где ты, светлая доля?
Что так сердце гнетет непонятная тяжесть?
Выйду ночью глухой за деревню на поле
И послушаю там, что мне ночка расскажет.

Может, гул я услышу, что грусть и тревогу
Песней радостной вновь усыпит и заглушит?
Может, ночка укажет мне к счастью дорогу
И разгонит печаль, гнетущее душу?

Но молчанье кругом. Только слышится снова,
Как полуночный ветер гудит-завывает.
Только в сумраке бор расшумелся сосновый,
Невеселые мысли в душе пробуждая.

1911 или 1912

307. ХОЛОДНО...

Холодно, холодно в хате моей,
Всюду гуляет в ней ветер.
Жгучие слезы текут из очей.
Боже! Как жутко на свете!

Сонного края нарушив покой,
Только метель завывает.
Дума за думой ползет чередой,
Сердце тоскою сжимает.

Всё затянула туманная мгла.
Глухо. . . Ни силы, ни воли.
Жизнь прожитая вся прахом пошла,
Ждет тебя тяжкая доля.

Словно с проклятьем приходим на свет,
С ним же и в землю уходим.
Пóтом и кровью пропитан наш след,
Песню страданья заводим.

Ступишь. . . и ползают змеи у ног.
Крик твой — камней не разбудит.
Руки протянешь ты, полон тревог, —
Милости нет и не будет.

1911 или 1912

308. МОЯ ДОЛЯ

Что дашь завтра ты, доля постылая?
Ожидаю я радости мало.
Знаю только, что всё несчастливое
Мне ты щедро всегда посылала.

Сироту, меня к счастью не вывела,
Средь чужих грудь тоской иссушила,
И уж так мне вконец опротивела,
Что казалась мне счастьем могила.

А когда-то иной мне казалась,
Верой жил я, надеждой своею. . .
Но неожиданной ты гостьей являлася —
И тогда одни слезы я сеял.

Напевала ты песни могильные,
Как метелица дикая в поле,
Мне тревоги несла непосильные. . .
Эх, не знать бы вовек такой доли!

Ты, наверно, в бурьяне родилася,
Взращена была вьюгою злою,
Мучить ты у нее научилася,
А потом повстречалась со мною. . .

1911 или 1912

309. НЕ ДЛЯ НАС...

Не для нас это солнышко майское
Разгулялось на небе высоком
Сеять думки весенние, райские
На всем свете великом, широком.

Не для нас нива, нами возвращенная,
Украшается восходом посева
И шумит, ветром вся сотрясенная,
Бьет поклоны направо, налево.

Не для нас все в цветочки прекрасные
Разрядились луга над рекою,
Красотой небывалою, ясною
Глаз манить и шептаться с душою.

Не для нас, не для нас распускается
Этот сад, эта вишня, черешня,
Не для нас, не для нас разливается
Соловьиная звонкая песня. . .

К нам неласкова нива желанная,
Солнце зной нам струит с поднебесья, —
Пот свой льем на полях беспрестанно мы,
Разве ж нам, горемычным, до песен?

Год за годом проходит томительно:
Пропадаем мы, бьемся, батрачим!
Сыты нашей работой мучители,
А мы только вздыхаем и плачем. . .

1911 или 1912

310. В НОЧНОМ ЦАРСТВЕ

Скрипят трухлятиной осины,
И звери голосят лесные,
Проезжей сумрачной путиной,
В ярмах, окованной скотиной,
Идут покойники живые.

Идут, идут. . . И средь пустыни
Хрустят надломленные кости,
И коченеют ноги в тине,
И чахнут очи в паутине,
А путь как точеные ости.

Перед очами глушь немая,
И плач и скрежет за очами;
Проклятье, в жилах кровь сжимаемая,

Бессилье, душу отнимая,
Гнетут змеиными клещами.

В грудях, задавленных изменой,
Вгнездившись, рабская тревога
Шипит под сном могильным тлена;
И только в небе неизменно
Белеет млечная дорога.

То там, то сям запламенеет
Огонь над скованною выей,
Зараза трупная обвеет,
И царство ночи ошалееет,
И звери голоса лесные. . .

1911 или 1912

311. ЧЕМ НЕ ДОЛЯ МОЯ?

И на что мне воля вольная,
Золотая да раздольная?
Как слепой, я осторожно
На простор пойду дорожный!
 Эх ты, доля моя,
 Вот и с волей уж я!

И на что мне школа умная,
Проживу легко, бездумно я:
Не найду у книг подмоги —
Доучусь без них в остроге.
 Эх ты, доля моя,
 Вот и в школе уж я! . .

И на что мне поле с пашнею,
Конь с волом, добро домашнее?
Я могу пожить «пошире»
В золотых краях Сибири.
 Эх ты, доля моя,
 Вот с землею уж я!

И на что мне хата новая
Да столы, скамьи дубовые?

Злые сломят мою силу,
Лягу паном я в могилу.
Эх ты, доля моя,
Вот и с хатой уж я! . .

1911 или 1912

312. СУДЫ

И на суд повели ее связанной,
Сердце вырвав из белых грудей,
И судили ее, как там сказано
В этом хитром законе людей.

Назначали судьей ночку темную,
Ночку-мачеху скорбной земли,
А свидетелем — ложь вероломную,
И во тьме до суда стерегли.

Приговор прочитали над бедною,
Так своей и не знавшей вины.
Похоронную песню победную
Спели злого насилия сыны.

С плеч срывали убранства лучистые,
Разметали корону-венюк,
И безжалостно руки нечистые
Затолкали ее под замок.

Налагали стальные оковы ей,
Словно нищенке, бросив тряпье,
И, глумясь, под косынку терновую
Скрыли светлые косы ее.

Очи вырвали, в солнце влюбленные,
Из-под хмуро нависших бровей,
Да пустили ее, укрощенную,
На насмешки досужих людей.

И идет она, кровью залитая,
По дорогам пустым и полям,

Чуть живая идет, позабытая,
Лишь во сне и являясь сынам.

К вольной воле добраться пытается,
Где б дороги ее ни легли,
Дух ее — целый свет утешается —
Злые муки сломить не могли.

Как была, будет век непокорною,
Отпевать будет рабство людей,
И не в силах суды те позорные,
Истерзав, вырвать душу у ней!

1911 или 1912

313. ДЕРЕВНЯ

За хатой хата — по порядку,
Сидят одна возле другой.
Вдоль улицы идут хибарки
Своей обычной чередой.

Не год, не два живет деревня,
Дошла до старости, видать.
Мох тронул кое-где солому,
Подпорам крыши не сдержать.

Деревню в лапти обувает
Разбогатевший жмот свояк,
Беда богатству бьет поклоны,
А путь ко знанью застит мрак.

Ведут войну слеза со смехом.
Дерется смех, слеза дрожит.
С грехами смешано мученье,
И день за днем, томясь, бежит.

Не знаю: счастье иль несчастье,
Когда такая тишина. . .
Спроси об этом у деревни —
Молчит. . . пока молчит она.

1911 или 1912

314. ГРУША

Колышется столетняя,
Шумит неугомонно.
Ветвей на старой тысячи,
А листьев — миллионы.

Здесь воробьи чирикают,
Порою белки скачут,
Лучами дарит солнышко,
Дождями тучи плачут.

Она же, закаленная
Столетнею порою,
Ведет беседу длинную
То с небом, то с землею.

Но ни одна беседы той
Душа не понимала,
Хоть, может, и о радостном
Ей груша б рассказала,

О сказочном богатстве ли,
О счастье ли мечтая,
С далекого, прошедшего
Забвенья пыль сметая. . .

О груша, о столетняя,
Как быть мне, посоветуй,
Чтоб речь твою чудесную
Всему поведать свету.

1911 или 1912

315. ЛЕС

Ты разве знаешь, хлопец милый,
И ты, девчина дорогая,
Лес этот темный, полный силы,
Что всем нам песни напевает?

Пытливым глазом и душою
Там многое узнать возможно,
Как всё живет само собою
Степенной жизнью, осторожной.

Там зверь туда-сюда проходит,
А сколько птиц гостит в нем летом,
Там елка с елкой речь заводит,
Как две кумы на речке где-то.

Зимой он спит в тяжелых думах,
А летом песнями упьешься,
А в осень там — ах, шумы, шумы!
От них слезами обольешься!

Пускай топор в нем засверкает:
Лес тяжким стоном отзовется. . .
О пуща темная, глухая,
Чье сердце тут не содрогнется?!

1911 или 1912

316. НА СКЛОНЕ ЛЕТА

Спит поле. Смолкли и пичужки.
Роняют желтый лист березы.
Затихли песни-веселушки,
И льются с неба капли-слезы.

А в поле глухо ветер воет,
В печные трубы залетает.
Пожарище? Жилье живое
Или запущенность глухая?

А в сердце, сердце беспокойном
Грусть с пустошью сроднилась этой,
И выются думы черным роем. . .
О, как страшна мне гибель лета!

Была весна, и всё на свете
Кругом цвело, — ее не стало. . .
Весна прошла — и плачь о лете!
Тоска весь свет завоевала.

Такая наша доля, люди:
Живи, томясь в тоске унылой.
Проходят годы, чахнут груди,
Глядь — недалеко до могилы.

1911 или 1912

317. ИЗ ОСЕННИХ НАПЕВОВ

1

Лето минуло отрадное,
Кончилась летняя воля;
Цветом луга не красуются,
Рожью не хвалится поле.

Косы не блещут без устали
В сочной траве в наших долах,
Серп не воюет с колосьями,
Песен не слышно веселых.

И, одинокая, сонная,
Груша стоит над межою,
Желтой листвой осыпается,
Грустью полна и тоскою.

День ото дня небо хмурится,
Солнце за тучи заходит,
Птицы замолкли, не слышно их,
Всюду усталость в природе.

И, проклиная житье свое,
Ветер в трубе завывает;
Старые думы холодные —
Сердце от них замирает.

Так и ушел бы от этого
Дальше за горы и реки,
Если б возможно куда-нибудь
Скрыться от доли навеки.

Стелются целый день росы,
Тени на землю легли,
Солнца лучистые косы
Не достают до земли.

Глухо доносятся шумы,
Ветры уныло поют;
Снова томят меня думы
И забытья не дают.

Вновь увядания сила
Сердцу приносит печаль,
Голосом тихим, унылым
Манит в осеннюю даль.

В рощах не слышатся шелесты,
Черные ветки торчат,
И кое-где только верески
Зеленью вечной блестят.

Тянется к небу сердитому
Каждое дерево тут,
Корни, песками укрытые,
Новых побегов не ждут.

Воет зверье ошалелое,
Катится рев по лесам,
Пуща стоит помертвелая,
Тянется вновь к небесам.

С кленов, лип и дубов
Листья валяются,
На земле меж кустов
Рассыпаются,

На ветру шелестят,
Золотистые.
Ветки грустно глядят
В небо мглистое.

По весне зеленеть
Ветки примутся,
Лишь листьям не шуметь,
Что осыплются.

б

Небо всё закрыли тучи,
Днями бьется дождь студеной,
На полях, сбиваясь в кучи,
Чахнут галки и вороны.

Солнца нет на небосклоне,
Ветер воет, завывает;
Осень плачет, осень стонет,
Думы грустью обвивает.

И в моей унылой хате
Нет тепла и нету света,
Только холодом охватит,
Словно в поле, в хате этой.

И в душе, хоть плачь, так горько,
И темно в ней, как и в хате;
Ой, как горько! Молвить только...
Голосил бы, слал проклятья.

Голосил бы, словно осень,
Или так, как ветер этот,
Чтобы эхо разошлось
От меня бы на полсвета!

Чтоб летело, не стихало
По широкому раздолью,
Чтоб известна людям стала
Моя горькая недоля.

Сердце сжимает мне
Боль неумная;
Осень надвинулась
Хмурая, темная.

Небо покрылося
Мглою, туманами,
Галки проносятся
По-над курганами.

Травы негодные
Поле усеяли,
Листья шумливые
Рощи развеяли.

Дождь так и сыплется
На землю милую,
Свет застилаючи
Мутью унылою.

В хаты убогие
Люди забилися,
Радость минулася,
Песни забылися.

Бабка, от старости
Еле живехонька,
Сказки с внучатами
Шепчет тихохонько.

Ветер за окнами
Жутко проносится —
Просто ли плачется,
В хату ли просится.

Сердце сжимает мне
Боль неумная;
Осень надвинулась
Хмурая, темная.

1911 или 1912

318. ОСЕНЬ

Лето прошло. Из-под неба дождливого
Осень заводит погудку свою.
Нудно вокруг. Ничего нет красивого.
Не до веселья в родимом краю.

Уж не любишь зeleнь, колосом,
Грустно над сердцем спускается тьма.
Ветер всё плачется нищенским голосом,
Воет и стонет, как ведьма сама.

Листья сухие в лесу осыпаются,
Ветки скелетами стали без них.
Волчьи глаза между пней разгораются,
Птичий, щебечущий гомон затих.

Небо окуталось тучами темными,
Сыплет холодным и частым дождем,
Гуси летят над лугами поемными,
Тускло, тоскливо и слезно кругом.

Что-то тревожное, злое, всесильное
Веет из этой мертвящей глуши. . .
Осень понурая, осень могильная,
Как ты для сердца страшна, для души!

1911 или 1912

319. ЗИМА

Было жарко, и в оконце
Часто к нам глядело солнце.
Только солнце вдруг пропало,
Зима с вьюгой загуляла!

Всю-то милую сторонку
Завернула, как в пеленку, —
Ни травинки в чистом поле,
Пусто, грустно по раздолью!

Речка стала неживою
Под плитою ледяною;
Лес безмолвен и печален,
Пташек песни отзвучали.

Как ведется, неизменно
Бьет мороз сердитый в стены,
А от снега днем и ночью
Искры сыплются нам в очи.

По дороге на морозе
Скрипят санные полозья.
Кабы счастья больше было,
Вот бы мне помчаться к милой!

1911 или 1912

320

Ясью восходов, закатов, блескучей
зарницей полог расшил бы,
В полдень из солнечных нитей корону-
веночек я тебе сплел бы,

Терем из пальм, кипарисов над кручей
в краю цветущем сложил бы,
Облачко снял бы на трон с небосклона —
тебя на царство возвел бы!

Стал бы тогда пановать с королевной,
царевной светлой своею,
Славить, счастливить свою молодую,
святую песней непетой.

Струны бы сердца звенели напевно,
вседневно слух твой лелея,
Сказку творил бы с тобой золотую —
такую, как думка эта!

1911 или 1912

321. ПЕСНЯ

Рощи с полянами спят за туманами,
Зорька на небе алеет.
Выйди, девчинка, выйди, голубка,
В сад мой зеленый скорее.

Ночь всю погожую вместе, хорошая,
Мы до рассвета пробудем.
Видеть нас будут звезды и месяц,
Видеть не будут нас люди.

Липы нам ветками сказки заветные
Будут шептать, не смолкая,
Будет приветливо петь соловей нам,
Песнею слух наш лаская.

За каждой веткою радостью светлую
Будет нам доля в ночь эту.
Струны сердечные тронем любовью
К зависти целого света.

Выйди ж, девчинка, выйди, голубка,
В сад мой зеленый скорее;
Рощи с полянами спят за туманами,
Зорька на небе алеет.

1911 или 1912

322. МОЯ ЖЕНКА

Из чужой сторонки
Не возьму я женки,
Что меня богаче, —
Я женюсь иначе.

Я возьму такую
Замуж дорогую,
Что на белом свете
Не найти другую.

Буду жить я с нею,
Милою своею,
Под родною крышей,
Нянчить ребятишек.

Жить так, не лукавя,
Будем в доброй славе,
Пока нам поминки
Злая смерть не справит.

1911 или 1912

823. ПОЦЕЛУЙ...

Поцелуй ты меня, молодая,
Поцелуем горячим, огнистым,
И промчимся от края до края
Птицей-песней над миром тернистым.

В день веселый мы солнышком жгучим
Заискримся в лазури бескрайной,
С ветром-соколом души обручим,
В чашу леса вплетем свои тайны.

В полночь звездочкой издали глянем
На сады, на замшелые хаты;
Крепкий сон наведем заклинаньем,
Вышлем росы жемчужные в сваты.

Золотистые выплачем слезы,
Слезы-искры гонимых по свету;
Снегом-пухом зажжемся в морозы,
Алым цветом распустимся к лету.

Пусть не слышится песня другая
Нам, двум сиротам в мире тернистом! . . .
Поцелуй же меня, молодая,
Поцелуем горячим, огнистым.

1911 или 1912

324. ПЕРЕД НОЧКОЙ

Смерклось. В небесах бескрайных
Звезд зажглись огни.
Ночь свои раскрыла тайны,
В свет идут они.

Догорела и лучинка,
Ночи близок час.
«Доброй ночи» спой, девчинка,
Спой хоть раз, хоть раз!

Сердцу близкое, родное
Спой мне в час ночной,
О моей с тобою доле
Ты запой, запой!

Спой, как ты одна умеешь,
Спой мне от души
И печаль мою скорее
Песней заглуши!

Кончив песню, втихомолку
Без тревог склони
Мне на грудь свою головку
И засни, засни!

Нас от злобы ночь укроет,
От большой людской,
И приснится нам обоим
Сон наш золотой.

1911 или 1912

325. ОЙ, ДЕВЧИНКА, ТЫ СЛЫШИШЬ?..

Ой, девчинка, ты слышишь,
Как трясет ветер крышу,
Как шумит он на воле,
Прилетая к нам с поля?

А услышав, узнала,
Что всё это нагнало
Тебе в сердце со света?
Поняла ты всё это?

Это осень глухая
Плачет так, не стихая,
Над тобой, надо мною,
Над несчастной землею.

Не пугайся же шума
Дней осенних угрюмых, —
Бог обидел нас долей. . .
Осень плачет в раздолье.

1911 или 1912

326. ЯСТРЕБ

Где голубь с голубкой, воркуя, сидит,
Туда с поднебесья к ним ястреб летит,
И когти запустит в голубку он смело
И выклюет сердце, кровь выпьет из тела.

Где хлопец девчину всем сердцем любил,
Обманщик пришел и невесту отбил.
Как ястреб с голубкой, он тешится вволю,
Позорит счастливую девичью долю.

Голубки уж нет, приуныл голубок,
Сидит, не воркует, как мертвый умолк.
В глубокой тоске он по милой страдает,
Ждет: ястреб вот-вот и его растерзает.

А хлопца тоска о любимой гнетет,
И в сердце печаль, словно рана, цветет.
То выйдет, то глянет, стон рвется напрасный:
Один ты, один, горемыка несчастный.

Вот кости голубки развеяны бурей,
Обманщик глаза на другую прищурил.
Жених, и невеста, и голубь — как дети,
Им страшно, что ястребов много на свете.

1911 или 1912

327. ЖНЕЯМ

Наливаясь красою,
Золотой стала нива.
Жнеи, время на битву!
Поднимайтесь на жниво.

Солнце всходит, заходит,
Не бросает землицы,
И проводит и встретит
В поле, с поля вас, жницы.

Вышли рано работать,
Гнутся, бедные, в поле,
Только слышно их песню
Горькой доли-недоли.

Жните, жните, голубки,
Свою радость и слезы!
Вам нажать надо много,
Придет зимка, морозы.

К той прижмется братишка,
К той малютка сыночек,
И все хлеба, ой, хлеба
Просят каждый денечек.

Ходят по небу тучи
С непонятной тревогой;
Песня слышится в поле,
Грусти в песне той много.

Кем сосчитаны капли,
Что нам небо послало?
Кто прислушался к песне,
Что в страду прозвучала?!

1911 или 1912

328

Чего плачешь, мужичок?
— От людей и неба.

Чего хочешь, мужичок?
— Трошки соли, хлеба.

Когда счастлив, мужичок?
— Как водки напьюся.

Когда грозен, мужичок?
— Как с женкой деруся.

Чем же сыт ты, мужичок?
— Трудом через силу.

Когда правду ты найдешь?
— Как лягу в могилу.

1911 или 1912

329. НАША ПЕСНЯ

Ты ударь, словно гром, загуди, как набат,
Песня наша, как воля, могучая!
Пусть обидчики в страхе пред нею дрожат,
Пусть раскатится эхо гремучее.

Хоть в тебе горе-грусть от рожденья живет,
Дума-песня, что просто так сложена,
Всё ж ты наша, и недруг тебя не убьет,
В кандалах ты не будешь, хорошая.

388

Как на небе звезда иль как думка души,
Ты в оковах не будешь, раздольная,
Как весной соловей, зазвенишь и в глуши —
Запоешься людьми подневольными.

Пой же ночью и днем, песня вольная, нам,
Пой про жизнь, нашу долю проклятую,
И хоть раз ты сердца обогрей беднякам,
Укажи им, где счастье богатое.

Ты ударь, словно гром, загуди, как набат,
Песня наша, как воля, могучая!
Пусть обидчики в страхе пред нею дрожат,
Пусть раскатится эхо гремучее.

1911 или 1912

330

Подрубайте дуб, что с корня
Сохнуть начинает;
Не любите того сердца,
Что добра не знает.

Птиц пугайте, что на двор ваш
Хищно налетают;
Забывайте песню, что вам
Недруг напевает.

Поливайте и растите
Лес живой, зеленый;
Сердцу доброму несите
Добрые поклоны.

Птиц любите, от которых
Вы обид не знали;
Не чурайтесь родной песни
В счастье и в печали.

1911 или 1912

331. В СТАРОМ БОРУ...

В чашах бора темнотворы
Скачут, плачут, веселятся,
Жнут, собирают диво-жниво
В сонном поле, в горькой доле.

Ночью бродят, днем наводят
Морок дымкий, непроглядный,
Беют, сеют плесень песни
На полатях кволоу хаты.

Как ночницы-чернолицы
Скрипом, шипом веселятся:
«Кинем, плюнем чары-мары
На ковыльные поляны,

Над курганом окаянным
Скруты-путы пораскинем,
Сном-травой поднявшись, глянem
На посадки, на нелады».

С черным богом, за порогом
Встали в славе, как в короне.
И пануют — скачут, плачут
В чашах бора темнотворы.

14 января 1912

332. ТЫ, ЗЕЛЕНАЯ ДУБРАВА...

Ты, зеленая дубрава,
День встречай, расцветай,
Пробудись и доброй славой
Расшумись на весь край.

Расходись весенним шумом
От межи до межи,
Влей надежду вольным думам,
Обо всем расскажи.

Сказки, древние напевы
Разожги, разогрей,
Размети ты вправо, влево
Сухоцвет, суховой.

Молодые заговоры
В ход пусти, сотвори,
Ясным взором доли, горы
Освети, убери.

Разнеси ты весть по свету
Про себя, про посев,
Словно клятвой, вестью этой
До небес прозвенев.

Обнимись с родимой нивой,
К сердцу крепче прижми,
Край забитый, несчастливый
Всколыхни, подыми. . .

15 января 1912

333. ТУСКЛЫЕ БЛЕДНЫЕ ДНИ. . .

Тусклые бледные дни.
Здесь над землю они
Мутной плывут чередой.

Только порой там и тут
Робко огнями блеснут,
Глянут кровавой росой.

Песни раздолья молчат.
Гасят их рабские сны,
Тяжкие, как произвол.

Песни уже не слышны,
И лишь осины скрипят
Над умиранием сел.

Шорох доходит с осин,
Рабству поклоны бил дед,
Гнулся под палками в крюк.

Батька — за дедом, а вслед
Молча плетется и сын.
Ты же пойдешь куда, внук?

12 февраля 1912

334. РУСАЛКА

Веточку дайте, дайте повеситься
Этой русалке, этой девчинке!
Вы ее гнали, вы ее мучили,
Дайте уйти ей в лес по тропинке!

Дайте бедняжке с ветром натешиться
Вольно, привольно в тайной долине;
Дайте, чтоб люди не надокучили,
Броситься с ветки, спрятаться в тине.

В тине, как бледный месяц засветится,
Будет русалка плавать, кружиться;
Там водяной к ней свататься примется,
Выйдет и сядет с ней над криницей.

Выползет леший, братом прикинется
В чаще лохматой, сам весь кудлатый.
Он обрученье даст им, молоденьким,
Свадьбу сыграет ветер крылатый.

Игры начнутся, медом солоденьким
Развеселятся, чары развесят;
Ветер и ночь, русалка с избранником,
Пуща, криница, леший и месяц.

Дивную сказку скажут изгнанникам.
Страх боязливых в оторопь кинет.

Грусть молчаливо там раскудесится,
Песню об этой сложат долине.

.

Веточку дайте, дайте повеситься
Этой русалке, этой девчине! . .

6 марта 1912

335. ТУЧКА И МЕСЯЦ

Над землей, над водой
Месяц плыл молодой
И дивился земле,
Что недвижно во мгле
Спала сном неживым.
Тучка лик бледный свой
Над уснувшей землей
Не спеша подняла,
Разговор повела
Так с соседом своим:

«Друг молоденький мой,
Обнимись-ка со мной,
Поплывем, полетим,
Чтобы было двоим
Вольно, весело нам.
Будем тени бросать,
Серебром повивать,
Над землею бродить,
С ней игру заводить,
Сеять свет тут и там.

Я из капель сплелась,
Из туманов свилась,
Мне, поверь сироте,
В голубой высоте
Страшен солнечный свет.
Ты от доброй души
Милость мне окажи,

Обними, приюти
На небесном пути,
Мой желанный сосед. . .»

Месяц стал веселей,
Подмигнул тихо ей:
«Молодая моя,
Поджидал тебя я
С давних пор в вышине.
Был я здесь одинок,
Как в степи колосок,
Ты же, тучка, мой друг,
Грусть развеяла вдруг,
Подлети же ко мне!

Будем вместе парить,
Грезы светлые вить,
Будут люди вдали
Нам дивиться с земли
Много лет, много зим.
Мы и ночью и днем
То всплывем, то нырнем,
Всё дружней, всё вольней
И свободы своей
Никому не дадим!»

.

Обнялися они,
Как весенние сны,
И гуляют одни
От весны до весны
В небесах высоко.
Тени легкие ткут,
Тихо песню поют:
«Полетим, поплывем,
Чтобы было вдвоем
Нам светло и легко!»

6 марта 1912

336. СЛОЖИВШИ РУКИ...

Сложивши руки накрест,
Стоим, как вежи в поле,
И день за днем всё ждем мы,
Всё ждем мы лучшей доли.

А дни скользят за днями,
Чтоб в вечность затеряться.
Мы ждали, ждем поныне.
Чего ж могли дожидаться? ..

6 марта 1912

337. ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА...

Любимый мой пришел ко мне,
Когда уж скрылось солнце,
И тихо в темной тишине
Он постучал в оконце.

Заныло сердце у меня,
Чуть стук я уловила,
Не стала зажигать огня,
Оделась, дверь открыла.

Навстречу милому во двор
Я вышла из светлицы.
Над нами звездный рдел узор,
Был слышен плеск криницы.

А ветер стан мой обвевал,
Весенней песней веял,
Играя, косу расплетал
И щекотал мне шею.

Мы на завалинке вдвоем
Сидели и смотрели,
Как тени хат ночных кругом
И тут и там чернели.

Меня к груди он прижимал,
Смотрел в глаза порою,
То что-то тихо напевал,
То говорил со мною.

Слеза живая за слезой
Из глаз моих бежала,
В одно сливаясь с той росой,
Что на песке лежала.

А ночь и звезды песнь вели,
В ней гимн любви рождался,
И до рассвета бор вдали
То плакал, то смеялся.

Светлело небо в вышине,
Когда ушел мой милый,
А из-за леса в тишине
Уж солнышко всходило...

8 марта 1912

338. ГРЯНЬ, МУЗЫКАНТ...

Тихо, спокойно, тихо и сыто
В светлых хоромах вам век вековать...
Полны амбары доброго жита;
Кто не захочет здесь жить, пановать?..

Грянь, музыкант, рви сердце о струны...
Не пожалеют оплаты тебе!..
Скрипке велел ты плакать, безумный?
Ты весели их в проклятой гульбе...

Шумно, разгульно... Чем не беседа?!
В чарках кровавое бродит вино...
Кровью гуляли прадеды, деды —
Сыну и внуку подавно дано...

Грянь, музыкант! И врежь им до боли,
Так же, как режет рабов своих кат...

Прочь же сомненье! Золота вволю! ..
Слышишь, о скрипку дукаты звенят?

Ясно, просторно... Блеск бриллиантов...
Чья же мелькнула там тень из дверей? ..
Висельник? Здесь он? Прочь его, франта!
Наши осины! Их трогать не смей!

Грянь, музыкант, чтоб даже в могилах
Зов твой услышали из-под земли,
Чтоб эта скрипка их разбудила,
Чтоб даже кости их в танец пошли.

Что же, танцуйте! .. Пара за парой! ..
Стой! !! Красный отблеск из окон взметен.
Ах! То деревня светит пожаром...
Грянь, похоронного голоса звон! ..

Грянь, музыкант! Им некуда деться! ..
Смолк? Может, голову клонишь ко сну? ..
У музыканта лопнуло сердце...
Эй, ты, другой там! Рви сердцем струну! ..

9 марта 1912

339. ВЫЙДИ...

Выйди, сторонка моя, из недоли,
Не покоряйся ты зимнему сну,
Полно вздыхать и томиться в неволе!
Выйди в луга и в зеленое поле,
Выйди, чтоб встретить весну!

Скинь все лохмотья, что долгие годы
Тело твое истомили в плену,
Выйди на волю из зимней невзгоды,
Крепко сковавшей свободные воды,
Выйди, чтоб встретить весну!

Злобные вьюги, крутятся над полями,
Вырыли яму тебе не одну.

Ночью и днем заметали снегами...
Видишь — снега побежали ручьями?
Выйди, чтоб встретить весну!

Северный ветер свистел над тобою,
Ветви ломал, нагибая сосну,
С запада звери к нам шли чередою
Рвать твою грудь... Ты осталась живою.
Выйди, чтоб встретить весну!

В школе детей лишь неправде учили,
Мучили, гнали к могильному сну,
Все уверяли, что ты уж в могиле.
Только свет солнца измену осилил.
Выйди, чтоб встретить весну!

Ясная сердцем, оденься цветами,
Пташкой свободной порхни в вышину,
Солнцем разлейся, рассыпся звездами,
Славой и песней разлейся над нами,
Выйди, чтоб встретить весну!

Терны взяла ты себе для короны,
Храм твой — лишь небо да нив ширина,
Царство — просторы равнины зеленой,
Слуги — мозолистых рук миллионы...
Выйди, уж близко весна!

10 марта 1912

340. МОЯ МОЛИТВА

Мгновением каждым, минутой люблю,
И в узенькой хатке и в поле широком
Молюся я солнцу великой мольбою
И звездам на небе высоком.

Молюся свободному вихрю — в лазури
Он птицей летает от края до края,
А в высях бескрайних пасет только бури
И счету тем бурям не знает.

Молюся огню я, что сеет пожары
Порою лихою, гуляя по свету,
И ужас наводит великою карой,
Везде ставя грозную мету.

Молюся могучей воде — половодью,
Что днем ясным блещет, а ночью бушует,
Что, всходы в полях орошая, проходит, —
Несу ей молитву большую.

Молюся я небу, земле и простору,
Великой вселенной я всюду молюся,
По всякой причине, во всякую пору —
За нивы родной Беларуси.

1 августа 1912

341. ПОД КРЕСТОМ

Я с думой своей безотрадной,
К кресту припадая, стою,
И вижу простор неоглядный —
Родимую землю свою.

Я вижу такое раздолье
С богатством, с такой красотой!
Хоть раны давнишние болью
Томят, не забыть ни одной.

Плакучие стонут березы,
Роняя на землю листья;
Качаются дикие лозы,
Глухие, сухие кусты.

И чей-то всё голос тревожит:
«Умолкни, колодою будь!»
Душа только верить не может,
Не хочет понять и заснуть.

Усталую грудь мне колышет,
Печалью терзает мой ум

И тысячу в памяти пишет
Безвыходных горестных дум.

Бессильно народ вопрошаю,
Склоняясь к кресту головой:
«За что же от края до края
Лежишь ты могилой живой?»

Иль кони твои притомились,
С плугами тащась бороздой?
Иль косы твои притупились
В лугах, опаленных бедой? . . .»

И я всё живых вопрошаю,
Всё жду, что услышу в ответ. . .
Молчат, как могила немая. . .
Проклятье — ответа всё нет.

18 октября 1912

342. ЖЕЛАНИЕ

Всюду с народом вести разговоры,
Слушать биение сердца его —
Это одна мне в жизни опора,
Больше не надобно мне ничего!

Выдумать ясную песню-отраду,
В каждой избушке с ней вместе гостить —
Только такое мне счастье и надо,
Только тогда я не стану грустить.

Да не погубят обиды живую
Душу народа, что встанет от сна, —
Этой надеждой только живу я,
Только такая мне снится весна.

К ясному солнцу из тьмы беспросветной,
К славе народ за собою вести —
Эту дорогу ищу я на свете
И не желаю другого пути.

Только за счастье родимого края,
Что побеждает в великой борьбе, —
Только такой себе смерти желаю,
Доли такой я желаю себе.

25 октября 1912

343. Я ЛЮБЛЮ

Я люблю наших пашен цветенье,
Наши травы весенней порой,
Ропот бора угрюмый, глухой
И ручья еле слышное пенье...

Я люблю деревушку в лесу,
Век живущую в горькой доле,
Свой народ — цвет, увянувший в поле,
Весь свой край, что я в сердце несусь.

Я люблю взгляд, что смотрит глубоко,
Стан твой гибкий, девчина-краса.
Брежу им и в ночи и средь дня.

Я люблю и зову — издали
Слышат клич мой родные леса,
Клич: кто ж любит, кто любит меня?

1 ноября 1912

344. ДЛЯ ТЕБЯ, ОТЧИЗНА ПРЕДКОВ МОИХ...

Для тебя, отчизна предков моих,
Ничего не пожалею я на свете.
Я на целый мир воспел бы доли эти
И воздвиг дворцы на кладбищах твоих.

Рад бы я тебя душой согреть,
Солнце взять и звезд небесных, золотых
И венок сплести тебе из них,
Чтоб сияла ты в добытом цвете.

За тебя готов погибнуть я в бою
С той неправдою, что терпишь ты от бога
И от сына своего слепого.

За тебя свою я душу погублю
И за это лишь прошу тебя, молю:
Не гони меня от своего порога.

1 ноября 1912

845. КОГДА НАЧНУТ...

Когда начнут сходитьсь тучи
И скроет небо мрак густой,
Тогда всплывают буйны ветры
И мчатся вихрем над землей.

Бор вековой они колышут,
Сухие листья гонят прочь,
И рушат туч косматых горы,
И ясным днем сменяют ночь.

Когда, неправдой угнетенный,
Вдруг пробуждается народ,
Тогда являются пророки,
На всенародный кличут сход.

Растет на сходе недовольство,
Певцов могучий хор поет
И к новой правде, к новым звездам,
На бой с неправдою зовет.

26 ноября 1912

846. НОВЫЙ ГОД

Под звон цепей, со свистом плети,
С грызней и ложью в свой черед,
Всё в той же тьме, на том же свете
За Старым Новый год идет.

Идет. А выродки морочат
Мозги нам ложью, как всегда,

И перемены нам пророчат
На все грядущие года.

Нет счета этим переменам,
Тем на добро, а тем на зло.
Слепым и зрячим непременно
Того не будет, что прошло.

Мольбой, проклятьем — кто как может —
И господа и их рабы
В посулах лезут вон из кожи,
Твердя о милостях судьбы.

А кто в обман ловчее словит,
Мечтой привычную живет:
То на других петлю готовит,
То сам себе веревку вьет.

Тот на продажу выставляет
И совесть, и покой души,
А тот по тем зверям справляет
Молебен черный за гроши.

За лихолетьем лихолетье
Так без конца шло тут и там.
Терпели люди зло на свете,
Терпеть приходится и нам.

Так в дружестве цепей и плети,
С грызней и ложью в свой черед,
Всё в той же тьме, на том же свете
Шел Старый — Новый вслед идет.

24 декабря 1912

347. «ЛИРНИК НАРОДНЫЙ»

Памяти Вл. Сырокомли

Не о шумной-разгульной беседе-веселье,
Не о славе забытого края,
Не о вихрях и бурях, что в мире шумели,
Эту песню сегодня слагаю.

Хочу выпустить думку — она ль не крылата? —
Думку-память, что в душу запала,
О той зорьке, что с доброю верой когда-то
Над землей расцвела и сбежала.

О напевах, что в юной душе моей гений
Вызвал лирой своей благородной,
Чтобы жили хоть сколько-то в мире мгновений,
Как живет вечно Лирник народный.

На холме Гедимины, над Вильной седою,
На старинном погосте угрюмом
Курганок ты увидишь, поросший травой,
Осененный березовым шумом.

Грустно шепчут березы, будь зной или слякоть,
Про того, кто схоронен под ними.
Люди ходят над этой могилой поплакать,
Помолиться словами живыми.

Пятьдесят уже лет этот холмик зеленый
Обновляет весна ежегодно, —
Тут стучали, шептали сердец миллионы:
Дай бог рай тебе, Лирник народный!

На лугу разнотравном, за нищей деревней,
Из-под леса разносится, слушай:
Песня-музыка — нету грустней и напевней, —
Кто-то плачет на дудке пастушьей.

Славно косит косец, звон окрест отдается,
Сам, как колос, качается в поле. . .
Над снопами жнея в три погибели гнется, —
Солнце бабьей дивуется доле.

Пастухи, и косцы все, и жнеи-девчата,
Свесив голову в думке маркотной,
Ту протяжную песню поют, что когда-то
Наиграл для них Лирник народный.

Песне этой знаком и дворец белостенный,
Что в цветущем плюще утопает, —
Как желанную гостью, ее непременно
На почетное место сажают.

И над шляхетским домом, где та же недоля,
Что в крестьянской безрадостной хате,
Эта песня плывет, облегчает все боли, —
Иль не так плачет мать над дитятей?

Материнской заботе волна подпевает,
Вторит ветер могучий, свободный, —
Будто весь белый свет тот напев понимает,
Что сложил чуткий Лирник народный.

А коль ты, бедолага, горюн безземельный,
В город будешь заброшен судьбою, —
То услышишь и там голос тот неподдельный,
Что давно был услышан тобою.

Сирота ли, что ночи проводит без крова
И восход под забором встречает,
Иль несчастный, что гнется от голода злого, —
Ты спроси — они Лирника знают.

Не брильянтовый пух, чуть настанут морозы,
Оседает на камень холодный, —
А правдивые, светлые-светлые слезы,
Те, что выплакал Лирник народный.

Всюду Лирник своей чудодейственной лирой
Думки-чары рассыпал цветами, —
Кто ответит: ушел он из этого мира
Или жить продолжает меж нами?

Час придет, люди сбросят ярмо лихолетья,
Заржавеют замки и оковы, —
Пока ж будет душа хоть одна жить на свете,
Будет жить и утешное слово.

Будешь жить! Будет век проходить за веками —
Не погаснет твой свет благородный!
Как и речь белорусскую, будучи с нами,
Не отбржсил ты, Лирник народный!

1912

348—350. ДЕРЕВНЯ

1

Узкие полоски,
Кочки, мхи сплошные:
В нашей деревушке
Все поля такие.

Курные оконца —
Низкие, слепые:
В нашей деревушке
Хаты все такие.

Лапти да сермяги —
Рваные, худые:
В нашей деревушке
Люди все такие.

Кабаки, остроги
Да кресты гнилые:
В нашей деревушке
Судьбы всех такие.

5 февраля 1909

2

Ой ты, деревня родная моя,
Сколько ты терпишь несчастий,
Бед сколько знает семейка твоя,
Сколько напрасных напастей!

Темные ночи над нами висят,
К счастью скрывают дороги,
Наши труды губят засуха, град,
Хаты стары и убоги.

Труд тяжкий летом, болезни зимой,
Родит могила могилу;
Где б ни прошел по сторонке родной —
Губит бесхлебица силу.

Бьешься ты с кривдою ночью и днем,
Бьешься, на правду надеясь, —
Небо заплачет холодным дождем,
Ветер же вздохи развеет.

Ветер и силу тебе принесет
С песней, могучей, как воля,
Станет, деревня, тогда твой народ:
Дружно бороться с недолей.

1911 или 1912

8

Там за лесом-бором,
Где шумят деревья,
Век живет с недолей,
Как с сестрой, деревня.

Отдыха ей нету,
Нету ей покоя,
Рушит кровли ветер
Непогодой злою.

И хоть неказисто
Смотрят наши хаты,
В гости к нам приходят
Бедный и богатый.

Власти подчистую,
Что могли, забрали.
Что ж деревне делать?
Что деревне дали?

Дали ей ту долю,
Что все проклинаят,
Дали ей ту волю,
Что рабской считают. . .

1911 или 1912

1

Нива несжатая низко склоняется,
 Преет она и дождем поливается,
 Колос согнулся, смешался с землей.
 Сноптики всюду на жнивье валяются,
 Вихрем развеваны, зерна теряются,
 Грустной полоска глядит сиротой.

Нива трудами жила неустанными,
 Много здесь пролито поту крестьянами, —
 Как им спастись от жестокой судьбы?!
 Всё непоголою уничтожается,
 Небо над нищей землею не сжалится,
 Небо не слышит рыданий, мольбы!

Кровью сердца бедняков обливаются,
 Где ж их пропавшее счастье скитается —
 Помощи нет от него никакой.
 Думы тревожат их, думы ненастные:
 Чем бедняки, хлеборобы несчастные,
 Будут кормиться холодной зимой?!

...Белую скатертью снег расстилается,
 С гиком метелица дико взвивается,
 В двери к голодным стучится мороз...
 Где схорониться им, где приютиться им,
 Хлеба кусочком где в стужу разжиться им?
 Боже! А сколько здесь, сколько здесь слез!..

1911 или 1912

2

Ты зачем, непогода постылая,
 Опустилась на землю опять?
 Что взрастила нам нива убогая,
 И того нам теперь не собрать.

Никнут травы, пожухли от сырости,
В копнах сено сырое гниет,
Рожь несжатая низко сгибается,
Только глянешь — слеза прошибет. . .

Но тебе, видно, горя крестьянского
Не понять, непогода, никак,
Не понять, как с женой, с ребятишками
Проведет эту зиму бедняк.

Что же делать ему, горемычному,
Когда снег на поля упадет,
Как семью он прокормит голодную,
Где хоть горстку мякины найдет?

Будут плакать ребята голодные,
А в хлеву — коровенка мычать,
Будет сам он стонать, а метелица
Будет выть, будет всем подпевать.

(3 августа 1907)

353—359. ИЗ ПЕСЕН БЕЗЗЕМЕЛЬНОГО

1

Эти загоны,
Садик и хатка,
Луг тот зеленый —
Всё без остатка
Не наше, братка.

Пашем мы поле
Чисто и гладко,
Сами ж в неволе,
Жить нам не сладко —
Нищи мы, братка.

Потом политы
Нива и грядка.
Луг наш и жито —

Всё без остатка
Панское, братка.

Пусть мы без хлеба,
Но есть догадка:
Под этим небом
И мы достатка
Дождемся, братка!

Нужда промчится
С ее повадкой,
Дадут землю,
И хлеб, и хатку
В могиле, братка!

(20 июля 1907)

8

Как от горя, от напасти
Я пошел,
Ни пристанища, ни счастья
Не нашел.

Светят звезды, светят ясно
Много лет.
Лишь моя звезда погасла —
Нет и нет.

К тем и к этим — поздно ль, рано ль —
Я спешу.
Кулаку, попу и пану —
Всем служу.

И пашу и бороню
Землю я.
А на прибыль погляжу я —
Не моя.

Вот пастух скотину гонит
И поет:
«Где ж мои коровы, кони,
Где мой скот?»

То ль он тучей ходит в небе?
То ль в воде?
Где б я ни жил, где б я ни был,
Нет нигде.

Всё за хлеб за этот черный
Ты отдай —
Силу, думы, — будь покорный,
Ожидай.

Словно рыба в сетке, бейся
Каждый год.
На удачу ж не надейся —
Не придет.

Стонет ветер-непогода,
Лес клоня,
Будто просит он кого-то
За меня.

Тучи ходят чередою
Над землей,
Плачут, плачут надо мною,
Сиротой...»

(20 ноября 1908)

8

Ой ты, счастье, ой ты, доля,
Где ж вы, где вы?
Нету хаты, нету поля,
Нет посева.

По чужим углам скитайся,
Спи под небом,
И говей и разговляйся —
Всё без хлеба.

Каждый день встречай слезою
Да заботой,
Надрывайся над чужою
Над работой.

Всюду горе, всюду муки
Ходят следом.
Ту же лямку тянут внуки,
Что и деды.

Жизнь постыла, жизнь уныла
Да без воли.
Хоть живым ложись в могилу
От недоли.

Выйду я к лесам зеленым
Радость кликать,
Расскажу, как тяжело нам,
Горемыкам.

Нету хаты, нету поля,
Нет посева.
Ой ты, счастье, ой ты, доля,
Где вы, где вы?

(14 марта 1908)

4

Тает снег. Чернеют
Земляные глыбы. . .
Гайда, безземельный,
Поищи селибы!

Много хат на свете
И земли немало.
Только безземельных
Радость миновала.

Вот найдут полоску —
Засевать бы надо. . .
Глядь, погнали дальше —
Не дают пощады!

Ходит безземельный,
Стонет и вздыхает,
Солнце жжет беднягу,
Дождик поливает;

Ветер гнет, как травку,
Травку луговую,
И заводит песню
Грустную такую...

Не вздыхай, приятель!
Счастье ты добудешь:
Ровней всем — и бедным
И богатым — будешь.

Для тебя сколотят
Люди домовину,
Отведут участок
Ровно в три аршина.

И лежать ты будешь
Днями и ночами,
Позабыв тревоги,
Позабыв печали.

А пока... Чернеют
В вешнем поле глыбы.
Гайда ж, безземельный,
Поищи селибы!

17 марта 1909

5

Ты лети, звени, мой голос,
Песней неизменной
О той доле, о недоле,
Доле безземельной.

Полюбуйтесь, поглядите:
Я живу вельможей.
Ничего в моем хозяйстве
Вор украсть не может.

Мое поле, мои нивы —
Облака седые,
Мое стадо, мои кони —
Тучи вороны.

Ветер пашню мою пашет,
И пасет скотину,
Песни длинные слагает
Про мою судьбину.

Мой дворец — вот это небо,
Голубые своды.
Светит солнце в нем, и звезды
Водят хороводы.

И никто моих владений
Отобрать не сможет,
Податей за это поле
Никто не наложит.

Ой ты, поле голубое,
Высокая нива!..
А когда ж от вас, скажите,
Я дождуся жнива?

Мчатся думы горькой песней,
Песней неизменной
О той доле, о недоле,
Доле безземельной.

1911 или 1912

6

Ой, скажи мне, безземельный,
Ответь мне:
Ты откуда появился
На свете?

Иль тебя зимой морозы
Ковали?
Иль тебя из слез горючих
Отливали?

Где ты вырос? Где, бедняга,
Скитался?
Под какой такую крышей
Скрывался?

То ль сидел ты под забором
Богатых?
То ль стоял в селе знакомом
У хаты?

Кто тебя, младенца, кутал
В пеленки?
Кто певал над колыбелью
В потемках?

То ли ветер, что ночами
Рыдает,
Что с бедняцких крыш солому
Срывает?

Где тебя, в какой купели
Крестили?
Чем тебя на свете люди
Кормили?

То ли потом, что катился
Рекою?
То ли кривдой да обидой
Людскою?

Кто учил тебя подростком
Скитаться,
Чтоб искать на свете доли,
Богатства?

То ль ручьи, что землю роют
Весною,
Иль метелицы, что воют
Зимою?

И какой ты ждал удачи
Да блага,
Как на белый свет родился,
Бедняга?

То ль корчмы вот этой пьяной,
Шумливой?
То ль тюрьмы сырой и темной,
Тоскливой?

А как смерть тебя в могилу
Погонит,
На каком тогда погосте
Похоронят?

То ль в чужом краю далеком,
В неволе?
То ль вблизи лесов родимых,
Средь поля?

И куда же ты будешь
Скитаться,
Без приюта, где попало,
Валяться?

Каждый день бедняга солнца
Ожидает,
А роса ночная очи
Выедает.

1911 или 1912

7

Где мой дом, где ты, хата моя?
Где загон хлебородной земли?
Ой, беда! Ни путей, ни жилья!
Знай горюй да могилку хвали.

День и ночь надо мной, сиротой,
Тучи стелются в темном краю.
Днем и ночью кровавой слезой
Орошаю я стезжку свою.

Год за годом на запад, восток
Гонит в свет нас лихая нужда,

Словно буря осенний листок
Понесла неизвестно куда.

Знай несет всё вперед и вперед...
Принесет и забросит в тупик,
Вот и звон... Кто-то в колокол бьет...
Вот и гроб... И у гроба — старик.

Жил иль нет, счастье знал иль не знал —
Отнесли бедняка на погост.
Дайте ж камень на грудь, чтоб не встал,
Чтоб не знал он ни горя, ни слез!

1911 или 1912

360—361. З И М А

1

К нам с морозом и с метелицей
Выслал сивер зиму строгую;
Люди песнями не тешатся,
В хаты прячутся с тревогою.

Всё застыло под покровами
Снега белого, холодного;
Нестерпимы дни суровые
Для несчастного, голодного!

Плачь не плачь слезою горькою —
До весны придется мучиться:
Вспыхнет доля новой зорькою,
Новой песнею озвучится.

Сердце тешь надеждой ясною,
Что весна к нам в гости явится,
Смолкнут жалобы напрасные,
Ни слезинки не останется.

1911

Белы крыши, бело поле,
Смокло птичье щебетанье.
Гайда, Янка! Вот раздолье,
Брось колеса — сядем в сани!

Заплясал мороз по стенам,
Ветер в печке воет звонко;
В хате дров нет ни полена,
Хлеба просят дети, женка...

Не страшись недоли хмурой:
Дров немало в город сбудешь;
Пусть же дрогнет лес понурый —
Хлеба топором добудешь.

Гайда, запрягай живее!
Что трясешься, как ледащий?
Наточи топор острее,
Стук пускай раздастся в чаще!..

Ты и конь — вы оба худы, —
Сколько дров-то! Глянуть мило!
Доказали-таки чудо:
Конь, мужик на свете — сила!

1908

362—369. О МУЖИЦКОЙ ДОЛЕ

г

Дайте скрипку мне мою!
Подходи, народ:
Я сыграю, я спою,
Как мужик живет.

Погляди, стоит село —
Нет его бедней.
Словно ветром унесло
Счастье от людей.

Смотришь, будто человек
Молод по годам.
Слезы ж брызжут из-под век,
Гнет его нужда.

Силы нету — и не жди:
Сгибла ни за грош.
Боль в спине, и боль в груди,
И в коленях дрожь.

И зимою и весной
Жизнь его горька.
Спит, как видно, вечным сном
Доля бедняка.

Кто же, кто за тяжкий труд
Наградит его?
Голый камень там и тут,
Больше ничего.

Жадно пьет крестьянский пот
Мачеха-земля,
А в отплату — недород,
Тощие поля.

И зимой бедняк с семьей
Волком заведет,
Зубы с голоду весной
На полку кладет.

Так идет за годом год,
Жизнь пройдет — и стоп!
Мор Микиту изведет
И уложит в гроб.

1911 или 1912

2

В нашей жизни счастья мало,
Горе бродит там и тут.
Грош найдешь, а два — пропало,
Кровь да слезы век текут.

Нет сапог — так лапти носишь,
Доставало б только лык.
Заработаешь, попросишь —
Вот уже и сыт мужик.

Я свою сгибаю спину
Перед тем, кто пьет мой пот.
Скажешь правду — как скотину,
Обругают на весь род.

Я трудился век свой целый,
Каждый день — в мороз и в зной.
Только, что бы я ни делал,
Бедность всюду шла за мной.

Я родился в злой невзгоде,
Я нагим и босым рос.
Старым стал, мой век проходит, —
Всё же я и гол и бос.

Скоро в новое жилище
Смерть погонит бедняка...
Кто не видел на кладбище
Ту могилу мужика?

Крест еловый, крест унылый
Наклонился, мхом оброс.
Низкий холмик над могилой
Дождевой ручей разнес.

Шум крапивы да полыни
Вместо роз и георгин.
Под крапивой в домовине
Я лежу — крестьянский сын.

Я лежу одетый, сытый;
Жил землей и сплю в земле.
Отдыхаю, позабытый
Даже в собственной семье.

Ветер осенью дождливой,
Вьюга зимнею порой

Бродят с песнею тоскливой,
Словно плачут надо мной.

Воет вьюга, стонет ветер,
Людам жалуясь в тоске, —
Может, кто-нибудь на свете
И вздохнет о мужике.

1911 или 1912

8

Сгибаясь, будто крюк,
Поля пахал Павлюк
С рассвета до заката,
Но только каждый год
Весь Павлюков доход
Всё исчезал куда-то.

Как кровь ушла из жил,
Пахать не стало сил,
Конец нужде и муке!
С косою смерть пришла,
Приказ свой отдала:
Пора сложить, мол, руки.

В могилу лег Павлюк,
Не гнет он спину в крюк,
Как вол, не пашет боле,
Он помер и не знал,
Что целый век пахал
Чужим чужое поле.

6 марта 1912

4

За сохой, бороной,
За серпом, за косой,
Что ни день, что ни год,
Плачет бедный народ.
Что же он получил,
Выбиваясь из сил?

Гей, го-го! Гей, го-го!
Мы живем и поем:
Хлеб другие едят,
Мы мякину жуем!..

С топором и пилой
Злой, холодной зимой,
Что ни день, что ни год,
Сосны валит народ.
Что же он раздобыл,
Выбиваясь из сил?
Гей, го-го! Гей, го-го!
Мы живем и поем:
Согреваем других,
Сами холод клянем!

На дворец на большой
На спине на худой,
Что ни день, что ни год,
Бревна тащит народ.
Что же он раздобыл,
Выбиваясь из сил?
Гей, го-го! Гей, го-го!
Мы живем и поем:
Людям строим дома,
Сами мрем под углом!

(9 мая 1908)

5

Как за хату выйду
Я на луг на свой,
Что ж косить я стану,
Боже дорогой?
Ой люли, люли,
Что же мне косить?

Луг такой — ни дать ни взять,
Стыдно людям показать:
Там осока, кочки здесь —
Вот и всё добро, что есть.

Как за хату выйду,
В поле погляжу,
Что же жать я стану,
Что на ток сложу?
 Ой люли, люли,
 Что на ток сложу?

Хлеб такой — ни дать ни взять,
Стыдно людям показать:
Васильки, костерь, осот —
Вот и весь доход-приход!

Как за хату выйду
В лес, в дремучий бор,
Что, скажите, будет
Мой рубить топор?
 Ой люли, люли,
 Что срублю в лесу?

Я срублю — ни дать ни взять,
Стыдно людям показать:
Хлам, кустарник, пни, гнилье —
Это, значит, всё мое!

Как за хату выйду,
Вдаль большак идет.
А куда ж, куда же
Он меня ведет?
 Ой люли, люли,
 Куда ж заведет?

Он ведет — ни дать ни взять,
Стыдно людям показать:
На погост, в кабак, в тюрьму —
Вот и всё. Конец всему.

(15 августа 1908)

6

Эй ты, друг! Что ж ты вдруг,
Сын нужды проклятой,
Лезешь, прешь, как слепой,
В панские палаты?

Кто ты: сват иль камрад,
Братец иль сестричка?
Иль прельстилась тобой
Панна-белоличка?

Иль тебе, голытьбе,
Всеми позабытой,
Веселей и вольней
Средь панов, средь сытых?

Или нас в этот час
Там за стол сажают
И вином дорогим
Поят, угощают?

Эх, Артем! Панский дом —
Не твои гнилушки.
Не твои в нем друзья,
Не твои подружки.

Ты стоишь и дрожишь
С шапкой на пороге,
Как с обозом зимой
На глухой дороге.

Ты нагнись, поклонись,
Смирным будь и кротким:
Тебе пан поднесет,
Может, чарку водки.

Надо пить, закусить —
Ведь на то объедки!
Приложиться к руке
За прием за редкий.

Вот и панна идет
По своим палатам.
Не гляди — у нее
Есть паныч богатый.

Медлить брось: ты ведь гость, —
К дому отправляйся.
Своре псов на дворе
Ты не попадайся.

По тропе да к избе
Ты пришел, забытый,
Со слезой на глазах,
Ни пьяный, ни сытый.

Знать, не так ты, бедняк,
Думал разгоститься:
За столом с богачом
Думал веселиться...

Что ж тужить? Надо жить,
Надо делать что-то,
Нам паны — не друзья,
Знай свои ворота!

Темноте, бедноте
Дворцы не сияют.
Наши слезы, нужду
В них не понимают.

Верь не верь, мерь не мерь —
Горю не поможешь:
Где ты жил, где ты рос —
Там и руки сложишь.

1911 или 1912

7

Вот моя полоска
Шириной в шнурок.
Как пустыня, жестка —
Камни да песок.

Ржи — считай, что нету,
Вымерзла зимой,

Яровое летом
Всё испортил зной.

Бульба — как орехи.
Словно гвоздь — бурак.
Вот и все успехи,
Горький я бедняк!

С этой самой нивы
И налог плати,
Будь и сам счастливым,
Не пей, не кради!

Будь доволен небом,
Господа хвали,
Не бунтуй, не требуй
Для крестьян земли.

(31 августа 1907)

8

Что нам хлеб, зачем он в хате,
Если нам мякины хватит?
Что ботинки, черевики,
Если есть лоза и лыки?
Для чего земли мы жаждем?
Как умрем, получим сажень.
Для чего нам строить хаты?
Царь с казной и так богаты.
Что нам свет наук прекрасных,
Если слезы светят ясно?
Что лекарства, что больница,
Раз казенка не скупится?
Что нам знать всего помногу?
Мы и так придем к острогу.

(28 сентября 1907)

1

На закате, на заре ли,
Ой, гаю, ой, гаю,
На волшебной на свирели
Думу заиграю.

Заиграю, разузнаю,
Почему такое:
Плачут песни и терзают
Сердце молодое?

Или мать со мною, малым,
Не видала муки?
Или мало мать вздыхала
В горький час разлуки?

Иль совсем не знал я доли?
Иль мне, сиротине,
Не хватало воли в поле
При чужой скотине?

Или, может, сил мне, боже,
В поле не хватало,
Где с сохой и с косою
Воевал, бывало?

Потому ли плачут песни,
Что живешь на свете,
А умрешь — и прах безвестный
Раскидает ветер?

Раскидает, разбросает
Яростно и дико
На просторах, на которых
Жил ты, горемыка?

Эх, свирель, скажи, родная,
Почему такое:
Плачут песни и терзают
Сердце молодое?

1911 или 1912

•

Нет, не в пуще я слагаю
Песни-сказки о Дунае,
Там, где сосны, там, где ели, —
А под этой грушей милой
Над отцовскою могилой
Я играю на свирели.

Я не колокол стозвонный,
Что, будя народ согбенный,
Дни считает и недели, —
Нет, о счастье погребенном
Только сердце бьется звоном, —
Я играю на свирели.

Я не ветер, что на воле
Песнь поет о славной доле,
Я в тенетах с колыбели,
Только сердце к счастью рвется
И с тоской-кручиной бьется, —
Я играю на свирели.

Нет, не гусли-самогуды,
Каждый звук которых — чудо, —
Струны сердца зазвенели:
Я ищу над бедной нивой
Огонек звезды счастливой, —
Я играю на свирели.

Я не гром, что твердь колышет
И законы людям пишет, —
Нет, тихонько, еле-еле,
В хате, в поле, — где придется, —
Только сердце громом бьется, —
Я играю на свирели.

Я играю, ожидаю:
Встанет солнце над Дунаем,
Встанет вал в морской купели, —
И тогда я гимн веселый
Нашим нивам, нашим селам
Заиграю на свирели!

(22 марта 1912)

872

Снилось девчине
Цветущее поле,
А на деле вышло —
Бурьяну раздолье.

Снилось девчине
Богатство и воля,
А на деле вышло —
Батрацкая доля.

Жить до смерти дома
Снилось девчине,
А на деле вышло —
Сгинуть на чужбине.

Февраль 1913

873. «БРАТЕЦ И СЕСТРИЦА»

(Из народных мотивов)

Ой, в лугу, лугу зеленом,
Возле быстрой речки,
Пела девушка-пастушка
И паслись овечки.

Золотое солнце с неба
Грело, в сон тянуло,
На траву легла пастушка,
Легла и заснула.

Ехал той порой солдатик,
Да и заблудился,
Он к молоденькой пастушке
С седла наклонился.

«Встань, голубка, мое сердце,
Говорю по чести, —
Ставь-ка лучше ногу в стремя,
Да поедem вместе!»

Быстро девушка вставала,
Ножку в стремя клала,
В край далекий отъезжала
С молодцем удалым.

Вот уж поле, вот другое,
Въехали на третье,
Под дубок они присели,
Под густые ветви.

Тут прижался к ней солдатик,
Девушку милует,
И глаза ее и губы
Крепко он целует.

И, ласкаячи, сказал он
Ей слова такие:
«Ты откуда будешь родом,
Кто твои родные?»

И ответила пастушка,
Наклонившись низко:
«Старшины я дочка буду
Из деревни близкой».

Помрачнели ясны очи
Хлопца молодого:
Он от девушки ответа
И не ждал такого.

И тогда в ответ солдатик
Говорит ей тоже,
Что из той же он деревни,
Сын отца того же.

Заслонили тучи небо
Черными крылами,
Налетела ливень-буря
С молнией, с громами.

И ударило грозою
В оба сердца сразу
Тех двоих, чей мыслью грешной
Омрачился разум.

Под тем дубом их обоих
Схоронили люди,
Холм насыпали песчаный
На глаза и груди.

На холме взошли цветочки,
Только снег растаял,
Рядом с желтеньким цветочком
Синий расцветает.

Кто в могиле спит, успело
Всё людьми забыться.
А цветочек окрестили
«Братцем и сестрицей».

23 мая 1913

874. ВСЮДУ ЛЕТО...

Всюду лето, лето,
Поле в солнце тонет.
Тихие колосья
Ветер книзу клонит.

Покажися, выйди,
Как заря выходит,
Смело закрасуйся,
Да при всем народе.

Ты возьми у солнца
Золотые нитки,
Солнечное платье
Поскорее вытки.

Из цветочков синих,
Из травы зеленой
Ты сплети веночек,
Ты сплети корону.

Пусть, как бриллианты,
На твоём уборе
Засверкают росы
В утренние зори.

Засверкай, зардейся
В славе, в силе, в ласке,
Словно королева
Из чудесной сказки.

Покажися свету,
Свету да народу,
Сторона родная,
Как заря с восхода!

19 июня 1913

875. НЕ ИЩИ...

Не ищи ты счастья-доли
На чужом далеком поле,
Ни за шумными лесами,
Ни за синими морями
Не ищи ты счастья-доли!

Ты найдешь всё это рядом,
Там, где мать протяжным ладом
Тихо песню напевала,

Колыбель твою качала, —
Лишь умей искать ты рядом!

Не ищи друзей сердечных
Меж людей чужих, беспечных,
Ни в палатах меж панами,
Ни за легкими трудами, —
Там их нет, друзей сердечных!

Ты найдешь их тут же рядом,
Возле хаты, за оградой,
Где гонял ты стадо в поле,
Где косою махал на воле, —
Лишь умей найти их рядом!

Не ищи, мой брат, с ветрами
Мать-отчизну за горами,
Ни на суше, ни на море, —
Ни в счастливый час, ни в горе
Не найдешь ее с ветрами!

Ты ее отыщешь рядом,
Лишь умей искать, как надо,
Только в сердце глянь свое ты,
В душу загляни с охотой —
И найдешь отчизну рядом!

21 июня 1913

376. ВЕСНОЙ

Время наступило
Света и весны,
И земля забыла
Зимней стужи сны.

Сердце счастьем бьется,
Кровь кипит огнем,
Песня раздается, —
Больше не заснем.

Колокольным звоном
Песня мчится ввысь,
Сердцем обновленным
Каждый славит жизнь.

Голоса народов —
Словно пуши шум.
Сколько в нем свободы,
Сколько светлых дум!

Сгинул сон постылый,
Где ни поглядишь. . .
Что ж ты, край мой милый,
Как убитый спишь?

21 июня 1913

877. ПЕСНЯ

(Из народных мотивов)

Ах, откуда весть такая,
Что невестка молодая
Вдруг от мужа отеклася
И чужому продалася,
Как пошел муж на войну
В чужедальнюю сторону?

Нет милее молодого,
В целом свете нет такого,
С ним в саду она гуляла,
Звезды ясные встречала,
Но не видела такой,
Чтоб светила ей одной.

А свекровь уж сыну пишет,
Что жена его колышет
На руках дитя родное,
Не его оно — чужое. . .
Приезжай скорей, сынок,
Бери женку под замок.

Понапрасну мать горюет,
Не горюй — беда минует:
Из далекой из сторонки
Твой сынок вернется к женке,
Будет он ее судить,
Как с другими в сад ходить.

Получил письмо сыночек,
Стал лицом темнее ночи;
Коня быстрого седлает,
В путь-дорогу поспешает,
Чтоб домой, к семье своей,
Воротиться поскорей.

Как домой он воротился,
Никому не поклонился.
Лишь увидел он, как женка
Горько плачет над ребенком, —
Острый меч он доставал,
С плеч ей голову снимал.

А как с матерью встречался,
Не взглянул, не попрощался,
Не молился спасу-богу,
Вновь коня седлал в дорогу, —
С буйным ветром ехал жить,
Свою голову сложить.

2 июля 1913

378. БУДЬ СМЕЛЫМ!..

Будь смелым!.. Недоли ярмо разбивай!
Вперед выходи и других подымай!

Будь смелым! Словам не вверяйся пустым!
Верь только отваге да силам своим!

Будь смелым, хотя бы в цепях у врагов, —
И цепь не страшна для отважных бойцов!

Будь смелым, как ветер, как воля сама.
Знай, смелых не тронет ни кривда, ни тьма.

Будь смелым, как буря, что скалы крушит!
Будь смелым — и правда твоя победит!

3 июля 1913

379. НАУКА

Знаем мы науку,
Знаем много лет,
Дарит ею внука
По наследству дед. . .

Рано — на работу,
Поздно — на покой,
До седьмого поту
Биться день-деньской.

Быть с достатком в ссоре,
С долей — не в ладу,
Сеять зерна — горе,
Жниво жать — беду.

Обивать пороги
Сытых богачей,
Падать низко в ноги
Злых, пустых людей.

Бесприютным в поле
Призраком бродить
И по чьей-то воле
Себе петлю вить.

Душу ложью мучить,
Что внушает тот,
Кто в нее нас учит
Верить круглый год.

Быть в родимой хате
Вечно чужаком,

Вымещать на брате
Горе кулаком.

Коль беда случится,
Подружить с корчмой,
В горький час сродниться
С крепкою тюрьмой.

С божьего веленья
Рано умирать
И за все мученья
В пекле муки ждать.

Всю эту науку
Много-много лет
По наследству внуку
Завещает дед.

4 июля 1913

380. ЛЕТОМ

Выйду, сяду возле сада
И в затишье, в стороне,
Удивляться буду чуду,
Что явилось нынче мне.

А по свету ходит лето,
Льется песня бытия,
В блеске солнца небу, хлебу
Шлет привет сама земля.

Дышит поле долей, волей,
И звенят в нем колоски,
Луг пестреет, зеленеет,
Там летают мотыльки.

Речка вьется, и смеется,
И сверкает в лозняках,
Ходит гладью зыбкой рыбка
И скользит на плавниках.

Лес извечный, бесконечный
Думу думает свою,
Кружат птички-невелички,
Песни звонкие поют.

Солнце сеет, не жалеет
С неба свет свой золотой,
Освещает доли, горы,
В сердце шлет огонь живой.

Так по свету ходит лето,
Песней радостной звеня. . .
Почему ж так стало мало
В нем отрады для меня?

4 июля 1913

381. ИЗ ВЕЧЕРНИХ ДУМ

Лишь погаснет закат, в травы росы падут,
Крылья ночи накроют поля Беларуси,
Кто-то шепчет: «Иди!» За село я иду,
И на взгорье под крест наклоненный сажусь я.

Очарованный этой глухой тишиной,
Я услышу, как шепчутся доли и горы,
И грустят, и печалются вместе со мной
Чьи-то очи, в вечерние глядя просторы.

Миллионами звезд без конца, без границы
Высь мерцает, как будто зерном золотым;
Над землей расплываются дум вереницы
И тревожат меня беспокойством своим.

Славит небо и землю душа молодая,
Песню-думу я краю родному пою;
Древним былям и шорохам тайным внимая,
Ночь как будто читает мне книгу свою

О живой, ненаглядной земной красоте
И о солнце, что долю голубит людскую,
И о самой на свете заветной мечте
Слышу — голос пророчит, и в мыслях ликую.

Видел я, как загон наш колосьями спел
И как радостно сеятель с солнцем сдружился,
Песню также и далям, и небу я пел,
А когда? . . . Знать, тогда, как еще не родился.

6 июля 1913

382. ЗДЕШНИЙ

Чужим умом я не умею жить,
Я обо всем сужу умом своим;
Люблю дрова рубить, пахать, косить
И сеять, что — себе, а что — другим.

Я не чиновник, я не граф, не князь,
А также я не турок и не грек,
И даже не поляк и не москаль,
А попросту я — здешний человек!

Я в вере тверд: здоров я или квёл,
Исправно в церковь и в костел хожу.
Кричат мне в церкви: не ходи в костел,
Кричат в костеле: в церковь не ходи.

А если кто спросил бы, чтоб узнать,
Какой я веры — тотчас бы я рек:
Я здешней веры, чтобы не солгать,
И сам я тоже здешний человек!

Меня бог не обидел языком
(Язык у женки — как коловорот),
От прадедов такая сила в нем,
С ним узнаёт меня чужой народ.

А вот какой я речью говорю,
И знахарь не ответил бы вовек. . .
Ну что? Скажу я: здешняя она,
Как сам я — тоже здешний человек!

От прадедов и родину я взял —
Великая, богатая она!
Никто ее глазами не обнял,
Как бог один, так мне она — одна.

А как зовется край родимый мой,
Забыл, — злой доли не избег.
Чужой он стал, иль, может, здешний он?
Я ж — сын его, я — здешний человек!

Вот так я и живу и не живу,
Смотрю и всё не верю я глазам,
И слышу я — не слушаю молву,
И что я знаю — я не знаю сам.

Я делаю, что надо, а что нет,
И так и этак тянется мой век.
Когда умру, то буду спать, как пан,
И знать во сне — я здешний человек!

6 июля 1913

883. РЕЧКА УБЕГАЕТ...

Речка убегает,
Катится далёко,
А над ней горюет
Верба одиноко:

«Ой, течешь ты, речка,
Бурно и просторно,
Мне же не расстаться
Век с землею черной!»

Речка отвечает:
«Хоть плещу волною,
Только берега мне
Не дают покоя».

Жалуется верба
Ветру на недолю:
«Ты — свободный ветер,
Я — живу в неволе».

Прошумел ей ветер:
«Хоть гуляю вольно,
Но глаза всё время
Лес мне колет больно».

Верба человеку
Говорит, рыдая:
«Ты живешь как хочешь,
А я пропадаю».

Человек на это
Вербе отозвался:
«Ты хоть можешь плакать,
Я ж — отгоревался».

Ты хоть оживляешь
Облик свой весною,
Я же — сплю глубоко
Летом и зимою».

19 июля 1913

384. СТОНОГОЕ ЛИХО

Стоногое Лихо-Недоля
Блуждает от поля до поля;
Глаза — как у мыши летучей,
А руки — кривые, как сучья.

Где ступит — там кровь выступает,
Где глянет — там кривда слепая
Качает народ, как колосья,
Объятьями смертными косит.

Порядки свои утверждает,
Конца и начала не знает,
Не знает ни мер, ни границы,
Ни кос, ни секир не боится.

Так бродит от поля до поля
Стоногое Лихо-Недоля;
Над ним бог всевышний с громами
На страже, повитый ветрами.

20 июля 1913

385. ТОЛЬКО С ПЕСНЕЙ...

Только с песней я счастлив бываю
И, как жизнь, ее в сердце несу,
Только песню творя, постигаю
Всю великую мира красу.

Средь светил без конца и без края
Во вселенной витает мой дух;
Как во сне все миры озирая,
Я всю жизнь обнимаю вокруг.

И над душами тех, что забыли
Свое счастье средь бед и тревог,
Небывалые, светлые были
В этот миг сотворить бы я мог.

Я бы стрелы метал с небосвода,
Те, что в тучах бушуют огнем,
Дух усталый родного народа
Пробуждал, потрясал бы, как гром.

Млечный Путь я бы сбросил без страха
К нам на землю с небесных дорог,
Чтоб он светлым, серебряным шляхом
Через нивы родные пролег.

Солнце факелом взяв себе в руки,
Озарил бы я сумрачный дол,
И Путем бы я Млечным без муки
Человечество к счастью повел.

В песне дух молодеет высокий,
Только в песне живу и дышу,
Хоть и кровью своей эти строки,
Кровью сердца горячей пишу.

20 июля 1913

386. А ТЫ, СИРОТИНА...

А ты, сиротина, живи,
Как лист под осенним небом:
Ни счастья к себе не зови,
Ни места под солнцем не требуй.

И ношу недоли своей
Неси меж курганов могильных,
Не зная дорог и путей, —
Забывтый, забитый, бессильный.

Как тень из могилы, бреди,
Шагай, человек горемычный!
Ни доброго слова не жди,
Ни солнечной ласки девичьей.

Живи да мечтай о весне,
Да думай одно, сиротина:
Никто не вздохнет в тишине
Над тесной твоей домовиной.

6 ноября 1913

387. ПЕСНЯ

(Из народных мотивов)

Коль была б я перепелкой,
Волю б я имела,
Где б хотела, там летела,
Дома б не сидела.

То ль за ягодою сладкой —
В рощу, за усадьбы;
То ль в лесу густом и темном
Мне орехи рвать бы.

То ль в луга б ушла, где речка
Быстрая синееет,
За калиною за красной,
Что на солнце зреет...

Ой, не быть мне перепелкой,
Крыльев не иметь мне,
Ни до рощи, ни до леса,
Ой, не долететь мне!

Нет в лугах зеленых ягод
Горше, чем калина;
Нет судьбины тяжелее,
Чем моя судьбина.

Как я выйду, молодая,
За ворота в поле,
Слезы сами набегают
От тоски-недоли.

Ой, они ручьями льются,
Горестные слезы,
Словно росы летней ночью
С молодой березы.

Плачут очи век от века
И в избе и в поле —
Не о добром человеке,
А о вольной воле.

1913

388. ДЕПУТАТЫ И ГРАЖДАНЕ

Сели в думу думать думы
Наши депутаты
И, как шершни, меж собою
Начали дебаты.

Тот кричит: «Нужны законы
Нового порядка!..»
А другой кричит: «Не надо!
Всё в России гладко!..»

Кто здесь правый, кто неправый —
Нету в том загадок,
Лишь одно для граждан ясно,
Что молчать им надо. . .

1913

389. ПЧЕЛЫ И ТРУТНИ

Мужичку внушать однажды
Вздумал некто в черном:
Нужно, дескать, быть усердным,
Благостным, покорным.

«Вот и пчелки, — говорил он, —
Отдыха не знают,
Но зато, глядишь, и трутни
Тот медок вкушают!»

Мужичок молчал, крепился,
Да не стало мочи:
«Ну, а кто пчела, кто трутень —
Я ли, ты ли, отче?!»

1913

390. КУДА НИ КИНЬ — ВСЁ КЛИН!

«Ну и как тебе на службе:
Чай, работы много?» —
Спрашивал сосед соседа,
Янку Концевого.

«Не дай бог трудиться в людях,
Да с такой запаркой.
День и ночь, как лунь, толкусь я,
Словно в пекле Марко».

Но сосед о том степенно,
Поучая, судит:
«Хоть здесь трудно жить, зато ведь
В небе лучше будет».

Своему соседу Янка
Знает, что ответить:
«Мне на небе выйдут боком
Обещанья эти!

Чуть очнулся — на работу,
Что земной почище:
То седлай коня Егорью,
Чисти голенища.

То вставай чуть свет и солнце
Запали без треска,
Вытри пыль со звезд, а месяц
Выбели до блеска.

Заведи машину с ветром,
Дождевые сита,
Натолки и града в ступке
Целое корыто.

„Ну, толкай покрепче тучи!
Гром-то дел куда ты?
Молнией хлещи из пушки
Метче, хлоп проклятый!

Где ты, Янка? Ну-ка, Янка!“
Хоть бы в пекло, что ли!
От святых, от их придинок
Сгинешь поневоле!»

1913

391. В СЕРДЦЕ ПЛАМЕНЬ НЕ ПОГАС

Долго жили мы во мгле —
Век от века, год от года;
Знали на родной земле
Лишь глумленья да невзгоды.

Кто работал, а кто спал,
Кто лил слезы, кто смеялся.
Но народ наш не пропал —
Сильным был он и остался.

Пусть же буря крыши рвет,
Нас надежда не покинет:
Наша правда не умрет,
Царство ночи, верим, сгинет.

Хоть и труден путь отцов,
Счастье будет непременно:
Нам растят уже бойцов
Наши матери на смену.

В сердце пламень не погас,
Вспыхнет ярко, величаво:
Впереди еще у нас
И борьба, и жизнь, и слава!

1913

392

Непогода и мгла,
Ветер бьется в окно,
На ночлег будто в хату он
Просится,

Будто в поле ему
Надоело давно,
Сам не знает, куда еще
Броситься.

Я один, я не сплю,
Глаз не в силах сомкнуть,
Жду я, скоро ли ночь эта
Кончится?

И мерещится мне:
Одиночества тень
У постели гадюкою
Корчится.

1913

393. НА НОВЫЙ (1914) ГОД

Новый год у ворот:
Вот идет
И с собой мыслей рой
Он ведет.

И в мечтах о благах
Стар и млад:
Кто чинам, кто деньгам
Был бы рад!

Ну, а я и друзья
По судьбе —
Мы с одной лишь мольбой
Все к тебе:

Дай свобод, Новый год,
Долю дай,
Разбуди, просвети
Отчий край!

1913

394. МОЛОДЕЖИ

Наша юность — надежда родимой
Подневольной, печальной земли;
Тьму развеет полет твой орлиный
И зажжет вековые огни.

Ты разбудишь уснувшие силы
И на вольный простор позовешь,
От глухой, беспросветной могилы
До горящего солнца дойдешь.

И на старом отцовском кургане
Ты хозяином доли своей
С высоты завоеванной глянешь
На просторы родимых полей.

Не страшны тебе будут заломы,
Злые вороги, их ворожба.
Правду молний и мощного грома
Высоко поднимает борьба.

Поднимайся ты, молодость, к бою,
Отвергая унынье и грусть.
Выше факел! Иди за судьбою
Ты со словом святым: Беларусь.

23 января 1914

395. СТРАШНЫЙ ОМУТ

Есть место над речкой, где в полночь,
Покуда петух еще спит,
Выходит из омота дева
И тайные чары творит.

Незримые знаки руками
На запад кладет, на восход,
Как будто кого закликает
Иль песню беззвучно поет.

С распущенных кос вдоль по телу
Холодные капли скользят,
А очи сверкают, как звезды,
И ввысь устремлен ее взгляд.

И, как из земли вырастает,
Является вдруг в тишине
У страшного омота витязь
На белом, огнистом коне.

С коня он слезает и к деве
Подходит, за руки берет
И мокрые косы целует —
Она же беззвучно поет.

Кого занесет туда в полночь,
От ужаса весь задрожит;

Едва его призрак завидит,
Как прямо к обрыву бежит.

А витязь в мгновение ока
Взлетит на коня своего,
Исчезнет во мраке полночном,
И кончится всё колдовство. . .

Рассказы об омутах страшных
В народе идут издавна;
Что правда, неправда — не знаю. . .
Мне вспомнилась сказка одна.

Три дочери было у батьки,
Цветочкам красою под стать,
Меньшая ж настолько пригожа —
На свете такой не сыскать.

Живут и недоли не знают,
Свободно, как рыбки в воде,
А только меньшей исподтиха
Завидуют старшие две.

Увенчанный ратною славой
Однажды тут князь проезжал;
Коня покормить к ним заехал
И взглядом всех трех обласкал.

Одну из них в жены взять хочет,
Какую — не знает и сам,
И князь всем троим приглянулся —
Везет же, известно, князьям!

Вот он и дает им задачу,
Работу такую дает:
Пусть та из вас будет княгиней,
Которая лучше поет!

Запели две старшие князю,
Запели — что твой соловей!
Но младшая князю запела —
Куда соловью перед ней!

И младшую выбрал он в жены,
Велит дожидаться сватов;
Сам едет готовиться к свадьбе,
Гостей созывать и дружков.

А старшие сестры решают
Меньшую сестру погубить,
Отравой несчастную поят
И в омут бросают — не всплыть!

Как страшное кончили дело,
Нашел на них страх на самих:
Одна на восток, а другая
На запад умчались вмиг.

Князь свататься едет с дружиной,
Подарки везут сто коней. . .
Безумного видит он батьку,
Не видит его дочерей.

Дружину свою покидает,
В далекий пускается путь,
Свою ненаглядную ищет,
Надеется счастье вернуть.

Не ведаю, что было дальше. . .
Минует который уж год,
А страшная сказка про омут
Нет-нет и на память придет.

23 января 1914

396. НА ПОЛЕ ТАЕТ

На поле стаял бледный снег,
Весною в поле веет. . .
Оставь же, сокол, свой ночлег,
Встань ото сна скорее.

Бьет в берег паводок волной,
Затоплен луг водою,
Еще разгон один, другой —
Твою хатенку смоем.

Тоскливо песню бор поет
И гневно речь заводит,
Он тем свой приговор несет,
Что спят назло природе.

По небу солнышко дугой
Идет, горит высоко...
Оставь скорей ночлег ты свой,
Встань ото сна, мой сокол!

23 января 1914

397. ПО ШЛЯХУ

Лежит, ужом по белу свету вьется
Утопанный веками древний шлях,
Все сказы, всё былое остается
В его груди, в его дремучих снах.

Берез плакучих ветви нависают
Над ним, как стража встав по сторонам.
Зачем стоят, откуда шли — не знают,
И шелестят: «Ты — наш, ты — дорог нам».

А ветер им безбожные напевы
То шепчет тихо, то заводит спор,
Голубит их, заходит справа, слева
И кличет их на радостный простор.

Среди берез плакучих этим шляхом
Я с ношею разбитых дум иду,
Один иду, гонимый тайным страхом,
Печаль свою бессмертную веду.

Я — шлях, вовек не знающий покоя,
Ни в темный день, ни в месячную ночь,
И жизнь, что нерадивою рукою
Мне предназначена, терпеть уже невмочь.

Я та плакучая, в слезах, береза,
По осени нагая меж кустов,
Дрожащая зимою от мороза,
От вьюжных, от бушующих ветров.

Я — ветер тот, что слезно в сонном поле,
В лесу дремучем воеет сиротой,
Не знающий ночлега в горькой доле,
С безжалостной своею маетой.

Иду я шляхом и вокруг взираю,
Как сфинкс, в немую всматриваюсь даль,
Не нахожу своим мученьям края,
Из сердца вырвать не могу печаль.

Заколыхался ястреб быстроокный,
Меж небом и землей, как лунь, повис —
Следит за мной и день мой одинокий
Недобрым оком мерит, глядя вниз.

Когда б он вынул душу мне из тела
И замер на мгновенье в небесах,
Чтобы хоть раз единый поглядела
Она оттуда на земной свой шлях!

27 января 1914

398. ЗВОНЫ, ТРЕВОГИ ПОЛНЫ...

Звоны, тревоги полны,
К дням нашей новой весны,
К новому богу зовут.
Звоны, тревогой полны,
Бьют, бьют...

Время уж брать топоры,
Пусть будут косы остры.
Не остывайте душой!
Время уж брать топоры,
В бой, в бой!..

Режь на дороге бурьян,
Чтобы пройти нам без ран,
Глубже сохой землю режь.
Режь на дороге бурьян,
Режь, режь!..

Крест пред глазами стоит,
Терном отмщенья обвит.
Пропасьть под ним и окрест.
Крест пред глазами стоит,
Крест, крест...

Рвут твои жилы кругом,
Отчий разрушили дом,
Все твоей гибели ждут.
Рвут твои жилы кругом,
Рвут, рвут...

Звоны, тревоги полны,
Бьют на пороге весны,
К новому богу зовут.
Звоны, тревогой полны,
Бьют, бьют!..

27 января 1914

399. ЧТО ТАМ?

Что за плач там, над лугами,
Над речными берегами?
Чьи там слезы заблестали?
Мать ли это? Сирота ли?

— Это мать! А кто ж иначе
Над детьми своими плачет?
Дети ей могилу рыли,
А себя в плену сгноили.

Что за звон гудит, грохочет,
Оглушить всю землю хочет?
Это смерти звон проклятый?
Божий звон? Иль звон набата?

— Это цепи и оковы
Звоном бьют по жизни новой,
Чтобы звоном тем унылым
Эту жизнь столкнуть в могилу.

Чей там голос ходит, бродит
И такую песнь заводит,
Что дрожат в испуге недра?
Друг ли это? Или недруг?

— Это клич проходит полем,
Призывая к новой доле.
Он под окнами стучится
И зовет всех пробудиться.

Что за вихрь там закрутился,
В землю врывается, в небо взвился
И несет огонь бесстрашный
На усадьбы и на пашни?

— Полем клич проходит этот —
Смертный бой меж тьмой и светом!
Кто одержит верх, кто ляжет —
Глянь на солнце, солнце скажет.

28 февраля 1914

400. ЗАПЕЛА ВЕСНА СВОЮ ПЕСНЮ

И шумом ожившего леса,
И щебетом пташек счастливых
Запела весна свою песню,
Запела о солнечных нивах.

Выходит крестьянин на поле,
Пласты поднимает сохою...
О, сколько в нем веры, надежды,
О, сколько отрады, покоя!

Он пашню глазами обводит —
Вся жизнь его в этом наделе.
За думою тянется дума,
Как тонкая нить из кудели.

Хоть буря и стужа гуляли,
Хоть грудь надрывалась от боли,
Живет он, как жил тут извечно,
Живут его хата и поле.

Вот дремлет курган на распутье,
На нем, зеленея листвою,
Шумит одинокая груша,
Заводит рассказ про былое.

А жаворонок свою песню
С утра распевает до ночи,
Как будто зовет белоруса:
Смелей поднимай к солнцу очи!

16 апреля 1914

401. ВСПОМНИ!..

Вл. Станкевич

Вспомни, как будешь без крыл орлиных,
Что силу в небе дают парить,
И не найдешь ты силы, девчина,
Чтобы себя и мир победить!

Вспомни, как станет сетку паучью
Мачеха-доля в жизни плести,
И на путях разлук неминучих
Ты не узнаешь, куда пойти!

Вспомни, как, всё потеряв остальное,
Будешь одна без друзей и врагов,
Не увлекаясь прежней мечтою,
Без веры в счастье и детских снов!

Вспомни, как ночью темной, глубокой
Ветер завоет грозно вокруг,
А сердце вздрогнет, как в клетке сокол,
О днях прошедших припомнит вдруг!

Вспомни не в миг отрады крылатой, —
Встретишь с другим ты радость свою, —
И не меня припомни тогда ты,
Вспомни вот... эту думку мою!

13 декабря 1914

Вл. Станкевич

Девушка милая, ясный цветок мой,
Грустной земли свободная птица!
Сеешь ты слезы мыслей заветных,
Слезы — алмазы ясной криницы.

Крупной росой сыплются, льются,
В ниву дожатся... что ж вырастает?
Кривда их топчет, горе морозит,
Ведьма-насмешка их выпивает.

Суд лицемерный, жалость-гадюка
Чистую слез осуждают молитву;
Разум угрюмый для слез жгучих сердца,
Словно палац, точит острую бритву.

Звездочка, что обещает удачу
С неба немого этому свету,
Только она их еще не обидит
И осчастливит лучистым приветом.

Да что планеты этой оковы!
Скинул — и воля тебе и удача,
Дух только вольный вольного духа
Сможет понять и украдкой заплачет.

13 декабря 1914

403—404. ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ ВОЙНЫ»

1

РАЗЛУКА

Ветер по селам гуляет,
В стекла стучась, завывает;
Гусь под окошком гогочет,
Сумрачно в хате, как ночью.

Хмурится батька, горюя,
Голову клонит седую,
Мать что-то в кадке мешает,
Женка дитя унимает.

Сын над котомкой хлопочет. . .
Ой, на беду дни и ночи
Мать сына в скорби растила,
Силу и разум дарила!

Батька для дел, не для муки
Дал ему ладные руки, —
Знать, не к веселью, к печали
Песни на свадьбе звучали.

Через поля и низины
Клич докатился призывный —
Звали на сбор «запасного»,
В мире война уже снова.

Были недолгими сборы,
Новые лапти, оборы
Янка, вздохнув, надевает,
Кланяться всем начинает.

Низко отцу поклонился,
Матери — ниже. Простился
С женой, детей обнимая,
Слезы тайком утирая.

Тихо, печально в светлице,
Каждый и всхлипнуть боится,
Словно над скорбью людскою
Смерть замахнулась косою. . .

Сын попрощался как надо.
«На-ка, возьми, мое чадо! —
Мать на него поглядела,
Что-то на шею надела. —

Пусть он всегда охраняет,
Смерть от тебя отгоняет,

Мой узелок из кудельки
С горстью родимой земельки».

Вышел из хаты вояка,
Он не вздохнул, не заплакал,
В дальние дали шагая,
Смерти в бою ожидая.

Ветер лишь не унимался,
Как ворожкой занимался:
Будет ли Янке дорога
Вновь до родного порога?

21 октября 1914

2

ОСТАВАЛИСЬ НИВЫ, СЕЛА

Шли родной деревни дети
Умирать на белом свете,
Кости рассеять по свету
За кого-то, в битве где-то.

Оставались нивы, села
С тяжелой думой невеселой,
Оставались сиротливо
В горькой доле несчастливой.

Нет работы сошке в поле —
Сиротеет поневоле;
Не услышат кос покосы —
Ржа разъест стальные косы.

Ночью, утром, ранью ранней
Мать-вдовица выйдет, глянет,
Выйдет, станет среди поля,
Молит бога... Не умолит:

«На кого ж ты нас покинул?
Что ж ты не дал в домовину
Лечь и спать в ней, как в постели,
Как когда-то в колыбели?»

Для чего ж твои законы
Нам твердили неуклонно,
Что для брата брат от века —
Человек для человека?

Как овечек и ягнят,ок,
В бедной хате и за хатой
Ты мольбу людскую любишь,
Так зачем Отчизну губишь?»

Так звучат ночами, днями
Эти вопли над полями,
Призывая милость божью
На родное раздорожье.

За деревней, где могилы,
Где навек заснули силы,
Там кресты, подгнив, склонились,
В горькой доле породнились.

Над крестами крик совиный
Отвечает сиротинам,
Этот крик зловещий страшен:
«Где же, где Отчизна ваша?»

1 ноября 1914

405. 1914-й

Уйдя туда, откуда не приходят,
Своих ужасных ты не стер следов. . .
Таких, как этот, время редко рóдит!
Такой, как этот, — первый средь годов!

Ты не явился вестником свободы —
Зажечь любовь в простых сердцах людей.
Ты ненавистью воспалил народы,
Ты мир усеял грудями костей.

Костлявым мором из тысячелетий
Ты будешь нашу землю озирать.

Тебя, тебя страшиться будут дети,
Тебя припомнив, будут умирать.

«Не убивать» — ты уничтожил право,
Людское сердце погрузил во тьму,
Вселенную с поветрием кровавым
Наследнику оставил своему.

Пусть льется кровь, и пусть гудят пожары,
Пусть над могилой плачет сирота!
Кровавый бог кровавые кошмары
Рассеять должен в мире дочиста. . .

Но год придет — он грянет ненароком. . .
Иные дни увидит в мире он, —
И меч невидимого бога-рока
Бескровный начертает свой закон! . .

18 декабря 1914

406. КРИВДА

Съедает кривда нас от веку,
Ни правды нету, ни порядку,
Стал человек зверь человеку,
Друг друга душат волчьей хваткой.

Развелся злобы змей поганый,
На брата брата подбивает,
Росой червонною поляны
Кругом, что кровь твоя, сверкают.

Людишки мечутся, как стадо,
Ярмо на шею надевают,
Лишь трутни тьме кромешной рады:
Остатний дух из них вынают.

Не дунет ветер, освежая,
Не загорится свет над тьмою, —
Безмолвно всё, как полночь злая,
Как пуща дикая зимою.

Нет края той проклятой ночи,
Ни проблеска рассвета нету...
Когда ж ты выйдешь, край наш отчий,
На ясный путь, ведущий к свету?!

1914

407. МОЕ ТЕРПЕНИЕ

Мое терпенье, сердца злая боль —
Что значат, когда терпят миллионы,
И стоны порождают только стоны,
И слезы всем глаза едят, как соль.

Мечтой взмываю в небо, но легко ль,
Как головой об стену, бить поклоны?
Он и не слышен, вздох мой затаенный,
Мой крик перед молитвой мира — ноль!

Да, я ничто! Однако ж почему —
И это несмотря на все сомненья! —
Меня не покидает ощущение,

Что нет границ терпенью моему,
Что в жизни мне досталось одному
Всех миллионов общее терпенье?!

3 января 1915

408. БЫЛ ЭТО СОН...

Был это только грустный сон
Души заплаканной моей,
Мне в жизни был я окрылен,
Как в праздник, и глядел светлей.

Был это только грустный сон,
Что я в глазах ее сквозь смех
Читал один святой закон
Любви счастливой и утех.

Был это только грустный сон,
Что в ней всё счастье, что она

Поймет моих страданий стон
И в душу глянет мне до дна.

Был это только грустный сон,
Что разведу я с ней беду,
Что под ее напевов звон
К могиле легче добреду.

Всё это для меня был сон,
Мне б наяву его найти;
Принес лишь огорченье он,
А сам ушел, чтоб... не прийти!

3 января 1915

409. НЕ СУДИЛА ТЫ МНЕ, ДОЛЯ

Не судила ты мне, доля,
Чтоб я речкой вился в скалах,
Чтоб она в ней свои очи
Спозаранку умывала.

Не судила ты мне, доля,
Чтоб я солнцем встал над милой,
Чтоб она его лучами
Бело личико сушила.

Не судила ты мне, доля,
Веять ветром по откосам,
Чтобы им она чесала,
Заплетала свои косы.

Не судила ты мне, доля,
Певчей птицей быть в садочке,
Чтоб она ее послушать
Вышла б в сад из теремочка.

Не судила ты мне, доля,
Быть звездой хоть самой малой,
Чтоб она ее хоть раз бы,
Раз бы в жизни увидала.

3 января 1915

410. ТОВАРИЩ МОЙ

Сонет

Повсюду и всегда, как призрак, надо мной
Костлявый, бледный труп, мой друг и
соглядатай, —
Когда сижу, томлюсь в тисках тоски зажатый,
Когда валюсь, устав от суеты дневной.

От мира отделив молчаньем, как стеной,
Он чувства остудил, кипевшие когда-то.
И безнадежностью моя душа объята,
И сдавлена душа веригою стальной.

Но как я дорожу, мой верный друг, тобою!
Людская ненависть и время-лиходей
Тебя не вытравят из памяти моей —

Во сне и наяву, в заботах и в покое
Мы не расстанемся! Привет тебе, глухое
Уединение моих ночей и дней.

20 января 1915

411. НА СУД

На суд вам, книжники, себя я отдаю,
Судите по статьям, как ваш велит закон.
По вашей я вине был жизнью взят в полон,
Хоть не дал душу растоптать я вам свою.

Я проклял вашу фарисейскую семью
И к вашим идолам не плелся на поклон,
А если с уст моих срывался горький стон,
То клял я сам себя и мук своих змею.

От ваших низостей себя спасти сумев,
Пил чашу кривды и терпенья — всю до дна,
Не опоганила меня измена ни одна.

Один лишь, судьи, грех лег на душу, как лев:
Есть сердце у меня, и в этом сердце — гнев.
Такая ли уж это страшная вина?

20 января 1915

412. СОЙДУ...

Сойду с дороги я твоей,
Как тень неведомого края,
Но как же из груди моей
Мне вырвать то, чем жил, — не знаю.

Судила доля повстречать
Тебя, как сказку, как виденье,
Да не судила доля дать
Моей мечте осуществленье.

Проклятье некое легло
Над горькою моей судьбою,
И нить оно оборвало
Меж счастьем, меж тобой и мною.

Невольник дум своих и снов,
Раб сам себе, я шел, несчастный,
Один сквозь тяжкий ряд годов,
Не находя дороги ясной.

И думал, что давно уж лед
Сковал надежды и порывы,
Что жизнь пройду я без забот,
Во всем по-своему счастливый.

Я думал... Стало всё не так,
Мечта влекла меня лукаво,
И обольстился я, бедняк,
Тем, что сильнее, чем смерть и слава.

По-новому в груди моей
Теперь слепое сердце бьется,
Мой путь — в цветах, стал веселей.
Я думал: счастье улыбнется.

Но это было только сном.
Сменила сон тот явь живая,
Звезда надежд, своим лучом
Сверкнув, скатилась, угасая.

Вновь я один брожу, как тень
Далеко канувшей кометы.

Иди, бреди и ночь и день,
Навек утратив все просветы!

Раскрыть бы душу, показать
Всё то, что грудь мне мукой точит,
Тогда бы ты могла понять,
Чего никто понять не хочет.

Тогда б ты камнем гробовым
Моей души не придавила,
Над сердцем сжалилась моим
Да и вздохнула б над... могилой.

20 января 1915

418. ВЕЧЕР

Мой вечер, знаю, близко, недалёко,
Блеснула зорька — вечер должен быть,
Но не уйду от жизни я до срока:
День, вечер, ночь, а надо — жить и жить!

Земле и солнцу низко поклонюся —
Я сын земли и солнца вольный сын.
Как с братом, с ветром нежно обнимуся:
Такой, как он, друг у меня один!

Тоску свою на царство посажу я —
Давно заслужен ею этот трон,
Из чистых слез корону возложу я —
Такой короне равных нет корон!

Слугою одиночество приставлю —
Верней слуга отыщется навряд.
В ликующих мечтах ее прославлю —
Мечтами я богат, ах, как богат!

Душе дам волю, обручусь я с песней —
Нет доли, кроме песни и души...
О зорька жизни, погоди, воскресни,
О вечер жизни, к ночи не спеши!..

4 февраля 1915

414. НА УЛИЦЕ

Блуждал я улицею той, где я встречал ее,
Ее — не знаю точно — радость или горе. . .
Был час такой, когда петух впервые пропоет
И вор выходит разгуляться на просторе.

Двурогий месяц посылал смертельно-бледный луч,
Такой дрожащий, робкий, словно он дороги
Не мог найти среди нагроможденных ветром туч
И пробирался вниз на ощупь и в тревоге.

Огромный город молчаливо отходил ко сну.
Свет в окнах замирал лениво и устало;
Лишь изредка засов тревожил скрипом тишину
Да запоздалая пролетка грохотала.

В свирепой путанице телеграфных проводов —
Как будто скручены там человечьи жилы —
Полночный ветер глухо заводил тоскливый зов,
Стонал, как висельник, бежавший из могилы.

А на путях гудели, голосили поезда,
И звук впивался в сердце заостренной сталью.
И с этим гудом словно счастье скрылось навсегда,
И кто-то самый близкий гибнул там, за далью.

И гулкий стук моих шагов гремел среди камней,
Везде меня, везде стена подстерегала,
И тень, скользя за мной при тусклом свете фонарей,
Росла, удваивалась, вовсе убегала.

Считая каждый шаг, как тень, я совершал свой круг
Сквозь замирающий до завтра город грешный,
А в глубине всё возрастал и возрастал испуг —
Такой я был забытый, слабый, безутешный.

И мысли жгучие вновь овладели мной, губя;
Охваченный тоской, пути не разбирая,
Я повторял: «Скажи, за что ты мучаешь себя,
В награду только грубый град камней встречая?»

Так я бродил по улице и сам себя терзал...
...И слышу за углом какой-то странный грохот,
Рокочет дико музыка, огнями блещет зал,
Там топот ног, шуршанье, говор, хриплый хохот...

И ужас охватил меня, когда я увидел,
Как могут люди в этом сумасшедшем мире,
Подобно жалким дикарям, беспечно, без стыда
Участвовать в таком позорном, жутком пире.

С своей подругою согнувшись под одним ярмом,
Рабы танцуют, веселятся что есть силы,
А там, на окровавленных полях, — орудий гром,
Там раб копает для других рабов могилы.

И горько, нестерпимо горько, стыдно стало мне:
Как мог я здесь блуждать, бессмысленно мечтая,
Как мог сейчас забыться в малодушном полусне,
Бесплодным, странным мыслям сердце отдавая?

15 февраля 1915

415. ЗАЧЕМ?

Зачем губить порывы чистые
Заветных дум своих, своей души
Для тех, что топчут их безжалостно
Иль из тебя их тянут, как ужи?

Зачем тревожить сердце бедное
Желаньем ласк, сердечного тепла?
Истреплют все равно твое сердечко
И всё святое в нем сожгут дотла.

Зачем, как нищему, вымаливать
Всё то, что заслужил ты наперед? ..
Знай: доля с теми не подружится,
Кто день за днем подачками живет.

Иди с глазами в мир открытыми,
Учись быть твердым, закались в борьбе,
Гляди вокруг свободным соколом,
И верь в себя, и цену знай себе!

Сам не снижай полета вольного,
Другим снижать полета не давай;
Над рабскими слепыми толпами,
Над злой землей до самых звезд взмывай.

15 февраля 1915

416. ИДЕТ ВЕСНА

Идет весна. . . В полях проталины дымятся.
Ручьи подснежные, журча, в низины мчатся.
Слетаются опять и каркают вороны. . .
Идет опять весна. . . чтоб мир воспрянул сонный.

А только и всего увидим мы весною,
Что ненадолго лес оденется листвою
Да лишний раз своим убранством пышным
Порадуют нас яблони и вишни.

Всё те же трели отщебечет соловейка,
Молитву солнцу пропоет жалейка. . .
Ах, проживешь ты, друг мой, не напрасно —
Еще одна весна в душе навек погаснет.

1 марта 1915

417. ВЕСНА 1915-я

Так вот как в мир пришла она, желанная весна, —
В короне зелени, в цветах и с шепотом берез!
Единственная меж своих былых сестер, она
Души твоей не веселит, не утирает слез.

Не росы светлые горят брильянтами на ней,
И не водой освящены, окроплены поля,
А рдеет пролитая кровь крестьянских сыновей,
Горячей крови напилась бесплодная земля.

Не с солнышком пришла весна благословить на труд,
Не зорьку ясную зажгла над кровлями села, —
Пожаров зори занялись над ними там и тут,
Уничтожения огни на празднестве зажгла.

И сеятель совсем не так, как в прежние года,
Свой труд извечный совершить на полосу идет, —
Без веры совершает он простой обряд труда,
Лишь по привычке сеет он, не зная, кто пожнет.

Не хочет хату деревцем украсить селянин,
Как украшали с давних пор, когда приходит май.
Спроси: «Обычая отцов ужель не знает сын?»
Ответит: «Знаю, но теперь в печали отчий край!»

На тракт крестьянка что ни день с детишками идет,
У придорожного креста подолгу смотрит вдаль,
Глаза успела проглядеть, а всё кого-то ждет,
Кого-то хочет увидеть, тая в глазах печаль.

Девчина, косы распустив, бежит в зеленый бор,
К стволу березы прислонясь, поет в тоске такой,
Что не понять, терзает слух ей погребальный хор
Или пришла одна справлять день обручения свой.

И аист, что у пирамид в тепле отзимовал
И вновь на лето прилетел в любимый край сюда, —
Он помнит всё, но своего он места не узнал
И не отыщет своего обжитого гнезда.

Лишь звери, пробудясь от сна, справляют пир в лесах —
Ведь на побоище теперь поживы хватит им,
Пируют вороны — нашлась добыча на полях —
И не жалеют, что тоской и болью мир томим.

Так вот какой пришла весна, явилась на свет,
Как липу, землю принялась в те дни трясти она.
Пожары, кровь и страшный мор — таков ее привет,
Огнем на знамени ее написано: война!

7 апреля 1915

418. А ОНА...

Так ее одарил я любовью своей,
Так отрадно смотрел ей в печальные очи,
Как не смотрит и солнце в раздолье полей,
Как не светят и звезды нам ласково ночью!

Так голубил голубку, так нежил, грустя,
Так ей грудь согревал своим сердцем, радея,
Как, наверно, и мать не голубит дитя,
Как озявших в пути и костер не согреет!

И я столько ей песен заветных напел,
Столько дум передумал о ней потаенных,
Как под ветром и бор никогда не шумел,
Как вовек дум таких не сложил для достойных!

Я ей в сердце построил подобье дворца,
Из любви я ей создал такую корону,
Что и небо с землею по воле творца
Не имели таких ни короны, ни трона!

В честь и солнца, и звезд славил я ее взор,
Днем и ночью взывал к ней с мольбой молчаливой,
Как не славит и мудрость вселенной простор,
Как не тужит и чибис в мольбе сиротливой.

Стало мне ее счастье — как счастье свое,
Был мне образ ее — как из повести дивной,
Жизнь свою положил я к подножью ее. . .

· · · · ·
А она? . . А она была только. . . девчина! . .

7 июля 1915

419. НОЧКЕ

К тебе, моя ночка туманная,
К вам, звезды, что мрак озаряют,
С поклоном иду неустанно я,
В свидетели вас призываю.

Взгляните, как тяжело мне маяться
В моей одинокой доле,
Как сердце в груди разрывается,
Как плачет душа поневоле.

Скажите, чтоб слышала милая,
Как горько о ней я тоскую. . .

Хотя б над моею могилою
Услышать мне весть дорогую.

К тебе, ветер, брат мой, взываю я,
Присягою-клятвой такою:
На смерть и на жизнь присягаю я,
На счастье свое молодое:

Милей она солнца лучистого,
Младенческих снов голубиных,
Раздолья родного цветистого
И песен весной соловьиных.

Заклятье мое с наговорами
Ты, ветер мой, друг мой бывалый,
К любимой домчи над просторами,
Брось под ноги, чтоб услышала.

13 июля 1915

420. ПОЧЕМУ?

Для духа вольного — ни края, ни границы,
Доступно всё ему, понятно всё без слов;
В хаосе жизни, средь всесветных катастроф
Он не изверился, он не устал стремиться.

Легко читает он, что на сердце таится,
Разгадывает ход загадочных веков;
В какой бы звери тьмы его ни сталкивали ров,
Всегда он фениксом из пепла возродится!

Из миллионов солнц навеки сотворенный,
Гром, молнии в руках держать, метать не слаб,
Хоть бы в огне кипел, под адским ветром зяб...

Однако ж почему ты, дух неугомонный,
Бессилен там, где под цепей кандалных звоны
Огонь и кровь несет рабу такой же раб?

1915

421. ОТЧИЗНА

Меня связала нить и с небом и с землей —
Никем не расторгима связь та вековая;
Как сына, бережет меня земля родная,
И солнцу я открыт и сердцем и душой.

Еще от колыбельных песен надо мной
Я всё здесь полюбил от края и до края:
Частицей родины себя я ощущаю
И в сердце берегу лучи звезды родной.

Да, мной земля моя родимой может зваться,
Других себе не заставляя покоряться,
Здесь, словно к матери, я прижимаюсь к ней.

Но если надо мной враги глумятся —
Глумятся, значит, и над родиной моей,
Когда ж над ней — в сто крат мне это тяжелей.

1915

422. ЗНАЧИТ, НАДОБНО ТАК

Посвящаю Вл. Станкевич

Звезд на небе не мильон ли блестит,
И любая чей-то взор веселит!
Только места там не стало
Для одной, что мне б мерцала...
Значит, надобно так!

Разве мало вдоль и вширь вырос свет?
Всяк нашел в нем и приют, и привет,
Я ж себе, как привиденье,
Не нашел успокоенья...
Значит, надобно так!

Разве мало на земле что ни год
В даль дорог по белу свету идет?
Только бог на этом свете
Не судил мне счастье встретить!...
Значит, надобно так!

Может, ветер лишь на воле живет,
Где захочет и плывет, и поет?
Я же, где б ни появился,
Всюду в путях только бился...
Значит, надобно так!

То ль земелька не растила людей,
То ль сердца их выпил ястреб-злодей?
В чьи б сердца я ни стучался,
Лишь на камень натыкался...
Значит, надобно так!

То ль девичьи руки сникли в беде,
Не голубят никого и нигде?
Если ж смерть придет за мною —
Глаз никто мне не закроет...
Значит, надо уж так!

1915

423. ПЛАЧЕТ ОСЕНЬ

Плачет осень у окон,
Слезы частые роняя
И тревожный, тяжкий сон
На деревни нагоняя.

Плачет осень у ворот,
Листья с шумом кружит, носит,
Будто бы кого клянет
Иль о счастье молит, просит.

Плачет осень ночь и день,
Залила слезами окна.
В хатах сумрачная тень
Ткет и ткет свои волокна.

Осень в нашей стороне
Так печальна и угрюма,
И тревожит сердце мне
О весеннем счастье дума.

1915

424. МОЯ ВЕРА

Не верю идолам поганым,
Чей вид и страшен и суров.
Не верю доскам деревянным,
С мазней дешевой маляров.

Не верю купленным пророкам,
Что за гроши народу лгут,
А сами смотрят жадным оком,
Червонцев много ль им несут.

Не верю фокусников чуду
Всех, всех народов и веков,
Что в ход туман пускают всюду
На одураченных слепцов.

Не верю в тишину часовен,
Стоящих на крови людской,
Где цепи тяжкие готовят,
Чтоб заковать в них дух живой.

Ни за какую плату, меру
Их чарам не поддамся я. . .
В народ и край свой только верю
И верю в самого себя.

425. ДНИ ЗА ДНЯМИ...

Мы дни за днями столько лет
Живем, как прадед наш, как дед,
Покорно головы склоняем;

От вечной кривды, вечных бед
Ослепли мы, нам света нет,
О ясных днях мы лишь мечтаем.

Сквозь столько лет и столько зим
Цветет в глазах потомок дым, —
Его прогнать не хватит силы;

Должно быть, он необходим
Тем, кто рожден уже слепым,
Чей путь во мраке до могилы.

Живи. Весь век ярмо тяни,
Дугой в работе плечи гни,
Тверди: не так еще умею,

Лады крепче лямки искони,
Чтоб не порвались вдруг они, —
Ярму не жаль мужичьей шен.

И если ты в ярмо впряжен,
Блюда закон — клади поклон,
Иль вылетишь из отчей хатки.

Услышишь звон — то брата стон,
Земной предел покинул он,
И ты готовь свои манатки.

426. КАК ТЕНИ

Народы в жизнь из лета в лето,
Из ночи в день идут всегда,
А мы, как тени с того света,
Бредем неведомо куда.

Не знаем счастья мы с рожденья,
От нас и радость в стороне,
Ползем и стонем в угнетенье
С ярмом на шее, в вечном сне.

Растим детей не для забавы,
Мать их лелеет, бережет,
А всё равно сосед лукавый
Их в плуг железный запряжет.

Не для себя мы сеем нивы
И поливаем потом их,
Нахлынут трутни прожорливо,
И вот уж нет снопов своих.

Под непроглядным мраком ночи
Нам тяжких не избыть обид,
На свет поднять боимся очи,
В глаза взглянуть друг другу — стыд.

Как мы живем, что ожидаем,
Не знаем мы, не знает свет;
То ль мрем мы, то ли воскресаем,
Сносить не в силах зол и бел.

Взыграет шумом лес зеленый,
Хвоя на соснах зашуршит,
И гул пойдет по небосклону,
А небо камнем всё молчит.

Молчим и мы и, как слепые,
Блуждая, тычемся в углы,
И только вихри воют злые,
Да змеи выползли из мглы.

В полях сверкают кровью росы —
Свидетели всех наших мук,
А в хатах спят цепи и косы
И ожидают ловких рук.

427. ДВЕ ДОЛИ

Растет береза среди поля,
Вдали от леса, сиротой;
Живет певец с своей недолей,
С своей печальной душой.

Береза под грозой гнется,
Мороз и зной ее сечет;
Певец в слезах с неправдой бьется,
За всех борясь, для всех поет.

С березы вихрь холодный, вея,
Срывает листья, гонит вдаль;
Певца напевы, не жалея,
Обида глушит и печаль.

Жила береза и увяла:
Срубил под корень дровосек. . .
В борьбе сложил певец усталый
Свою головушку навек.

В печи береза догорает. . .
До неба дымы ввысь плывут;
Певец в забвеньи умирает,
А песню все его поют.

428. БЕЗ ПУТИ

Где солнца, где солнца побольше бы надо,
Там тучи, там тучи свинцовые вьются;
Где плакать, где слезы лить горькие надо,
Там люди, там люди живые смеются.

Где песни, погудки призывной бы надо,
Там жалобы грустной разносятся стоны;
Где жить, где по-новому жить бы нам надо,
Там смерть и могилы, там звон похоронный.

429. СПИТ ЮРКА

Есть края, где горя нету,
Жить легко народу:
Вдоволь хлеба, вдоволь света,
Пользуйся свободой!
А у нас же что за диво?
Темнота какая!
Тихо Юрка спит в конурке,
Доли ожидая. . .

Покривилась крыша хаты,
Пусто в стенах хлева,
Не кожух — одни заплаты,
Нет ни крошки хлеба.

Трудно жить, ну что ж такое,
Невидадь какая!
Тихо Юрка спит в конурке,
Доли ожидая. . .

Звон раздался похоронный,
Крест поставлен новый,
День и ночь куются в горнах
Крепкие оковы.
Всё темно и безнадежно,
Как могила злая. . .
Тихо Юрка спит в конурке,
Доли ожидая. . .

Добрых душ на свете много,
Хоть пруди ты реки!
Знает Юрка — есть подмога,
Вдоволь есть опеки,
Хоть ему опека эта
Встала костью в горле. . .
Тихо Юрка спит в конурке,
Ждет счастливой доли.

430. «НЕ ВСЕ ДОМА»

Мы, от деда и до внука,
Где увидим что не так,
Говорим всегда с наукой,
Будь чужой то, будь свояк, —
Мимоходом, не по-злomu:
«Не все дома, не все дома! . .»

Хлопец был, Артемом звали,
Пареньку семнадцать лет,
Хоть бедней найдешь едва ли,
Он в ученье видел свет.
И плели все про Артема:
«Не все дома, не все дома! . .»

Был стыдлив, как видно, малый
И в корчму не знал пути,
На последний грош, бывало,
Книжку он спешит найти. . .
 Так и валят на Артема:
 «Не все дома, не все дома! . . .»

Вот он шлет к невесте свата,
Стал и свадебку справлять,
Молодая бедновата,
Но хозяйка — поискать! . . .
 Снова слышно про Артема:
 «Не все дома, не все дома! . . .»

Полон новою заботой,
Стал он жить с женой своей,
Чтоб семью поднять — работой
Занят, словно муравей. . .
 Слух всё тот же про Артема:
 «Не все дома, не все дома! . . .»

Вот пошли уж дети в школу:
Каждый чист, обмыт, обшит,
Сам — в лаптях, в трудах тяжелых
И одной похлебкой сыт. . .
 Валят всё же на Артема:
 «Не все дома, не все дома! . . .»

Годы мчатся за годами,
Дом Артема — на «ура»,
Он с сынами — как с дубами,
И не счесть вокруг добра!
 Что же ныне про Артема
 Не твердят уж: «Не все дома»?

481. ИЗ ПЕСЕН МУЖИЧЬИХ

Горе нам, бедным и подъяремным, —
 Выпала черная доля.
Стонем под паном и под царем мы,
 Стонем и дома и в поле.

Нам не добиться правды-управы,
Темный народ мы, сермяжный,
Трудимся в рабстве до ссадин кровавых —
Бьет по шеям чуть не каждый.

Нас самочинно земский карает,
Душит, сживает со свету.
Грабит урядник, поп обирает. . .
Правда мужицкая, где ты?

Всюду жандармы, остроги, солдаты,
Церкви с помещичьим раем.
Волость последнее тащит из хаты. . .
Как мы живем, не сдыхаем?!

Плачет в неволе край наш родимый;
Сами ж не знаем покоя:
Сушит нас лето, студят нас зимы,
Голод терзает весною.

432

Можем часто мы плакать
От великой беды.
Можем часто мы плакать
От великой нужды.

Но бывает, что сердце
Болью стиснет такой,
Что хотел бы заплакать —
Нет слезы ни одной.

433. НЕТУ ГРОШЕЙ

Что не всё у нас как надо,
Это каждому известно,
Не сама придет награда,
И не всем нам — дар небесный.

Есть всегда припев хороший:
«Надо грошей — нету грошей! . . .»

Стал надел у Степки хуже. . .
Дети. . . Нету хлеба, соли,
Бьется, рвется — всё не дюже,
Эх, когда б земли поболее!
Снова тут припев хороший:
«Надо грошей — нету грошей! . . .»

Срок учить детей Степана,
Есть и школы и наука,
Взять пример бы надо с пана,
К знанью путь — трудна ли штука?
Снова здесь припев хороший:
«Надо грошей — нету грошей! . . .»

Женишь сына, крестишь внука,
К «чину» ходишь и хлопчешь,
Трудовой измаян мукой,
Отдохнуть немного хочешь, —
Есть на всё припев хороший:
«Надо грошей — нету грошей! . . .»

Злой недуг грызть женку начал,
Истрадалась, умирая. . .
Подать староста назначил,
Фельдшер, поп — беда какая!
Тут иной припев хороший:
«Надо грошей — есть и гроши! . . .»

434. ДЛЯ ОТЧИЗНЫ

Я вновь беру умолкшую жалейку
И пробую дыхание ладов.
Достанет ли мне светлых звонких слов,
И оживет ли песня-добродейка?

Ей сердце отозваться вновь сумея-ка,
Пусть льется песня из далеких дней,
Звенит, как ветер в зелени ветвей,
И спорит, как бывало, с соловейкой.

А как же все-таки друзья-соседи
Поймут ее, хотелось бы мне знать, —
Затопчут в грязь? Начнут благословлять?

Одно скажу: за каждый слог в ответе,
Играть я громко буду песни эти,
Лишь для Отчины-матери играть!

29 октября 1918

435. ПЕСНЯ

Вспыхнет песня, словно искра,
Словно ключ, она польется.
Тут и там — далёко, близко —
Звонким эхом отзовется.

Сердце с сердцем крепко сдружит,
Засверкает, загорится.
Вот уж в хате, вот снаружи,
Молодица молодежи.

Прыгнет к солнцу, захохочет,
Расцелуется счастливо,
Ясну месяцу средь ночи
Поглядит в глаза тоскливо.

Встретит зорьку-заряницу,
Прослезится с ней росую;
На поля слетит, как птица,
Ляжет шелковой травую.

Вместе с ветром выйдет разом,
Заиграет в хороводе,
Вместе с бором грозным сказом
Зашумит о непогоде.

Пробежит по листьям в чаще,
С птицей птицею засвищет.
Мимоходом весть о счастье
Бросит в чье-нибудь жилище.

Так летает да летает
Эта песня в белом свете,
Ни преград, ни пут не знает
От столетья до столетья.

29 октября 1918

436. НА СХОДИ

На всенародный сход, на грозный, бурный сход
Иди, ограбленный, закованный народ!

Как равный на земле средь равных, бедный люд,
Свои обиды, слезы, кровь отдай на суд!

О вековечных тяжких муках ты скажи
И на кресты и на курганы покажи,

Где на могилах на разрытых воронье
Твоих забитых насмерть предков кости рвет.

Как гнали пот с тебя паны и короли,
Как гнали прочь тебя цари с родной земли,

Как родину твою кромсают на куски
И гибнешь ты с детьми от хищной, злой руки, —

Ты всё на суд отдай! На грозный, бурный сход
Иди, ограбленный, закованный народ!

29 октября 1918

487. ПОРА!

Нам пора собратьев кликать
На совет, на сход великий,
На могучий сход!
Пусть рассудит, пусть укажет,
Слово твердое нам скажет,
Скажет сам народ!

Как нам дальше жить, не знаем,
В отчей хате, в отчем крае,
Чтобы всюду лад.
То ли снова жить в неволе,
То ли, может, в новой доле
Возводить посад.

Люди много дней блуждали,
Кровь и слезы проливали,
Не умели жить,
А теперь совсем иное —
Всходит солнце золотое,
Чтобы всем светить.

Мира ширятся пределы,
Смело в бой идет несмелый,
Близок грозный час.
Так и нам цепи и косы
Брать пора, покуда росы
Нам не выжгли глаз.

Пусть набат трезвонит с жаром,
Грянет музыка ударом.
 Поднимись, народ!
Одолей недолю злую,
За Отчизну-мать родную
 Выходи на сход!

30 октября 1918

488. В ТЕПЛЫЙ КРАЙ

Зашумела в далях осень
Шумом листьев, шумом сосен,
 Тучами клубится;
От раздолий Беларуси
В теплый край поплыли гуси
 Длинной вереницей.

К югу, следом за гусями,
Полетели думы сами,
 Сердце всколыхнули;
Всколыхнув недоли плесень,
Обернулись стаей песен,
 В грусти утонули. . .

Ой, вам, гуси-поморяне,
Жить недолго за морями, —
 Снова на рассвете
Встретят вас весною скоро
Наши речки и озера,
 Наше солнце в цвете.

Ой вы, гуси — крылья звонки,
Не забыть вам той сторонки,
 Где детей плодили,
Зори с месяцем встречали,
Где вы звездочки считали,
 Плавали, ходили.

Здесь вы сложите и кости,
Вы слетаете лишь в гости,

Освежите груди:
Не умеете вы, гуси,
Отойти от Беларуси,
Как иные люди.

31 октября 1918

439. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Млечный Путь пролегает в небесном просторе,
Бесконечный серебряный пояс широкий.
И следит он, как месяц со взгорья на взгорье
Не спеша проползает под ним, круторогий.

Озаряя равнины скуными лучами,
Он миллионами глаз видит долю людскую.
То светлей, то темней он мерцает ночами,
Навевая на сердце тревогу большую.

Говорят, что, когда облетают березы,
Журавлям он не сбиться с пути помогает.
А еще говорят — то сиротские слезы
Стали звездами в небе и вечно сверкают.

9 ноября 1918

440. НА РАССВЕТЕ

Звезда еще в небе не скрылась,
Петух встрепенется не скоро,
А в хате уж печь затопилась,
А в хате слышны разговоры.

За прялкою с мягкой куделью
Девчина сидит у оконца,
За ниточкой ниточку стелет,
Жужжит и жужжит веретенце.

Хоть сон еще рядом летает,
В постель бы улечься ей снова,
Но девушка сон отгоняет,
И всё вырастает основа.

А в поле ненастье лихое,
И ветра разносятся стоны,
Солома шуршит под стрехою,
Дождь хлещет по стеклам студеной.

Прохожий бредет по дороге,
К какой он торопится хате?
Внимательно ищет в тревоге
Тропинку в болотистой гати.

Над ним небо в тучах косматых,
Дороги найти он не может.
Ужель не блеснет свет из хаты,
Ужели погибнет прохожий?

Сны пряху совсем одолели,
Оставили руки работу,
Головку склонила к кудели,
Ей снится хорошее что-то.

Как будто бы кто-то дорожкой
Торопится в гости — и в хату
Вот-вот постучит к ней в окошко,
Такой молодой и богатый.

Улыбка цветет молодая,
И кровь забурилась кринницей. . .
Ей снится. . . да кто там узнает,
Что девушке утром приснится? . .

10 ноября 1918

441. БУРЕЛОМ

Дубу дуб, клонясь, бормочет,
Жалобно вздыхая:
«Нынче ветер что-то очень,
Разъярясь, гуляет!

Погляди, сосед, на пушу,
Как трещат вершины, —
Видно, в глушь, в лесную гушу
Ветер силы кинул!

Вон старуха ель свалилась,
Вырвана с корнями,
Вон березонька склонилась
До земли ветвями.

Видишь, там упала тоже
И осина-сваха,
Даже я не в силах дрожи
Удержать от страха.

Что? Не устояла липа
Под таким ударом?
Стонет лес. Я слышу — всхлипнул
И отец твой старый.

Ах! Что ж это? .. Ветер снова. . .
К нам летит от кручи. . .» —
И не кончив, на полслове,
Рухнул дуб могучий.

14 ноября 1918

442. НАСЛЕДСТВО

Мне испокон веков дано
Наследство драгоценное,
Как ласка матери, оно
Всегда со мной, нетленное.

О нем мне шепчут сказки-сны
Весенние проталины,
И шелесты вершин лесных,
И дуб, грозой поваленный.

Напомнят клеткотом о нем
Мне аист над ракитою,
Замшелым, стареньким плетнем —
Деревни, в рощах скрытые,

Вороньи стаи, что кричат
На деревенском кладбище,
И неумолчный крик ягнят
За речкою, на пастбище.

И сердце у меня одной
Заботою охвачено:
Наследство, что хранимо мной,
Напрасно не истрачено ль?

И в глубине моей души,
Как пламя негасимое,
На всех путях, во тьме, глуши
Горит оно, родимое.

С ним думы все мои давно,
И сны, и песни звонкие. . .
А называется оно
Родимую сторонкою.

19 ноября 1918

443. ПОЕЗЖАНЕ

Разлетелась по просторам
Снежным пухом, тайным вором
Дым, поземка, завируха —
Злого духа злобедуха. . .

В поле дымко и тревожно,
Беспокойно, бездорожно. . .
Ни ночлега, ни путины,
Грозен сумрак домовины.

Как по морю, в пене снега,
Без костра и без ночлега,
В замороженном тумане
Едут, едут поезжане.

Едут. . . едут. . . след развеян. . .
Глуше, тише и темнее. . .
Ни надежды, ни просвета,
Только вьюга, только ветер.

И колдунья-завируха
Что-то шепчет, шепчет в ухо
О рожке, что в ночь взывает,
О пшеничном каравае.

Дразнит снеговым ночлегом,
Задышается от смеха. . .
Лезет в сердце, лезет в очи,
Машет пугалом из ночи. . .

Молодого к молодой,
Свата — к сватье-посидухе
Страх друг к другу прижимает,
Свищет, розвальни качает.

Прижимаются, как дети,
Как голубки на рассвете. . .
Нету свету, нету следу. . .
И всё едут-едут-едут. . .

А над ними завируха,
Поползунья, злобедуха
Раскачнулась снежной вехой,
Задышается от смеха. . .

27 декабря 1918

444. СВЕТАЕТ

Эй, будет храпеть вам! Вставайте!
Глядите — светать начало.
Скорее же солнце встречайте:
Несет оно свет и тепло.

Оно сердце нам разогреет,
Откроет глаза нам на свет,
Оно сон дурной наш развеет,
Веселый послав нам привет.

Довольно, всю ночьку проспали,
Довольно, побыли во мгле;
Глядите — расчистились дали,
Свет солнца царит на земле!

Начало 1919

445. ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Дремлет в лесу густолиственном старом
Тиною заросшее озеро это;
Тихо шумят здесь осока и аир,
Шепчут кусты свои грустные сказки.

Сосны и вязы, дубы и осины
Около озера встали на страже,
Вместе отвесив поклоны немые,
Снова в высокое небо глядятся.

Озеро! Я прихожу к тебе грустный
Сопною пущей, замшелюю стежкой,
Желтые листья шуршат под ногами,
Колют лицо мне сосновые иглы.

Сяду под старым раскидистым дубом,
Думы мои убегают далеко. . .
Тихо над озером, облачно в небе. . .
Где-то кричат перелетные гуси.

10 августа 1919

446. БЕЛОРУССКИЕ СЫНЫ

По белорусским битым шляхам,
Как будто в гости позваны,
Чужане шествуют, а рядом
Кто?
— Белорусские сыны!

Над белорусским вольным краем,
Сам с подневольной стороны,
Царит чужак, а в услуженье
Кто?
— Белорусские сыны.

На белорусских бедных хатах,
Как ленты с гроба сорваны,

Чужие флаги, а хранит их
Кто?

— Белорусские сыны!

Над Беларусью — речь чужая,
Как над костями каркуны,
Кричат чужане, подпевают —
Кто?

— Белорусские сыны!

На белорусском буйном поле
Весь год, с весны и до весны,
Растут кресты, а под крестами
Кто?

— Белорусские сыны!

22 августа 1919

447. НАД ЗЫБКОЙ

Мать укачивала сына,
Возле зыбки сидя новой,
Напевала ему песню —
Вот та песня, слово в слово:

«Люли, маленький мой, люли!
Спи, причмокивай губами,
А когда большим ты станешь,
Не забудь о бедной маме.

Люли, маленький мой, люли!
Сладко спи, забот не зная,
А когда большим ты станешь,
Не забудь о нашем крае.

Люли, маленький мой, люли!
Спи и сон мани чудесный,
А когда большим ты станешь,
Не забудь ты этой песни.

Люли, маленький мой, люли!
Набирайся за ночь силы,
А когда большим ты станешь,
Не забудь моей могилы.

Люли, маленький мой, люли! . . .»

.
Сын повырос, стал с медведя;
А уж помнит ли он песню.
Допытайся у соседей.

23 августа 1919

448. НА НАШЕМ...

На нашем поле
Растут ковыли.
Никто их не полет,
Не вырвет с земли.

Над нашею нивой
Ворон кружит рой.
Никто в них счастливой
Не пустит стрелой.

На нашем покосе
Гадюки шипят.
Никто их не сбросит
В болото назад.

Зверья в нашем крае
Немало в бору,
Но кто их пугает,
Кто гонит в нору?

На нашем пути
Много рытвин и ям.
Их сгладить, снести
Силы хватит ли нам?

В нашей хате
Ткут сеть пауки.

Из хаты прогнать их
Не сыщешь руки.

В нашем крае
Панует чужак.
Но кто нам подскажет —
Избавиться как?

28 августа 1919

449. МОЯ НАУКА

В науку нужда не давала мне ходу,
И книжной премудрости я не постиг,
Язык белорусский и думы народа
От матери знал я — без школ и без книг.

Наставником с детства, с годов невеселых,
Служил мне простор в белорусском краю,
И всходы на нивах и говор по селам
Мне в дар приносили науку свою.

И душу мою окрыляло раздолье,
И в небо, под солнце, летела она,
Светилась, сияла, как радуга в поле,
Как радуга в небе, как сказка-весна.

И, пьяная чарами, буйным цветеньем,
Как будто в каком-нибудь сказочном сне,
Шептала о чуде поры предвесенней
И радостной песней лилась в тишине.

И мельницы шум над рекою бурливой,
И грохот, и говор, и всплески реки
Давали мне песенных ритмов извивы,
Давали мне ходы для каждой строки.

Густые березы, что шлях сторожили,
И цепью летящие вдаль журавли
Гармонию стройную в песню вложили,
Мелодию песни без фальши вели.

Зеленые всходы бескрайных просторов,
Цветов на лужайке веселая рать
Для песен моих не жалели узоров,
Учили венками слова завивать.

В напев мой — от шепота спелых колосьев,
От шелеста яблонь, черемух и груш —
Неслыханной музыки эхо лилося,
Сливаясь со стоном обиженных душ.

Шум древнего бора таинственным сказом
О жизни, о счастье мне смутно шептал,
И песню шум-говор захватывал сразу,
Заснувшие думы от сна пробуждал.

А солнце, что в небе безоблачном тонет,
Вливалось в песню лучистым огнем;
А ветер, что травы высокие клонит,
Дал крылья, чтоб песня взлетела орлом.

В той песне могучую силу взрастили
И цеп, и топор, и стальная коса;
Жара и морозы ее закалили,
И песня гремит, словно гром в небесах.

Так я, ни науки, ни школы не зная,
Отыскивал дар свой и долю свою.
Теперь моя дума, как сокол, летает,
Теперь я свободно и гордо пою.

29 августа 1919

450. ГДЕ ТЫ, ХМЕЛЬ МОЙ, ЗИМОВАЛ?..

«Где ты, хмель мой, зимовал,
Что не распускался?
Где ты, сын мой, ночевал,
Что не разувался?»

«Зимовал я в той стране,
Где бураны дули;
Ночевал я на войне,
Где гуляют пули».

«Где ты, хмель мой, летом цвел,
Что дождя не ведал?
Где ты, сын мой, день провел,
Что и не обедал?»

«Цвел я там, где дни стоят
Знойные, сухие;
Там дневал я, где гудят
Пушки боевые».

«Ты зачем, мой хмель, терпел
Зной и холод лютый?
Для чего, сынок, летел
С песней на войну ты?»

«Славный жребий выпал мне:
В зной и в стужу злую
Воевал я на войне
За страну родную».

1919

451. ПЯТЬ СЕНАТОРОВ

...И сошлись впятером на кривицких полях,
На просторе не божьем иль божьем,
Чтобы им впятером пораскинуть умом:
Наивысшую Раду мы сложим.

У народа свой вкус: любит наш белорус,
Чтобы им управляли бы силой.
Пусть нас здесь только пять, будем крепко держать
Власть над этим народом, нам милым.

Так решив меж собой, той же самой порой
Наивысшую Раду слепили,
Барыши подвели, слушать мессу пошли
И в сенаторов званье вступили.

День живут и другой — люди к ним ни ногой,
Не спешат что-то пасть на колени.
Хоть зарежь, не идет к этой власти народ,
И мелькать стали красные тени.

Чтобы власть показать, объявилось их пять —
Надо всё усмотреть спозаранку.
И признали они, что тут «марки» одни
Превосходно сойдут за приманку.

И заботу свою подвели под статью —
Хорошо и у черта взять гроши.
Ведь в такие-то дни, — рассуждают они, —
На чертей стали люди похожи.

И пошли впятером до высоких хором,
До вельможного ясного панства,
И в прихожей подряд стали, как на парад,
Как сенаторы, полные чванства.

Поглядели кругом, что-то шепчут тишком,
А пред ними — дивись хоть до смерти! —
Белорусский рассол хлещет белый орел
И то вправо, то влево хвост вертит.

Те стоят — хоть и страх, а тут двери шарах!
И лакей ткнул им горсть побрякушек.
Мигом вышли они — рады, хоть на штаны
Для себя настояли «костюшек».

И живут целый год, а народ не идет,
Красный свет прорывается в дыры.
Потеряли покой — иль сходить раз-другой,
Чтоб сенаторам сшили мундиры. . .

7 апреля 1920

452. В ОТЛЕТ!

Гей, к солнцу, к свободе, крылатое племя,
В отлет! Все просторы открыты пред нами.
Взять солнце, как факел, настало нам время
И, крылья раскрыв, пролететь над мирами!

Гей, внуки отважных! Пора устремиться
К высотам, где молнии, тучи и громы. . .

С надеждою в сердце, как вольные птицы,
Мы к счастью рванемся путем незнакомым!

Гей, вольные птицы, властители песни,
В дорогу! Под стяг красоты и свободы!
В отлет! К торжеству красоты и свободы!
Пусть огненной песне дивятся народы!

1920

453. БАЙ

Бегал бай по стене
В ярко-красном зипуне,
Байку баял. Ай люли!
Пчелки в улей мед несли...
 Баять ли мне?
 — Баять!

Бегал бай по стене...
Шла весна по весне,
Со цветочков каждый год
Собирали пчелки мед...
 Баять ли мне?
 — Баять!

Бегал бай по стене...
Жили пчелки в тишине,
Сами собирали мед,
Лакомились круглый год...
 Баять ли мне?
 — Баять!

Бегал бай по стене...
В той же самой стороне
Пустоплясом трутень жил,
С пчелками дружить любил...
 Баять ли мне?
 — Баять!

Бегал бай по стене...
Трутень молвил: «Дайте мне

Глянуть, пчелки, в улеек,
Ваш попробовать медок...»
Баять ли мне?
— Баять!

Бегал бай по стене...
Как-то пчелки по весне
Трутня в гости на денек
Пригласили есть медок...
Баять ли мне?
— Баять!

Бегал бай по стене...
Гость от дела в стороне.
Пчелки носят в соты мед,
Трутень ест его весь год...
Баять ли мне?
— Нет!

6 марта 1921

454. СЫН И МАТЬ

Сын

Мамка, мамка, нам сегодня
Говорили в школе
О какой-то Беларуси,
Что живет на воле:

Хоть я слушал со стараньем
(Не люблю иначе),
Да не мог понять я толком,
Что всё это значит.

Мать

А вот то и значит, милый,
Глянь вокруг, взглядишь-ка:
Видишь хатки, деревеньки —
Далеко ли, близко?

Это поле — нива к ниве,
Взгорки да лошинки,
Рядом с яблоней-дикушей
Крест возле тропинки?

Видишь пожни, сенокосы
С чистыми ключами?
Видишь бор вдали зеленый
Вровень с облаками?

А совсем вдали, докуда
Не достанешь глазом,
Так прекрасно, что едва ли
Передашь рассказом!

Деревень не счесть, местечек,
Городов чудесных,
Рек бурливых, чащ стозвопных —
Только славить в песнях!

Днепр и Сож, Двина и Неман
Там текут привольно,
Белавежи, Налибоков
Слышен шум раздольный.

Города — Минск, Витебск, Вильна,
Могилев и Гродно
До старинных стен Смоленска
Разлеглись свободно.

И свидетельствуют миру
О великой славе,
О родной земле, которой
Мы гордиться вправе.

Вот всё это-то, мой милый, —
Хаты, земли, реки —
Беларусью и зовется,
И твое навеки!

Сын

А! Понятно! Так богат я,
Как не снилось пану,
И поэтому слугою
Никогда не стану!

А еще скажи-ка, мамка, —
Вот твердит учитель:
«Белорусы, белорусы...»
Ну, а я их видел?!

Мать

Ах, какой же ты глупышка!
Слушай да кумекай:
Все-все люди, что когда-то
Искони, от века,

Жили тут, живут сегодня,
Выйдя из недоли,
Носят свитки, носят лапти
На людях и в поле,

Все — и ты, и я, соседи —
Немцы, что ль, французы?
Нет, родной: на Беларуси
Живут белорусы.

И еще, сынок, прибавить
Хочется одно мне:
Белорус по-белорусски
Говорит, запомни!

Сын

Вон что! Я и сам уж, мамка,
Теперь разумею:
Белорус я! Кто иначе
Скажет, дам по шее!

Но, однако ж, непонятно
Всё же остается:
Что, скажи мне, белорусским
Языком зовется?

М а т ь

Ох, глупыш! Ну что с тобою
Делать мне, ей-богу!
Как иначе белорусы
Говорить-то могут?

Как мы в эту вот минутку
Говорим с тобою?
Как же я пою над зыбкой,
Над твоей сестрою?

Да послушай, как соседи
Говорят друг с другом;
Как поют на поле жницы
И косцы над лугом.

Как бабуля бает сказки
О доле-недоле;
Как рассказывает что-то
Вам учитель в школе?!

С ы н

Вот теперь я понял, мамка,
Все загадки эти!
Покажу всему я свету,
Кто я есть на свете!

2 июня 1921

455. НА СМЕРТЬ СТЕПАНА БУЛАТА

Задремал ты. Над могилой
Ветер стихнул, пригорюнясь...
Смерть скосила — не спросила...
Светел сон твой о Коммуне!

Солнце за косы хватая,
Думал думку о перуне,
Что разбудит силы края...
Светел сон твой о Коммуне!

Сиротами горевыми
Цеп с косою забыты в клуне,
Кто ж их на врага подымет? ..
Светел сон твой о Коммуне!

Мир поднялся, встрепенулся...
Верь, свободный ветер дунет
По всей милой Беларуси!
Светел сон твой о Коммуне!

Расцветая в славе буйной,
Зашумит золотострунный
Край родной одной коммуной! ..
Светел сон твой о Коммуне!

Над могилой ветер бродит,
Цвет колышет вешний, юный.
Солнце всходит и заходит...
Светел сон твой о Коммуне!

9 августа 1921

456. А КУКУШКА КУКОВАЛА...

Как на свет родился Янка,
Как заплакал много-мало,
Пела мать над колыбелью,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Спи, соколик, ку-ку, ку-ку!»

Как подрос, поднялся Янка,
Скот пасти пора настала,
На жалежке всё играл он,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Паси стадо! Ку-ку, ку-ку!»

Как подрос, как вырос Янка,
Сеять стал, не уставал он

И за севом пел о доле,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь доuku!
Сей, где можешь! Ку-ку, ку-ку!»

Как ни жал, ни сеял Янка,
Всё чего-то не хватало:
Янка сеял — люди жалн,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь доuku!
Жить ты будешь, ку-ку, ку-ку!»

Как стал старым, старым Янка,
Как в нем удали не стало,
Баял байки-сказки внукам,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь доuku!
Хватит баять! Ку-ку, ку-ку!»

Как в могилу клали Янку —
Как родня затосковала!
Ах, зачем ты умер, пахарь!
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь доuku!
Спи, соколик! Ку-ку, ку-ку!»

8 сентября 1921

457. ПЕСНЯ И СКАЗКА

Песня и сказка
Дружбой согреты,
Дива и чары
Сеют по свету.

Детские думы
Будят утрами,
Как на рассвете
Солнце лучами.

Песня и сказка,
Словно в кристалле,
Миру покажут
Тайные дали.

Путь намечая
К звездам и зорям,
Души согреют
Скованных горем.

Песня и сказка
Яркой мечтою
В образах светлых
Счастье построят.

Сердце согреют
Вечною лаской. . .
Слушай же, сердце,
Песню и сказку.

1921

458. МОРОЗ

Иду я пустынной дорогой,
Где стынут деревья в снегу,
И ночью и днем неизменно
Просторы свои берегу.

Я здесь, под ветвистым покровом,
Владыка, сильнейший из всех.
Венец мой — зеленые сосны,
И трон мой — сверкающий снег.

Дворец мой — леса вековые —
Блестит и сияет насквозь.
Мне служат медведи и волки,
Мне служат и белка и лось.

Как пухом, снежком засыпаю
Березку, и елку, и клен.
Приют я даю приходящим,
Ласкаю, голублю их сон.

И сказки шепчу им о счастье,
Глаза осушаю от слез...
Идите же в гости к Морозу —
Вас всех приголубит Мороз!

1921

459. С НОВЫМ ГОДОМ

С Новым годом! С Новым годом!
С новой песней вместо тоста!
С Новым годом расцветают
Наши песни, наша поступь!

Бросим клич мы гулкий, звонкий
От оконца до оконца,
Мир усталый, мертво-сонный
Позовем мы: «К солнцу! К солнцу!»

Мы для правнуков и внуков
Все дороги проторили,
Чтоб они владели миром,
Чтоб вздымали к небу крылья!

Встала радуга над миром
После бурь и лихолетья...
Если жизнь была нам в тягость,
Пусть легко живется детям!

С Новым годом, что криницей
Нам звенит, не умолкая,
Белорусская земляца!
Белоруссия родная!

1921

460. КОРОЛЬ

Я король над королями,
Пан я над панами!
Что цари передо мною —
Посудите сами.

Тругу-гугу! Тругу-гугу! —
В дудку заиграю:
Это я трубой военной
Подданных сзываю.

Лясь-лясь! Лясь-лясь! — справа, слева
Свищет бич трескучий:
Это подданных страшаю
Я на всякий случай.

Как один, они за мною
Подобру-здорову
Через горы, через доли,
За гай, за дуброву.

Тругу-гугу! Тругу-гугу! —
Вновь трублю сердито;
Лясь-лясь! Лясь-лясь! — бич мой свищет
Грозно, сановито.

И усядусь я на троне —
На пне на еловом,
Встанут подданные подле,
Не молвят ни слова.

Только — жув-жув! Жув-жув травку, —
Само послушанье!
Только эхо вдоль опушки
Идет от жеванья.

Лишь порою — мм-у, мм-у! Мм-у, мм-у! —
Замычит теленок;
Бэ-э, мэ-э! Бэ-э, мэ-э! —
Заблеет ягненок.

Рох-рох, чох-чих! Кви-кви, кви-кви! —
Визгнет поросенок;
Да гы-гы-гы! — отзовется
Где-то жеребенок!

И сажу я, восседаю,
На подданных глядя,
Очень важно, очень пышно,
Как пан на параде.

Солнце сушит свои косы,
Стелет жарким лугом,
Тихим шепотом листочки
Говорят друг с другом.

Ку-ку, ку-ку! Ку-ку, ку-ку! —
Кукует кукушка;
Пить-пить, пить-пить! — как с похмелья
Канючит пичужка.

Ву-ву! Ву-ву! — прогудел жук
Возле уха смело;
Ззынь-ззынь! Ззынь-ззынь! — над ромашкой
Пчелка зазвенела.

И трепещущее сердце
Нежат эти звуки;
Я трубу свою на плечи
Да жалейку в руки.

Туль-туль-лили! Туль-туль-лили! —
Знай себе играю;
Туля-ляля! Туля-ляля! —
Птахам подпеваю.

Гуля-ляля! Не король ли
Я над королями?
Стадо, солнышко, приволье! . . . —
Посудите сами!

15 мая 1922

461. ОТ МИНСКИХ ДЕТЕЙ

*Приветствие IV Всебелорусскому
съезду Советов*

От ребячьей нашей юной
Расцветающей коммуны
Шлем привет вам, делегаты,
Вас прислали нивы, хаты!

Гей, рабочие, крестьяне!
Мозыряне, бобручане,
Игуменцы и минчане,
Гей, борисовцы, случане!

Есть одна у нас отчизна,
Есть одна дорога в жизни, —
Дружной мы пойдем семьею,
Боевою, трудовую.

Мы намного вас моложе,
Но, как вырастем, поможем
К счастью пробивать дорогу,
К вам придем мы на подмогу.

Через бури и ненастье
К солнцу мы пойдем за счастьем.
Выйдут к счастью нивы, хаты,
Знайте, наши депутаты!

7 декабря 1922

462. КРЫМ

1

Крым — неизведанная сказка
Ушедших в прошлое веков,
Что были некоторым лаской,
Другим — лишь скрежетом оков!

В пробеге шумных тех столетий
Не мог согнуть тебя твой рок,
И так же тянут рыбу сети,
Птиц заманить готов силок.

Шумит извечным ладом море,
А с ним магнолия, платан. . .
О чем рассказ ведут и спорят,
Спроси лишь ночку и туман!

2

На побережье крымских вод
Ай-Петри, синевой обвитый.
Здесь легких тучек хоровод,
Ущелий пропасти раскрыты.

Он на дворцы глядит с высот,
На хаты, что внизу без счета,
На каменных дорог разлет —
Плоды невольничьей работы.

А я — певец с далеких нив —
Здесь в угол из угла снуюся,
Мне тяжело от крымских див,
И грустно мне без Беларуси.

8

Гаспра — мой приют хороший,
Я немало дней тут прожил,
И тебя я покидаю,
К своему вернусь я краю.

Будь приветна, будь здорова,
Как молодка черноброва!
Долговечным будь, Ай-Петри,
Хоть и веют буйны ветры!

Вам, магнолии, платаны,
Кипарисы и каштаны,
На прощание не слезы,
А привет вам от березок!

16 ноября 1923

463. ТИШКЕ ГАРТНОМУ

**В ПЯТНАДЦАТУЮ ГОДОВЩИНУ ЕГО ПОЭТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
НА БЛАГО БЕЛОРУССКОГО ТРУДОВОГО НАРОДА**

Много поля с доброй долей
Несчастливо и счастливо
Пролетел ты, мой соколе,
По-над отчей нашей нивой.

Зря ль в предвестии лазури,
С непомерной гордой силой
Тебе песни пела буря,
Думки бурные будила?!

Только крепи твои крылья,
Креп твой дух в суровом деле,
И сто радуг свет струили,
Сто зарниц обнять хотели.

Из-под тучи зорькой ясной
Озираешь путь, которым
Взмыл ты к солнцу без боязни
По ненастливым просторам.

Тают сны, смолкают стоны,
Слепота спадает злая,
И народ творит законы,
Слово правды возрождая.

Гей, лети, соколе, дале
По-над вольным нашим краем,
Не страшись грядущих далей,
Будь, как прежде, негнибаем!

21 ноября 1923

464. ОРЛЯТАМ

1

Эй, орлята! Шире крылья!
Взвейтесь выше в битве ярой
Над былым, что спит в могиле,
Над недолей жизни старой!

И в раскатах гроз суровых,
В ярком блеске молний алых
Для веков сложите новых
Правду мыслей небывалых.

Вам серпы и косы в руки
И мечи из крепкой стали
Дали бури, дали вьюги,
Что тут грозно бушевали.

Тень былого — день проклятый,
Где гуляли кнут с нагайкой, —
Вы развеете, орлята,
Юной силой, песней-байкой.

Час уж пробил долгожданный,
Время выйти на свободу,
Выйти смело из тумана
Белорусскому народу.

В новом, дивном хороводе,
В расцветающей свободе,
Без оков, на вольной воле
В мир выходит наша доля.

2

Серп и молот вам, отважным,
Доля даровала,
Чтоб отныне сила в каждом
Богатырской стала.

Чтоб добытую свободу
Все вы уважали,
Чтобы в злую непогоду
Грозным валом встали,

Чтоб шумели и гудели
Вы грозой всесветной,
Не проспали бы в постели
Волн огнецветной.

Вам отцы и деды дали
Соху с бороною,
Чтобы землю вы пахали
Раннею весною,

Чтоб свою взрыхляли ниву
Долго и упорно,
Чтоб бросали в час счастливый
Золотые зерна,

Чтоб шумела над землею
Нива величаво
Рядом с вашей молодою,
Соколиной славой.

Вам в наследство дали деды
Отбитые косы,
Чтобы вы за солнцем следом
Вышли на покосы,

Чтоб косить не уставали
Лебеду с бурьяном,
Кровь людскую не давали
Отравлять дурманом,

Чтоб звенели ваши косы
Над землею сонной
В час, когда сверкают росы
На траве зеленой.

Вам даны в наследство песни
Многих поколений,
Чтобы петь еще чудесней
О заре весенней,

Чтоб вы пели грудью полной
В радости и в горе,
Чтоб кипели, словно волны
Штормовые в море,

Чтоб гремел ваш гимн растущий
От поля до поля
И людей, в цепях живущих,
Звал из тьмы на волю.

1923

465. ДВЕ СЕСТРЫ

Здесь вблизи, не вдали,
Две сестрицы росли,
Что калины забытые в поле;
Животворных криниц
Словно нет для сестриц,
Вяли, сохли они от недоли.

Как наступит весна,
В чистом поле одна
Вплоть до осени силы теряла,
А студеной зимой
В хате черной, курной
Пряла лен, и сновала, и ткала.

Второй из года в год
Выедал, словно крот,
Дым фабричный веселые очи;
А девичью красу
Жадно, будто росу,
Пил кирпичный подвал темной ночью.

От работы и мук
Так одна гнулась в крюк,
Что калинка забытая в поле;
Горе брало в тиски,
Пела песню тоски:
«Ах ты, женская доля-неволя!»

А второй у людей
Нянчить малых детей
Безотрадная выпала доля,
И как будто сквозь сон
Слышен был ее стон:
«Ах ты, женская доля-неволя!»

Ой, не те времена,
Нынче доля дана
Не такая, как раньше, сестрицы!
Голос ваш молодой,
Распростившись с бедой,
Разольется пусть ясной криницей!

Хватит хмуро глядеть,
Песни грустные петь, —
Надо новую жизнь нам построить!
Киньте дум огнецвет,
Сказки новые в свет,
Пролетарка с крестьянкой-сестрою!

6 октября 1924

466

...О! Пролетарий я! . .
Вчера лишь раб между рабами,
Сегодня — вся земля моя,
И главный царь я над царями!

Отчизной стал мне целый свет,
От нив родимых отвернулся.
Но... не изжил еще всех бед:
Мне снятся сны о Беларуси!

1924

467. ДОРОГОЙ ЛЕТ

15/V-1905—15/V-1925

Как бусы, вновь за годом новый год
На жизненную нить воспоминанья нижет:
Одна из этих бус холодная, как лед,
Другая теплая, как солнышка восход,
А третья, словно червь, могильный прах грызет,
Та выгладит чужой, а эта сердцу ближе,
Одна — как вешний цвет, другая — как осот,
А все висят на шее. . .

Вот идет

Двадцатый год с тех пор, когда в предвестье
Весенних дней в беде узнал народ
Живые мысли, буйные, как песни.
За летом лето шло и за зимой зима,
На смену проблескам являлась злая тьма.

.
Вот пятый год — он первый среди прочих.

Царь повелел, и слуги повели
На казнь сынов моей родной земли.
Затем реакция пришла чернее ночи,
И кровь пила, и ослепляла очи.
Казалось порой, что будет без конца
Гулять нагайки свист над «покоренным» краем,
А люди «лучшие», смирнее чем овца,
Прельщаться стали царским иль варшавским
раем, —

Как деды их прельщались раньше, знаем,
Сынки продажные продажного отца,
Шляхетским званием иль службой в важном чине
И счастье отыскать стремились на чужбине,
Недорого продав и души и сердца!

.
Затем. . . Цари корон не поделили,
И вот настал четырнадцатый год.
И кровь свою вновь белорусы лили,
С оружием в руках в далекий шли поход.
Спалили хаты их, а беженцев погнали
В Сибирь; как нищие, плелись они в печали,
Что с голоду умрут — они заране знали,
Обидчиков своих — царевых слуг — коря,

Тогда как дети их кровь честно проливали
За веру русскую и русского царя.

.
И кончилась война за царские короны,
И новый над землей свет засиял червонный:
Червонный стяг поднялся над Москвой,
И отблеску его повсюду мир дивился,
Рабочий стал писать закон железный свой,
Готовый отвечать за правду головой.
Крестьянин вместе с ним на волю устремился.
Гимн революции услышал белый свет:
«Вставай, проклятьем заклейменный!..»

. Но от бед
Край не избавился, войною разоренный:
Примчался панский конь поля страны топтать.
И вновь увидели тоскующие очи,
Как ясные деньки сменились мглою ночи,
Над Беларусью кнут опять пошел свистать;
Невинной крови потекла река,
Пожары снова обагрили небо.
Благодарила панская рука
За то, что мы свои краюхи хлеба
Прожорливым панам в былые дни несли,
На барщине у них трудились, как могли,
А наши матери паненков берегли.

.
Но в свой черед прошло и это лихолетье,
Хоть и не все вернулись в хату дети:
Одни в земле сырой, их не увидеть нам,
Другие здравствуют, молясь чужим богам,
А те за рубежом томятся, окликаая
Нас — братьев и отцов. Видать, судьба такая...

.
Вот так я шествовал дорогой долгих лет,
О счастье родины всечасно помышляя,
У дорогих могил свой оставляя след
И, как подсолнечник, лик к солнцу устремляя...
Сегодня к светлым дням уже проложен шлях:
На нивы господá былые не вернуться,
В душе исчез перед грядущим страх,
Знамена алые высоко в небе вьются.

На черных пепелищах дней былых
Жизнь новая трудом творится ежедневным,
И не продаст народ торговцам чужеземным
Ни собственной земли, ни дум своих живых.
Я верю, что на песнь откликнутся сердца,
Что отзвуки ее услышат в дальней дали,
Что не умрут в глуши слова ее певца,
Как в годы прежние они не умирали.
Я пел о доле их крестьянам-батракам,
В их души заглянув, их думы постигая.
И ныне песнь моя звенит, не умолкая,
И одобренье ей в народе слышу сам.
Так здравствуй и цвети, свободный милый край,
Где право и закон принадлежат народу,
Рабочих и крестьян к сплоченью призывай,
Пой в счастье, Беларусь, узнавшая свободу!

Май 1925

468. НА ДОЛГИНОВСКОМ ТРАКТЕ

Минск — Аконы

Я всем сказал, что по совету
Врача лечиться в добрый час
Из города в деревню еду,
Набраться силы про запас.

Грохочет бричка меж полями,
Сам Розенблюм за извозца,
Меня ж трясет на каждой яме,
А им как будто нет конца.

Дороги наши, ой, дороги!
Пригодны мало для езды, —
На них сам черт ломает ноги,
Любой натерпится беды.

Дороги, ох!..

То вниз, то в гору
Култых-култых — в лужок, в лесок,
Едва начнутся разговоры —
И вдруг под зад тебе толчок...

Наш конь посматривает косо
На клочья сена под кустом
И, кажется, под самым носом
И так и сяк вертит хвостом.

А вдоль дороги вереницей
Идут деревья, как в поход,
Не густо тень от них ложится:
Повырубил их свой народ.

Кем эти срублены березы?
Зачем на землю полегли,
И зной осилив, и морозы,
Топор осилить не смогли?

А люди? Всем известно, люди
Как и любой наш человек:
Опять сажать сегодня будет
То, что вчера бездумно сек.

Навстречу нам большак стремится,
Всё, что вокруг, бежит назад,
На сотни верст большак ложится —
Поля, деревни, лес как сад.

Знакомый мне, родной до боли,
Долгиновский широкий шлях!
Он счастье нес и нес недолю
На вековых своих плечах.

Шли из Долгинова обозы
На Минск, бывало, ночь и день...
Дегтярный дух, скрипят колеса,
Гул голосов...

И всё как тень!

Как сон несбыточный сквозь годы!..
Притих большак, как лес зимой,
Теперь долгиновской подводы
Не встретишь больше, братец мой!

Не встретишь давнего соседа,
А кто-то — и своих родных. . .
Своими были в счастье, в бедах —
Теперь живи среди чужих.

И весть оттуда никакую
Не получу я никогда —
Я лишь услышу, как кукует
Кукушка *там*, как в те года.

А волк завоюет — долетает
Лишь эхо, если вечер тих,
Знать, волк и тот не забывает
Своей деревни там — *у них*.

Для зверя и для вольной птицы,
Как и для дум, — весь белый свет!
Не остановят их границы,
И не задержит их пикет.

А ну, мой конь!

Там поле. . .

Пустошь. . .

Сверни с дороги, видишь сам,
Там дальше — «пропуск» и. . . «пшепустка».
Стой, Розенблюм!

Акопы там!

26 июня 1926

469. ПРИДУТ

Придут мильоны поколений
На наше место и тогда
Рассудят — в честном ли гореньи
Мы жили так, что череда

Обид минувших нас не съела,
Оставив только дым и чад,
И мы по-прежнему несмело,
Нескладно жили, невпопад?

И так ли честь оберегали
Без принуждения, без мук,
И совестью не торговали,
Не продавали дум и рук?

И вправду ль в памяти оставить
Такие песни мы смогли,
Где было нам дано восславить
Свободу и любовь земли?

Пусть нам история выносит
Свой неподкупный приговор,
И с нас за всё как надо спросит,
И разрешит как надо спор.

Пускай в свидетели покличет
Дела былые наших дней,
Перечеркнет иль возвеличит —
Ей будет издали видней.

Чтоб наш потомок изумился,
Когда наслышится о нас:
Кто даже силою гордился —
Стонал под тяжестью не раз;

Не шел с открытыми глазами
Случайной тропкой, как-нибудь, —
Не торными шагал путями,
А сам протаптывал свой путь.

Июнь — июль 1926

470. ЗА ВСЁ...

За всё, что взял от жизни,
Что дал мне мой народ,
За дом в моей отчизне,
За хлеб-соль без забот

Я оплатил народу, —
И много, много лет
Я звал вас на свободу,
Я звал из тьмы на свет.

И для отчизны бедной,
Чтоб дать ей больше сил,
Слагал я гимн победный
Среди крестов, могил.

Борясь с лихой напастью
За счастье для людей,
Писал стихи в несчастье
Всей кровью я своей.

Вносил я этим долю
Добра для всех людей, —
Так ждать чего же боле
От песни вам моей!

Июнь — июль 1926

471. ЛЕТОМ

Сладко летом в полдень знойный
В зелени, в цветах купаться,
Обниматься с ветром вольным,
С ясным солнцем целоваться.

Слушать шорохи лесные,
Крон задумчивые шумы
Там, где сосны молодые
Не таят счастливой думы.

Поравнявшись с желтой нивой,
Спелой ржи услышать голос —
Здесь в беседе, сердцу милой,
К колосу склонился колос.

Все невзгоды, все напасти
Тонут в звуках, в знойном лете...
Думать хочется о счастье,
Верить в счастье, словно дети.

Июнь — июль 1926

472. БУДЬ ГОТОВ!

Будь готов, держи высоко,
Юный, крепкий, знамя.
Крылья расправляй, как сокол,
И без лишних слов
Ты стоять в шеренгах с нами
Будь готов!

Сколько сил в ручонках быстрых!
Песня — алым флагом.
Не дремать, как грянет выстрел,
И на зов отцов
С пионерскою отвагой
Будь готов!

Помни, сын ты лучшей в мире
Родины богатой.
Пой ты песни звонче, шире
И от лживых слов
И сестру беречь и брата
Будь готов!

Пионер ты — это верно!
Старшим братьям смена.
Закаляй себя примерно.
По стопам отцов
Встать за волю неизменно
Будь готов!

От тебя страна родная
Ждет себе защиты.
Пусть враги тебя узнают.
До седых годов
Ты идти за правду в битву
Будь готов!

Июнь — июль 1926

473. ГДЕ СТОЯЛ ДВОР ПАНСКИЙ...

Где стоял двор панский
Панщины пикетом,
Где паны справляли
Балы да банкеты,

Там теперь поселки
Молодые встали,
Семицветы радуг
В небе заблестали.

Где с кнутом погонщик
Проходил по полю,
Где свою крестьяне
Проклинали долю,

Там теперь без страха
Вдаль глядит, не тужит
Сеятель свободный,
С ясным солнцем дружит.

Где дворец был панский,
Жизнь текла пустая,
Вечный гнет с развратом,
Как гнездо, свивая, —

Там теперь порядок
Новый развернулся, —
Ходят в школу дети,
Цветы Беларуси.

Июль 1926

474. СЕЙ, ВОЛЬНЫЙ СЕЯТЕЛЬ

Газете «Беларуская вёска»

Сеятель вольный,
Сей в своем поле —
Здесь твое счастье,
Здесь твоя воля.

Солнце даст силу
Вольным загонам,
Зерна оденет
Шелком зеленым.

Стебли под ветром
Станут качаться,
С колосом колос
Будет шептаться.

Вольные жнеи
Выйдут с серпами,
Густо застелют
Поле снопами.

Люди неволи
Будут дивиться:
В вольной отчизне
Труд наш спорится.

Глянут и скажут
Люди неволи:
«Сеятель вольный,
Сей в своем поле!»

1926

475. ЛЕТОПИСНОЕ

*Посвящая
десятилетию БССР*

Над могилами славных,
Что легли за Советы,
Ты, республика, встала
И всему светишь свету.

.

Были годы неволи,
Были жуткие годы,
Люди гибли под гнетом
На полях и заводах.

Были жуткие годы,
Еще хуже настали,
Когда бо́йни всемирной
Волны злобно хлестали.

Венценосцы, банкиры
За наживу, за троны
Самовластно бросали
В бой людей миллионы. . .

И пожгли, разорили
Наши земли и хаты,
А народ обокрали,
Как разбойники, каты.

...Что за туча такая?
Взгляд ее не окинет:
Белорусские люди
Стали «беженцы» ныне.

Революция. Воля.
И вот беженцы снова —
Милой родины дети —
Под родительским кровом.

Стяг пурпурный над Минском,
Гимн и радость народа. . .
Сообщенье Советов:
БССР быть свободной. . .

Только пану не спится,
Прется людям на горе,
Ему панскую Польшу
Дай «от моря до моря».

Орел белый над Минском,
Знаки панской «приязни»:
Грабежи, и насилье,
И пожары, и казни.

Враг ушел, но оставил
След расправы звериной:
Пепелище столицы
И руины... руины...

А потом, будто мало
Тех, что были, несчастий:
Рижский мир перерезал
Беларусь на две части.

И опять, как и прежде,
За столбами с орлами
Белорусы под паном
И гремят кандалами...

.

Над могилами славных,
Что легли за Советы,
Ты, республика, встала
И всему светишь свету.

.

Беларусь, мое сердце,
Годы счастья настали:
Как невольник из плена,
Ты встаешь из развалин.

И дворцов и заводов
Корпуса воздвигаешь,
Заграничный порядок,
Как метлою, сметаешь.

Всех к себе привлекаешь
Заревым своим строем —
За кордоном народы
Видят свет пред собою.

Наилучшую долю
С молодым вдохновеньем
Ты несешь неустанно
Городам и селеньям.

На полях плодородных
Будет рожь колоситься,
И свободно, с любовью
Будут люди трудиться.

Для раздоров народам
Не найдется причины,
Человек с человеком
Будут в братстве едином.

А гудки и жалейки
В городах твоих, селах
Запоют о победе
В новых песнях веселых.

И никто уж не сможет
Заковать тебя снова,
Мой народ белорусский,
Ни в какие оковы!

.

Над могилами славных,
Что легли за Советы,
Ты, республика, встала
И всему светишь свету.

17 декабря 1928

476. ДИКТАТУРА ПРАЦЫ

Культуру хамства и доллара,
Князей, епископов богатства
От скандинавов до Сахары
Сметешь ты, диктатура працы.

Рабовладельцев в мире старом,
Чад их бахвальств и спекуляций
Турбинной молнии ударом
Спалишь ты, диктатура працы.

Насильников планеты чистой,
Привыкших век в крови купаться,
Серпом и молотом огнистым
Сметешь ты, диктатура працы.

Закон и право в доле ровной
Для всех народов, для всех наций
Рукой железной, непокорной
Напишешь, диктатура працы.

Жизнь без потемок и терпенья,
Чтоб солнцем правды согреться,
Для всех веков и поколений
Создашь ты, диктатура працы!

3 ноября 1929

477. УХОДЯЩЕЙ ДЕРЕВНЕ

Ты, как тяжелый сон тоскливый,
Уходишь дальше с каждым годом.
А твой народ трудолюбивый
На путь становится счастливый,
Разбив оковы злой невзгоды.

Засеет он свои загоны,
Расчистит он свои дубравы,
В одну семью объединенный,
Как будто заново рожденный
Для новой жизни, новой славы.

Былого страшные обломки
Мы по земле развеем прахом.
И не пойдут твои потомки
С пустою нищенской котомкой
Искать приют сибирским шляхом.

Они горбы немых курганов,
Где спят рабы и спят магнаты,
Трудом распашут неустанным, —
И там, под солнцем долгожданном,
Сады раскинутся богато.

Где за поселком лег поселок,
Заводы загудят победно,
И в блеске солнечно-веселом
Электросвет вольется в села
И дым лучин сметет бесследно.

Твоей жалейки стон унылый
Заменит трактор песней новой,
И пахарь твой почует силу,
И не пойдет, как раньше было,
С глухой мольбой под крест сосновый.

Твоим немазаным колесам
Автомобиль идет на смену,
А твой косарь русоволосый —
Придет пора — забросит косы,
Косить машиной будет сено.

Не станут девки молодые
Слепить за прялкой ясны очи:
Станки фабричные, стальные
Соткут полотна дорогие
Своим крестьянам и рабочим.

И голос радио свободный
Развеет тьму поверий древних.
И в тон ответит бор дремотный,
Ответит Неман многоводный,
И зашумят поля напевней.

Русалки, лешие отныне
Твоих людей пугать не смогут,
И водяной погибнет в тине,
И солнце ясное раскинет
Лучи у каждого порога.

Над куполами, над крестами
Труба взметнется заводская,
И заглушит она гудками
Звон заунывный над полями,
На труд рабочих собирая.

И будут дальше год от года,
С пути сметая все помехи,
Расти и радость, и свобода,
И сила твоего народа,
Освобожденного навеки.

Исчезнешь ты, как сон тоскливый,
Растаешь, как в лугах туманы.
Смотри: народ трудолюбивый
Уже нашел свой путь счастливый,
Нашел свой край обетованный.

Ноябрь 1929

478. ВОЛЕЙ ТВЕРДОЙ, КОЛЛЕКТИВНОЙ

*Первой всебелорусской выставке
сельского хозяйства и промышленности*

Волей твердой, коллективной,
Силой дружбы неразрывной
Строит новый мир цветущий
Пролетарий всемогущий.

Он отчизну из разора
Вывел к творческим просторам,
И, прогнав былого тени,
БССР — как сад в цветеньи.

И куда ни глянет око,
Здесь, на выставке широкой,
Встала новь богатых всходов
Поля, фабрик и заводов.

Сбор такого урожая
Сотню лет опережает. . .
Тот не видит, кто не хочет,
У кого затмило очи.

И, отчизне благодарна,
Расцвела в труде ударном
Животворною криницей
Пролетарская столица.

15 августа 1930

479. НОВАЯ ОСЕНЬ

Богатой хозяйкою осень
Полей осмотрела границы.
Справляют дожинки в колхозе
Довольные отдыхом жницы.

Крикливая галочья стая
Над желтою рощей хлопочет,
Цепы на селе заглушая,
С утра молотилка грохочет.

День ото дня тени длиннеют.
Осенние дали просторны.
И в поле распаханном сеют
Пшеницы отборные зерна.

И ветер гуляет суровый
В кустах, в перелесках, на пашне.
Добром наполняется новым
Силосная круглая башня.

Под синим крича небосводом,
В отлет собираются гуси,
И красных обозов подводы
Плывут средь полей Беларуси.

А в небе высоком и ясном
Осеннее солнце сияет.
Справляют под знаменем красным
Колхозники день урожая.

1930

480. А В ВИСЛЕ ТРУП ВОЛНОЙ КАЧАЕТ...

Пирует панская Варшава,
Как бы последний день встречает...
А Висла в пене вся кровавой,
А в Висле труп волной качает.

Шелка, погоны золотые,
Дворцы, горящие огнями;
Рабочей кровью залитые
Просторы улиц с площадями.

Пирует панская Варшава,
Ксендз раздаёт благословенья;
В порядок дня сегодня ставят
Захватчиков объединенье.

С маркизами Парижа снова
Паны вельможные и лорды
На СССР в поход кровавый
Повсюду собирают орды.

Пирует панская Варшава,
А для гуманности, прогресса
Идет облава за облавой
В восточных «вольных» польских кресах.

В тюрьме там украинец стонет,
Там, заковав цепями ноги,
Жолнеры белоруса гонят
По окровавленной дороге.

Пирует панская Варшава,
Жандармский конь гремит копытом;
Крута с рабочими расправа —
Конь наступает на убитых.

Тюремный гнет над всей страной,
Восстаний нарастают взрывы,
А в Бельведере скопом воют:
«Нех жые польска дефензива!»

.

Пирует панская Варшава,
Как бы последний день встречает...
А Висла в пене вся кровавой,
А в Висле труп волной качает.

10 апреля 1931

481. МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

Октябрь весь мир поколебал,
И старый мир дрожит в бессилье;
Тот, кто в оковах изнывал,
Расправил связанные крылья.

С востока ветер-бурелом
Сметает грязь и пыль со шляха,
Чтоб вырос новый, светлый дом
Из славы, храбрости, размаха...

Земля нарядна и светла,
И словно алый мак — знамена...
Так революция дала
Свои великие законы.

.

От вас, октябрьских дней сыны,
Чей голос звонок и чудесен,
Как нива солнечной весны,
Ждут самых лучших новых песен.

Их ждут фабричные гудки,
Поля колхозные, дубравы,
И Красной Армии штыки,
И пограничные заставы.

16 ноября 1931

482. ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Новый, мудрый придет летописец,
Он придет — он давно уж в пути, —
Чтоб, душою правдивой возвысьсь,

Всё понять, чем по праву гордитесь,
И чудесный рассказ повести.

Он создаст вдохновенную повесть,
Как давали народу закон
Большевицкая правда и совесть,
Чтоб вся жизнь, ясным дням уподобясь,
Ночь бесправья забыла, как сон.

Он расскажет, как сомкнутым строем
Пролетарии шли на врагов,
Смело бой принимая за боем,
Как победа досталась героям
В годы бурь, под раскаты громов;

Как взялись перестраивать смело
Мы заводы и души свои,
Как преграды ломали умело,
Хоть кричали враги оголтело,
Что живем мы последние дни;

Как труда горделивые флаги
Мы на стройках в зенит вознесли, —
Те, кто раньше трудился в сермяге,
Делом доблести, чести, отваги
Мы наш радостный труд нарекли.

Жизнь увидевший взглядом орлиным,
Нашей смене поведает он,
Как вставали на смену руинам
Те дома, где расти исполинам,
Где железо скрепило бетон;

Как ударники, славные ныне,
Соревнуясь в упорстве трудов,
Города возводили в пустыне
И, в леса пробиваясь густые,
Зажигали огни городов;

Как в просторы полей выходили,
Где полоски виднелись вчера,

И уснувшие села будили
К новой жизни в довольстве и силе,
К новым радостным дням трактора;

Как вперед и вперед неуклонно
Смелых партия наша вела,
Высоко поднимая знамена,
Штурмовать старый мир обреченный
С большевистской отвагой звала.

.

Новый, мудрый придет летописец,
Он придет — он давно уж в пути, —
Чтоб, душою правдивой возвысаясь,
Всё понять, чем по праву гордитесь,
И чудесный рассказ повести.

22 ноября 1931

483. ВПЕРЕД — НЕИЗМЕННО!

Ты слушай-послушай,
Товарищ и брат:
Вперед — неизменно!
Ни шагу назад!

Гляди: разрастаясь,
Наш вихрь-бурелом
Чрез поле, сквозь чашу
Летит напролом.

Как вихри, машины
Несутся вдали,
По синему морю
Плывут корабли.

В моря и озера,
Смывая всю грязь,
И речки и реки
Текут, торопясь.

Летят самолеты
Уверенней птиц,
Не зная в полете
Ни меж, ни границ.

Вперед — неизменно!
Ни шагу назад!

.

Вот так, не иначе,
Товарищ и брат.

Декабрь 1931

484. ГДЕ КРИВДА ИЗВЕЧНАЯ ЗРЕЛА

Где кривда извечная зрела,
Где горе копало могилы,
Рука пролетарская смело
Оковы насилья разбила.

Она все преграды ломает,
Заря электричества льется,
Колхозное солнце сияет —
Мужицкая ночь не вернется.

Сегодня крестьянское поле
Уж больше в неволе не стонет,
В полях не блуждает недоля —
Пасутся железные кони.

Колхозник садится на трактор,
Расстался он с днями былыми,
Земли норовистый характер
Смирив сошниками стальными.

Как стружки, пласты за пластами
Машина умелая стелет. . .
Еще веселей над полями
Веселые птицы запели.

1931

485. Я ВЕРЮ...

Я верю — такие
Придут перемены:
Советские всходы
Взойдут на раздолье —
В долинах Дуная,
И Вислы, и Сены,
И всюду, где труд
Человека в неволе.

В ничто превратятся
Короны и троны,
И франки, и стерлинги,
И доллары.
Микадо, прелатов,
Банкиров, баронов
Развеют восстаний
Народных пожары.

И будут в руках
У рабочего класса
Заводы и фабрики,
Шахты и домны,
Поднимутся гордо
Дворцы и палаццо,
Где вечная радость,
Где солнце огромно.

Чтоб сочная нива
Пышней колосилась
И пахарь не знал бы
Нужды и расправы,
Панов-феодалов.
И панскую милость
Колхозы запашут,
Как сорные травы.

Христа, Иегову,
Магомета и Будду,
Божницы и храмы
Всех стран и названий,

Как пыль вековую,
Как смрадную груду,
Сметет диктатура
Труда и дерзаний.

И белые, желтые,
Черные расы
Дорогу проложат
К единому счастью.
И классы исчезнут,
И войны погаснут,
И всюду границы
Раскроются настезь.

Нью-Йорки и Лондоны,
Римы и Праги,
Берлины, Парижи,
Варшавы, Шанхай
В такие ж оденутся
Алые флаги,
Какие над нашей
Страной полыхают.

Под ленинским стягом
Пролетариата
Добудет свободу
Кто счастья не ведал,
Кто сохнет без хлеба,
Кто гибнет без хаты,
Кто кормит работой
Своей дармоедов.

И дрогнет земля
От шагов миллионных,
И песня взметнется
От моря до моря:
«Да здравствует труд
На полях обновленных!
Да светят Коммуны
Всемирные зори!»

Я верю — такие
Придут перемены:

Советские восходы
Взойдут на раздолье —
В долинах Дуная,
И Вислы, и Сены,
И всюду, где труд
Человека в неволе.

Март 1932

486. ПОД ЗВЕЗДОЮ АЛОЮ

Под звездою алою
Красные знамена
Прошли доли, горы
И леса зеленые,

Когда псы проклятые,
Генералы царские,
Утвердить хотели
Порядки жандармские.

Интервенты подлые
Много крови пролили,
Француз, англичанин
Цепи нам готовили.

Под звездою алою
Силой пролетарскою
Сбросили мы в море
Эту свору царскую.

Были битвы жаркие
За наш труд свободный,
Вьется стяг победы
Гордый, благородный.

Под звездою алою
Красные знамена
Пройдут доли, горы
И леса зеленые,

Если снова Запад
Посягнуть захочет

На край большевистский
И на власть рабочих.

Бандам интервентов
Не гулять уж боле
На советском вольном
И бескрайном поле.

Покроется славой
Наше пограничье,
Если к обороне
Партия покличет.

Под звездою алою
Красные знамена
Пройдут доли, горы
И леса зеленые.

11 июля 1932

487. ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

В России царской дни текли
Темнее темной ночи,
Тяжелый гнет в дыму, в пыли
Душил крестьян, рабочих.

Они за панов и купцов
Работать до зари вставали,
Росли могилы бедняков,
Попы над ними завывали.

Над краем горя и бесправья
Снял своей короной кат.
То было в дни самодержавья,
Всего пятнадцать лет назад.

Восстал проклятьем заклеянный,
Кто в голоде влачил свой век.
Упали кандалы со звоном,
И стал свободен человек.

Восстал могучий пролетарий
И поднял красный стяг огнистый,
Обрушил шквал огня и стали
На головы капиталистов.

Тьму уничтожил вековую,
Разбил оковы самовластья,
Освободив страну родную,
Стал строить жизнь свою и счастье.

Страна! Своей могучей силой
Под знаменем большевиков
Ты интервентов разгромила,
Разбила внутренних врагов.

Вперед шагает непреклонно
Отчизна вольная Советов,
И крепнет вера угнетенных
В победу правды, счастья, света.

Все пролетарии на свете
Под стягом ленинской отчизны
Проложат путь, что прям и светел,
К своей победе — к коммунизму!

Ноябрь 1932

488. ЯКУБУ КОЛАСУ

Как когда-то пели
О беде, неволе,
Так мы петь не будем
Никогда уж боле.

Только, брат, подумать,
Только подивиться —
Быстрою рекою
Жизнь вперед стремится.

Большевик всеильный
Принялся за дело.
Жизнь преображаем
Дружно и умело.

Видишь — трактористом
Стал батрак вчерашний,
Он леса корчует,
Трудится над пашней.

Фабрик и заводов
Видишь ты громады. . .
Многое успели,
Больше сделать надо.

За полвека жизни
Ты свершил немало,
Но не вправе руки
Опустить устало.

Перед нами, Колас,
Даль дорог открыта,
На широких нивах
Колосится жито.

Мы живем порою
Сказочно-чудесной. . .
Будем петь с тобою
Полной грудью песни.

С думой о грядущем,
С дерзкой силой новой
Устремимся в дали,
Внемля жизни зову.

Пусть наш голос льется
Радостью живою
Как в Стране Советов,
Так и за межою.

Пусть мой друг узнает
Долгой жизни годы
На земле родимой,
На земле свободы.

11 декабря 1932

489. ЛЕВНИХА

Ой Левониha, ты всем хороша,
Голосистая беседа-душа!
А мы детки все толковенькие,
Поем песенки веселенькие.

Как я маленькою дома жила,
Словно вишенка в садочке, цвела,
Расцветала, цвет раскидывала
Да букварик свой почитывала.

Как пришла я в детский сад без забот,
Я подружек всех свела в хоровод.
Я гуляю здесь, погуливаю
За работкой недокучливою.

Словно вишенка в садочке, цвету
И науки все ловлю на лету,
Я рисую и почитываю
Да в игрушечки поигрываю.

1932

490. ЮРОЧКА

1

Юра, Юрочка,
Что не в школе ты?
Будешь неучем
Слыть доколе ты?

Будешь неучем —
Что ты сделаешь?
Засмеют тебя
Неумелого.

У Юры непослушного
Сало мыши скушали,
Когда он сбежал в лесок,
Чтобы пропустить урок.

У нашего Юрочки
В дырках вся тужурочка:
Он тужурку разорвал,
Как на вербу залезал.

2

Что ты, Юрочка,
Забавляешься,
А для дома ты
Не стараешься?

Только бегаешь,
Только ленишься, —
Засмеют, коль ты
Не изменишься.

Юра был неряхою
С расстегнутой рубахою,
Он пуговики потерял,
Как из сада убежал.

А над нашим Юрочкой
Смеются и курочки,
Что ему умыться лень,
Ходит грязным целый день.

8

Ой ты, Юрочка,
Будь старательным,
Будь за книгами
Ты внимательным.

Будем рады мы,
Что стараешься,
Ума-разума
Набираешься.

А нашему Юрочке
Кот сложил печурочку,
Юра влез туда поспать,
«Мяу! Мяу!» — стал кричать.

А Юрочку что есть сил
Комар за нос укусил,
А Юрочка: «Ай-ай-ай!
Ты, комарик, не кусай!»

1932

491. МАЙ

Ходит Май по свету
Солнечной тропею,
Всех, кто обездолен,
Призывает к бою.

Слышен его голос —
Вольной песни звуки —
В шахтах, на заводах
И в курной лачуге.

Ходит Май по свету,
Стяг его червонный
Сотрясает грозно
Властелинов троны.

И дрожат сатрапы,
Палачи народов,
От его призывов,
От его походов.

Ходит Май по свету
С радостной мечтою —
Как возьмут народы
Власть над всей землею,

Как знамена вспыхнут
Пламенем рубинов,
Как былой невольник
Станет господином.

Ходит Май по свету,
Многолюдный, буйный,
И слагает песни
Мировой Коммуны,

Где не будет больше
Рабства и невзгоды,
Жить по-братски станут
На земле народы.

Ходит Май по свету. . .

19 апреля 1933

492. ТО НЕ ШУМ БОРОВОЙ...

То не шум боровой
По горам, по склонам,
То не клич боевой
Армии Червонной —

Это говор людей
О делах великих,
Прогрепевших везде
От полюсов диких.

То не шум боровой
Грозно спорит с тучей,
То не гром над землей
Грянул в полдень жгучий —

Это славит весь свет
Славой легендарной
Наших летчиков цвет,
Героев полярных.

То не шум боровой
Зашумел в раздолье,
Не напев вековой
О великой воле —

Это едут сюда
Смелые, бесстрашные
Победители льда,
Летчики отважные.

То не шум боровой,
Тишину сметая,
Прошумел над страной
От края до края —

Это мчится экспресс
Челюскинской славы.
Люди, солнце и лес
Кричат ему «браво!».

То не шум боровой
Ходит вольным краем,
И не клич боевой
К звездам поднимаем —

Это время поет
О житье счастливом,
Это радость встает
По родимым нивам.

19 июня 1933

493. Я — КОЛХОЗНИЦА...

Я — колхозница
Молодая,
Живу весело,
Бед не зная.

Днем ли, вечером
Мои дети
И накормлены,
И одеты.

Утром Настеньку
Приласкаю,
В ясли Настеньку
Отпускаю.

И Данилочка
Мой в порядке,

Он с ребятами
На площадке.

А как выйду я,
Их мамаша,
На колхозное
Поле наше —

Так и стелются
Вслед снопочки,
Песни слышатся
Аж до ночи.

Не тревожуся
Я за деток,
Дорогих моих
Малолеток.

Я — колхозница
Молодая,
Живу весело,
Бед не зная.

15 июля 1934

494. «ЗВЕЗДЕ»

Директивы партии,
Славные декреты,
Правду большевистскую
Наши все газеты,

Словно весть победную, —
Можно подивиться, —
По Союзу вольному
Светлой мчат криницей.

На советской вахте
Встали непреклонно
И разоблачают
Ворогов, шпионов.

Думы множат мудрые
И несут их всюду —
В города, в колхозы,
Трудовому люду.

И растут и множатся
Фабрики, заводы,
На колхозной ниве
Буйно всходят всходы.

Шутка ли, пять тысяч
Номеров — немало —
«Звезда» наша славная
Всюду разослала.

Шутка ли, пять тысяч —
Здесь вот, на форпосте,
Где врагов поверженных
Еще тлеют кости.

Лет уже немало ведь, —
Шутка ли, шестнадцать, —
Как «Звезде» приходится
С ворогом сражаться.

Скажем ей сердечные
Пожеланья наши,
Чтоб жила, цвела она
Всё светлей и краше,

Чтобы с той же стойкостью,
С тем же героизмом
Ей пути прокладывать
К солнцу коммунизма.

28 июля 1934

495. МАТЬ СЫНОЧКА ПРОВОЖАЛА

Мать сыночка провожала
Из колхозной хаты,
Не в чужой край отправляла,
Не девчину сватать.

Провожала и сказала:
«Мой сыночек милый,
У тебя уже немало
И ума и силы.

В свет пойдешь сейчас ты, в люди,
В строй ты вступишь ратный,
Пред тобою, сын мой, будет
Край наш необъятный.

Знать крутых не будешь стежек,
Сытый и одетый,
Будешь ты беречь надежно
Вольный край Советов.

Там найдешь дорогу в жизни,
Горя не узнаешь,
Сбережет тебя отчизна,
Словно мать родная.

Не царю служить идешь ты,
Не под кнут жандармский —
Будешь ты служить Советам,
Власти пролетарской».

Мать сыночка провожала
Из хаты колхозной,
Не в чужой край отправляла,
А в строй красноезвездный.

Ноябрь 1934

496. ДЛЯ ТЕХ, КОГО ЛЮБЛЮ

Сердцу нету Маруси дороже,
А Марысю люблю я ведь тоже.
А по правде, люблю сразу двух,
Про себя говорю я и вслух.

Об их доле я складывал песни
До весны еще нашей чудесной,
И теперь наяву и во сне
Они обе остались при мне.

Дым ли вижу трубы я фабричной,
Или полем пройду я пшеничным,
Мои думки гуляют, летят,
И всё возле любимых девчат.

Золотыми песками под ножки
Посыпал бы им стежки-дорожки,
Солнца б свет постелил и тепло,
Чтоб их к вечному счастью вело.

И всё крепче любовь год от года
К черноглазой Марусе с завода,
Ей цветы бы собрал для венка,
Одевал бы в атлас и шелка.

Нет Марыси в колхозе прекрасней,
Так люблю синий взгляд ее ясный,
Ей цветы бы собрал для венка,
Одевал бы в атлас и шелка.

Ноябрь 1934

497. НАШЕЙ КОНСТИТУЦИИ

Мудрые законы
Родины Советов
Созданы рукою
Трудовой, упорной. . .

Нашей Конституции
Славные заветы
Не умрут, жить будут
Правдой животворной.

И цветут, сияют
Всем законы эти
Звездочкой чудесной
Над родным раздольем

И над зарубежным
Безотрадным светом,
Где народ рабочий
В тягостной неволе.

Равная·среди равных,
В братском единенье,
Беларусь в расцвете,
Словно сад весною.

Свергнув строй кровавый,
Панство, угнетенье,
Ей ли не гордиться
Светлою судьбою?

Ни конца, ни края
Радости народной
На земле советской,
Счастьем обогретой.

Будут бури, всё же
Будут жить свободно
Нашей Конституции
Славные заветы.

1934

498. В НАШЕМ ПОЛЕ

В поле колхозном,
В поле раздольном
Дни пролетают
Весело, вольно.

Дружно работаем
Все мы совместно.
Горькое горе
Нам неизвестно.

Мы позабыли
Злую тревогу.
Вышли машины
Нам на подмогу.

Сохи забыты —
Мы не горюем:

Трактором пашем
И боронуем.

Всходит-заходит
Солнце привычно.
Сев и прополка —
Всё на «отлично».

Осень приходит —
Мы с урожаем.
Счастье людское
Мы умножаем.

1934

499. ВОЛНУЕТСЯ СИНЕЕ МОРЕ

Волнуется синее море,
И ветер прохладой дышит,
А мы уплываем в просторы,
А мы улетаем всё выше.

Вперед мы идем непреклонно,
Как солнце идет небосводом,
Мы строим мартены и домны,
Возводим гиганты заводы.

Мы строим, и сеем, и пашем
На радость и внукам и дедам
И празднуем праздники наши,
Зовущие к новым победам.

Пусть лютая ненависть бродит,
Мы сможем ответить на вызов —
Оттуда ль, где солнце восходит,
Оттуда ль, где клонится книзу.

Повсюду, от края до края,
Плывет большевистская песня,
Плывет наша песня большая —
Великих боев буревестник.

1934

500. КРАЙ РОДНОЙ

Край родной в небывалом
 Расцвете.
Солнце ясное в небе —
 Свидетель.

Мы не знаем теперь
 Лихолетий,
Полны хлебом амбары
 И клетки.

Старики веселятся
 И дети,
Что увидели счастье
 На свете,

Что порвали батрачества
 Сети,
Что не видно помещицьею
 Плети.

Край родной в небывалом
 Расцвете.
Солнце ясное в небе —
 Свидетель.

1934

501. УКРАИНА

Украина — цвет любимый,
 Солнцем осиянный,
А в прошедшем край неволи,
 Кандалов, курганов.

Избивали, угнетали
 Гетманы, царицы,
И паны твоею кровью
 Всласть смогли напитокся.

Вынесла войны всесветной
Ты большое горе.
Так текла кровь украинцев,
Как течет Днепр в море.

Украина, цвет мой милый,
Величавой силы
Революция с Востока
Тебя разбудила!

Разбудила, а на путь твой
Вышел враг дикий —
Скоропадские, петлюры,
Махно и Деникин.

Запылал простор твой ясный,
Всюду встало горе,
Протекла кровь старой стежкой,
Как течет Днепр в море.

Украина, Украина,
Глянь ты, оглянися:
Как терпела, как вставала,
Как стремилась в выси!

Ясен путь твой, как пшеницы
Золотистый колос,
А людей твоих рабочих
Смел и звонок голос.

По волнам днепровским вольным
В простор синий моря
Плывут гордо пароходы
И не знают горя.

Украина, тебе враг
Никакой не страшен —
Реет равный твой меж равных
Стяг в Союзе нашем!

Как республики все наши,
С долей вольной, ясной
От побед идешь к победам
Ты под стягом красным.

Кто ж посмеет доле светлой
Вновь копать могилу —
Ты в Днепре своем потопишь
Вражескую силу.

16 января 1935

502. СОЛНЦУ

Ой ты, мое солнце,
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше,
Как я был несчастным,

Как я с малолетства
Радости не ведал,
Как за мной плелися
Беда, горе следом,

Как отец мой умер
В бедности постылой,
Как его могилу
Паводком размыло,

Как я шел, печальный,
Не зная дороги,
Обивать с поклоном
Панские пороги,

Как я, одинокий,
Мучился на свете,
Как завяла с горя
Молодость в расцвете?

Ой ты, мое солнце,
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше,
Как я был несчастным?

Июнь 1935

503. СДАЕТСЯ, ВЧЕРА ЭТО БЫЛО...

Сдается, вчера это было:
Как нынче, шумели березы,
Но горькое горе бродило,
Роняя горячие слезы.

О тягостной доле напевы
Неслись по полям и дорогам.
Бесплодными были посевы,
И голод стоял у порога.

Сдается, вчера было это:
Как нынче, шумел бор высокий,
Но только не знал ты рассвета,
Что завтра сверкнет на Востоке.

Стоял ты пред будущим свечкой,
Что гаснет, бесследно сгорая.
От деда ко внукам, как речка,
Плыла слепота вековая.

Сдается, вчера это было,
Как нынче, шумел бор зеленый,
Измучены жизнью постылой,
Шагали впотьмах миллионы.

Хотели найти свою долю,
Найти избавленье, как чудо.
Гудела лихая неволя
Тревожным своим перегудом.

Забурлило сине море
От ветров.
Вышли реки и ручьи
Из берегов.

Разбудило море спящих:
Эй, вставай!
Свой возьми у лиходеев
Каравай.

По земле живой кринницей,
Кровь, теки!
Чтобы жили наши дети
По-людски.

Нам с востока веет ветер,
Мчится вдаль.
Вековечное проклятье
Бить не жаль.

И разбили неустанною
Борьбой —
И сегодня вспоминаем
Жаркий бой.

Польхают наши зори
В высоте.
Нету песен о недоле,
О кнute.

Зашумели над рекою
Тростники.
Распустился лес зеленый
У реки.

Сон растаял непробудный,
Путь светлей.
Мы идем победно к солнцу
Новых дней.

Июнь 1935

504. СТАРЫЕ ОКОПЫ

Вдоль берегов Днепра легли они — окопы,
Заросшие травой окопы, блиндажи,
Где кажется еще, что смертью пахнут тропы,
Где прошлых битв всплывают миражи.

За барыши банкиров-властелинов,
За ненасытных бар и за царей
Лилась людская кровь по взгорьям и равнинам
Под грохот пушек и под звои церквей.

Сомкнешь глаза — забрезжит пред тобою
Опять картина этих страшных дней,
И ты увидишь смерть, и там, на поле боя,
Загубленных, растерзанных людей.

Ой вы, мои окопы с блиндажами,
Какая ненависть кипит во мне,
Что там, за пограничными столбами,
Готовы вновь нажиться на войне;

Что там они — сапеги, радзивиллы,
Забыв разгром свой у днепровских вод,
Свои в России свежие могилы,
Готовят снова на Восток поход;

Что палачи в коричневых рубахах,
Сведя на нет культуру всех веков,
Свою страну поставив перед плахой,
На нас наводят острия штыков.

А Днепр течет. Проходит вал за валом...
Мир вам, окопы, травы и кусты!
На вражеской земле с кровавых генералов
Снимать мы будем сабли и кресты.

Июнь 1935

505. МОЕ МНЕ СОЛНЦЕ — ПРОВОДНИК...

Мое мне солнце — проводник,
У нас дороги с ним едины,
К Памиру долечу за миг,
Эльбрус увижу и Хибины.

С ним я бы горести не знал,
Каналом плыл бы Беломорским,
На новосельях побывал
В Магнитогорске, в Краматорске.

С ним крыльев я направлю взмах
Ввысь, в стратосферу, в море света,
Чтобы у звезд побыть в гостях
И жизнь увидеть на планетах.

И снова с солнцем в путь, опять
Шагать дорогой золотою,
Жар-птицей в небе пролетать,
Привал на полюсе устроить,

Чтоб видел я, как мир велик:
Моря, и горы, и долины...
Мое мне солнце — проводник,
У нас дороги с ним едины.

Июнь 1935

506. СОСНЫ

Сосны могучие,
Гордые сосны!
Сколько вы видели
Солнечных весен!

Вас, терпеливые,
Ветер колышет,
Будите думы вы
Шумом и тишью.

Глянeshь ли к северу —
С весен до весен
В дальней Карелии
Высятя сосны.

Глянeshь ли к югу ты —
Над теплым морем
Сосны окутали
Крымские горы.

Сосны далекие,
Близкие сосны!
Сердцу так милы вы
С весен до весен.

Вас одинаково
Ветер колышет,
Думы вы будите
Шумом и тишью.

Июнь 1935

507. ГОСТИ

Ко мне колхозники с приветом жарким
И с песнями пожаловали вдруг.
Пришел сам председатель и доярки,
Учитель, бригадиры и пастух.

С подарками пришли простые гости,
Хозяева навек родной своей земли:
Пирог пшеничный, мед да льна по горсти,
Цветы с полей на стол мне принесли.

И сели мы за стол, за стол богатый,
Цветы на нем и лен, пирог и мед. . .
Пел голосистый соловей за хатой,
И прогудел над нею самолет.

Я не гадал никак о чести этой,
С тех пор как на земле своей живу,

Чтоб так вот — с хлебом-солью и приветом —
Пришли не в снах ко мне, а наяву.

О чем мы речи повели вначале?
О том о сем, а больше про дела,
Про наши молодые, в солнце, дали,
Про жизнь былую старого села.

Потом про наши зимы, наши весны,
Про добрый урожай и трудодни. . .
За окнами шумели мирно сосны,
И пастухи в ночном зажгли огни.

«Сдаем, что полагается, державе,
Дороги ладим, лес на сплав везем,
Живем зажиточно, в почете, в славе,
Лохмотьями, как прежде, не трясем».

«Да вот еще плотину бы на речку,
Чтоб озеро, чтоб мельница была,
Чтоб в хлев любой к коровам и овечкам
Сама вода по трубам потекла».

«Да школа тут у нас четырехлетка,
Десятилетку надо бы открыть,
Чтоб любящим науки нашим деткам
Дорогу к свету дальше проложить».

Поговорили мы еще о многом,
О том, чего достиг народ родной. . .
Петух спросонья крыльями захлопал,
Всходил на небо месяц золотой.

Нашлась гармонь, и с хлопцами девчата
Пустились в пляс, так начали дробить,
Что задрожали стены новой хаты.
Все веселились, что и говорить!

Ушли, и тишина вдруг наступила,
И мыслью я одной охвачен был:
Знать, у гостей отваги не хватило
Просить, чтоб песню я о них сложил.

Июнь 1935

508. АЛЕСЯ

На заре куковала
Кукушка в Полесье,
Мать ласкала, качала
Дочурку Алесю.

Тьма ложилась ночная,
Сосны глухо шумели.
Песню мать напевала
У родной колыбели:

«Спи, засни, мой цветочек,
Пташки все позаснули.
Спи, веселый звоночек,
Люли, люленьки, люли.

Спи, расти без тревоги,
Спи, накапливай силы.
На свои встанешь ноги,
Будешь самой красивой.

Будешь зимней порою
Прясть, наматывать нитки,
Будешь теплой весною
Счастья ждать у калитки».

На заре куковала
Кукушка в Полесье,
Только мать не узнала,
Что будет с Алесей.

Это былъ или небыль?
Дочка силы набралась.
Прямо в синее небо
Полетела, помчалась.

Понеслась на машине,
Пронеслась на крылатой
По счастливой краине,
Над родимую хатой.

Миновала дубравы
И речные затоны,
Опустилась на травы
С парашютом зеленым.

И опять над полями
Поднимается выше
И стальными крылами
Тучи в небе колышет.

Что ни день, в поднебесье
Смотрит мать из оконца:
Не видать ли Алеси
Возле ясного солнца?

На заре куковала
Кукушка над нивой.
Мать не зря тосковала
О доле счастливой.

Июнь 1935

509. ВЕЧЕРИНКА

Вечеринкой вечер скрасив,
В «Красном пахаре» гуляют,
Пришли Степки, Петьки, Васи,
Пришли Зоси, Кати, Стаси.
А гармоника играет...

Пришли с поля в платьях ярких,
Клуб заполнили до края,
Всюду жнеи и доярки,
Бригадиры и свинарки.
А гармоника играет...

А хозяйки — им цены нет,
Ходом ходят, как летают, —
Зина шепчется с Мальвиной,
А Мальвина шепчет Зине,
А гармоника играет...

Подхватив подружку в пару,
Янка — Машу, Юрка — Раю,
Дают жизни, дают жару,
«Сербиянку», «польку» шпарят.
А гармоника играет...

За столом идет беседа
О житье, об урожае,
Пьет соседка в честь соседа,
Кто не завтракал — обедай!
А гармоника играет...

Ночь уходит, солнце всходит,
И домой давно пора им, —
Где тут, где тут! В хороводе
Танцы новые заводят.
А гармоника играет...

Из ночного той порою
(Кто сказал им — бог их знает!)
Парни в клуб пришли толпою
И пошли плясать гурьбою.
А гармоника играет...

«Красный пахарь» мой, гордись ты,
О тебе молва по краю,
В хатах новых шкварки в миске,
В платьях шелковых Марыськи.
А гармоника играет...

Июнь 1935

510. КАК Я МОЛОДА БЫЛА...

Как я молода была,
Бедовала много...
От села и до села —
Горе да тревога.

Тесным клином в те года
Свет сошелся белый:
Нет ни сала никогда,
Ни одежды целой.

В поле к пану гонит мать,
А отец в ночное. . .
Не пришлось мне испытать
Счастья и покоя.

А теперь не так живут
Сыновья и внуки:
Вдоволь все едят и пьют
И не знают муки.

Каждый стал у нас — поверь —
Знатным и богатым.
Всем шелка давай теперь,
Ситец — уж куда там!

Патефоны тут и там,
Радио играет,
Не давали раньше нам
Этакого рая.

Как была я молода,
Много бедовала.
Кроме тяжкого труда,
Ничего не знала.

Июнь 1935

511. ЛЕН

Как над полем, над землей
Поднялся весны денек,
Я посеяла весной
В нашем поле лен-ленок.
Небо сеяло тепло,
Дожди пали хороши,
Было на сердце светло,
Песни пелись от души.
Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Как расти стал, как подрос,
К солнцу стал тянуться он, —

Я с утра, я с теплых рос
Дотемна полола лен.
Что же случилось вдруг со мной,
Я огнем горела вся,
Полюбила всей душой
Бригадира Михася.
 Ой, ленок, ленок мой чистый,
 Волокнистый, золотистый!

Как отцвел мой спелый лен,
Отгорел синь-огонек,
Был других не хуже он,
Лен мой славный, лен-ленок.
Дергать лен денек настал —
Я запела о весне,
Копны бригадир считал,
И подмигивал он мне.
 Ой, ленок, ленок мой чистый,
 Волокнистый, золотистый!

Как шла лен я обивать,
В ноги — камень да песок,
И за мной — не надо звать! —
Увязался Михасек.
А валец мой — хлясь да хлясь —
Глиняный колотит пол.
Подошел ко мне Михась
И улыбкою расцвел.
 Ой, ленок, ленок мой чистый,
 Волокнистый, золотистый!

Как стелила я ленок
На зеленом на лугу,
Где встречался Михасек —
Целовала на бегу.
Сердце цветом расцвело,
Целый мир — веселый рай,
Хоть и осень, а светло,
Радость льется через край.
 Ой, ленок, ленок мой чистый,
 Волокнистый, золотистый!

Смяла в мяльнице я лен,
Вытрепала под окном,
Заблестел, как чудный сон,
Лен шелковым волокном.
Луч на крыше среди дня
Тешит глаз своей игрой. . .
Хату строит для меня
Бригадир хороший мой.
 Ой, ленок, ленок мой чистый,
 Волокнистый, золотистый!

Июнь 1935

512. ПАРТИЗАНЫ

Как на пана пошли партизаны —
Расступались пред ними туманы,
Горы смелым дорогу давали,
Звезды путь удальцам освещали.

Как была им удача в набеге —
Разложили костер на ночлеге,
Улеглись на зеленой постели,
Где березы густые шумели.

Только сон партизанский недолог —
Всё узнал от предателя враг.
Гулом лес огласился дремучий,
Черной небо закрылося тучей.

... Ночь. Вода от костра розовеет,
А в золе кости черные тлеют.
Воют волки — шерсть дыбом от злости,
Гложут волки предателя кости.

Как с победою шли партизаны —
Расступались пред ними туманы,
Горы смелым дорогу давали,
Звезды путь удальцам освещали.

Июнь 1935

518. ДОРОГИ

Дороги вы шоссейные,
Счастливые дороги,
Легли широкой лентою
На дальние разлоги.

Через поля колхозные,
Глубокие болота,
Сквозь пуши вековечные
Легли вы позолотой.

Вы никогда не дремлете:
До ночи, спозаранку
Бегут машины быстрые,
Телеги и тачанки.

И радостно и весело
Увидеть пешеходам
Полки Червонной Армии,
Защитников народа.

Грузовики с товарами
Спешат на перегонах,
С газетами и письмами
Проходят почтальоны.

Соединили с городом
Спокойные разлоги,
Дороги вы шоссейные,
Счастливые дороги.

От бездорожья прежнего
К свободной новой жизни
Пришла орденосная
На светлый путь Отчизна.

Июнь 1935

514. ИСПАНИЯ БУДЕТ СВОБОДНОЙ

Зараза вступила в Гренаду,
Испания — в корчах измены.
И слышат боев канонаду
Севильи старинные стены.

К свободной республики горлу
Фашистские тянутся лапы,
В застенки народ ее гордый
Задумали бросить сатрапы.

Италия шлет самолеты —
Пусть гибнут испанцы, испанки;
Германия шлет пулеметы,
Подводные лодки и танки.

А в Лондоне, чопорно гордом,
Лишь речи елейные льются:
Лорд Плимут и прочие лорды
Над горем народным смеются.

Пылает кровавое солнце,
И кровью окрашены склоны,
На битву встают каталонцы,
Стальные идут батальоны.

Герои Астурии горной
Выходят на бой за свободу:
Народ не согнется покорно,
Не сдастся фашистскому сброду!

Забыла счет детям убитым
Мятежников черная стая.
«Смерть вам, палачи и бандиты!» —
Кричит месть народа святая.

Твой голос, Мадрид, раздается:
«Вперед, кто не хочет в неволю!»
Республика в горе, но бьется
За правду, за светлую долю!

Он в битвах победу добудет,
Испанский народ благородный;
Свободной Испания будет!
Испания будет свободной!

30 октября 1936

515. МЫ ЛЮДИ СВОБОДНЫЕ

Мы люди свободные,
Вольные птахи, —
Могучие, грозные
Крыльев размахи.

Пути неизвестные
Сердцем познали,
Владеем небесною
Солнечной далью.

Повсюду, где б ни было,
Видят народы
Великое алое
Знамя свободы.

Мы боремся с грозами
Силой безмерной,
И громы и молнии
Служат нам верно.

Нам звезды кремлевские
Путь указали,
Летят красноезвездные
Соколы в дали.

Мы люди свободные,
Вольные птахи, —
Могучие, грозные
Крыльев размахи.

Январь 1938

516. ГЕНАЦВАЛЕ

Снег белеет на вершинах,
Льды на скалах засверкали,
Но цветут цветы в долинах,
Вся в цветах ты, генацвале.

Было любо мне в Цхалтубо,
Воды теплые ласкали.
Как любил я, как голубил
Тебя в думках, генацвале.

Ты улыбками лечила,
Твои взоры чаровали.
Молодые сны будила
Ты, грузинка, генацвале.

Ой, уеду я далёко,
Сердце дрогнет от печали.
Будет грустно, одиноко
Без тебя мне, генацвале.

Будет снится край прекрасный,
Грузии чудесной дали.
Ты звездой далекой, ясной
Будешь снится, генацвале.

Элико, очарованье!
Звезды грустно нам мерцали.
«Сулико» мне на прощанье
Спой, грузинка, генацвале.

Январь 1938

517. ПАМЯТИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Он пропел свою песню о Соколе,
Всколыхнул белый свет Буревестником.

Очей твоих ясных заря-заряница
Сияньем негаснущим будет светиться,
Гореть не устанет над миром она
Для всех поколений, во все времена.

Снять по окраинам будет по темным
Народам и людям, еще угнетенным,
Чтоб с верной дороги не сбиться в пути,
Чтоб знать, как за счастьем, за волей идти.

Ясны твои мысли, как небо, как воды,
Как первые в поле весенние всходы.
За смелый их взлет, за орлиный размах
Народ сбережет их в сердцах и в умах.

Твой голос — как струны у лиры прекрасной,
Такой же сердечный, певучий и ясный.
Я слушал тот голос — и сердцем я рос;
Недавно нам слышать его довелось.

Людей на широкие звал он дороги,
Достойные славной советской эпохи,
И взором открытым на солнце глядеть,
И слово творить, чтоб звенело, как медь.

Меня ты заметил тогда еще, сокол,
Когда темнота разливалась широко,
И горе стонало, и стыли сердца,
И ночи, казалось, не будет конца.

Но взглядом орлиным меня ты заметил,
Когда, как затерянный, жил я на свете,
И песню мою, услышав, похвалил.
О, как же тогда я обрадован был!

Сквозь чащи, болота рвалась эта песня
С ограбленных, сырых просторов Полесья.
Слова мои были: «А кто там идет? . . .»
Я пел про родной белорусский народ.

Сегодня иначе — ни стога, ни плача.
Страна моя стала моложе, богаче,
И песнями полон раскованный край. . .
Что это сегодня — Октябрь или Май?!

Народ Белоруссии, сбросив оковы,
Друзей не забудет в судьбе своей новой
И, светлую жизнь озирая вокруг,
Тебя не забудет, учитель и друг.

Март 1938

518. ЕДИНОЛИЧНИКУ

Что ты спишь? Почему?
И когда проснешься?
Одиноким в беде
Целый век ты гнешься.

Целый век как впотьмах,
Нет ни в чем удачи.
Словно курица, ты
Квохчешь да кудахчешь.

Вся скотина твоя
Ходит чуть живая,
И чуть дышишь ты сам,
Плеч не расправляя.

Здесь колхоз, там колхоз,
Люди в них как люди,
Вместе к счастью идут,
Дышат полной грудью.

Рядом трактор гудит
На колхозном поле,
У тебя ж плуг тупой,
Иль не видишь, что ли?

Там засеют зерном
Золотым и чистым,
Чтобы выросла рожь
Звонкой, колосистой.

Вот бригадой косцы
Сено дружно косят,

Урожай соберут
Вместе все под осень.

Шум, веселье, плывут
Песни над колхозом...
Ты молчишь и глядишь
На их жизнь сквозь слезы.

Люди к счастью идут
Шляхом торным, ясным.
Ты плетешься в хвосте,
Бедный и несчастный.

Что ты спишь? Почему?
И когда проснешься?
Одиноким в беде
Целый век ты гнешься.

29 мая 1938

519. НАША МОЛОДЕЖЬ

Лучше, чем наша, нет молодежи.
Как тебя песней не славить!
Горы и море сдвинуть ты можешь,
Льды своим сердцем расплавить.

Вражеской своры вой оголтелый
Знала во многих походах,
Смерти в глаза ты храбро глядела,
Ястреб тревожил твой отдых.

С честью прошла ты сквозь испытанья,
Трубы победу играют.
Перед тобою в звездном сиянье
К солнцу — дорога прямая.

Весны приходят, весны уходят —
Юность цветет с каждым годом.
Славная вечно в вечном народе,
Славу ты строишь с народом.

Радугой небо сверкает веселой,
Сквозь облака она светит...
«Сын комсомола, дочь комсомола» —
Кто лучше скажет на свете?..

29 октября 1938

520. А МЫ СЕБЕ СЕЕМ И СЕЕМ...

1

А мы себе сеем и сеем
В просторах родимого края,
Пшеницей, цветами, весельем
Родные поля засевая.

Гудки наших фабрик, заводов
Врываются в думы и песни,
О жизни привольной, свободной
Разносят веселые песни.

Любые пути нам открыты —
Лежат широки и просторны,
На путь наш, цветами увитый,
Беды не найдет ворон черный.

Стоит часовой на границе,
Хранит он от черной напасти
И наши загоны пшеницы,
И наше великое счастье.

И мы себе сеем и сеем
В просторах родимого края,
Пшеницей, цветами, весельем
Родные поля засеваем.

2

Мы жизнь свою улыбкою встречаем,
Свободно дышим, радостно поем,
Счастливая звезда сверкает нам ночам,
А днем мы с солнцем под руку идем.

Широкие и торные дороги —
Куда ни глянь — ковром для нас легли.
Лучи зари нам стелются под ноги
Во всех краях родной моей земли.

Для нас сады весною зацветают,
И нашим нивам не видать конца.
И шумным говором наш слух ласкают
Кудрявые зеленые леса.

В криницах наших, речках и озерах
Прозрачна и живительна вода.
По сочным травам в луговых просторах
Пасутся наши тучные стада.

В родном краю пришло богатство к людям,
И в красный угол село в добрый час,
И, хлопоча, по праздникам и будням
Печет пшеничный каравай для нас.

Горды мы долею своей богатой,
Горды мы славой родины своей.
Вперед мы смотрим, словно соколята,
Под ясною зарею наших дней.

На пустырях, где долгими веками
Одно зверье бродило лишь всегда,
Воздвигнутые нашими руками,
Стоят и светят миру города.

Мы море с морем навсегда сдружили,
Соединили русла древних рек
И кораблям дорогу проложили
Туда, где не были они вовек.

Мы покорили дали и высоты,
На Крайний Север принесли весну.
Как пчелы медом наполняют соты,
Так мы добром наполнили страну.

Высокие бетонные плотины
Мы возвели могучею рукой.

И загудели мощные турбины,
И яркий свет разлился над землей.

И там пошли живительные воды,
Где иссушал посевы лютый зной,
Где голодали люди год за годом
И где свистел лишь суховой степной.

Мы покорили навсегда природу,
Мы навсегда над нею взяли власть.
И на песках зазеленели всходы,
И медь из гор ручьями полилась.

И жирной нефти бурные фонтаны
Из недр земли летят под облака,
И под землей глубоко неустанно
Дробит пласты шахтерская рука.

И шум работ повсюду нарастает,
По всей стране плывет из края в край,
Кукушка годы светлые считает,
И птичьи песни будоражат гай.

Мы каждый день улыбкою встречаем,
Нам каждый день дары несет земля,
И ярче солнца путь нам освещает
Наш друг и вождь из Красного Кремля.

3 ноября 1938

521. ПАМЯТИ ЭДУАРДА САМУЙЛЕНКА

Друг незабвенный мой, сокол крылатый,
Крылья свои ты сложил навсегда.
К нам ты уже не придешь, как когда-то,
Песен своих не споешь никогда.

Будут весенние частые грозы
Слезы на холмик могильный роить.
Солнце горячее высушит слезы,
Будет всегда над тобою сиять.

С ветром, с туманами осень настанет,
Снова увядшим цветам не цвести.
Думы ж твои никогда не увянут,
Думы о счастье, о нашем пути.

12 февраля 1939

**522—529. ИЗ ЦИКЛА «НА ЗАПАДНО-
БЕЛОРУССКИЕ МОТИВЫ»**

1

ОЙ, ПОВЕЙ, ВЕТЕР!..

Братья мои, не вчера ли
Вы меж проклятий и слез
Горькие песни слагали —
Ветер ко мне их донес.

Ветер с востока, с восхода,
Весточку нам принеси,
Как там живется народу,
Кто сколько сжал, накосил.

Ой, повеи, ветер-соколик,
Пусть там услышат они:
Мука нам в панской неволе,
Рабством отравлены дни.

Ой, расскажи, ветер милый,
Весть донеси к ним туда,
Как раньше срока в могилы
Нас загоняет нужда.

Ой, ты поведай им, ветер:
Ночью придут или днем,
Песнями, розами встретим,
Всем им венки мы сплетем!

Сентябрь 1939

ТЫ МНЕ ПЕСНЮ СПОЙ, ДЕВЧИНА...

Ты мне песню спой, девчина,
 Как у пана ты служила,
 Отчего в большой кручине
 Накрест рученьки сложила?

Поднималась рано,
 Ложилась поздно.
 И ночами голос пана
 Снился, хриплый, грозный.

Нету хуже доли —
 Целый день в поклонах,
 Как былинка в поле
 На ветрах студеных.

Ты мне песню спой, девчина,
 Как в хозяйском жите спелом
 У тебя ломило спину
 И о чем тогда ты пела.

Тяжело девчине
 Жать чужое поле.
 Да неужто сгинет
 Молодость в неволе?

Тяжко дни и ночи
 На пана работать,
 Выплакала очи
 С тоски и заботы.

Ты мне песню спой, девчина,
 Как навстречу ветру злomu
 Побирuшкой-сиротиной
 Выгнал пан тебя из дому,
 Ты мне спой! . .

Сентябрь 1939

НАКОРМИЛИСЬ МЫ ПАНСКОЮ ЛАСКОЙ...

Накормились мы панскою лаской,
Горьких слез напильсь мы немало.
Что казалось вчера еще сказкой —
Явью, солнцем согретою, стало!

Расплывались по небу туманы,
Гнали ветры засохшие листья,
Соловей, что поет за курганом,
Никогда не певал голосистей.

Шум носился над рожью незрелой,
В городах, в деревнях отзывался,
Беловежская пуща шумела,
Темный лес Августовский качался.

Перекличку свою начинали
Днепр и Неман по-дружески с Бугом.
И до Волги родной долетали
Всплески Немана, дальнего друга.

Перед нами за панскою заставой,
За столбами с орлами свободно
Новый день расцветал величавый,
Колыбель доли-воли народной.

Сердце чуяло, слышали уши
Стороны этой звонкое эхо.
Только враг этой вести не слушал,
Упивался недобрым он смехом.

Все мы ждали душой терпеливой,
Как с войны мать ждет сына родного,
Той минуты чудесной, счастливой,
Вести этой великой и новой.

И пришла к нам победа большая
Богатырской стопою с Востока,

Кандалы и тюрьму разбивая,
Путь народу открыла широко.

Накормились мы панскою лаской,
Горьких слез напились мы немало.
Что казалось вчера еще сказкой —
Явью, солнцем согретою, стало!

Сентябрь 1939

4

РАСШУМЕЛСЯ ЛЕС ЗЕЛЕНЬЙ

Расшумелся лес зеленый,
К новой жизни пробужден.
Красной Армии знаменам,
Ворошилову — поклон!

С плеч неволю Неман скинул,
Улыбнулась Виляя,
Гул над Бугом, над равниной,
Веселится вся земля.

Паны в страхе утекают,
Как с пожара пасюки,
Паны гонор свой теряют,
Смело ходят бедняки.

И от моря и до моря
Пан владенья потерял,
Лишь вчера себе на горе
Он рубеж последний сдал.

Утекают как попало —
Только было бы куда,
Время светлое настало,
Сгибла панская беда.

И встает народ рабочий,
И встает крестьянский люд!

Солнце гонит тени ночи,
Стал, как в сказке, вольный труд.

Песня в сердце миллионов —
Словно колокола звон,
Красной Армии знаменам,
Ворошилову — поклон!

Сентябрь 1939

5

С НОВОЙ ДУМОЙ

С новой думой, с песней новой
Выйдешь ты на пашню,
Брат мой, труженик суровый,
Панский раб вчерашний.

По весне зерном отборным
Ты засеешь ниву.
Не свернешь с дороги торной,
Брат мой терпеливый.

Полон новой, гордой силы,
К свету, к счастью выйдешь,
Что вчера во сне не снилось —
Наяву увидишь.

По-хозяйски деловитый,
Будешь сам дивиться,
Как в доме твоём зажиток
Прочно поселится.

Распростишься с думой старой,
Безнадежно-грустной.
Будет нынче и в амбарах
И в хлевах не пусто.

Не ударит пан вельможный,
Как бывало, палкой,
Если вдруг, неосторожный,
Шапки не ломал ты.

Позабудешь ты навеки
Горе, гнет бесстыдный.
Будешь зваться человеком,
А не панским быдлом.

И в своей родной краине,
Брат мой терпеливый,
Заживешь и ты отныне
Радостно, счастливо.

Сентябрь 1939

6

С ЗАПАДНОЙ ТЫ, Я С ВОСТОЧНОЙ

С Западной ты, я с Восточной
Нашей Беларуси,
Никогда с тобою больше
Я не разлучуся.

Твои кони, мои кони
После дней недоли
Пусть теперь пасутся рядом
На лугу и в поле.

Вместе будем пахать землю
Трактором-обновой,
Сеять жито и пшеницу
На полях на новых.

Угощаться будем вместе
С каждым новым годом
Верещагою колхозной
И колхозным медом.

Сложим вместе думки-песни
Не о панской службе, —
Песни будут о свободе,
О народов дружбе.

Сентябрь 1939

СЛАВА ТЕБЕ, АРМИЯ!..

За леса шумливые,
 За луга зеленые
 Слава тебе, Армия,
 Армия Червонная!

Ты открыла, Армия,
 Беларуси Западной
 Путь из плена панского,
 Из недоли лапотной.

Праздник с нами празднуют
 С ласкою нельстивою
 Братья наши с Запада,
 Вольные, счастливые.

И решать торжественно
 Дело благородное
 В гости к нам съезжается
 Наша власть народная.

За леса шумливые,
 За луга зеленые
 Слава тебе, Армия,
 Армия Червонная!

Сентябрь 1939

НАСТАЛ ЧЕРЕД...

Настал черед.
 Иди, народ,
 На свой великий вольный сход!
 За годом год
 Ты кровь и пот
 Лил ради недругов-господ.

Тебя, мой брат,
Губил пан-кат,
И был ты корке хлеба рад.
Шел из тюрьмы
В тюрьму назад,
На праздник — в свитке из заплат.

Плывет гул-сказ:
«Настал твой час,
Твой брат пришел к тебе и спас.
Мечта сбылась:
Будь среди нас,
Как звали мы тебя не раз.

За светлый край,
Советский край,
Ты смело голос свой подай!
Зеленый гай,
Наш красный Май
Ты с нами радостно встречай!»

Полей простор,
Твой луг и бор,
Краса, которой равных нет, —
Всё с этих пор
Ласкает взор.
Ты видишь звезд кремлевских свет.

И ты навек
Оков избег,
Слезам не литься из-под век.
В семье одной,
В стране родной
Теперь ты вольный человек.

Ты в новый свет,
Где горя нет,
Иди, цвети, как вешний цвет.
Пришел рассвет,
Звучит привет,
Идет за нами счастье вслед.

За вольный край,
Советский край,
За счастье голос свой отдай!
Зеленый гай,
Наш красный Май
Ты с нами радостно встречай!

Сентябрь 1939

530. СПАСИБО НАРОДУ ЗА ПЕСНЮ

О жизни, о горе народа,
О том, что народ мой воскреснет,
Придавленный тяжелой невзгодой,
Слагал я правдивые песни.

Над нашим простором угрюмым
Невесело солнце светило.
Лишь в сказках народных и думах
Я черпал и бодрость и силу.

И песня моя подружилась
С народом, что был обездолен,
Стонала над полем, кружилась,
Рожденная в тяжелой неволе.

Жестокая кривда терзала,
Губила мне жизнь молодую...
Но время другое настало,
И смело всё дальше иду я.

И всё повернулось иначе,
И песни и думы иные.
Душа не томится, не плачет,
Как плакала в годы былые.

Приветливо шепчутся сосны,
Березы шумят у дороги.
И мы на земле плодоносной
Живем без нужды и тревоги.

Привольны колхозные нивы,
Просторны колхозные хаты,
И вместе с народом счастливым
Я праздную праздник богатый.

И песни расправили крылья,
Летят, словно птицы на воле.
Пусть предки заснули в могиле —
Потомки нашли свою долю.

За песни, что силу мне дали,
Спасибо народу родному.
Я пел их когда-то в печали,
Теперь я пою по-иному.

Спасибо народу навеки
За каждое слово поэта,
Спасибо тому человеку,
Чьим пламенем сердце согрето.

23—24 марта 1941

531. С ПЕРВЫМ МАЯ!

Расширяется, Май, твой победный поход
На далекий, на близкий закат и восход,
Вьется стяг твой, ведя за собою народ,
Алый стяг — и куда только он не дойдет.
Расширяется, Май, твой победный поход.
Словно праздник свой лучистый,
Наш народ его встречает.
Солнце блещет в небе чистом,
И плывет гул голосистый,
Песней праздник мы встречаем:
С Первомаем!
С Первомаем!

Весь цветами украшен поход ясный твой,
По земле ты победной проходишь стопой.
Будут люди тебя всюду чествовать свято,
Даже там, где пока еще властвуют каты,
Ты проносишь по миру свой светоч живой.

Словно праздник наш лучистый,
Ты пройдешь от края к краю,
Встанет солнце в небе чистом,
Поплывет гул голосистый
Звонким эхом по-над гаем:
С Первомаем!
С Первомаем!

Под расстрелом стоять ты не будешь нигде,
И тиран уж оков не навесит тебе,
Бомб не сбросят уже самолеты,
Лишь цветы будут сыпать высоты.
Под расстрелом стоять ты не будешь нигде.
Словно праздник наш лучистый,
Ты пройдешь от края к краю,
Зазвенит земля вся чисто,
Вышлет солнце сказ огнистый,
Весть, что зло мы побеждаем:
С Первомаем!
С Первомаем!

Отдаем, ясный Май, мы заботы тебе,
Будешь с нами всегда ты в труде и борьбе,
За моря, и равнины, и горы
Мы на новые выйдем просторы.
От злых недругов ворота
Заперты от края к краю,
Пулемет прицел свой знает,
Самолет готов к полетам,
Бьют кремлевские куранты:
С Первомаем!
С Первомаем!

21 апреля 1941

532. БЕЛОРУССКИМ ПАРТИЗАНАМ

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

На руинах, на погосте,
На кровавых их следах
Пусть скликает ворон в гости
Воронов считать их кости,
Править тризну на костях.

Пусть у Гитлера-урода
Сердце вороны клюют,
Пусть узнает месть народа
Вурдалакова порода.
Партизан, будь в мести люг!

Враг народу нес мученья,
Резал женщин и детей,
Встал кошмаром-привиденьем
И закрыл кровавой тенью
День наш ясный, лиходей.

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

Вас зову я на победу,
Пусть вам светят счастьем дни!
Сбейте спесь у людоедов,
Ваших пуль в лесу отведав,
Потеряют спесь они.

Слышу плач детей в неволе,
Стоны дедов и отцов.
Опаленный колос в поле
На ветру шумит: «Доколе
Мне глядеть на этих псов!»

За сестер, за братьев милых,
За сожженный хлеб и кров
Встаньте вы могучей силой,
В пущах ройте им могилы —
Смерть за смерть и кровь за кровь!

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

Вам опора и подмога
Белорусский наш народ.
Не страшит пусть вас тревога —
Партизанская дорога
Вас к победе приведет.

Мир глядит на вашу схватку,
Видит Сталин, как стеной
Встали вы за правду-матку,
Презирая страх-оглядку,
Уважая край родной.

Мы от нечисти очистим
Землю, воды, небеса.
Не увидят псам-фашистам,
Как цветут под небом чистым
Наши нивы и леса.

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

19 сентября 1941

533. ХИЩНИК

Он гадиной ползет — грабитель озверелый,
Кровь густо запеклась на ястребиных лапах,
Как алчный хищник, рвет он человечесье тело,
Ему щекочет ноздри сладкий трупный запах.

В дыму и в пламени всемирного пожара,
Под вопль невинных жертв, под хор предсмертных
СТОНОВ

Справляет страшный пир, мечась в разгуле яром,
Он, злобный и хмельной от крови миллионов.

Трон, как могильный склеп, себе он воздвигает
На грудах черепов и на костях убитых,
Отходную ко сну ему труба играет,
К утру скликаая сброд коричневых бандитов.

Купается в слезах сиротских он и вдовьих,
Остатки рубища сдирает с плеч сутулых, —
Он, сын кромешной тьмы, взбесившийся от крови,
Он, рыцарь виселиц и скотского разгула.

Он по миру пустил страдающую Польшу,
Чехословакию он растерзал на части,
Разграбил Францию — нельзя разграбить больше, —
И солнце Греции он вверг во тьму несчастий.

Норвежской кровью щедро залил он фиорды,
Раздел он Бельгию с Голландией до нитки,
В ярмо запряг хорватов мирных, сербов гордых,
Стремясь их вольный дух сломить в беде и пытке.

Бредет, ползет в людской крови он по колено,
Всем миром проклятый. . . Кто ж он — узнать
хотите ль?

То не гнена, нет! — пред ним ничто гнена, —
То — Гитлер — людоед, убийца и грабитель!

19 сентября 1941

534. СНОВА ЖДУТ НАС СЧАСТЬЕ И СВОБОДА

Лютует Гитлер оголтелый —
Тесны Германии границы.
Чтоб выйти за ее пределы,
Он кровью мир залить грозится.

Откормлен человечьим мясом
Палач; им поправа свобода,
Грозит он миру смертным часом,
Пьет кровь свободного народа.

На Беларусь мою родную
Он жадным ринулся шакалом,
На ту страну, что, торжествуя,
Свободным счастьем расцвела.

Он режет, вешает невинных,
Он топчет нивы наши, долы,
Кровавым пламенем, скотина,
Сжигает города и села.

Он вытоптал цветы и травы,
Затмил пожаром наши зори.
Ох, отомстит же мезтью правой
Народ ему за это горе!

Не долго нам терпеть страданья.
Разбойничает он, сжигает,
Но всенародное восстанье
Ему час смерти приближает.

Настал день мести и расплаты,
И поднялися партизаны
Крушить фашистский сброд проклятый,
Давить захватчиков поганых.

И Красной Армии в подмогу
Народ наш, сердцем вняв приказу,
Встал — к счастью проложить дорогу
И сжечь фашистскую заразу.

Пускай увидит враг заклятый
День роковой, жестоко мстящий
За наши выжженные хаты,
За детский труп, в крови лежащий!

Очистим наши лес и поле
От Гитлера орды кровавой
И заживем на вольной воле
В домах, отстроенных на славу.

Преодолев годину злую,
Отстроим всё, залечим раны,

Чтоб Белоруссию родную
Свет снова залил несказанный.

Земля покроется дворцами,
Все выйдут в праздничной одежде,
И знамя, пламенное знамя
Над нами расцветет, как прежде.

19 мая 1942

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

535. ИЗВЕЧНАЯ ПЕСНЯ

В 12 картинах

КАРТИНЫ

1. Крестины.	7. Покос и жниво.
2. На службе.	8. Осень.
3. Свадьба.	9. Праздник.
4. Весна.	10. Зима.
5. За сохою.	11. Похороны.
6. Лето.	12. На кладбище.

1. КРЕСТИНЫ

Деревенская бедная хата. Ночь. Все спят. В осиновом корыте, завернутое в холщовые пеленки, лежит дитя.
Над ним появляются тени и поют.

Жизнь

Всесильной рукою творенья
Даю ему жизнь и стремленья,

Все земли, леса и моря
И душу даю ему я.

В руках своих будет иметь он,
Что водится только на свете;

Всех сильных он будет сильней,
Всех мудрых он будет мудрей.

И реки, и доли, и горы
Внимать ему будут покорно;

Там высушит топи болот,
Там сроет, там насыпь взметнет.

Он вырубит пуши седые,
Распашет поля молодые,

Он выстроит богу чертог,
Себе же — тюрьму и острог.

Так будет он долгие годы
Царем, властелином природы.

И царь этот будет весь век
Название носить — человек.

Доля

А я ему песню по праву
Спою про богатство и славу.

О радости светлой спою,
О солнце в счастливом краю.

И, песню услышав такую,
Не раз он вздохнет, затоскует,

И, счастья не в силах поймать,
Он будет меня проклинять.

И станет гоняться за мною
Он мыслями, сердцем, душою.

А я пропою, убегу
То ль в поле, то ль в лес, то ль в реку.

И будет он жить и молиться,
Своей неудачей хвалиться,

Покамест не смолкнет навек
Владыка земли — человек.

Б е д а

Вот тут моя сила и воля —
Ему уж не вырваться боле.

И летом и снежной зимой
Он будет повсюду со мной.

Напрасно меня будет гнать он, —
Я буду с ним в поле и в хате.

И так он сживется со мной,
Что стану его я душой.

Взвалю ему ношу большую,
В лозовые лапти обую.

И жить ему станет невмочь,
И день ему будет как ночь.

Г о л о д и Х о л о д

(вместе)

Мы будем ходить за ним вместе,
Бросать его в дрожь и в болезни,

И душу и хату трясти,
Извечные сказки плести.

Пусть знает он — силен и молод, —
Как страшен и холод и голод;

И рухнет в могильный песок
От стужи, за черствый кусок.

Х о р

Мы, кровь со слезами мешая,
Крестины его совершаем.

Пусть будет ни мал ни велик,
Пусть носит он имя: Мужик.

Дня плачет. Тени разбегаются и исчезают.

2. НА СЛУЖБЕ

Помещичы поле. Недалеко лес. День хмурый; моросит дождь. Пасется скотина; возле нее — маленький пастушок. Одежда на нем рваная. Босой. В озябших руках он держит трубку из бересты. На дороге, идущей из леса, показывается женщина — мать пастушка.

П а с т у ш о к

Я у матери когда-то
Жил иль нет?
Горе выгнало из хаты
В белый свет.

Всяк толкает, всяк ругает —
Свой, не свой.
Ой ты, служба — жизнь лихая!
Боже мой!

Ой ты, доля, ой вы, слезы,
Тяжкий труд.
Люди дали до морозов
Мне приют.

Хлеб несут и смотрят строго —
Знай, мол, честь;
Не съедай, мол, слишком много...
Есть? .. Не есть?

Волк завоюет за горою
В тишине...
Ой, ни ласки, ни покоя
Нету мне.

М а т ь

(подходя)

Что невесел, мой орленок,
Мой птенец?
Братья шлют тебе поклоны,
Шлет отец.

Говори же, сын мой кровный,
Мой родной, —
Как работа, как здоровье,
Как с едой?

С чем поутру провожают,
Что дают?
Может статься, обижают,
Может, бьют?

Ой, когда ж тот праздник будет,
Та пора,
Чтоб не шел ты больше в люди
Со двора?

П а с т у ш о к
Как живет за летом лето
Кровный твой,
Ты спроси у птицы этой
Полевой.

Разузнай у тучи мгlistой,
Полной слез;
У цветка, у трав душистых
И у лоз.

И у груши среди поля,
У ручья:
Им видна моя недоля,
Жизнь моя.

М а т ь
Их расспрашивать не надо,
Сокол мой:
Для меня у них отрады
Никакой.

Родила тебя, растила
Как могла...
Что ж теперь я получила?
Что нашла?

П а с т у ш о к
Что напрасно сокрушаться?
Что тужить?
Дай мне только сил набраться,
Будем жить!

Вечерет. Пастушок гонит скотину домой. Мать, всхлипывая, идет за ним.

8. СВАДЬБА

Хата жениха. Много народу. На столе водка и всевозможная еда. За столом сидят на скамейках сват, сватья, молодые, дружки и поезжане. Все — веселые. Музыка, гулянье.

С в а т

Вот где, братцы, разгуляться!
Вот потеху развели!
Поднимайся, не стесняйся!
Эй, в присядочку пошли!

Ходят чарки, пышут шкварки,
Разговоры, шум и крик.
Вот где весело сегодня,
Где беду забыл мужик!

Всюду шумно, всюду людно,
Словно сходка иль кирмаш,
Здесь Марыся, Даминися,
Юрка, Савка и Тамаш.

Пальцы гибки, и на скрипке
Жарит, шпарит наш Авлас.
Бьет проворно и задорно
В звонкий бубен Апанас.

Трилли! Трилли! Вот кадриль вам.
Вот левониha пошла.
Валят просто, словно с моста,
Ой, веселые дела!

С в а т ь я

Вот забава! Честь и слава
Нашей паре молодой!
И достатком и порядком —
Всем доволен люд честной.

Всюду густо, всё-то вкусно,
Хоть ты рот не закрывай.
Сыру, сала — до отвала!
А пирог! А каравай!

Девок наших нету краше —
Как заря у них лицо.

А ребята — тороваты,
Молодцы из молодцов.

Так не ели, так не пили,
Не гуляли так давно.
Ну-ка, спляшем-раздокажем!
Вот веселье! Вот оно!

Молодой

Тем, кто весел, хоть и в горе,
Наша слава, наша честь!
Чем богаты, тем и рады,
Будем пить и будем есть!

(Обращаясь к молодой)

Ты, сестрица, брось журиться,
Прочь печаль свою пошли,
Ешь, лебедка, выпей водки,
Душу песней весели!

Час настанет, гости встанут,
Всяк пойдет к себе домой.
По-другому, по-иному
Заживем тогда с тобой.

Молодая

Гуляй, милый, сколько силы!
Грусть-тоска моя пройдет.
Слезы брызжут — я ведь вижу
Дом чужой, чужой народ.

Не родные здесь — чужие
Мать, отец и вся семья.
Что за люди? Что-то будет?
Что-то в жизни встречу я?

Хор

Редки смехи да потехи,
Часто горе входит в дом!
Громче бубен! Всѣ забудем!
Веселитесь все кругом!

Сват вылезает из-за стола и пляшет левонику вместе со сватьей; за ним молодая и молодой и все гости.

4. ВЕСНА

Раннее утро. Деревенская хата; вид ее бедный, безрадостный. Через маленькое оконце пробивается бледный свет. Полумрак. Мужик сидит на полотах свесив ноги, курит трубку и напряженно думает. Входит Весна. На голове у нее венок из подснежников и курослепов, в руках разорванная цепь.

Весна

(задорно, тоненьким голосом)

Как здоров, Мужичок?
В гости в дом твой иду.
Живо вилами в бок
Бей нужду и беду!

Хватит зимнего сна!
Выходи из жилия.
Где соха, борона?
Где севалка твоя?

Уж просохли поля,
И луга зеленой.
Призывает земля
На работу людей.

Слышишь, речки бурлят
И в просторы бегут.
Буйно рощи шумят,
Звонко птицы поют.

Да и солнце, гляди,
Ярко светит с утра.
Так иди же! Иди!
На работу пора!

Мужик

(поминутно вздыхая)

Я готов, я иду,
Ясна пани Весна,
Только нет, на беду,
У меня ни зерна.

Посмотри в закрома:
Всё, что Осень дала,
Лиходейка Зима
Без метлы подмела.

Пуст чулан мой и ток,
Сам без хлеба живу:
Ведь последний мешок
Я смолол к Рождеству.

И посеял бы я,
Только где ж семена? . .
Ой ты, доля моя!
Ой, Весна, ой, Весна!

Весна

Что бормочешь ты там?
Надо в поле идти.
Я совет тебе дам,
Как беду провести.

Пуст и ток и чулан, —
Что же думать-гадать?
Значит, нужно семян
В магазине достать.

Много ты не проси,
Твой загон небогат:
Пуда три принеси, —
Будет всё в аккурат.

Мужик

Мой сердечный поклон
За хороший совет.
Но известен мне он
С незапамятных лет.

Знаю я магазин,
Только с ним каждый год
Результат всё один:
Недород, недород.

Весна

Бог с тобой! Я иду,
Чтоб дать Лету наказ.
Знай одно: я в году
Не бываю двух раз.

Весна исчезает. Мужик слезает с полатей, снимает с колышка хомут и дугу и выходит из хаты. В окошко приветливо светит солнце.

Б. ЗА СОХОЮ

Поле. Ясное небо. Недалеко, в соседней роще, кукует кукушка. Мужик пашет. Низкорослая и худая лошадь поминутно останавливается. Высоко в небе поют жаворонки. По большаку, приближаясь, идет
Пр о х о ж и й.

Пахарь

(шагая за сохой)

Гей же, бороздою,
Конь мой черногривый!
Гей же, за сохою,
Пахарь несчастливый!

Экое раздолье!
Не окинешь взором.
Вспашем наше поле
Мы с тобою скоро.

Полной горстью смело
Разбросаем зерна,
Чтоб зазеленела
Ширь поляны черной.

И проедут люди
И пройдут по шляху, —
Всяк дивиться будет,
Что тут сделал пахарь.

Гей же, бороздою,
Конь мой черногривый!
Гей же, за сохою,
Пахарь несчастливый!

Пр о х о ж и й
(приближаясь)

С верой в дни иные,
С песнею весенней
Всяк поля родные
Вспашет и засеет!

Дождь ли поливает,
Буря ль плачет, воеет
Не переставая,
Птицы гнезда строят.

Никогда не знает
Труженик заране,
Чем земля отплатит
За его старанье.

С песнею весенней,
С верой в дни иные
Вспашет и засеет
Полосы родные.

П а х а р ь
(как бы про себя)

Лемехи — тупые,
Конь идти не хочет.
Руки — как чужие,
Пыль забила очи.

Боль в спине, ломота, —
Сила, знать, пропала.
И с обедом что-то
Женка запоздала.

Стой же, стой, лошадка!
Покурю я малость.
Может, легче станет,
Как пройдет усталость.

Пр о х о ж и й
(проходя мимо, кланяется)

Помоги вам боже
Силою своею!

Вспахано пригоже,
Осталось посеять.

Знать, живешь счастливо:
Хата есть и поле...
Где ж мой дом? Где нива?
Доля ж моя, доля!
(Идет дальше.)

П а х а р ь

Он идет и плачет,
Я порою — тоже...
Где же, где удача?
Где она, прохожий?

Распрягает коня. Ж е н а приносит обед.

6. ЛЕТО

Поле. Вдали, по краям его, чернеют леса. На меже под дикой грушей сидит задумавшись Мужик; напротив него Весна, а вдали — большак и помещичья усадьба, окруженная садами. Налево — залитый паводком сенокос; направо — засеянные полоски; яровые посева покрывает сурепка, озимые, побитые градом, также наполовину с сорными травами. На небе с востока поднимается туча, слышен гром. К Мужику подходит Л е т о, неся в одной руке серп, а в другой косу.

Л е т о

Что задумался так, Мужичок?
Погляди хоть чуть-чуть веселей!
Вот коса, молоток и брусок,
Вот и серп для хозяйки твоей.

Травы выросли — нечего ждать!
И хлеба созревают как раз.
Ты косить собирайся и жать, —
День Петров не напрасно у нас.

Час настал — не валяться в избе...
И коль вздумаешь силы жалеть,
Всё зимою припомнят тебе
И сарай запустевший и клеть;

И припомнит голодный твой скот,
И семья не забудет твоя.

И пурга зашумит, запоем,
Хоть умри: ни пути, ни житья!

На! Бери, что тебе я даю,
И скорей на работу иди.
Собирай в поле жатву свою,
Тяжкий труд до конца доводи.

Мужик

(растерянно озираясь)

Что? Куда ты велишь мне идти,
Лето ясное, жать и косить?
Речь такую нетрудно вести,
А попробуй взаправду пожить!

Свой лужок я подчистил весной;
Сеял — брал семена под заклад;
Ныне ж — глянь! Луг мой залит водой,
А колосья — пустые торчат.

Ел не ел я, одет не одет,
Делал всё как у добрых людей;
Знает силу мою белый свет,
Только кто ж я на ниве своей?

Не поднимется с горя рука,
Опостылело это житье.
Эх ты, доля-беда мужика!
Ой ты, ясное Лето мое!

Лето

И не стыдно ль тебе — что ни год,
Хоть и крепок, как дуб вековой,
Говорить про нужду, недород
И клониться увядшей травой?

Стоном ты не прогонишь беду,
Слез твоих не боится нужда,
Счастье ходит однажды в году
По полям, да и то не всегда.

Так не жди ж, не сиди, не зевай,
Не дремли, как под лавкой топор.
Поскорее свой хлеб убирай —
И в поденщики к пану во двор.

М у ж и к

Панский двор мне известен давно,
Там всю жизнь я работал не впрок,
И всегда выходило одно,
Что пуста моя хата и ток.

Вышибала мне барщина дух,
Думал: воля даст счастье и хлеб.
Вышла воля. А глянешь вокруг —
Как и прежде, я беден и слеп.

Л е т о

Ну, поехал же, братец ты мой. . .
Видно, толку не будет у нас.
На-ка серп со стальною косою!
Иду Осени дать я наказ.

Бросает косу и серп под ноги Мужикку и уходит. Мужик точит косу, пробует ее на меже и, миновав деревню, идет на панский двор. Буря поднимается не на шутку. Сверкает молния, все сильнее и сильнее гремит гром. Полил дождь, посыпался град.

7. ПОКОС И ЖНИВО

Луг и поле, рядом груша. Жара стоит невыносимая. Расстегнув ворот, Мужик косит. Жена, в одной рубашке, жнет. Возле нее на козлах, завешенных холстиной, висит в люльке ребенок; двое других ползают вслед за матерью.

М у ж и к

(обтирая пот рукавом)

Эх, работушка
Неизбытная!
Эх, коса моя,
Потом мытая!

А когда ж с тобой,
Да с блестящею,

Жизнь пойдем искать
Настоящую!

Век звенит коса
Закаленная,
Век течет слеза,
Да соленая.

Где-то вихрь гудит,
Лес качается,
Там поет косарь,
Потешается.

Здесь же — долюшка
Неизбытная.
Эх, коса, коса,
Потом мытая!

Ж е н а

*(перевязывает ногу,
пораненную жнивьем)*

Не пали огнем,
Красно солнышко,
Не коли мне ног
Ты, соломушка!

Трудно спину гнуть
Утомленную,
Трудно ниву жать
Поврежденную.

Тучным колосом
Не похвалишься,
Только потом
Обливаешься.

Бог везде гостил
С доброй ласкою,
Только, зная, забыл
Рожь крестьянскую.

Мужик

Уж рука моя
Утомилась,
И коса моя
Затупилась.

Отобью ее
Молотком стальным,
Наточу ее
Оселком своим;

Снова в ход пушу
С песней слезною!
Вновь пусть видит свет
Силу грозную!

Жена

(вытаскивая занозу из пальца)

Плачет дитяtko,
Надрывается,
Посмотрю пойду,
Как там мается.

Надо полосу
Поскорей убрать:
За нее уже
Звали к пану жать.

Мужик и жена

(вместе)

Ох, житье, житье,
Жизнь голодная!
Ох, не лучше ли
Преисподняя?

Мужик садится отбивать косу. Жена идет к козлам и кормит грудью ребенка.

8. ОСЕНЬ

Предутренняя мгла. Ток. На стене чадит маленькая лампочка. Мужик молотит. Цеп гудит. Ему глухо поддвывает ветер. Дверь открывается, входит Осень. В одной руке держит пучок сухих трав, в другой — пустой мешок.

О с е н ь

Я повсюду ходила,
Я повсюду была.
Что земля уродила,
Счет всему я вела.

И к тебе добралась я
Посмотреть и узнать,
Как ты жил, как старался,
Что видать, что слышать.

Весна, Лето бродили,
Гостевали в селе.
Хорошо ли растили
Урожай на земле?

Чем меня повстречаешь
Ты в родимом краю?
Что, скажи, получаешь
За работу свою?

Много ль собрано жита?
Хороши ли корма?
Ведь у пана набиты
До краев закрома.

М у ж и к

Осень, ясная пани,
Я не вру тебе, знай:
Хлеба мне неостанет,
Как угодно считай.

Наши песни знакомы —
Горевать да тужить:
Две копенки соломы,
Гречки с возик лежит;

Сена самая малость,
Да еще ячменя...

Вот и всё, что досталось,
Всё, что есть у меня.

Думай так или этак,
А расход-то велик:
Сам да семеро деток,
Да жена, да старик.

О с е н ь

И правдиво и честно
Говоришь ты со мной.
Но тебе ведь известно
Это всё не впервой.

Знать, такая дорога —
Всё терпеть до конца.
Что ж, прикупишь немного
Для скотины сенца.

Купишь хлеба с мякиной,
Да гороху возьмешь,
Да картошки осьмину —
Как-нибудь проживешь!

М у ж и к

Да, совет твой хороший:
Докупать, покупать. . .
Только где ж мон гроши,
Где прикажешь их взять?

Всё, что раньше собрал я,
На посев положил.
Летом штраф за потраву
Не однажды платил.

О с е н ь

Беден ты, погляжу я,
Отчего — не пойму. . .
Будь здоров! Ухожу я,
Чтобы встретить Зиму.

Уходит. На дворе всё сильнее завывает ветер. Капли холодного дождя хлещут по гнилым стенам. Мужик набирает вязку соломы и несет скоту. Дверь со скрипом закрывается.

9. ПРАЗДНИК

Хата — та же, что и весной. На столе — стопка гречневых блинов. На полатах лежат двое больных детей, остальные, босые, в одних рубашонках, ползают вслед за матерью по хате. На печи кашляет старик отец. Мужик сидит на лавке и бормочет себе под нос.

М у ж и к

Ну, бедняга, ну, несчастный,
Нечего крушиться!
Что прошло, то — дело ясно —
Вновь не возвратится.

Спину гнул весной и летом,
Аж только держися!
Отдохни теперь за это
Да повеселися!

Женка что-то всё болеет,
Захворали дети. . .
Выпей чарку! Веселее
Будет жить на свете.

Юрку надо было б в школу,
Только что ж стараться?
Как и ты, он будет голым,
Лучше так остаться.

Башмачки бы нужно Насте,
Симону шубенку.
Ох ты, горе! Ох, несчастье! . .
Не пора ль в казенку?!

Ж е н а

Что бормочешь там, проклятый,
Что скребешь за ухом?
Вишь, какой ты стал богатый,
Вишь, нашелся ухарь!

Прогуляться. . . до казенки. . .
Вот так молодчина!
А во что обуется женке?
Где дрова, лучина?

Нужно новое корыто
И кафтан для Зоси;
Просит фельдшера Никита, —
Плохо ведь пришлось.

Пить и бражничать, бездельник,
Нам с тобой некстати:
Не до песен и веселья,
Если горе в хате!

Староста

*(входит подвыпивший; он немного смешон
в своей важности и строгости)*

Вот и я к тебе добрался...
Наступили сроки:
Ты бы, братец, рассчитался,
Заплатил оброки.

За тобой и поземельный,
За тобой и пени,
Был приказ, чтоб в срок недельный
Выколотить деньги.

Надоело мне с тобою,
Дорогой, возиться,
Ты с коровкой и с избою
Можешь распроститься.

Магазинщик

(входит; он также подвыпил)

Мир и счастье вам, соседи!
Наш почет и дружба!..
Уж зима к нам в гости едет, —
Рассчитаться б нужно.

За ячмень, что брал весной,
За три меры жита...
Отсыпай своей рукою,
Вот и будем квиты!

М у ж и к

Что же это? Что же это?
Долго ли так будет?
Никакого нет просвета. . .
Ну житье, ну люди!

Хватает шапку и убегает вон из хаты. Жена платком утирает слезы.
Староста и магазинщик выходят.

10. ЗИМА

Лес. Деревья покрыты инеем. М у ж и к в залатанном кожаном и в войлочной шапке стоит по колено в снегу и рубит сосну. Издали приближается З и м а. У нее в одной руке кувалда и молот, в другой связка железных цепей. Когда она идет, молот ударяет по кувалде и цепи звенят.

З и м а

Как жил ты, как ты маешься?
Чем счастье отозвалось?
Повсюду я шатаюся,
Вот и к тебе добралася.

Звеня, гремя оковами,
Пришла к тебе — всесильная;
Припомнив жизнь суровую,
Пришла к тебе — могильная.

Над полем, над дубравами
Я панной разгостилася.
Мои снега — как саваны,
В мой лед река укрылася.

Шумливая, упрямая,
Гуляю я со стужами.
Смеюсь над слезами я —
И всё осилю, дюжая.

Взгляни глазами смелыми,
Оставь мечту унылую!
Сильней ты света целого, —
Померяемся ж силою!

М у ж и к

Ой, Зимка, пани ясная!
Пусть верится, не верится,
Но речь твоя напрасная:
Не мне с тобою мериться.

Мы с силою разлучены,
Она из сердца вынута.
И я — нуждой замученный
И радостью покинутый.

Не мучь невиноватого,
Не бей меня, убитого,
Иди в дворцы богатые,
Под шубы, мехом крытые.

Семья моя голодная,
И хата моя валится.
Иди ж, Зима негодная, —
Не мне с тобою справиться.

З и м а

Держи ответ свой иначе!
Не верю лживой повести,
Что ты слезами вынянчен,
Что ты родился в горести.

Зачем же сосны гордые
Твоей шилой загублены?
Кому дрова отборные
Твоей рукой нарублены?

Из той сосны крестьянская
Твоя изба ведь сделана?
В твоей печи ведь ласково
Горит береза белая?

М у ж и к

Весною в дни веселые
Деревья те высокне
Плывут водою полою,
Плывут в края далекне.

Широкими дорогами
Дрова те в город тянутся,
За нашими порогами —
Поленца не останется.

З и м а

Перед тобою стелется
Вся жизнь-тоска проклятая...
Пошлю-ка я метелицу,
Она с бедой рассватает.

Уходит. Начинается метель. Темнеет. Подрубленная сосна с треском и стуком падает и убивает Мужика. Стая голодных волков приближается к бедняге. Лес стонет.

11. ПОХОРОНЫ

Хата. Напротив дверей в гробу лежит Мужик. Столяр разбирает полаты и из снятых досок делает крышку для гроба. За столом причитают соседи. Жена голосит и приговаривает. Дети всхлипают. Старик, кряхтя, слезает с печи. Шумит метель. В трубе завывает ветер.

Ж е н а

Ох, мой ты голубочек!
Навек закрыл ты очи.
Лежишь, не встанешь боле...
О, доля ж моя, доля!

Без времени могила
Житье твое сгубила.
В несчастную годину
Сироток ты покинул.

Покинул малых деток,
Голодных и раздетых.
Дров нету ни полена,
И нет в сарае сена.

Как жил ты с нами, милый,
То всё иначе было:
И в поле ты... и в люди...
Что ж нынче с нами будет?

Зачем на свет родиться,
Коль надо с ним проститься,
Семью в беде оставить
И по миру отправить?

О т е ц

(утирая набежавшие слезы)

Смерть не берет седого,
Взяла вот молодого.
Раскрылась домовина
Не для отца — для сына.

Мне нету места в хате:
Работать сил не хватит.
При чьей тут жить опеке
Несчастному калеке?

Возьму с собою внука —
Тут не нужна наука;
Пойдем мы с ним по хатам —
И к бедным и к богатым.

Скорей, старик, собирайся,
В лохмотья одевайся,
Иди, больной, голодный,
На ветер на холодный!

(Вытаскивает из-за печи лохмотья и лапти.)

С т о л я р

(кончив крышку для гроба)

Вот и готово дело,
И крышка подоспела.
Давайте же достойно
Простимся мы с покойным.

Простимся с ним навечно
Душевно и сердечно!
Жена, отец и детки,
Соседи и соседки!

Был неплохим соседом,
Шел прадедовским следом,

Людей он не обидел,
Но сам обиду видел.

Младший сын
*(целует у покойника руку и, обращаясь к матери,
спрашивает)*

Зачем его, скажи мне,
В тот ящик положили?
Он весь холодный, синий,
Рукой и то не двинет.

Старший сын
Ты ничего не знаешь:
Он умер, понимаешь?
Душа его из тела
На небо улетела.

Дети отходят от гроба. Подходят прощаться другие. Столяр накладывает на гроб крышку. Соседи берут гроб на плечи и выносят из хаты.

Хор

Дай, боже справедливый,
Рай светлый и счастливый
Всем бедным, подневольным,
Забитым и бездольным.

Жена и дети голосят. Старик отец с нищенской сумой берет внука за руку, и все выходят из хаты. Хата остается пустой. Слышен звон. Воют собаки.

12. НА КЛАДБИЩЕ

Темная ночь. Кладбище. Летают совы и летучие мыши. На упавшем кресте — Тень Мужика.

Тень Мужика
Зачем на могиле размыла
Песчаную насыпь вода?
Зачем эта темная сила
Слетается ночью сюда?

Прочь, гадины, жабы и слизи!
Все сгиньте в пучине на дне!
Явитесь видения жизни
И добрые духи ко мне!

Мне спать под землей надоело,
Мне хочется знать до конца:
Что слышно на свете на белом?
Как дети живут без отца?

Хватает ли на зиму хлеба?
Богато ли родит земля?
Иль, может быть, милости неба
Не знают, как некогда я.

Свободны ль, иль, может, как мухи,
Попалися в сеть паука?
Про всё говорите мне, духи,
Что сделано для мужика.

Слетаются те же тени, что и на крестинах. Они вертятся возле Тени
Мужика и попеременно поют.

Б е д а

Тебе мы с большою охотой
Расскажем, как люди живут.
Не отперты к счастью ворота,
И слезы обильней текут.

Г о л о д

Поля, как и раньше, пустые,
И голодно в каждой избе.
И по небу тучи густые
Плывут, как тогда, при тебе.

Х о л о д

По всем городам и по селам
Проклятья, да скрежет, да стон.
Ни смеха, ни песен веселых,
А только кладбищенский звон.

Х о р о м

Завалены тропы к просвету
Гробами, крестами могил.
А брат твой, мужик безответный,
Живет без надежды и сил.

Доля

Ты хочешь услышать, как видно,
О жизни своих сыновей?
Живут они все незavidно,
И каждый с невзгодой своей.

Твой старший за сошкою ходит,
Порой веселится в корчме.
Второго чужбина изводит,
А третий томится в тюрьме.

Четвертый замучен, засечен
За горькую правду свою.
Машиной меньшей искалечен
И нищенством кормит семью.

Жизнь

Узнал, как живется на свете?
О детях услышал своих?
Я ловко расставила сети:
Попробуй распутай-ка их!

Я силам безжалостным в руки
Проклятое зелье дала:
Пусть сеют страданья и муки,
Пусть гибнут от горя и зла!

Тень Мужика

Нерадостно слушать, немило
С земли моей этот привет.
Раскройся же снова, могила, —
Страшней тебя люди и свет!

Могила раскрывается. Где-то запел петух. Тени исчезают. Никнет Тень Мужика. Слышны крики зайцев и сов. В воздухе шелестят крыльями летучие мыши и ночные птицы.

22 августа 1908

536. НА ПРИВАЛЕ
(Картинка 1906 года)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

1 - й Прохожий.	1 - й Всадник.
2 - й Прохожий.	2 - й Всадник.
3 - й Прохожий.	3 - й Всадник.

Неизвестный.

Весенняя ночь. Неподалеку от дороги бор. Трое прохожих собирают сучья.

1 - й Прохожий
(принеся ветку)

В таком лесу как пусто стало,
Упавшей ветки не найти;
Вот обсушись тут, как бывало,
Найди здесь путь, где нет пути.

А помню, было всё иначе,
Привал хорош был, в самый раз;
Сушняк здесь ничего не значил,
Бери хоть воз; огонь не гас.

2 - й Прохожий
(бросая сук)

Тьфу! Чтобы всё пошло тут прахом!
Ну как опустошили лес:

Ведь за сучком, и то со страхом,
Я на сосну высоко влез.

Пройдет полгода, год, здесь будет
Без всякого костра ночлег,
Не раз плутать придется людям,
Болотной нечисти на смех.

3 - й Прохожий
(бросая хворостину)

Вот вам дубок, лоза лозою!
Ему уж больше не расти;
Я истомился, ноги ноют,
Скорей огонь бы развести.

Пусть пламя вырвется под небо,
Чтоб нам согреться у костра...
Пойду возьму котомку с хлебом,
А вам разжечь костер пора...

1 - й Прохожий

Я рад бы сделать, как бывало,
Но дождь огниво замочил.

2 - й Прохожий

Я где-то потерял кресало,
Давно и трубки не курил.

3 - й Прохожий

Ну ладно! Скоро я вернуся
И сам раздую огонек,
Мне серники дала Кастуся,
Я положил их в кошелек.

(Уходит.)

1 - й Прохожий

Садись-ка, отдохнем немного,
Устал ты, быстро шел, видать.
Пусть пропадет совсем дорога:
Канав, корней не сосчитать!

Так измотала вовсе душу,
Что нет живого места в ней.

Садись-ка рядом, где посуше,
Свои, брат, ноги пожалей.

2-й Прохожий

Спасибо, отдохну немного,
Устал я очень, путь тяжел,
К тому же искалечил ногу,
Когда такой дорогой шел.

(Садится.)

Как всё же холодно на свете,
Хоть май давно землей идет.
Куда же запропал наш третий?
Ужель всё хлеб еще берет? . .

3-й Прохожий

(подходя)

А вот я, легок на помине!
Подзадержался там с конем.
Сейчас огонь под небо вскинем,
А там закусим, отдохнем.

(Достает спички.)

Зажжем. . . А! Вот еще докука!
Никак мне не добыть огня.
Кому-кому, а мне наука:
Пропали спички у меня.

Все до единой отсырели,
Из них и искры не достать.
Ну кто бы думал, в самом деле,
Что так придется пропадать?!

1-й Прохожий

Э, плюнь, сосед, скорей на это, —
Чтоб нам такой беды навек!
Темно и холодно, — всё ж лето,
Пропасть не должен человек.

А может, кто еще приедет
И снимет это горе с нас?
Да, к слову молвить мне, соседи,
Ужель так с вами в первый раз?

2 - й Прохожий

А может, вспомним, братцы, осень?
Весь свет был глух, и дик, и пуст;
Шум не стихал дремучих сосен,
И мнилось — плачет каждый куст.

Казалось: свадьбу правят черти,
Взвилось всё, крутится, стучит;
Ни блеска звезд, лишь в крутоверти
Конь пастороженно храпит.

Как из ведра дождь лил из тучи,
И ветер выл, как дикий зверь,
А мы вот здесь, в лесу дремучем,
Ночлег справляли, как теперь.

3 - й Прохожий (прислушиваясь)

Постой, сосед! А не слышали,
Как будто фыркнул мой гнедой? ..
Ведь мы одни здесь на привале,
Как бы не встретиться с бедой?!

1 - й Прохожий

Ты посиди, а я, брат, скоро —
Схожу и гляну на воза:
Быть может, там застигну вора,
Тоскует по нему лоза.

(Уходя, цепляется лаптем за сук и падает.)

Чтоб лихорадкой ты извелся!
Чуть ногу не свернул, ей-ей!
На сук какой-то напоролся,
Ну, вот бегу теперь скорей.

(Через некоторое время возвращается с Неизвестным.)

Вот вам и вора я вручаю,
На вашу волю отдаю,
Со мной он встретиться не чаял,
Но, силу угадав мою,

Он не входил в большие споры,
Пошел, куда сказал ему.

Неизвестный

Брось! Никогда я не был вором.
Такая ругань ни к чему!

Я тоже, как и вы, прохожий,
Дорога та же у меня,
И всё различие, быть может:
С конями вы, я — без коня.

И я, как вы, искал ночлега,
Хотел у вас его найти,
Да не туда, как вижу, въехал,
Придется мне от вас уйти.

2-й Прохожий

А как узнать, я молвлю к слову,
Что против нас ты не имел
Какого-либо дела злого,
Что даже думать не посмел? ..

3-й Прохожий

А ведь не зря вопросы свата,
Ты отвечай нам, да не ври:
Куда идешь? Где был вчера ты?
Кто ты? Откуда?

Все трое

Говори!

Неизвестный

В мозолях руки, гляньте сами,
С нужды и горя впала грудь.
Еще котомка за плечами
Вам тоже скажет что-нибудь.

Не сделаете мне худого,
И в дальний путь отправлюсь я...
И вам идти в дорогу снова,
И вас ведь дома ждет семья.

А лучше вот костер скорее
Зажечь, чтоб нас обогривал...
Я сказки сказывать умею
И песни многие слышал.

1 - й Прохожий
Ошиблись, головы пустые! . .

2 - й Прохожий
Он из семьи не воровской.

3 - й Прохожий
Кто б мог подумать? Ведь простые
Твоя одежда, облик твой!

1 - й Прохожий
И сказки знает, и за песней
Ему недалеко ходить.

2 - й Прохожий
Одна беда — что, ты хоть тресни,
Не можем мы огня добыть!

Неизвестный
А мы сейчас его добудем,
Огонь тут будет и тепло,
И с ними горе мы забудем,
Лесным соседям всем назло.

(Зажигая костер)

Гори, гори, костер смолистый,
Садитесь вы, друзья, в кружок,
И до зари до золотистой
Нас будет слушать соснячок.

Ну что ж, то ль песнею чудесной,
То ль сказкой думки веселить?

3 - й Прохожий
Пожалуй, лучше спой, брат, песню.
Ее нельзя нам не любить.

1 - й Прохожий
А после скажешь, друг хороший,
Откуда ты, куда идешь?
Ценить людей мы тоже можем,
И ты, наверно, нас поймешь.

Неизвестный

Как хорошо здесь. Быль или небыль?
Вовсю горит костер большой,
Вокруг нас лес, над лесом небо,
Там выйдут звезды чередой.

Люблю такие я причуды!
Здесь человек как человек;
За думкой думка ходит всюду,
Сон не смежает наших век.

(Поэт.)

Жил на свете Левон,
Молод был и силен,
Лишь не знался он с долей и волею:
Сонный сердцем, душой,
Дремал в хате кривой,
Выходил — весь в слезах, обездоленный.
Но вот слышит Левон
Клики с разных сторон,
Что житье его вовсе пропащее,
Да и сам в разум взял,
Что дум светлых не знал,
Что он дерево вроде ходячее.
Встрепенулся Левон,
Как вода, как огонь,
Слышит силу в себе небывалую,
Уж беда — не беда,
И нужда — не нужда,
Свои песни запел разудалые.
Земля стонет, дрожит,
Коль поет, коль кричит,
Коль просвета Левон домогается;
Но от песен таких
Страх напал на других,
И вот черное зло поднимается.
Всё пошло кверху дном,
Свисты, стоны кругом,
Воронье на добычу слетается:
Бедняку счастье дать
Не всем было под стать,
Не под стать, что Левон просыпается.

И напрасно Левон .
Молод был и силен,
И на помощь напрасно надеялся:
Положил он в бою
Жизнь за правду свою, —
Только памятка — насыпь виднеется.
Лежит, дремлет Левон,
На груди вырос клен,
А коль ветер по свету расходится,
Шумит громко тот клен:
Еще встанет Левон —
Гей, Левоны у нас всюду водятся!

(Перестав петь)

Вот и конец тут песни этой,
Ясна ль она — не мне судить,
Простите, коль не так что спето, —
Ее dokonчат, может быть.

1 - й Прохожий

О, песню славную такую,
Знай, не поймет лишь глины ком. . .
Что ж, после малость потолкуем,
Расскажешь о житье своем.

2 - й Прохожий

Я хворосту в костер подбавлю.

3 - й Прохожий

(второму)

И я пойду с тобою, брат.

1 - й Прохожий

Я пути на конях поправлю.

Уходят все трое.

Неизвестный

(вслед прохожим)

Я отдохнуть немного рад.

(Один)

О, мой народ, забытый долей,
За что я так тебя люблю?

За что же гомон твой в раздолье
И думки все твои ловлю?

Ты мне на сердце лег заботой,
Какой не в силах я свалить...
С чего начать, и делать что тут,
И как такую жизнь прожить?

Идешь-бредешь, а на дороге
То кость, то камень под ногой;
У брата станешь на пороге,
А он тебе... О боже мой!..

Неси свое, как крест, бесправье,
Терпенье, данное судьбой,
Когда же крылья ты расправишь,
Орлиный лёт покажешь свой?

Постель пуховую постелешь
Своим измученным сынам,
Несмелых песнею осмелишь,
Какой сегодня беден сам?

Как страшно очутиться снова
Среди могил, среди крестов!
Огонь добыть из пня сырого,
Скликать обмануток дружков...

Так трудно, и куда ни взглянешь —
Неправду хоть коси косою!
Когда же ты, народ мой, встанешь,
Поднимешь к солнцу голос свой?

Прохожие (подходя)

Ну, вот теперь и сесть мы можем.

Неизвестный
И сесть мы можем... Ну и что ж?
Ага! Рассказ один мы сложим,
Отточим остро всё, как нож;

Не тронем ли сердца чужие
Тех, что из дерева, людей?

Прохожие

Да разве люди мы такие?
Обидел шуткой нас своей!

Неизвестный

Избави боже! Слово это
Сошло напрасно с языка...
Когда на сердце нету света,
То всё подводит бедняка...

Откуда я и кто я — право,
Не много чуда в этом есть;
Родился, рос, летел за славой,
Летел — а остановка здесь.

В хатенке бедной встретил день я,
В большой нужде была семья:
Конек, коровка — всё именье,
Два клина в поле — вся земля.

Читать, писать меня учили,
Но школу кончить не пришлось,
Всё ж после книжность я осилил,
Других учить мне довелось.

И сладкий мед с отравой лютой
Сулить страница стала мне;
Я ею мысли все опутал,
То наяву жил, то во сне.

И я всю горечь жизни вызнал,
Дорогу к знанию полюбил.
И всё же, разуверясь в жизни,
Я чуть себя не погубил.

Но не назначено судьбой мне
Без времени в могиле тлеть,
И сам не знаю я сегодня,
Жалеть о том иль не жалеть.

И так все годы за годами
Я рос, они, сменяясь, шли,

Но не растет лишь счастье с нами,
Как ты судьбу там ни моли!

И каждый год всё хуже прожит,
И всё трудней добыть на хлеб,
Как свет широк, но всё же, всё же
Мой дом родной — тюремный склеп.

Грозится небо непогодой,
Скотину косит мор лихой,
Так год за годом, год за годом,
И нет конца недоле злой.

Отца недоля с ног свалила,
Пошел в могилу без поры;
Еще три выросли могилы:
Брат умер мой и две сестры.

Пошло несчастье за несчастьем,
И угол я покинул свой,
Где лишь насмешки да напасти,
Хоть в стенку бейся головой.

И по чужим углам скитанья
И плеть на службе я узнал,
Я по дорогам шел, как странник,
И с ветром песни напевал.

А думки рвались к солнцу, к доле
С пустынных нив, с печальных гор,
Туда, где много счастья, воли,
Где не туманят слезы взор.

И пробудил чудесный голос
Раскрытья дивные души.
И как стремится к солнцу колос,
Так зло хотел я сокрушить.

.

Иду. . . Куда идти мне ныне?
Из всех дорог какая ждет?
Повсюду спят поля родные,
И сохи ржавчина грызет.

Лежит, обернута онучей,
Луга забывшая коса,
На тропках мох растет колючий,
На нем кровавая роса.

И от нужды и горя стонет
Народ, живущий в кабале,
И панские пасутся кони
На обездоленной земле.

Остроги пасынкам покорным
Везде построила беда,
Измена вяжет сеть проворно,
И смерть гостит у них всегда.

Но только сердце наше внемлет,
Как в той тяжелой, душной мгле,
Где кости прадедовы дремлют,
Где время гнет кресты к земле, —

Там что-то движется в бессильи,
И словно слышен стон глухой...
Ужель мы кривде покорились,
Ужель мертвец из нас любой?

.

Ну, скоро и рассвет настанет,
Пора в дорогу мне, пора!
Покуда солнце с неба глянет,
Ждет не одна меня гора.

И вам пора, скажу по чести,
Коней к пути подготавливать;
Уж лучше раньше быть на месте,
Чем на привале переспать.

Теперь кто здесь меня считает
За лиходея своего?

1 - й Прохожий

Не здешний ты, я полагаю,
И, может, горе оттого?

2 - й Прохожий

Что ж, интересна, братец, право,
Как я запомнил, речь твоя,
Но если мне такую славу,
Не стал бы ею хвастать я.

3 - й Прохожий

И я скажу — с какой же стати
В пути быть вечно в холод, в зной,
Не лучше ль век прожить, да в хате,
И хлеба кус иметь, да свой.

Неизвестный

Э, что! .. Ну, будьте, братцы, живы!
Мне в путь с котомкою своей.
Гей, двинем дальше мы по нивам,
Хоть гром греми, хоть буря бей!

Быть может, снова будет встреча
Через годок, через другой,
В какой-нибудь весенний вечер,
Какой-то новою весной.

(Уходит, напевая)

Жил на свете Левон,
Молод был и силен...

1 - й Прохожий

Ну, и чудной же он, бывалый,
Чего он хочет от других?

2 - й Прохожий

Таких овечек разве мало?
Один лишь смех глядеть на них!

3 - й Прохожий

А я скажу вам, ваша милость,
Вот в чем, я думаю, беда:
Здесь книжность голову забила,
И он идет невесть куда.

Слышен конский топот.

1 - й Прохожий

А это снова что такое,
Кого там вынесло на шлях?

2 - й Прохожий

Не будет, видно, нам покоя,
Вон двое едут на конях.

3 - й Прохожий

Да, едут к нам, а с ними главный,
Какой-то очень важный чин.

1 - й Всадник

(быстро подъезжая)

Скажите, странник здесь недавно
Не шел дорогою один?

Прохожие

Нет, нет, не видели, не знаем,
Других тут не было людей,
Мы вот-вот сами отъезжаем,
На рынок надо нам скорей.

2 - й Всадник

Поедем да поищем снова,
Здесь не напали мы на след.

3 - й Всадник

(к прохожим)

Коль вы увидите такого,
Словить, связать — и к нам чуть свет!

1 - й Прохожий

Век дожидайтесь, но не буду
Ему я ногу подставлять.
Чуть задержись он, и отсюда
Могли б легко беднягу взять.

2 - й Прохожий

А было б хлопцу плохо, братец.
Колдун он, что ли, чаровник?

3 - й Прохожий
Нет! Нет! Как мы, он вырос в хате,
Такой же, как и мы, мужик.

1 - й Прохожий
Зашел бы, пил и ел со мною.

2 - й Прохожий
И я куска бы не жалел.

3 - й Прохожий
А у меня порой ночью
Ночлег бы лучший он имел.

1 - й Прохожий
Поговоришь, как с ним, — не с каждым.

2 - й Прохожий
Погоня неспроста была!

3 - й Прохожий
И песню так поет протяжно!

1 - й Прохожий
Она мне на сердце легла.

2 - й Прохожий
А ты ее запомнил, знаешь?

1 - й Прохожий
Могу начало повторить.

2 - й Прохожий
Я середину вспоминаю.

3 - й Прохожий
А мне конца не позабыть.

Расходятся, напевая:

Жил на свете Левон,
Молод был и силен,
Лишь не знался он с долей и волею...

Между 1908 и 1912

ПОЭМЫ

587. НИКОМУ

(Из времен крепостного права)

1

Кончена работа,
Солнышко зашло,
И осенний вечер
Прилетел в село.

В тихих избах тени
Черные легли.
Наступило время
Зажигать огни.

Вынимай лучину,
Хату освети,
И начнем, ребята,
Разговор вести.

Я готов поведать,
Рассказать готов
О тяжелой доле
Крепостных годов.

Только — слушать молча,
Не перебивать.
Стихли. . . Но с чего же
Мне рассказ начать?

Удалая думка,
Ты меня носи
По родной сторонке,
По Белой Руси.

Уноси в былое,
Расскажи, как тут
Тягостно и горько
Жил наш бедный люд;

Как входило горе
В тихие дворы,
Как паны справляли
Шумные пиры.

Смерть стучалась в двери,
И не к одному,
Жалобы людские
Были ни к чему...

Пронеслось, минуло
Время-лиходей,
Но навек осталось
В памяти людей.

Средь холмов песчаных
И густых лесов
Выросла деревня —
Больше ста дворов.

И в деревне этой,
Да из года в год,
Должен был работать
Каждый на господ.

Пан деревней правит, —
Грозен панский кнут.
Изошел слезами
Беззащитный люд.

Если ты ошибся,
Розгами секут;
Если провинился,
В рекруты сдают.

Батяка пашет ниву,
Сын в солдаты взят,
А у папа вечно
Пьянство и разврат.

4

В той деревне дальней,
На беду, на грех,
Выросла девчина,
Да красивей всех.

Выросла Алена,
Девушка-душа.
Ну, и полюбила
Крепко Тамаша.

И Тамаш не против,
И Тамаш был рад,
Ведь его Алена —
Настоящий клад.

Так они любились —
Двое молодых,
Только, видно, счастье
Было не для них.

Лес шумел и плакал,
Предвещал беду.
Ох, не зря Алену
Пан имел в виду!

5

Раз, принарядившись,
Будто на кирмаш,
Со своей Аленой
К пану шел Тамаш.

В дом вошли и в ноги
Повалились враз:
«Разреши венчаться,
Осчастливь ты нас!»

Пан сказал: «Венчайтесь,
Вам давно пора...
Но когда же свадьба?»
— «Свадьба — на Петра».

Весело с невестой
Шел Тамаш домой, —
Пан такой хороший,
Добрый пан такой!

Шли они, не чуя
Ни тоски, ни бед.
А за ними мчалось
Злое лихо вслед.

0

Шум, и гам, и крики
Средь высоких зал:
Пан собрал магнатов,
Пан устроил бал.

Дорогие яства
На столе горой,
Дорогие вина
Потекли рекой.

Спьяну забавляться
Стали господа
Так, что даже жены
Скрылись от стыда.

Это лишь и нужно!
Все кругом пьяны.
«Девок! Дайте девок!» —
Требуют паны.

И хозяин хочет
Угодить гостям.
Погулять с девчиной
Он не прочь и сам. . .

7

Стали молодые
Мужем и женой,
Ехали из церкви,
Ехали домой.

Он глядел в глаза ей,
О любви шептал.
У нее румянец
На лице играл.

Но, как видно, счастья
Нет для молодых.
Скверные приметы
Поджидали их:

Пересек дорогу
Заяц раз и два,
Ворон закружился,
Гукнула сова.

И друг к другу в страхе
Молодые льнут.
Если бы не знать им
Тягостных минут!

8

Над деревней звезды
Ясные встают.
Ближе, ближе, ближе
Бубенцы поют.

Едут поезжане —
Пыль из-под колес. . .
Сходят молодые
На белый помост.

Вышли молодые
Под руку вдвоем.
Устлана дорога
В хату полотном.

Стали возле входа
И отец и мать,
Чтобы хлебом-солью
Молодых встречать.

Музыка играет —
Аж трясется пол.
И садятся гости
За широкий стол.

9

Села молодая,
Рядом молодой.
По бокам родные
Тесной чередой.

Пьют, едят, гуторят —
Никаких забот.
Заиграла скрипка,
Танцевать зовет.

Весела невеста,
Радостен жених,
И глаза, как солнце,
Светятся у них.

Вдруг — беда! . . Ватага
Панских гайдуков
Ворвалася в хату,
Словно сто волков.

«Где, — кричат, — Алена?
Выходи вперед!
На свою пирушку
Пан ее зовет!»

Гости онемели,
Речь оборвалась,
Ой, не миновала
Черная напасть!

Знали, что с молодой
Делать будет пан.
Знали — он распутный,
Знали — он тиран.

Побледнел и страшно
Задрожал Тамаш.
Что ж это такое?
Неужель шабаш?

Для того ль Алену
В жены взял теперь,
Чтоб над ней глумился
Сластолюбец-зверь?

Как стерпеть напасти,
Как снести позор?
И Тамаш несчастный
Выхватил топор.

11

«Эй вы, слуги пана, —
Закричал Тамаш, —
Подлые людишки,
Как хозяин ваш!

Понапрасну, шельмы,
Вы явились к нам:
Я не дам Алены,
На позор не дам!

Пусть сгнию в остроге
Иль в яру на дне,
Не видать Алены
Ни ему, ни мне!»

И в одно мгновенье,
Глазом лишь моргнуть,
Сталь вошла с размаху
В молодую грудь.

Рухнула Алена,
Сгибла красота,
И лежит Алена,
Кровью залита.

12

Так окончен праздник
Молодой четы —
Тихое кладбище,
Серые кресты.

Над могилой ранней
С тех глухих времен
Поднялася липа,
С нею рядом — клен.

В зиму клен и липу
Застилает снег;
И мороз находит
Там себе ночлег.

Летом клен и липа
Зеленью шумят,
Солнышку и ветру
Что-то говорят.

Люди к ним приходят
Раннею весной.
Люди их прозвали
Мужем и женой.

13

Много лет промчалось,
Много лет прошло,
Многое травую
Дикой заросло.

Но преданья жили,
Шли из года в год,
О неправде черной,
Что терпел народ.

Шли от дедов к внукам,
От отцов — к сынам,
И от них в наследство
Достаются нам.

И вот этот случай,
Случай страшных лет,
Рассказал мне как-то
Седовласый дед.

Вы узнать хотите —
Что же с Тамашом,
Как он жил на свете
И к чему пришел?

14

В кандалы беднягу
Заковали враз.
В рудниках сибирских
Каторжник угас.

Не увидел больше
Родины своей.
Умер возле тачки
Он под звон цепей.

Ну, а пану что же?
Как и всякий пан,
Властвовал в округе,
Был и сыт и пьян.

Когда ж отменили
Крепостной закон,
Видимо, от злости
Удавился он.

Опустели залы,
Только, говорят,
Призраки в них бродят,
Словно мстить хотят.

1906

538. КУРГАН

1

Меж болот-пустырей белорусской земли,
На побережье реки быстротечной,
Дремлет памятник дней, что ушли-утекли,
Обомшелый курган вековечный.

Ветви дуб распустил коренастый над ним,
В грудь сухие впились бурьяны,
Дикий ветер над ним стонет вздохом глухим,
О минувшем грустит неустанно.

В день Купалы там пташка садится, поет,
А в Филипповки волк завывает,
Солнце в полдень там косы свои расплетет,
Ночью ясные звезды сверкают.

Тучи в небе прошли, может, тысячу раз,
Били грозы от края до края,
Он, как память людская, стоит напоказ. . .
Только ходит легенда такая.

2

На горе на крутой, над обвитой рекой,
Лет назад тому сотня иль боле,
Белый замок стоял неприступной стеной —
Грозно, хмуро глядел на раздолье.

А в ногах у него расстился простор
Сосен стройных и пахоты черной,
Деревушек и хат обомшелых узор,
Где рабы властелину покорны.

Князь-владелец известен был свету всему,
Неприступный, как замок нагорный,
Кто хотел — не хотел, бил поклоны ему,
Спуску он не давал непокорным.

Над людьми издевался с дружиной своей:
Стражи князя — и дома и в поле;
Гнев копился в сердцах угнетенных людей
И проклятия горькой недоле.

8

В замке княжеском свадьба однажды была:
Замуж дочку-княжну выдавали,
Вни заморских река, разливаясь, текла,
Звуки музыки даль оглашали.

И немало на свадебный пир, как на сход,
Собралось богачей с полумира,
Все в роскошных одеждах, — дивился народ,
Он не помнил подобного пира.

День-другой уже в замке гульба эта шла,
Громко гусли и чарки звенели;
Что ни день, то потеха иная была,
У гостей было всё, что хотели.

Третий день наступил — князь придумал одну
Для дружины потеху-забаву:
Приказал он позвать гусяря-старину,
Гусяря с его громкою славой.

4

Знал окрестный народ гусяря-звонаря,
Песня-дума за сердце хватала,
И о песне о той старика дударя
Сказок дивных сложилось немало.

Говорят, только к гуслиам притронется он
С неотступною вольною песней —
Сон слетает с ресниц, затихает и стон,
Не шумят тополя и черешни. . .

Пуща-лес не шумит, белка, лось не бежит,
Соловей-пташка вдруг затихает,
И река меж кустов, как всегда, не бурлит,
Плавники свои рыба скрывает.

Притаятся русалки и леший седой,
Чибис «пить» не кричит, замолкает,
И под звоны гусяровой песни живой
Для всех папоротник расцветает.

Б

Из деревни глухой гусяра привели
Слуги княжьи в тот замок богатый,
На крыльце посадили меж кленов и лип,
На кирпичном пороге магната.

Домотканая свитка — наряд на плечах,
Борода, словно снег, вся седая,
Полыхает огонь в его грустных очах,
На коленях легли гусли-баи.

Вот он пальцами водит по звонким струнам,
Петь готовится, строй проверяет,
Бьется отзвук от струн по холодным стенам
И под сводом, дрожа, замирает.

Вот настроил и к струнам, склоняясь, припик,
Не взглянув на пирушку ни разу,
Белый, белый как лунь и печальный старик:
Ожидает от князя приказа.

В

«Что ж молчишь ты, гусяр, нив, лесов песнобай,
Славой хат моих подданных славный?
Спой нам песню свою да на гусях сыграй,
И с тобой расплачусь я исправно.

Запоешь по душе, на утеху гостям, —
Гусли полные дам я дукатов;
Если ж песня твоя не понравится нам —
То пеньковую примешь ты плату.

Знаешь славу мою, знаешь силу мою. . .»
— «Нет людей, чтоб тебя бы не знали.
И о том, что я знаю, тебе я спою. . .»
— «Ну, старик, начинать не пора ли!»

Не ответил ни слова тут князю гусяря,
Лишь нахмурил он брови седые,
Раздается под сводами первый удар,
И заплакали струны живые.

7

«Гей ты, князь! Ты прославлен на весь белый свет!
Не такую задумал ты думу:
Гусяря не подкупят ни золота цвет,
Ни пиров твоих пьяные шумы.

Не продам свою душу за золото я,
И не правит закон гусярями:
Перед небом ответ держит песня моя,
Рядом с звездами, с солнцем, с орлами.

Лишь поля да леса могут ей приказать,
Правят только они гусярями,
Волен, князь, заковать, волен голову снять —
Только дум не скуешь ты цепями.

Славен-грозен и ты и твой замок-острог,
Льдом от стен его каменных веет,
Твое сердце — как этот кирпичный порог,
И душа, словно склеп, холодеет.

8

Посмотри, властелин, ты на поле свое:
За сохою там пахарь плетется,
А слышал ли ты, князь, о чем пахарь поет,
Знаешь, как этим людям живется?

Ты в подвалы свои загляни лучше, князь,
Что под замком ты сам понастроил:
Братья корчатся в муках там, брошены в грязь,
Черви точат их тело живое.

Разве золото всё, что ты хочешь, затмит?
Приглядись-ка: всего не затмило, —
Кровь на золоте этом людская горит,
И твоя не сотрет ее сила.

Ты усыпал брильянтами бархат и шелк —
Это сталь кандалов заблестела,
Это висельных петель развитый шнурок,
Это рук твоих черное дело.

9

На столе твоём яства, а что под столом? —
Кости умерших в тяжкой неволе.
Утешаешься белым и красным вином —
Это слезы сиротской недоли.

Замок выстроил ты, и глазам твоим мил
Стен его отшлифованный камень —
Это памятки-плиты безвестных могил,
В них — сердец каменеющих пламень.

Любо слушать тебе этой музыки звон:
Ты находишь в ней, князь, наслажденье,
Но ведь в музыке этой проклятия стон
И тебе и твоим поколеньям.

Побледнел и дрожишь ты, владыка земной,
И вся дворня твоя онемела. . .
Что ж, настала пора расплатиться со мной!
Ты прости, если спел неумело!»

10

Князь стоит, князь молчит, злоба бьет из очей,
Звуки стихли, ни шуток, ни смеха. . .
Думал князь, размышлял, стукнул саблей своей,
Только лязгом откликнулось эхо.

«Эй ты, солнцу родня, не затем тебя звал
Я на свадьбу из милости княжьей.
Ты безумный, старик! Кто тебя где скрывал?
Ты, знать, выродок голи сермяжной.

Как осмелился ты против князя восстать
И вызванивать трели пустые?
Что ж, немалою платой сумею воздать
Я за дерзкие речи такие.

Платой княжеской я расплачусь с храбрецом,
Ты не хочешь дукатов — не надо!
Старика вместе с гуслиями — в землю живьем,
Пусть он панскую знает награду!»

11

И схватили тогда гуслияра-старика,
Вместе с гуслиями звонкими взяли
И на берег крутой, где шумела река,
На погибель седого пригнали.

В три сажени тут вырыли ров шириной,
Старика гуслияра в нем зарыли
И насыпали холм трехсаженный крутой,
Кол высокий осиновый вбили.

Не тесали и гроба ему столяры,
И ничьи не заплакали очи,
Смогли гусли, замолк и гуслияра — до поры:
Всё затихло, как позднею ночью.

Только княжеский замок гудел, не молчал:
Гости музыке в такт хохотали,
Князь вина не одну уже бочку кончал,
Шумно, весело свадьбу играли.

12

За годами года потекли чередой. . .
На песчаном холме гуслияровом
Распустилась полынь, вырос дуб молодой,
Зашумел непонятым он словом.

Может, сотня прошла, может, более лет,
Но хранится преданье в народе,
Будто в год один раз ночью с гуслими дед,
Бел, как снег, из кургана выходит.

Гусли ладит свои, струны звонко звенят,
Он играет рукой онемелой
И всё что-то поет, чего нам не понять,
И на месяц глядит он на белый.

Говорят, кто поймет, что звучит в песне той,
Горя горького как не бывало.
Можно верить всему, только слушай душой. . .
У курганов преданий немало.

23 мая 1910

539. БОНДАРОВНА

(Из народной песни)

1

То не буря лес колышет,
То не волки воют,
Не разбойники проходят
Буйною толпою, —

На Украине пан Потоцкий,
Из Канева родом,
С бандою своей люгует
Над бедным народом.

Где попало он пирует,
Пьет и угощает
И ни старым и ни малым
Шуток не прощает.

Если же краса девичья
Пану попадется —
Обесславит, обесчестит,
Вдоволь насмеется.

Стоном стонет Украина,
Пана проклиняет,
Но Потоцкого богатство
От беды спасает.

По сегодня у людей он
Проклят при вспомине
На родной на Беларуси
И на Украине.

В селах как его прокляли,
Так и проклинаят,
И его в палатах панских
Только вспоминают.

2

О пригожей Бондаровне
И о пане этом
Песня с той поры далекой
Разнеслась по свету.

Жил в то время в Берестечке
Славный Бондаренко.
У него дочь Бондаровна,
Поглядеть — паненка.

Красоты такой на свете
Не было, не будет,
О ней люди говорили
Словно бы о чуде.

Как малина ее губы,
А лицо — лилея,
Словно звезды ее очи,
Взглянет — свет милее.

С плеч спадают ее косы,
Золотые косы,
И искрятся, как на солнце
Алмазные росы.

Всем взяла: красивым станом
И высоким ростом,
В люди выйдет — загляденье,
Королевна просто!

Вот в корчме она сегодня,
Сердцу лишь послушна,
Шутки шутит с казаками,
Вся, как тень, воздушна.

В пляску первую выходит,
Хороша, нарядна,
Всех собою удивляет,
Как заря — отрадна.

Ой, красуйся, Бондаровна,
От зорьки до зорьки!
Тебя враг подстерегает,
Будет тебе горько.

8

Той порою в Берестечко
К дружине казачьей
Прикатил сам пан Потоцкий
С бандою пропащей.

Как прослышал, что в корчме той
Звон звенит чудесный,
Он пошел туда с недоброй
Славою бесчестной.

Он пирует с казаками,
Льется мед рекою,
К молодежи и девчатам
Липнет пан смолою.

Пуще всех он к Бондаровне
Пристает, — всем видно,
Целовать, обнять он хочет,
А девчине стыдно.

Осторожно, пан каневский!
Будет плохо, будет,
Не забудь, имеют совесть
И простые люди!

Не дадут они в обиду
Славу и свободу,
Хоть ты сильный и богатый
И панского роду.

Ой, порой народ умеет
За себя вступиться,
Осветить пожаром землю,
Местью насладиться.

Пристает пан к Бондаровне,
Не дает покоя, —
Бьет она его при людях
По лицу рукою.

4

Страшно-страшно дым пожара
Заклубился ночью,
А страшной того у пана
Задымилась очи.

Яро машет кулаками,
Угрожает люто:
«Вся родня ее в ответе
С этой вот минуты!»

«Ты угрозами, вельможный,
Не грози своими!» —
Старики так отвечали,
Молодежь — за ними.

Выбегает пан Потоцкий
Звать свою дружину,
И жалеют люди, учат
Бедную девчину:

«Убегай, пока есть время,
Дочка молодая,
Не настал пока день ясный,
Сил пока хватает!»

Не помилует пан лютый
Красоты девичьей.
Не шадить ее вовеки —
Вот его обычай».

Бежит в поле Бондаровна
Прочь из теплой хаты,
Обнимала ее ночка,
А ветер крылатый

Расплетал льняные косы,
Ласкал ее груди:
Он жалел девчину больше,
Чем иные люди.

5

Убегала Бондаровна
Как можно скорее,
Трое кинулись в погоню
Гайдуков за нею.

Пробежала так два поля,
Вот уже и третье,
Только силы не хватает
Дальше так лететь ей.

Ой, голубка Бондаровна,
Отдохни, коль можешь,
За себя здесь помолись ты,
За Украину тоже!

На сырой приляг землице,
Стан накрой косою,
Пусть тебе девичье сердце
Даст хоть миг покою.

Думай думки, что же делать
В злой беде нежданной,
Если слуги пана схватят
И притащат к пану!

Но недолгий отдых выпал
Милой Бондаровне, —
Налетела, отыскала
Дикая погоня.

С диким смехом ухватились
За косы и руки.
Потащили к лиходею
На позор и муки.

Ночка темная глядела
И темнее стала,
Одна звездочка мерцала,
Да и та пропала.

6

Кто спасти голубку сможет,
Смерть уйти заставит,
Коль голубку схватит коршун
И к земле придавит?

Вырвет сердце у несчастной,
Насладится стоном,
И останутся лишь кости
На земельке сонной.

И останется лишь память
В стае сизокрылой
О лихой беде кровавой,
О голубке милой.

Притащили Бондаровну
К пану во светлицу,
Как преступницу какую
Или чаровницу.

Наряд девичий изорван,
В беспорядке косы,
И в глазах искрятся слезы,
Словно летом росы.

Слезы то ли от обиды,
То ль от страшной злости,
Что ее к лихому пану
Притащили в гости.

И стоит она пред паном,
Словно та калинка,
Что в лугу за речкой ветер
Гнет, как сиротинку.

Думы в голове теснятся
И не затихают,
И она в глаза пустые
Смотрит не мигая.

7

Посадил пан Бондаровну
В красный угол хаты,
Как в чести невесту, в славе
На свадьбе богатой.

Ставит пан на стол дубовый
Вино дорогое,
Стол от яств обильных гнется,
Льется мед рекою.

Музыкантов пан вельможный
В хату призывает,
По всему видать, пирушка
Предстоит большая.

Не прельщает Бондаровну
Панская потеха.
Панской милости не верит
И не верит смеху.

Она свесила головку,
Руки заломила.
Пан из горницы выходит —
Здесь ему немило.

Тотчас он ружье приносит,
Пулей заряжает
И последний Бондаровне
Выбор дать решает:

«Ну, что хочешь себе выбрать,
Пышная паненка:
То ль беседовать со мною
Вот у этой стенки,

Коротать со мною ночки,
Пить, гулять в светлице, —
То ль навеки кости парить
Во сырой землице?»

8

Закипело мезтью сердце,
И глаза зажглися,
Нахмурились черны брови
И совсем сошлись.

Не такую, пан вельможный,
Видишь пред собою,
Что захочет честь и славу
Продавать с тобою.

Свое золото, палаты
Оставь, пан, себе ты,
Сам вино пей дорогое,
В бархат разодетый.

Пей, гуляй с родней своею,
Пока ваша сила, —
Чем с тобою обручаться,
Лучше лечь в могилу.

Честь девичья неподкупна,
Совесть непродажна,
Не боится Бондаровна
Лютой смерти даже.

Перед паном тем каневским
Девчина стояла
И в глаза глядела смело,
Смело отвечала:

«Ты силен своим богатством,
Знатностью своею,
За мной правда и народ мой,
Я тебя сильнее!

Чем с тобою дни и ночи
Коротать в светлице,
Лучше вечно кости парить
Во сырой землице!»

9

Тут как выстрелил пан лютый
В смелую девчатку,
И упала Бондаровна
Скошенной травинкой.

Захлебнулась кровью алой,
Сердце обомлело,
Не травинкой повалилась,
А березкой белой.

Золотые ее косы
Расплелись ровно,
Легли прядями льняными
Возле Бондаровны.

Лишь глаза одной обидой
Наполнены были,
Как бы всех спросить хотели:
«За что погубили?»

Видно, в сердце та обида
К лиходею входит, —
Пан Потоцкий туча тучей,
Места не находит.

Проклинает сам себя он
И такую ночь,
Зовет мать, отца убитой,
Чтобы взяли дочку.

Пришел старый Бондаренко,
А с ним Бондариха,
И над дочкой причитали,
Причитали тихо.

Ой, они ломали руки
Над своей родною:
«Полегла ты, наша дочка,
За всех головою!»

10

Взяли мать с отцом скорее
Доченьку родную,
Несли тихо, осторожно,
О судьбе горюя.

Как шли с нею — кровь из раны
Каплями упала
И по всей тропе-дорожке,
Как роса, сверкала.

Внесли в хату Бондаровну,
И в светлице новой,
Как цветок, легла девчина
На скамье дубовой.

Наряжали, как невесту,
Ее, молодую,
Ленты алые вплетали
В косу золотую.

Позлащенные на пальцы
Кольца надевали,
В туфельки из белой замши
Ножки обували.

Из зеленой руты-мяты
Ей веночек свили,
Как короной королевне,
Голову накрыли.

Из тесовых досок белых
Сбили домовину,
В нее, плача, положили
Бедную девчину.

Спит сном вечным Бондаровна,
И, ее жалея,
Вечную поют ей память
Старики над нею.

11

Неспокоен пан Потоцкий:
В голову запало,
Что девчина молодая
Попусту пропала.

Хочет грех он свой загладить
И вину убавить:
Бондаровну хоть посмертно
Думает прославить.

Спесью панскою гонимый,
Он приходит в хату,
Он приказывает шелком
Гроб обить дощатый,

Шелка, золота, атласа
Тратить не жалея,
И чтоб кисти золотые
Путь мели за нею.

Обложить велел могилу
Каменной стеною,
Чтоб веки не размыло
Никакой водою.

Приказал он путь к могиле
Выстелить коврами,
Приказал тот путь усыпать
Белыми цветами.

Как из хаты Бондаровну
Провожать все стали,
Приказал он, чтоб печально
Трубы заиграли.

Как в могилу Бондаровну
Люди опускали,
То еще, еще печальней
Трубы заиграли.

12

Закопали Бондаровну
В венке и вуали,
Только думок украинцев,
Нет, не закопали!

Пусть народ терпеть умеет,
Но и мстить умеет
Тем обидчикам смертельным,
Тем, кто зло посеет.

Весть о смерти Бондаровны
Разлилась, как море,
Зашумела Украина, —
Горе панам, горе!

Бондаренко созывает
Вольницу казачью,
За смертельную обиду
Пусть паны поплачут!

Всюду панские усадьбы
Охвачены дымом,
Полилася кровь рекою
По лугам и нивам.

Не удержит месть казачью
Папская Варшава, —
Много казаки терпели,
Бой идет кровавый.

Сколько крови пролилось тут,
Говорить не смею,
Написать тогда мне кровью
Надобно своюю.

Про недолю ж Бондаровны
И про ту годину
Только сказки нам остались,
Песни да былины.

24 июня 1913

540. МОГИЛА ЛЬВА

I

Нам предки много сохранили
Историй разных с давних лет,
Хотя немало этих былей
Теперь сошло уже на нет.

Но всё ж узнать нам довелось
Кой-что из прошлого житья. . .
Так пусть же редкие колосья
Минует мрак небытия.

Так пусть тот час, что в бездне черной
Погиб навеки и забыт,
Для Беларуси беспризорной
Хотя бы в песнях прошумит.

Начнем слагать мы — слово к слову,
Начнем собирать — зерно к зерну,
Чтобы зажечь нам жизнью новой,
Чтоб встретить новую весну.

Начнем докапываться сами,
Искать разгадку наших бед,
Что шли полями и лесами
На нашу жизнь с далеких лет.

Мы их найдем и не забудем —
Не бросим, словно старый хлам.
Но пусть свои их ищут люди —
Свои по мыслям и делам.

Там, где строенья Могилева
 Стоят, омытые Днепром,
 Леса шептались сурово,
 Леса — на сотни верст кругом.

Давили там стволы друг друга
 В борьбе за солнце и простор,
 И сучья гнулись упруго,
 Вступая с ветром в разговор.

Гнездились вольно стаи дичи,
 Еще не слышавшей ружья.
 И тихо в поисках добычи
 Бродили выводки зверья.

Людей не знал тот лес высокий,
 Все тропки он от них укрыв,
 Через него лишь Днепр широкий
 С весны до осени вдаль плыв.

И всё же, вырвавшись на волю,
 Стонал и жаловался он,
 Что нет широкому раздолья,
 Что давит лес со всех сторон.

И в тех лесах, глухих от века,
 Где сосны небо достают,
 Нашел себе силач Машека,
 Нашел разбойничий приют.

Мы раньше не были так слабы,
 Так не хирели каждый год.
 Богатырей рожали бабы,
 Сильней намного был народ.

Богатырем таким отроду
 Машека был — крепчал и рос.
 Ребенком мог снести колоду,
 Хотя колода с целый воз.

Но этой силою огромной
Он никому не делал зла.
Ходил застенчивый и скромный,
И мирно жизнь его текла.

Так что же вышло с ним такое?
Что в лес Машеку привело?
И почему он жил разбоем,
Зачем покинул он село?

Нужда ль его туда прогнала?
Была ль обида от кого?
Простора, что ль, недоставало,
И он в лесах искал его?

Нет, всё не то. Не та кручина
Вошла в Машекино жильё:
Была причиною девчина,
Он погибал из-за нее.

4

В селе, среди лугов и пашен,
В родной, знакомой стороне,
Машека полюбил Наташу,
Ее одну видал во сне.

Давно он знает голос звонкий,
Он с нею рос, он с ней играл:
То бегал шумно вперегонки,
То васильки ей собирал.

Ее нагонит вмиг, бывало,
Несет голубку на руках,
Несет себе — и горя мало! —
Хотя берет Наташу страх. . .

Промчалось детство, отзвенело, —
Не время игры заводить.
Но дружба крепкая умела
Свою дорожку находить.

Хотите знать, какие речи
Они вели, усевшись в ряд?
На это вам ответит вечер
Да за окном вишневый сад.

Так вместе время коротали,
Всегда вдвоем, всегда одни.
И после сами уж не знали,
Когда ж слюбились они.

5

Любовь приятна неизменно
Для чутких молодых сердец,
Хотя бы в ней была измена
Иль чаша яду наконец.

Мы пьем ту чашу без заботы.
Мы опьяняемся питьем,
А пропадет к тому охота —
Тогда, бывает, и плюем.

Любовь! Но что же здесь такое?
Машека ходит сам не свой.
Любовь, любовь! И нет покоя
Машеке с этою бедой.

Он бросил сам себя в неволю,
Он пленником Наташи стал,
Познал и радости и боли,
И весел был, и тосковал.

Наташа стала страшной силой
И — что еще поведать вам? —
Была верна. Его любила,
Хоть не всегда — по временам.

И он, который без натуги
Деревья с корнем вырывал,
Былинкой стал в руках подруги,
Пред ней робел и замирал.

У нас красивые девчата
 Уже не первую весну.
 Царевич может ехать в сваты —
 И тот найдет себе жену.

Такого сердца золотого,
 Такой безмерной доброты
 На всей планете — право слово! —
 Найти нигде не сможешь ты.

Да, в белорусскую девчину,
 Коль справедливость ей отдать,
 Никто не смеет камня кинуть —
 Да и причины нет кидать.

В родном селении Наташа
 Красивей всех девчат была.
 Иди искать — не сыщешь краше,
 Как мак меж маками цвела.

Качаясь плавно, словно колос,
 По хороводу шла она.
 Врывался в песню жаркий голос —
 Тугой и звонкий, как струна.

Ребята с завистью глядели,
 Вздыхал, бывало, не один,
 Но подходить к ней и не смели:
 Здесь был Машека господин.

Машеку мучила досада,
 Как дым, растаяли мечты.
 Разлился Днепр. Машеке надо
 На Украину гнать плоты, —

Настал черед ему. Сначала
 Машека слушать не желал,
 Себя такой силач, пожалуй,
 Легко и просто б отстоял.

Да вот Наташа заявила,
Что к свадьбе деньги им нужны.
И не послушался он милой,
Любимой будущей жены.

Повел плоты Наташи ради,
Поплыл, грустя о ней одной,
В далекий край по синей глади
Из стороны своей родной.

По берегам весна шагала,
Луга травую поросли,
В лесу кукушка куковала,
Поля под солнышком цвели.

Машека плыл. Он был измучен,
В работе отдыха не знал
И думал, как бы Днепр могучий
Его могилую не стал.

8

Но счастье всё же с ним дружило:
Плоты до Киева довел,
И в край родной со свежей силой
Машека радостно пошел.

Хотел скорей Наташу встретить,
В глаза ей глянуть, как всегда.
Подобных глаз он в целом свете
Нигде не видел никогда.

Он шел и шел и жадным взглядом
Искал знакомые края,
Как ищут путники прохлады,
Как ищут путники ручья.

Спешил. . . И осенью явился,
Увидел вновь своих родных.
Но. . . лучше б он уж не родился,
Но лучше б умер в тот же миг!

Узнал бедняга от знакомых
Несчастье страшное свое:
Наташи нет, ушла из дома,
Ушла — и след простыл ее.

Всё, что берег он, что лелеял,
Погибло сразу, унеслось,
Любовь Машека в сердце сеял,
А жать проклятие пришлось!

9

Вблизи от бедного селенья,
В котором был Машекин дом,
Лежали барские владенья
С большой усадьбой над Днепром.

Вокруг дворца глухие стены —
Тюрьма угрюмая точь-в-точь.
Седые липы неизменно
Стонали глухо день и ночь.

В дворце боярин жил богатый
В расцвете лет, в расцвете сил,
Он самодуром был завзятым
И праздню время проводил.

Лихой, жестокий, сумасбродный,
Он появлялся там и тут,
Над обездоленным народом
Справляя свой боярский суд.

И люди бедные стонали
И потихоньку речь вели
О тех невзгодах и печалях,
Что камнем на сердце легли.

Когда один из-за другого
Страдает — малая беда,
Но если все — то горя злого
Уже не скроешь никуда.

Через село тот пан богатый
 С дружиной как-то проезжал
 И у Наташиной у хаты
 Устроить отдых приказал.

И тут увидел пан случайно
 Наташу, шедшую во двор.
 Такой красы необычайной
 Еще не знал он до сих пор!

Тотчас грозу сменил на ласки,
 Пошел за девушкою вслед,
 Уселся с ней и, словно сказки,
 Шептал тихонько разный бред.

Его слова, его рассказы
 Мы здесь не станем повторять,
 Но с той поры, как по заказу,
 Он стал деревню навещать.

Ходил к Наташе то и дело,
 В окно заглядывая к ней,
 Хоть косо на него глядела
 Родня Наташи с первых дней.

Увлёк приятными словами,
 За ним пошла она, как тень.
 Качали люди головами,
 О ней судача каждый день.

11

Людская хитрость горе сеет,
 Неправду черную творит.
 Она прикинуться умеет,
 Что будто правдою горит.

Она вам тихо душу вынет
 И поведет на поводу
 Ее дорожками кривыми
 На горе вам и на беду.

С Натальей нашей то же стало —
Сама пошла к беде своей,
Сама над пропастью шагала,
Не видя света и людей.

Машека сердца не тревожил:
Забыла всю любовь его
И, очарованная ложью,
Ушла от друга своего.

Не разгадала той печали,
Что пронесется по земле.
Ушла совсем. И не видали
Наташу больше на селе.

Вот так же сети распускает
Для мух услужливый паук,
Пока не попадет какая
И всех не испытает мук.

12

Земля свое сменила платье:
Пришла морозная зима.
Машека жил в отцовской хате,
Ходил, как тень, блуждал, как тьма.

Махнув рукой на разговоры,
Молчал, тоскуя и скорбя.
Какой приют, узнал он скоро,
Нашла Наташа для себя.

Ходил порой к усадьбе пана,
И проклинал, и угрожал.
Его боялась вся охрана,
Что пан в имени держал.

Но не имел Машека силы
Такой, чтоб стены развалить
Палат, где смеет пан постылый
Постель с Наташею делить.

Он раздробил бы пану кости,
Но лишь проклятье призывал
И шел домой с великой злостью,
Чего-то жуткого искал.

Машека с каждым днем мрачнее, —
Змеею месть росла в груди,
Он был повсюду вместе с нею,
Не видя счастья впереди.

13

Что в свете горше мести жадной?
Что ты найдешь ее страшней?
Кого, скажите, беспощадно
Она не бросит в тьму ночей?

Она глубоко сердце ранит,
Цепями душу оплетет;
Она рассудок затуманит,
Над всею жизнью власть возьмет.

Она ворвалась в грудь Машеки,
И совладать он с ней не мог:
Так и пустил бы крови реки
И сам бы в них со злобой лег!

Со страстью, с жадностью звериной
Упился б мукою людской:
Других сгубил бы, сам бы сгинул,
Страдал бы пусть чужой и свой!

В тоске Машека дожидался,
Пока появится весна.
Весна пришла, и он собрался:
«Прощай, родная сторона!»

В лесу Машека поселился.
Как вурдалак Машека жил.
В медвежью шкуру нарядился
И на добычу так ходил.

Лесными тропами глухими
 Ходил Машека, жертв ища.
 И страшно стало это имя,
 Как страшно имя палача.

Навстречу людям из берлоги
 Он вырывался, будто шквал,
 И все проезжие дороги
 Обильно кровью поливал.

Сначала жизнью дань платили
 Лишь богачи. Но что ни день —
 Всё чаще гибель находили
 В лесу и люди деревень.

Не помогали уговоры:
 Он суд безжалостно творил,
 Он расправлялся без разбора
 И трупы в чашу уносил.

Где прятал их, никто не знает,
 Убьет — и нет нигде следа.
 Лесная чаща всё скрывает,
 Хоронит в дебрях навсегда.

И слава черная взлетала,
 И жатва страшная росла,
 И лишь сова над ним кричала,
 И лес хранил его дела.

Ему б, наверное, немало
 В округе властвовать пришлось,
 И человеческой крови алой
 Еще бы много пролилось,

Но только случай необычный
 Произошел в глуши лесной.

Машека по лесу привычно
Шагал со страшной булавой.

Идет и видит, что карета
Навстречу катится как раз.
И рад Машека встрече этой,
Готов расправиться тотчас.

И кони вдруг остановились,
И кучер замертво упал.
Кареты дверцы отворились —
И грозный пан пред ним предстал.

Но не успел он оглянуться,
Как мертвым пал, в ногах лежит.
Своей дубиной замахнуться
Машека вновь уже спешит.

Его рука вдруг онемела,
Глаза не видят ничего. . .
Она, Наташа, там сидела,
Она глядела на него!

16

Как человек ни озвереет,
Сколь ни живет он, всё круша,
Настанет время — просветлеет
Хотя б на миг его душа.

Людские чувства в нем проснутся,
Проснется в сердце доброта,
И мысли светлые взвьются,
Как рапьше, в детские года.

Едза Машека наш в коляске
Увидел свет любимых глаз,
Отдался вновь прошедшей ласке,
Без боя сдался в тот же час.

Наташу бережно и нежно
В свое убежище отнес,
Постлал постель из листьев свежих,
Свиданью радуясь до слез.

Растаял он под женским взглядом,
Ее голубил и ласкал,
Сидел покорно с нею рядом
И нежные слова шептал.

Наташа, может, и жалела,
Что жизнь ее не так пошла,
Но жить в трущобе не хотела,
Но жить с Машекой не могла.

17

Наташа знала жизнь иную,
Иные, шумные пути
Она прошла. И глушь лесную
Ей тяжело перенести.

Хоть на Машеку и бросала
Любовно взгляд она подчас,
Но в мыслях что-то всё ж скрывала,
И странный свет в глазах не гас.

Она тайком искала средства,
Как ей Машеку погубить.
Его, как прежде, в годы детства,
Могла ль она теперь любить?

Она следила ежечасно,
И ночью раз, во время сна,
За кровь, пролитую напрасно,
Решила кровь пролить она.

Огромный нож взяла без страха,
Чтоб время больше не терять,
И в шею спящего с размаха
Всадила весь по рукоять.

Так человек нашел кончину,
 Тот, что любил и убивал,
 Что шел на грех из-за девчины, —
 Из-за девчины сам пропал.

Она свое свершила дело
 И в страхе бросилась бегом.
 В деревню мигом прилетела
 И рассказала обо всем.

И всё село пошло походом,
 В дремучий лес пошло за ней,
 Где лишь вчера пути-проходы
 Закрыты были для людей.

Спешили люди в лес пустынный,
 У многих накопилась злость.
 Не жаль его. И ни единой
 Слезы над ним не пролилось.

Поодаль горка. К горке этой
 Людская бросилась толпа.
 А там кругом одни скелеты
 Да человечьи черепа!

Могилу вырыли глубоко
 И устелили дно корьем.
 И над Машекой холм высокий
 Насыпали, как над царем.

А кости жертв кровавой мести,
 Которых страшный час постиг,
 Пришедшие собрали вместе
 И на горе зарыли их.

Шел день за днем своим порядком,
 В былое шел за годом год.

Менялись люди и повадки,
Житье-бытье менял народ.

И холм, где погребен разбойник,
Зарос деревьями, травой.
Шептались листья летом знойным,
Мороз трещал над ним зимой.

По деревням Машекой стали
Пугать детей в полночный час.
И кумушки о нем болтали
На посиделках каждый раз.

И ту высокую могилу,
Где лес угрюмо распевал,
За мощь Машеки и за силу
«Могилей льва» народ прозвал.

20

Над нею — скоро иль не скоро —
Упали тысячи дерев,
И у могилы вырос город,
Носящий имя «Могилев».

Где были пуши да болота,
Постройки стали в длинный ряд.
И жизнь кипит, идет работа,
Огни веселые горят.

Но есть еще следы былого,
Еще хранится старина,
И от погоста городского
Гора Машекина видна.

И тихо-тихо на горе той
Чернеют плиты и кресты.
Над ними солнце светит летом,
Зимой метели ткут холсты.

Порою птицы пронесутся,
Рассыпят свой веселый звон,

Но только мертвым не проснуться,
Но крепок их могильный сон!

А под горой вода клокочет,
А под горою Днепр поет.
О чем поет, чего он хочет,
Никто, наверно, не поймет.

2 июля 1913

541. ОНА И Я

1. ВСТРЕЧА

Я с нею повстречался на раздолье. . .
Она не ведала, куда идти,
Не знал и я — в лесу наш путь иль в поле,
И многие предстали мне пути.

Как путники, блуждающие ночью,
Стояли мы под трудной ношей дум,
Одни другому вглядываясь в очи,
В лесной неясный вслушиваясь шум.

Стояли мы. Невиданные дива,
Окутывая нас крылом своим,
Шептали мне: «Всегда будь с ней счастливым!»
Шептали ей: «Пусть будет он твоим!»

И руки нам сплели они навеки,
Благословенье дали нам свое,
Чтоб шли мы в мир чрез горы, доли, реки
И пополам делили бы житье.

Нам брачный гимн запели на прощанье,
Зарок нам положили не простой —
Над ней, невестой в белом одеянье,
И надо мной, укрытым темнотой:

«Пускай не победят вас силы злые,
Пусть ваши души не узнают ран,
Пусть ветры не согнут вас грозовые,
Могильный пусть не скроет вас курган!»

Такие положили нам зароки,
Цветов, плодов готовя пир для нас,
И расплылись, как дымка на востоке,
Расставшись с нами в добрый, светлый час.

И мы пошли, куда нас звали чары,
Без устали, всё дальше ночь и день.
Светили нам широко зорь пожары,
Глухих лесов нас принимала тень.

2. В ХАТЕ

Хозяйкою ты в хате будь отныне,
В ней будет жить отрадно мне с тобой.
В почетный угол сядь, моя богиня,
Подумаем над нашею судьбой.

Дворец мой, как ты видишь, небогатый,
Но сам его на славу я сложил,
Сам эти стены вывел я когда-то
И крышу сам соломою покрыл.

Атласом не обшиты эти стены,
И пол турецким не покрыт ковром,
Который бы сверкал своим бесценным,
Как пламя полыхающим, шитьем.

Над печкою, что стала у порога,
Печник не изощрялся. Посмотри!
Ее из глины и песка сырого
Сам клал я, побелив разочка три.

Кровать сбивал я собственной рукою,
Сосновые строгал я доски сам.
Сюда постель положим мы с тобою
Пуховую, чтоб мягче было нам.

В ночной тиши, в счастливом упоенье,
Вдвоем с тобой, вдали от всех людей,
Огонь души и сердца вдохновенье
С тобою сблизят нас еще тесней.

Над нами встанет радуги сиянье,
Нас молнии осветят на лету,
И полетят, как соколы, мечтанья,
Поднимутся до неба в высоту.

Любовь нас к счастью выведет с тобою, —
Ведь сердца жар ничем не одолим.
Моей ты вечно будешь госпожою,
И господином буду я твоим.

8. ПРОТАЛИНЫ

Куда ни глянь, уже легли проталины,
Снега сползают, и звенит капель.
Пригорки сохнут, солнцем теплым залиты,
Ручей в овраге загудел, как шмель.

И там и тут уже глядят несмелые
Подснежники на яркий свет дневной,
То слез людских цветочки сине-белые
Днем ищут солнца, звезд — порой ночной.

А птицы с юга вереницей длинною
Уже плывут вдоль Млечного Пути
Над нашею весеннею равниною,
Чтоб гнезда старые скорей найти.

Небесное светило жаркое
На много верст свой удлинило шлях.
Лучи его, веселые и яркие,
Как светлый лен, ложатся на полях.

И к нам заглядывают в хату темную,
Хотя все окна низкие у ней,
И озаряют нашу печку скромную
Семьей веселою своих лучей.

К подушкам белым и к постели ластятся,
Всё ласковей они целуют нас,
Как ветерок меж ульями на пасеке,
Гуляющий в июльский жаркий час.

Вставай, вставай, голубка сизокрылая,
И заспанные оченьки протри.
Подумаем, как будем жить мы, милая,
Как будем день свой начинать с зари.

В проталинах земля чернеет голая,
Подснежник пробудился ото сна.
Вставай скорее, солнышко веселое,
Нам злато струнная поет весна!

4. ЗА КРОСНАМИ

За кросна сесть хотела ненаглядная,
Чтоб лен свой седоватый ткать,
Но не было станка у ней, и ладные
Я стал ей кросна собирать.

Я из березы сделал ставы новые,
Набелицы покрепче сбил,
Сам поножи ей выстрогал кленовые,
Навой как надо смастерил.

Взял яблоню я дикую, сучкастую,
Челнок ей выстрогал простой,
Купил на рынке берда густо-частые,
А нитки плеть уж ей самой!

Садится моя милая за кросенки,
Набелицами громко бьет.
Тугие со станка бегут полосоньки,
Сучу я цевки для нее.

Так дружно с ней взялись за это дело мы.
Она всё ткёт, а я сучу.
Слежу я за ее руками белыми,
Любуюсь ими и молчу.

Тки, милая! Недаром кровь взыгралася,
Мелькает молнией челнок, —
Вот только бы основа не порвалась
И скор и ловок был уток!

Пускай о берда твой уток колотится,
Широкий холст из рук бежит,
Как речка, что к морской волне торопится,
Как путь, что меж полей лежит.

Беги скорей, дорожка полотняная,
Туда, где клевер луг покрыл,
Беги туда цветущими полянами,
До самых дедовских могил!

6. ВЫГОН СКОТА В ПОЛЕ

Сползли в овраги зимние снега
И в море потекли живой рекою.
Запели жаворонки. И луга
Покрыты свежей первою травюю.

Скотину в поле выгонять пора.
Есть и у нас буренка молодая.
Она — богатство нашего двора,
И сам хозяин в ней души не чаёт.

Буренушки не выгнала своей
Хозяйка в поле, где трава всходила,
Пока сама обряд старинных дней
Своей рукой над ней не сотворила.

Краюшкой хлеба, солью и водой
Корову обнесла она три раза
И, к солнышку поставив головой,
Ее заговорила от заразы.

Три раза окунув кусок стекла
В криницу, прошептала над коровой
Хозяйка, как сумела и смогла,
Заветное от злых напастей слово:

«Ты, солнце ясное, ты, лунный свет,
Вы, в ясном небе розовые зори,
Всё, что кропит росой весенний цвет
И озаряет сушу или море,

Согрейте землю, чтоб дала траву,
Не пожалейте корма для скотины,
Ей лучшую стелите мураву,
Загон надежным оградите тыном.

Храните, стерегите от царя
Лесного, полевого, водяного,
От царенят его, от упыря
И от людского ока «нелюдского»!»

6. ОСМОТР ПОЛЯ

Как свет велик! Не оглядеть раздолья,
Что прадеды в наследство дали нам.
Вот лес, кусты, вот вспаханное поле,
Вот молодые всходы здесь и там.

Туда пойдем мы, милая, с тобою.
Ты руку на плечо мне положи.
Я обниму тебя, и мы с тобою
Пойдем к холму, где носятся стрижи.

Как дети, позабытые всем светом,
Свои поля мы будем озирать
И, у загона солнышком согреты,
Начнем о жниве будущем гадать.

Полос у нас сейчас с тобою вволю.
Засеять их бы только, сжать бы их
Да в добрый час, вдвоем идя по полю,
Снопов расставить много золотых!

Вот так, рука в руке, родимым краем
С загона на загон идем мы с ней;
Где нам пахать и сеять, замечаем,
В надежде светлых урожайных дней.

И рядом мы на холмик с нею сели,
Там, где кресты по склону разбрелись.
Мы из-за них на ясный мир глядели,
И души наши улетали ввысь.

Мы небо синее благословили,
Что наши думы унесло к себе,
И в этот час судьбу благодарили,
Сдружившую нас в счастье и в борьбе.

Раскрыв земле и солнышку объятья,
Благословили вербы и цветы
И только смерти бросили проклятья,
Что возле нас расставила кресты.

7. РАДУНИЦА

К могилам мы на радуницу шли,
Забрав с собой остатки разговенья, —
По всем обычаям родной земли,
Как делали былые поколенья.

Мы навестить хотели прах отцов.
Народу много средь могил сошлось,
И люди там и тут среди крестов
В поклонах наклонялись, как колосья.

На плитах каменных зеленый вырос мох,
Березки, елки плакали над ними.
Часовня посредине, как острог,
На свет глядела окнами слепыми.

На холмике мы сели в стороне —
Здесь мать ее спала в сырой могиле, —
Сказала милая, склонясь ко мне:
«Один ты мне остался, братец милый. . .»

И на могилку слезы из очей
Горошинами часто упали,
И плакало, казалось, небо с ней
Над этим садом, полное печали.

Кольнуло в сердце. Пали в нем на дно
Слезинка за слезинкой мелким градом...
А я-то думал — вылил их давно
И видеть мир сухим умею взглядом!

В могиле братья и отец родной,
Сестер моих земелька обнимает.
А я живу на свете сиротой, —
Знать, за грехи земля к ним не пускает.

Тоски была полна душа моя,
И сердце мне терзали думы эти,
И, как она, шептал печально я:
«Одна ты у меня, сестра, на свете!..»

8. ПАХОТА

Соха моя совсем уже готова.
Я сделал новенькую плаху,
И сошники повыточил, и снова
Прочней набил к палице бляху.

Коня запрячь бы, часу не теряя,
Махнуть бы длинною лозою
И, на рогач тяжелый налегая,
Идти глубокой бороздою!

Мы поутру с ней вместе закусили,
Чтоб сытно — трудно похвалиться,
Но поровну мы хлеб свой разделили
И запили его водицей.

Пошел легко я в поле за сохою.
Ногами конь перебирает,
Ложится полоса за полосою,
И в небе солнышко сверкает.

А вы, над пашнею рукою белой
Так не привыкшие трудиться,
Вы даже не поймете век свой целый,
Как вольно сердце может биться

Того, кто осенью или весною
Вслед за сохой идет упорно
И, разрыхляя землю бороною,
Для вас же рассеивает зерна.

Час пахоты и сева в вешнем поле
Святым для пахаря бывает.
Его душа волнуется на воле,
Как деревцо, листвою играет.

Пашите, сейте, люди, кто что может,
В просторах, солнцем обогретых!
И пусть удача кончить вам поможет
Счастливым урожаем лето!

9. БЕЛЕНИЕ ХОЛСТА

Чтоб было ей работать веселее,
Валек ей обтесал я гладко
И, взяв ее холсты, пошел за нею
Туда, где сажалка и кладка.

Она полотна в воду окунула
И, на мостки пройдя босою,
Мешавшую ей юбку подоткнула,
С вальком склоняясь над водою.

И расстилала, выстирав, полотна,
Привычно расправляя складки,
Водою вся обрызгана холодной,
Как утренней росой грядки.

А брызги, словно искры, разлетались
Ввысь радугою многоцветной,
И по воде, как краски, расплывались,
И тотчас гасли незаметно.

Стекали по рукам и по коленям
Они в сверкании огнистом
И пред ее красою в умиленье
Горели на груди монистом.

Так милая холсты свои белила
Вальком и свежую водою,
А после на плечи себе взвалила
И понесла тропой крутою.

Она несла их, и вода стекала,
Сверкая струйками. Умело
Она холсты на землю расстилала.
Теперь и солнцу хватит дела!

Теперь белитесь добела, холстинки,
Чтоб стать как день, как месяц белый,
Как молоко в коричневатой кринке,
Как стебелек соломы спелой!

Ю. СЕВ

Подсохла пашня, стала мягкой вóлной,
И сеять нам пора настала,
Бросать зерно по полю горстью полной, —
Отцы учили так, бывало.

От тех запасов, что у нас в избушке
Хранились, бережно укрыты,
Отмерили мы с нею две осьмушки
В мешок, ее рукою сшитый.

И вышел сеять я. Она стояла
Здесь, на меже, со мною рядом;
На небе солнце золотом сияло,
И ветерок дышал прохладой.

И золотые полетели зерна
Дождем на полосу сырую,
Что я вспахал своей сохой упорной,
На землю нашу дорогую.

Она же, как березка молодая,
С межи за мною наблюдала
И, юной красотой своей сияя,
Наш общий труд благословляла.

Ложитесь, зерна, в борозду и спите,
Накройтесь мягкой землею,
И пробудившись, на небо взгляните
И станьте рожью золотою!

И чтобы засухой вас не сушило,
И чтоб дожди вас не смывали,
Чтоб градом вас тяжелым не побило,
Чтоб рожь в «заломы» не вязали.

11. ПРОПОЛКА ОГОРОДА

Я выгон тыном городил, она полола гряды,
Чтоб всходам легче вырастать, рвала сорняк проклятый,
Подсаживала здесь и там по стебельку рассады
И пела, как поют у нас весенним днем девчата.

Кричали воробьи в саду над нашею черешней,
А над землею ветерок легко порхал крылатый,
И разливалась она такую песней вешней,
Какую любят петь у нас весенним днем девчата:

ВЕСНЯНКА

Ой, брала весна у солнца ключи,
Открывала ими землю сырую,
Выпускала на свет траву-мураву,
Одевала в листья березы.

Где только ни шла она — на лугах
Густо сеяла, сеяла цветочки,
На край света она речки гнала,
Пташкам голос и волю давала.

Ой, выйду я, выйду на свежий луг,
Буду вить-завивать веночек,
Вместе с соловейкой буду я петь,
К сердцу песней весну закликая.

Приди ты ко мне, согрей ты меня,
Обними ты меня, как друг милый,
Посей на душе мне веселый мак,
А на сердце — любви пшеницу.

Чтоб доля моя, как мак, зацвела,
Чтоб любовь поднялась, как пшеница,
Чтоб милый меня всем сердцем любил
И голубил в светлице, как счастье.

Звенела песня и лилась, как рокот соловьиный;
И вместе с нею сад шумел — с белой хатой рядом.
Весенний ветер шевелил березы и осины. . .
Я выгон тыном городил, она копала гряды.

12. ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

Яблони в саду у нас цветут,
Покрыты белым легким пухом,
Пчелки от цветка к цветку снуют,
Гудят, жужжат над самым ухом.

В светлый праздник на траве рядком
Мы с ней под яблонею сели.
Под закатным солнечным лучом
Листки на яблоне зардели.

Легкий ветер ветки колыхал
И тихо шевелил цветами.
Пташек звонкий щебет не смолкал,
И плавала пыльца над нами.

Раем на земле казался сад,
Я в нем — Адам, она в нем — Ева.
Ветер нам в раю был брат и сват,
Нас зеленью венчало древо.

Нам на свадьбе пела птиц свирель,
И матерью нам посаженной
Пчелка стала, радуга постель
Постлала нам в траве зеленой.

Тихо осыпался яблонь цвет,
Как будто снег кружился белый,
Синевой был весь простор одет,
И мир душа обнять хотела.

Милая, так много принесла
Ты счастья сердцу молодому,
Сколько ласки, света и тепла
Ты отдала родному дому.

Этой лаской ты меня согрей,
К моей груди прижмись теснее.
Станем мы богами среди людей,
Небесных всех князей сильнее.

13. НА СЕНОКОСЕ

Вышли с нею мы туда, где трав краса
Многоцветный свой раскинула ковер
И где острая не шла еще коса,
Где цветы соткали звездный свой узор.

Две души, соединенные навек,
Вышли мы из темной ночи в свет живой
Поглядеть на всё, чем счастлив человек,
И весенней подивиться красотой.

Многоцветный улыбается нам луг —
Одуванчики, ромашек лепестки,
Колокольчики — куда ни глянь вокруг,
От цветка к цветку порхают мотыльки.

Речка бурная струится среди камней,
На бегу вода приветливо блестит,
Что-то шепчет среди высоких камышей,
И, как в зеркале, в ней солнышко горит.

Рвем цветы мы с ней, венок себе плетем,
Он невиданной красою блещет нам,
Как мила ты, тем украшена цветком!
Густо волосы упали по плечам.

Мы, обнявшись, с ней плывем в траве густой.
По колени мы в цветах. Пылает день.
Грудь и щеки тронул пламень золотой.
Взор сверкает, ищем мы густую тень.

И чем громче в жилах кровь у нас поет
И чем ласковей к коленям льнет трава,
Тем вернее сердце с сердцем встречи ждет,
В забытии у нас пьянеет голова.

И ногам идти по лугу всё трудней,
Губы слились в поцелуй любви живой,
И друг к другу мы прижались потесней
И смешались — с солнцем, ветром и травой.

14. КРАСОТА МИРА

Весна, весна! В тебе так много счастья,
И столько радости приносишь ты с собой!
Душа всегда в твоей пылает власти,
В груди порыв родишь ты огневой.

Весь мир ты залила горячим светом,
Зеленый в нем раскинула шатер
И, землю пробудив своим приветом,
На кроснах яркий выткала узор.

Смотри, как ты прекрасна, как богата!
Благословляют все красу твою.
Земля и небо, ветерок крылатый
Поют тебе, и с ними я пою.

И ожило земли бывшее пепелище!
Взыграли речки, плечи поднял лес.
Хор пташек весело поет и свищет,
Купаясь в вольной синеве небес.

И дума ввысь летит полетом вольным,
Как будто небу хочет рассказать
Об этом светлом празднике раздольном,
Каким весна умеет чаровать.

Лети же, дума, легче будь, чудесней,
Лети всё выше в голубую даль!
Ты у грозы возьми стальные песни
И дай мне волю, твердую, как сталь!

Я песней милую свою прославлю
Среди чужих народов и своих,
Чтоб, как цветок, не сгинувший в бесправье,
Она цвела бессмертно для живых.

А воли мне железной надо много!
Хочу я мстить за милую сполна.
Ведь горькою была ее дорога,
В цепях томилась столько лет она!

24 июля 1913

542. НЕИЗВАННОЕ

1

Сначала оно шелестело
Очень несмело,
А после коснулось оконца
Тихо, как солнце.

Назавтра летело звонко
Над всею сторонкой,
Всё громче над тишиною
Вольной волною.

И вскоре был гомон слышен
Всё выше, выше,
К сердцам он летел, крылатый,
Гулом набата.

А дальше оно зашумело
Грозно и смело,
И эхо пошло повсюду
Звоном и гудом.

Сквозь пущи пошло буреломом
От дома к дому.
Бунтарское грянуло слово,
Сбило оковы.

И вольная сила встала
Яростней шквала...
В полях цветы заалели,
Рощи запели.

Вот так начались крутые
Пути такие,
Что стали повсюду нивы
Морем бурливым.

2

Кончается, ломается
Навеки прежний строй.
Свободы стяг вздымается
Над нашею землей.

Пути, в бою добытые,
Не повернем назад,
Пути для всех открытые,
Идите, кум и сват.

Идут, идут с оглядкою,
Не знают, как им быть
И с новыми порядками
Здесь долго ль будут жить.

Еще таятся черные
Враги и там и тут
И души непокорные,
Как волки, стерегут.

Идут и совещаются
Дорогой сват и кум.
Никто не докопается
До их заветных дум.

Ой, кривда, кривда старая,
Веками ты росла,
С боями и пожарами
Ходила где могла.

Обманами когда же ты
Оставишь нас кормить
Да над родимой пажитью
Петлю крутую вить?

8

Ой, громка беседа была,
На весь мир ее слыхали,
Как у нашего стола
Славно гости пировали.

Всё, что есть, подавай,
С воскресенья всю неделю
На пшеничный наш каравай
Мошкаррой они летели.

Всё, что выпить они могли,
Всё до капли выпивали.
Мед и пиво рекой текли.
Славно гости пировали!

А платили за мед-еду,
Нашей крови не жалея.
Так возьми же, дударь, дуду,
Чтобы пир был веселее!

Но пришел расплаты черед
За веселый пир богатый,
Так уж издавна ведь идет —
За долгами вслед расплата.

Ой, пришла расплата страшна,
Счет предъявлен был немалый.
Поднялась, зашумела страна,
Сразу нечисть вся пропала.

Заплатил нам, что задолжал,
Тот, кто в руки к нам попался,
А другой успел, убежал, —
Долг еще за ним остался.

Так жили мы когда-то
Века с нуждой горбатой
По всей земле родной,
В лохмотьях и заплатках,
Недолей лишь богаты
Да горем и бедой.

Гонял нас злобный ветер,
Как листья, в белом свете
Из хаты за село.
И не был путь наш светел,
Лишь горе каждый встретил,
Оно всех нас вело.

И доля вот такая,
Суровая и злая,
Тоской сжимала грудь,
Но жизнь пришла другая,
Как солнца луч, сверкая,
Нам озарила путь.

Развеял ветер тучи
Над тишиной дремучей
Полей, болот, лесов.
Встал человек могучий,
И молнией гремучей
Раздался вольный зов.

Пророческое-слово
Разбило тьмы оковы,
Стяг подняла весна.
И на земле дубровы
Листвой оделись снова,
И даль легла ясна.

Так слушайте, крестьяне, —
Все ваши ожиданья
Сбываются для вас.
Как только солнце встанет,
Идите утром ранним
И сейте в добрый час.

Мы встали песней-сказкою
 Над всей трясиной вязкою
 Прошедших черных лет,
 И в даль идем прекрасную,
 Хотя зубами ляскает
 Зверье нам злобно вслед.

Но не срубить, не выломать
 Ни топором, ни вилами
 Того, что расцвело,
 Что встало над могилами,
 Над хатами унылыми
 Прошедшему назло.

Не взять руками голыми
 Того живого полымя,
 Что, словно огнецвет,
 Горит, плывет над долами,
 Над городами, селами,
 Разносит искры в свет. . .

Цветут поля просторные,
 Забыто время черное —
 Неволи панской гнет.
 В работе мы упорные,
 Идет зерно отборное —
 Хороший умолот.

Мы на зиму с одеждою,
 Нам светят дни надеждою,
 Беда не входит в дом,
 Где вместо горя прежнего
 Сидит невеста нежная
 С веселым женихом.

И свадьба начинается,
 И песня подымается. . .
 Левониху, дударь!

Пусть поле отзывается,
Пусть солнце закачается...
Давай сильнее ударь!..

6

И пошла и пошла
По родному краю
От села до села
Здесь молва такая:

Беларусь за столом
В хате своей села,
Держит чарку с вином,
Смотрит гордо, смело.

Здесь хозяйка она,
Дом стал полной чашей...
Молода и стройна,
Нет на свете краше.

Свой надела веночек
Синий, васильковый,
Стан обвил поясок
Золотой и новый.

И сидит и глядит,
Всё ли так, как надо,
Угостит, угодит,
Чтоб все были рады.

И веселье кругом,
Песни не смолкают,
Как на свадьбе, смычком
Скрипач ударяет.

Так поют и гудят
На этой беседе,
А соседи глядят,
Дивятся соседи:

«Ведь ее не узнать,
Сразу вышла в люди!
А годков еще пять —
Что тогда-то будет?!»

11 марта 1924

7

Пусть играет балалайка,
Струны пусть поют!
Не свистит уже нагайка,
И не хлещет кнут.

Все они теперь далеко —
Те, кто вольный люд
Гнули под ярмом жестоким,
Обирали тут.

Барин век свой доживает,
Выгнанный Москвой,
Пан Варшаву пропивает,
Гонор панский свой.

А свое мы счастье сами
На земле творим,
Молотами и серпами
До зари звеним.

Словно пчелы в сотах с медом,
Для земли родной
Трудимся мы всем народом
Дружную семьей.

И слетаемся, считаем
Наш гудящий рой,
Отстающих призываем
Встать скорее в строй.

Кто суется там под ноги,
Чтоб мы шли вразброд?
Эй, вельможный пан, с дороги,
Беларусь идет!

Пусть играет балалайка,
Струны пусть поют!
Не свистит уже нагайка,
И не хлещет кнут.

11 марта 1924

8

*Газете «Советская Беларусь»
в день выхода ее 1000-го номера*

Надо славу нашего народа,
Что мы защитили смело,
Высоко поднять до небосвода,
Чтоб в веках она горела.

Враг неподалеку бродит,
Он везде подстерегает
Тех, кто в боевом походе
Отдохнуть вдруг пожелает.

Надо сталь ковать нам всем народом
День и ночь, не уставая,
Чтоб над нашим счастьем и свободой
Не глумилась сила злая.

Враг неподалеку бродит,
Он везде подстерегает
Тех, кто в боевом походе
Отдохнуть вдруг пожелает.

Помощь нам нужна всего народа,
Сотен тысяч рук могучих,
Чтоб дорогу к светлому восходу
Проложить могли по кручам.

Враг неподалеку бродит,
Он везде подстерегает
Тех, кто в боевом походе
Отдохнуть вдруг пожелает.

2 января 1924

Еще работа не кончается,
 Еще не всюду нива сжата, —
 Родимый край наш выпрямляется,
 Выходят к свету наши хаты.

Еще, как прежде, за кордонами
 В руках панов луга и пашни,
 Там душат волчьими законами
 Родных сестер и братьев наших.

Еще там сытый гонор властвует
 Над молодостью белорусской,
 Считая доллары за кассою,
 Что с наших драл полосок узких.

Еще краса сестер по-прежнему —
 Утеха барского разврата,
 Еще сегодня там безбрежные
 Страдания и слезы брата.

Еще зажгутся там багровые
 Пожары грозные восстаний,
 И долго будут там суровые
 Дни жертв, сражений, испытаний.

10

Оставим мы наследство для потомков,
 Для их счастливых дней,
 Не то, что взяли мы от предков на обломках
 Истории своей.

С другою думой в свет пойдет и в люди
 Потомок вольный наш;
 Сгибаться он не будет, пить не будет
 Из недопитых чаш.

Поставили мы вехи, чтоб в ненастье
 Не сбиться нам с пути,
 Проложим торные дороги к счастью,
 Чтоб всем к нему идти.

Здесь предки города нам возводили,
За нас борьбу вели;
А мы потомкам правдой озарили
Дороги всей земли.

Достались нам нужда и ослепленье
С неправдой вековой,
А мы оставим песнь освобожденья
И вольный край родной.

1924

543. НАД РЕКОЙ ОРЕССОЙ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Много есть на свете
И легенд и песен,
Что сложили люди
Про свое Полесье.

Но не знал я песни
Про большое дело:
Как сюда явились
Коммунары смело;

Как они работой
Топи покоряли,
Для Страны Советской
Славу добывали.

Но не знал я песни
О сраженьях жарких:
Как со всеми вместе
Вышли коммунарки;

Как они в работе
Завели обычай:
Не жалеть ни силы,
Ни красы девичьей.

Но не знал я песен,
Не слышал я что-то
О героях славных,
Взявших в плен болото;

Как через преграды
В глухомани дикой
Шли они к победе,
К радости великой.

Но не знал, не знал я
Новых звонких песен,
Что поет сегодня
Новое Полесье.

О МИНУВШЕМ

Ворон клюв свой свесил
Над гнилой колодой. . .
Приснились Полесью
Ушедшие годы.

Здесь век вековали
Тростник да осока,
Росли и сгнивали
В трясине глубокой.

А сколько ж трясина
Людей засосала:
Оступишься — сгинул,
Пиши, брат, пропало.

Тут не было жизни
От гнуса летучей,
От дикого зверя,
От гадов ползучих.

Медведь без заботы
Лежал тут в берлоге,
И лось по болоту
Ходил без дороги.

Брели втихомолку
Кабан с кабанихой,
И серые волки,
И всякое лихо.

Меж кочек, бывало,
Где воды открыты,
Здесь лодка блуждала,
Как гроб незарытый. . .

Полесье родное
Молчало, дремало,
И только весною
Оно оживало.

Весенней порою
Споет соловейка,
Застонет зарею
Пастушья жалейка.

На тихой опушке,
Где ветви густые,
Считает кукушка
Невзгоды людские. . .

И снова могилой
Полесье застынет,
И спит его сила
В болотной пучине.

А люди? Что ж люди?
Их много — немного,
Но дают им груди
Нужда и тревога.

На бросовых землях,
На горках песчаных
Избушки их дремлют,
Как будто курганы.

Сидят полешане
И лапти мастачат,

Готовясь заране,
Чтоб... по миру, значит...

Убогой сохою
Пески поднимают,
Слезами, тоскою
Поля засевают.

Их ширью болото,
Как в плен, захватило,
Заставило верить
В нечистую силу.

И мрачные сказки
И страшные вести
Шагали по вязким
Равнинам Полесья...

Был сказ нерушимый
На вечные веки:
«Полещуки мы,
А не человеки».

ЗАШУМЕЛО И ПОШЛО

1

Зашумело и пошло,
Словно наводнение.
На полесское село
Хлынуло движение.

Тьма народу в эти дни
Наплыла, как чудо.
Для чего пришли они?
Для чего, откуда?

Белорусы там и тут,
С ними украинцы.
Как на ярмарку идут
Покупать гостинцы.

Сколько хлопцев молодых,
Дядек бородатых!
Пилы острые у них,
Топоры, лопаты.

Что-то будет здесь теперь? ..
«Ничего не будет!» —
Хитро думали в четверг
Полесские люди.

А воскресный день настал,
И пошла работа.
И лопаты тут и там
Врезались в болото.

Тут и там пила поет,
Топоры сверкают.
Шум и гром кругом идет,
Люди наступают.

Роют торф не как-нибудь,
Роют неустанно,
Видят цель и видят путь
Ясный и желанный.

Люди знают хорошо —
Горе не вернется.
Люди видят — клад большой
В руки сам дается.

За канавой, как струна, —
Новая канава.
Все похожи, как одна, —
И слева и справа.

Взбудоражил страх зверей,
Их покой потерял.
В чащи, в дебри от людей
Убегали звери. . .

Ну, а люди шли и шли,
Покоряя недра,
И канавам уж вели
Счет на километры.

Скоро, скоро день придет,
И настанет время —
В почву черную болот
Пахарь бросит семя.

Зашумят хлеба вокруг
Здесь под солнцем ясным...
Неудачу полещук
Предвещал напрасно!

Не видал он из своей
Безоконной хаты
Новых дел и новых дней,
Радостью богатых...

Ночь прошла. Заря встает.
Вновь кипит работа...
Героический народ
Покорил болото.

2

И лежат канавы —
Ленты-магистралли.
Воды по канавам
Уплывают в дали.

Тучное болото,
Как ножом, разрезав,
Докатились воды
До реки Орессы.

До реки Орессы
Пролегла дорога,
Но еще заботы
Человеку много.

Надо труд великий
Довести до цели,
Чтоб на ровном поле
Тракторы запели,

Чтоб на этих землях —
Буйный, ровный, чистый, —
Как тростник, поднялся
Колос золотистый.

Ждет к себе Полесье
Смелых да умелых,
Что придут и сразу
Примутся за дело.

Ждет к себе Полесье
Сил горячих, новых,
Ждет бригад ударных,
На борьбу готовых.

И они сойдутся,
Свой костер разложат,
Вековую темень
Дружно уничтожат.

Им искать не нужно
Сказочного клада.
За труды другая
Будет им награда.

КОММУНА

1

Их семеро весной пришло,
Чтоб новый день начать.
А осенью пришли сюда
Еще семьдесят пять.

Самарская дивизия
Дала бойцов своих,
Коммуны пионеров,
Способных, молодых.

Пришли и фрунзенцы сюда
С болотом в бой вступить
И земли эти в первый раз
Заставить хлеб родить.

Чонгарцы дали восьмерых
Из стаи боевой.
И в край лесов и в край болот
Пришли они весной.

Желанье строить новый мир
Их привело сюда.
И вера в радостный успех
Светила, как звезда.

Им, смелым, были не страшны
Ни холод, ни жара,
Ни мутный дождь, ни топкий снег,
Ни вьюжные ветра.

Звал Заболотьем тот бугор
В Полесье мал и стар,
Где ногу в первый раз тогда
Поставил коммунар.

Болото, заболоть иль топь —
Как хочешь называй,
Но раз пришли большевики,
Изменится весь край.

Палатки, пилы, топоры
Приволокли с собой,
И дружно, как одна семья,
Пошли они на бой.

Одни из них корчуют пни
И в груды их кладут,
Другие, сидя у огня,
Спешат сварить еду.

А третьи пилят, рубят лес,
Чтоб выстроить барак:
В палатке летом можно жить,
А уж зимой никак.

Корчуют вдоль, и вширь, и вглубь,
Вставая все чуть свет.
Палатки носят за собой —
Жилья другого нет.

Они идут — за метром метр,
Идут — за шагом шаг.
Просторней, чище с каждым днем
На торфяных полях.

2

Идет работа как пигде,
Кипит, горит она в руках.
И что ни час, и что ни день —
Сильней удар и шире взмах!

И, кажется, чего б хотеть?
Работай, песни звонко пой...
Да вот паук расставил сеть
И здесь, в коммуне молодой.

Иные что-то хмурят бровь,
На свет невесело глядят,
Как будто здесь не их добро,
Как будто здесь враги сидят.

Кричат порою, разозлясь:
В коммуне, дескать, нелады...
Откуда ж та беда взялась
И в чем причина той беды?

Причину ту легко понять,
Причина заключалась в том,
Что из восьми чонгарцев пять
Решили жить особняком.

Их потянуло к старине,
Им надоело быть в строю.
Палатку даже в стороне
Они поставили свою.

Им то и это не с руки,
Они едят, гуляют, спят,
На всё глядят как чужаки
И сеют ссоры и разлад.

Цена такой работе грош, —
Успеем, дескать, не горит. . .
А что посеешь, то пожнешь, —
Людская мудрость говорит.

Пытливых взглядов не любя,
Стараясь быть всегда в тени,
От всех отдельно для себя
Участок выбрали они.

Но и на нем весь день-деньской
Они лежат да видят сны.
С работой «дружною» такой
Пришлось бы долго ждать весны.

Не стало больше сил терпеть
Таких людей, такой позор. . .
Пускай пустует лучше клеть,
Чем заводить в ней пыль и сор.

И молодежь собрала сход,
Негодованием полна,
И, как всегда, его ведет
Товарищ Модин, старшина.

И, слово взяв, сказал он так:
«Здесь не пристанище у нас
Для лежебок и для гуляк,
Здесь дорог каждый день и час.

Кто шел сюда привольно жить,
На хлеб надеясь даровой,
С такими — что нам говорить?
Таким отсюда путь прямой!»

Один из пятерых

Легко ли здесь?
Руби, корчуй,
Вози, как вол,
В грязи ночуй!

Кругом комар
Затмил весь свет.
Воды и то
Хорошей нет.

Один из коммунаров

А что же, вы хотели
Пуховые постели,
Бутылок батарею,
Чтоб было веселее?

Да чтобы горка сала
С блинами тут лежала?
Да чтоб, не зная муки,
Сидеть сложивши руки?

Второй из пятерых

Ты чепухи нам
Здесь не мели:
Много на свете
Свободной земли.

Земли хорошие —
Первый сорт.
Здесь же ломает
Ногу сам черт!

Один из чонгарцев
(пятерым)

Позорно вы себя вели,
И вам от нас один ответ:
Чонгарцами считались вы —
Вы не чонгарцы, нет!

Для славных дел и славных дней
Взяла коммуна вас к себе,
Чтоб новой жизни ясный путь
Прокладывать в борьбе.

Но вы коммуны подвели,
Вы потеряли стыд и честь.
И наше слово таково,
Что вам не место здесь.

Второй из коммунаров

Да что с ними нянчиться,
Да что хороводиться?
Подобных коммунистов
Жалеть не приходится.

Не нам с отщепенцами
Дороги прокладывать.
Пора уж рассвататься
С такую «бригадою».

Третий из коммунаров

Мы идем к победе славной,
Шаг не замедляя,
Помогает нам в работе
Вся страна родная.

Мы старались в коммуне,
Силы не щадили. . .
Разве ж мыслимо позволить,
Чтобы нам вредили?

С лежебокой, с нерадивым
Разговоры кратки:
«Уходи из нашей хаты,
Собирай манатки!»

М о д и н

Товарищи, потише!
Уймите пыл и жар. . .
Шуметь нам непристойно,
У нас ведь не базар. . .

У всех у вас, я вижу,
Желание одно:
Прогнать от нас «пятерку»
Пора давным-давно.

Но лучше сделать поздно,
Друзья, чем никогда. . .
Итак, проголосуем,
Проверим, как всегда.

Кто за? . . . Повыше руки!
Чтоб лучше сосчитать. . .
Кто против? Воздержался?
Как будто не видать. . .

Прошло единогласно.
И наш таков приказ,
Что пятеро чонгарцев
Должны оставить нас.

Четвертый из коммунаров (Модину)

Ты выдай им бумагу,
Чтоб каждый мог прочесть,
Какие «коммунары»
На белом свете есть.

.

А трое чонгарцев,
На радость краине,
В Полесской коммуне
Живут и поныне.

Горою с плеч свалилася
 Постылая забота.
 С «пятеркой» расквитался
 И снова — за работу.

И думы прояснились
 У коммунаров наших.
 Коммуне укрепившейся
 Разлад уже не страшен.

Кипит работа жаркая
 С утра до темной ночи,
 Идет вперед, старается
 Вовсю народ рабочий.

Растет загон, расчищенный
 От пней, корней, отростков,
 И катят бревна пильщики
 И пилят их на доски.

Готовят люди пахоту,
 Уверенны и стойки.
 Деревья рубят звонкие
 Под новые постройки...

Проходят дни и месяцы
 За делом, за работой...
 Но люди вдруг заметили,
 Что нет у них чего-то.

Они переглянулись —
 Земля кругом богата,
 Но только жизнь налаживать
 Без женщин трудновато.

Сход. На сходе, как обычно,
 Председательствует Модин.
 На собравшихся привычно
 Он глядит и речь заводит:

«Я скажу всего два слова,
Я скажу вам без утайки:
Для коммуны нашей новой
Нам давно нужны хозяйки».

«Верно!.. Верно!..» — отвечало
Всё собрание дружным хором.
«Верно!» — эхо повторяло
Над открывшимся простором.

«Ну, так что же, дело ясно,
Видно, всех забота гложет.
Голосую...» — «Мы согласны,
Возражений быть не может...»

«Значит, так теперь выходит, —
Продолжает снова Модин, —
Чтобы каждый понемногу
Собирался в путь-дорогу;

Чтобы каждый собирался
В дом родной, в село родное
Да скорей бы возвращался
С коммунаркою-женою.

Мы их примем как родные,
Им у нас не будет хуже.
А ребята холостые
Пусть везут своих подружек».

Так на этом и решили
И пошли себе по хатам.
Нынче все довольны были —
Неженатый и женатый.

«Коль жениться, так жениться! —
Рассуждает громко кто-то. —
Будет радостней в светлице,
Веселей пойдет работа!

И дружной любой порою
Выйдут жены на подмогу,
Будут вместе с нами строить, —
Только дайте им дорогу!»

Шум и говор кругом.
Что же здесь такое?
То в коммуне людей
Стало больше вдвое.

Коммунарам теперь
Стало веселее,
И работа пошла
Лучше и скорее.

Новый год настает —
Девятьсот тридцатый.
А какой будет он —
Бедный иль богатый?

Дни бегут, как вода,
Снег повсюду сходит,
И весна на земле
Речь свою заводит.

Лес зеленый шумит,
Ручейки смеются.
Высоко в небесах
Жаворонки вьются.

А в коммуне — гляди! —
Праздник и веселье:
Трактор много полей
Распахал, засеял.

И, гордясь, по полям
Ходят коммунары,
По-хозяйски глядят
На свои гектары.

Походили и вновь
Вышли на болото
Корчевать да пахать
Боевою ротой.

4

Много коммунары
Сделали в тот год:
Новые постройки
Встали средь болот.

Хаты и амбары,
Скотные дворы...
Стало жить в коммуне
Легче с той поры.

Мельницу пустили
Паровую в ход,
Рядом лесопилка
Целый день поет.

Мельница грохочет,
Мелется зерно,
Лесопилка пилит
За бревном бревно.

Был на лесопилке
Боец молодой —
Славный Борисенко,
Смелый и простой!

Подавал он бревна,
Доски убирал,
Да рукой могучей
Смерти не сдержал.

Смерть пришла неожиданно,
Некуда уйти:
Доски сорвались —
И прощай-прости!

Стукнуло беднягу,
Словно обухом...
Весь народ сбежался,
Обступил кругом.

Принесли носилки,
Унесли в барак.
Три дня и три ночи
Умирал бедняк.

Так погиб товарищ
На своем посту
За светлую долю,
За свою мечту!

Над могилой свежей
Много было слез.
Грустно речь над гробом
Модин произнес:

«Спи, наш Борисенко,
Коммунарский сын!
В племени отважном
Был ты не один.

В Армии ты Красной
Верный был солдат,
Шел вперед отважно,
Не глядел назад.

Ой, товарищ милый,
Рано ты угас.
Стойким коммунистом
Был ты среди нас.

Спи, наш Борисенко,
Спи спокойным сном,
Спи, не беспокойся
О сынке своем.

Будет он таким же,
Как его отец, —

Честный и отважный
Молодой боец.

Будет он ударник,
Будет бригадир...
Спи, всю жизнь отдавший
За счастливый мир...»

Полетели комья
На сосновый гроб,
И над гробом скоро
Вырос бугорок.

У могилы друга
Встал народ кругом,
Коммунарки горько
Плакали о нем.

Голосили бабки
Чуть не целый час:
«А куда ж ты, сокол,
Улетел от нас?»

Б

Ширится работа —
Стройка, корчеванье,
Роют, пилят, рубят,
Воздвигают зданья.

Вот готовы ясли,
Школа вырастает.
Яркий свет динамо
Ночью зажигает.

Тучный скот в коммуне
Табунами ходит.
Буйно расцветают
Гряды в огороде.

А с пригорка глянешь —
Не окинуть оком:

Протянулось поле
Далеко-далёко.

Над рекой Орессой
Трактор громыхает,
Торфянице плугом
Пашет, поднимает.

Коноплю, пшеницу,
И овес, и жито
Коммунары в поле
Сеют деловито.

И растут посевы
Небывалым ростом.
Поглядишь, посмотришь —
Будто всё так просто;

Будто здесь и раньше
Всё так расцветало,
Будто и болота
Вовсе не бывало.

Так сдаётся... Только —
Создали всё руки.
Их навек запомнят
Сыновья и внуки.

И всему, что было
На болотах этих,
Этот стих свидетель,
И весна — свидетель.

Сделана работа
Хорошо и чисто!
Тысяча гектаров
Да вдобавок триста!

Был я на усадьбе
И ходил по полю,
На житье коммуны
Насмотрелся вволю.

И не раз я видел
Чудо здесь такое:
Будто вся работа
Шла сама собою.

Каждый свое дело
Делал со стараньем.
Тут ни принужденья,
Тут ни понуканья.

Все равны в коммуне,
Всем дается право —
Жить, расти, работать
С честью и со славой.

Я еще такое
Видел не однажды,
Что для чужеземца —
Словно сон миражный.

И про то скажу я
Перед целым светом:
Здесь людей печальных
И в помине нету.

Не слышать в коммуне
Жалоб и раздоров,
Вздохов затаенных,
Горестных укоров.

6

До совхоза «Сосны»¹
Прямо из коммуны
Протянулись рельсы
Ровные, как струны.

Дружно коммунары
Их зимою клали;

¹ Совхоз имени десятилетия БССР. О нем далее. Для сокращения его называют по-старому: просто «Сосны».

Шла узкоколейка,
Уходила в дали.

Нелегко им было
Строить без прораба!
Сами это дело
Знали они слабо.

Было лишь понятно,
Что построить надо,
Что нужна дорога,
Как весна для сада.

Много было споров
О дороге этой,
Да к тому ж из Минска
Нет и нет ответа.

Вечером, бывало,
Соберутся люди —
Говорят и спорят,
Так и этак судят.

Вызвать инженера
Будет трудновато:
Средствами коммуна
Не так уж богата.

А самим за дело
Боязно им взяться:
Можно провалиться,
Можно просчитаться;

Зря растратить деньги,
Труд затратить даром. . .
Что же остается
Делать коммунарам?

Судят, рассуждают
Люди, брови хмуря,
Разговор то стихнет,
То шумит, как буря.

Только вдруг сорвался
С места Одериха:
«Сами всё построим,
Что еще за лихо!

Был я на заводе
Мастером умелым:
Склепывал рессоры,
Шестеренки делал.

Сладим и чугунку —
Будьте уж спокойны!
Сделаем отлично,
Сделаем достойно...»

Под его командой
Началась работа.
Протянулась насыпь
Через всё болото.

Протянулись рельсы,
Как на скрипке струны,
Новую дорогу
Принимай, коммуна!

Строил Одериха,
Делал свое дело,
Как красноармеец, —
Четко и умело.

Не был он во втузах,
Не был инженером,
Был он коммунаром
Стойким и примерным.

Был он коммунаром,
Был он коммунистом
И работу сделал
Хорошо и чисто.

Убегают рельсы
На семь километров.

Мчится паровозик,
Распевают ветры.

Пишут коммунары
О своих успехах,
Что по их дороге
Можно смело ехать.

Пишут: приезжайте;
Просят: поспешите,
На дорогу нашу
Сами поглядите.

Паровозик засвистел,
И — по перегонам —
Друг за другом, всё быстрее,
Катятся вагоны.

Ой, бегут они, бегут
По путям чугунным,
Прямо в «Сосны», в совхоз
От самой коммуны.

-

Из совхоза назад
До коммуны мчатся.
Сколько радости тут!
Сколько людям счастья!

То не шутка, не смех,
А в труде подмога!
Есть в хозяйстве теперь,
Есть своя дорога!

Ты кукуй иль не кукуй,
Птица, на опушке,
Но в коммуне паровоз
Все зовут «кукушкой».

А на речке на Орессе
 День встает высоко,
 Снова люди наступают
 С севера, с востока.

И красуется коммуна
 На болоте буром.
 Полещане ж одиночки,
 Как и раньше, хмуры.

Ой, не хмурься, полещанин,
 Погляди на поле!
 Вырастает здесь коммуна
 Для твоей же доли.

А по речке по Орессе
 Бегаёт моторка.
 На нее глядит уныло
 Старый челн с пригорка.

Он, убогий, доживает
 Дни свои глухие:
 Ведь теперь челны в Полесье
 Новые, стальные.

Эти чёлны силы полны,
 Силы и дерзанья.
 И встречает их Оресса
 Ласковым журчаньем.

А на речке на Орессе
 Труд повсюду жаркий:
 Вышли утром коммунары,
 Вышли коммунарки.

И пошло соревнованье —
 Пашут, строят, рубят.
 Каждый знает свое место,
 Каждый дело любит.

И для них не гаснет солнце
И не гаснут зори.
Расширяется коммуна,
Поле — словно море.

А на речке на Орессе
Растут октябрята,
Пионеры, комсомольцы —
Крепкие ребята.

Это — смена, это — люди
С ясными глазами.
Как отцы их, они будут
Стойкими борцами.

Не потерпят они кривды
Ни за что на свете.
Мил им, дорог край родимый,
Где им солнце светит.

А на речке на Орессе
Дома чередую.
Пахнет свежеею замазкой,
Свежеею сосною.

Встали крепкие постройки,
Нет в округе выше,
Окна — в сажень вышиною,
Под железом крыши.

Электрические лампы
Светятся ночами...
Это сделала коммуна
Дружными руками.

А на речке на Орессе
Много, много дива.
И живут все коммунары
Весело, счастливо.

И гремят в коммуне песни
Средь полей зеленых:
«Если недруги лихие
Край родной затронут,
Если с нами потягаться
Им придет охота,
Осушать пойдем с винтовкой
Пинские болота!»

совхоз

1

Марьино болото,
Что весь век дремало,
Сколько же богатства
Ты в себе собрало?

Марьино болото,
Вековая сила!
То не ты ль коммуну
И совхоз растило?

Не в твоих ли топях,
Что людьми разрыты,
Зашумели травы,
Колосится жито?

Шла по белу свету,
Шла молва людская,
Как росла коммуна,
Тоги побеждая.

Люди о коммуне
Многое узнали. . .
Рядом с ней совхозы
Создаваться стали.

(Всем земли хватало —
Жирной, плодоносной.)

Первый появился
Под названием «Сосны».

А второй — «Загалье» —
Вырос за рекою,
Чтобы рассчитаться
С топью вековойю.

Взял себе гектаров
Сорок тысяч смело.
Это вам не шутки,
Не простое дело.

Впрочем, не хочу я
Восхвалять «Загалье» —
Пусть его уж лучше
Критики похвалят.

А свое я после
Выскажу сужденье, —
Там еще болотом
Пахнет, без сомненья.

Сосны мои, сосны,
Сколько лет росли вы?
Видели немало
В век свой несчастливый.

Плеть царя и пана
Видели вы, сосны;
В зимние метели,
В солнечные весны

Видели голодных,
Голых и забитых,
Видели убогих,
Видели убитых.

«Сосны» мои, «Сосны»,
Вы набрались силы,

Хоть расти в болоте
Нелегко вам было.

Выросли вы буйно
Всего за три года,
Поднялись высоко,
Зашумели гордо.

Днем вам солнце светит
Жаркими лучами,
К вам выходит месяц
Темными ночами.

«Сосны» мои, «Сосны»,
Вы богаты стали,
Шире, чем в коммуне,
Ваши магистрали.

Глубже и длиннее
Ровные каналы. . .
Силы положили
Люди здесь немало.

Не тебя ль с опаской,
Поле торфяное,
Обходить старались
Летом и весной?

А сегодня глянешь —
По твоей равнине
Ходят люди, пашут,
Едут на машине.

2

Всё, что видел, всё, что слышал,
Описать хочу я,
Как писали раньше в сказках,
Свой рассказ начну я.

Об ударных о бригадах
Вспомнить добрым сказом,
О рабочих, трактористах —
Можно другим разом.

Я начну, как в старой сказке,
Потому, признаться,
Что иначе не выходит, —
Слушайте же, братцы.

За горами, за долами,
Средь болот пустынных,
Вырастала, расцветала
Новая краина.

Где стояли над трясинной
Тростники да лозы,
Появились, зашумели
Нивы, сенокосы.

Поле ровное такое,
Словно стол огромный,
А на нем хлеба бушуют
Силой неумной.

Тракторы снуют по полю,
Пашут, боронуют.
Трактористы распевают
Про страну родную.

Две дороги на совхозном
Сходятся вокзале.
Переключку паровозов
Слышат и в «Загалье».

То везут сюда, привозят
На железных шинах
Удобренье для посевов,
Новые машины.

То составы поездные
Сеном нагружают,
То пеньку или картофель
В город отправляют.

Ой, всего в совхозе много —
Хлеб, машины, стадо...
Сосчитать его богатства —
Целый месяц надо.

И стоишь ты, удивленный:
Что с болотом стало! —
Целый город на болоте,
И притом немалый.

Да, совхозу безусловно
Есть чем похвалиться:
Двухэтажные постройки,
Клуб — ну, как в столице!

Здесь леченья никакого
Не было вовеки,
А теперь свои больницы
И свои аптеки.

Навсегда теперь забыты
Знахари да бабки,
Наше время, наши люди
Дали им по шапке!

Широко наука наша
Распахнула двери:
Даже здесь, в совхозе дальнем,
Свой рабфак вечерний.

На рабфаке на вечернем —
Парни и девчата.
Будет племя молодое
Знаньями богато!..

Электричество в совхозе —
Что твоя жар-птица!
И по радио рабочий
Слушает столицу.

Да, совхоз везде и всюду
Приложил старанья:
Есть и школа, есть и ясли,
Прачечная, баня. . .

Всюду труд горячий, дружный, —
Нет здесь плети панской.
Здесь везде народ советский,
Рабоче-крестьянский.

Есть, наверно, недостатки,
Как везде и всюду.
Впрочем, их я не приметил,
Говорить не буду.

Я кончаю. И одно лишь
Чувствую при этом:
Сколько там простора, жизни,
И тепла, и света!

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

И коммуна эта
И этот совхоз
Перед целым светом
Встанут в полный рост.

И чтоб их успехи
Оценить самим,
И идти и ехать
Будут люди к ним.

И, любясь новой
Силою полей,
Вспомнят добрым словом
Отважных людей.

О новом Полесье
Запоет певец,
И помчатся песни
Из конца в конец.

Воспоют в тех песнях
Труд и героизм,
Как в глухие дебри
Шел социализм,

Как под руководством
Партии побед —
Большевистской партии —
Вспыхнул новый свет.

И хоть жаждет враг
Снова навредить,
Наше дело вечно,
Вечно будет жить!

Май 1933

544. БОРИСОВ

1

Стремится вдаль река Береза,
Течет лесами и лугами.
То пуща-бор, то верболозы
Над ней склоняются ветвями.

Она поит своей водою
Колхозы, фабрики, заводы,
Несет широкою волною
Плоты, баржи и пароходы.

Течет река Береза в дали,
Течет, минуя горы, доли;
На берегах ее вставали
Веками города и села.

И встал Борисов, и сегодня
Стоит он, погруженный в думы:
О чем Березы полноводной
Ему поют сегодня шумы?

2

Здесь князья когда-то,
Короли здесь жили,
В дни, что не вернуться,
Здесь цари царили.

Возводили тюрьмы,
Кандалы гремели, —
И зияли раны
На народном теле.

Были войны, битвы,
Слезы проливались,
Шведа, Бонапарта
Здесь следы остались.

Пили эту воду
Немецкие кони.
Армию Вильгельма
Помнят и сегодня.

Грабили «культурно»,
Жалости не знали
И армяк последний
С бедняка снимали.

И хотя недолго
Жили-пировали,
Гитлеровы предки
Край обворовали.

Помнишь ты, Борисов,
Помнишь, не забудешь,
Как под гнетом панским
Изнывали люди.

Было то недавно —
Помнит комсомолец, —
Как народ сковала
Тяжкая неволя,

Как велась расправа,
Город мой, с тобою
Виселицей, пульей,
Пеплом и золою.

Генерал Шептицкий
Для проклятой славы

Пыткой и железом
Пир справлял кровавый.

Только генералу
Всё ж не удалось
Сжечь идеи наши,
Как в полях колосья.

Генерал Шептицкий,
Всеянейший пане,
Твой сапог жандармский
Больше здесь не станет.

Уж тебе не видеть
Виселиц, погромов,
Что творил ты, лютый,
От польской короны.

Вольный пролетарий
На твои удары
Встанет силой дружной,
Встанет грозной карой.

•

Понесла Береза
Кровь людскую в море,
А с той кровью вместе
Великое горе

Вдов, детей несчастных,
Что осиротели,
Городов, селений,
Что дотла сгорели.

Но изгнал Борисов
Злобных оккупантов,
С большевистской силой
Он встает гигантом.

Он встает из пепла,
Он светлей былого,
Фабрики, заводы
Он возводит снова.

Снова трубы в небо
Задымили дымом,
И гудки запели
Над страной родимой.

Березинским новым
Комбинатом смело
Он уже гордится
Перед светом целым.

А народ рабочий —
Стойкий, молодецкий!
Есть такой на свете
Лишь в Стране Советской.

Он в труде ударном
С веселым приветом
Верным сыном служит
Всей Стране Советов.

Он ходил в походы,
Не жалея жизни,
А теперь богатство
Множит он отчизне.

Гордый своей силой,
Властью своей гордый,
У станка стоит он
Нерушимо, твердо.

4

Всюду на заводах —
Говор за станками:
«Памятник поставим
Ленину мы сами!»

Ленин — вождь народа,
Он и дня и ночи
Весь свой век боролся
За судьбу рабочих.

Так в цехах, в бригадах
Совещаться стали,
Важное решенье
Люди принимали.

Каждый, сколько может,
Сколько заработал,
На такое дело
Отдает с охотой.

Молодые вместе
Шли со стариками,
И казалось, каждый
Вносит не деньгами,

А частицей сердца,
Чтобы величаво
По земле гремела
Ленинская слава.

И поставлен в парке,
В зелени цветущей,
Памятник гранитный
Для веков грядущих.

5

Так Борисов старый умер,
Встал Борисов новый,
Не дымят огни пожаров,
Не звенят оковы.

Старый город в лихолетье
Бурею разрушен,
Только ты, Борисов новый,
Не дремли, а слушай!

Под счастливым, мирным небом
Ты не верь покою.
Враг коварный за границей
Нам грозит войною.

4 июля 1934

545. ТАРАСОВА ДОЛЯ

Памяти Тараса Шевченко

1

Ходит весть по Украине
Пышно-величаво,
Ходит степью Поднепровья
Великая слава.

А ту долю, что когда-то
Тарас напророчил, —
Эту долю видят люди,
Узнали воочью.

А та воля, что когда-то
Тарасу приснилась,
Степной ширью разгулялась,
С солнцем породнилась.

А то счастье, что когда-то
Тарасу мерцало,
Всем теперь народам вольным
В Кремле засияло.

Добрым словом поминает
Великого сына
Украина молодая,
Краса Украина.

Как родился — не светили
 Звезды на просторе,
 Зубы скалила неволя,
 Хохотало горе.

Песен радостных, веселых
 Над его колыской
 Не певали молодухи
 Ни вдали, ни близко.

А как вырос, как поднялся,
 Встал на свои ноги —
 Преградили путь-дорогу
 Панские пороги.

Надо гнаться перед паном
 Да вздыхать несмело,
 И порой терзали плети
 Молодое тело.

Энгельгардты, Энгельгардты!
 Не бывать вам боле,
 Отплатила Украина
 За свою недолю.

Было в то глухое время
 Темно, как в могиле,
 Люди гибли, словно мухи,
 Словно тень, бродили.

Ни просвета, ни улыбки,
 Ни искры единой, —
 Ночь покрыла Украину,
 Одну ль Украину?

И гремели и звенели
 Цепи ежечасно:
 Панство людом торговало,
 Как скотом безгласным.

Продавало и меняло,
На карту швыряло;
Слезам-горю конца-краю
Беднота не знала.

Этой каторги да муки
Пером не опишешь. . .
Всё минуло. Только в песне
О былом услышишь.

4

Народился на свет белый
И Тарас в оковах.
Счастлив, братцы, кто не ведал
Доли той суровой!

Мне вот тоже довелось
Знаться с миром старым.
Право, сжег бы эти годы,
Кабы мог, пожаром.

Прошли годы, Тарас вырос —
Тополь в чистом поле.
Выкупили молодого
Друзья из неволи.

Как брал выкуп пан вельможный
Проклятой рукою,
Кровь сверкала на дукатах
Мукою людскою.

Кровь родни закрепощенной,
Крепостного сына,
Кровь сверкала на дукатах —
Кровь всей Украины.

5

По дороге белорусской
В дальнюю столицу
За господскою каретой
Паренек тащится.

Это наш Тарас несчастный,
Служка «ясне-пана»;
Пан — богач, а он, бедняга,
В одежонке рваной.

Белорусские березки,
У дороги стоя,
Украинцу-мальчугану
Кивали листвою.

Бор шумел над головою,
Журчали потоки, —
Молодому было любо
Видеть свет широкий.

Видел крытые соломой
Нищие избенки,
Людей видел подневольных,
Как в родной сторонке.

6

Как же в сердце белоруса
Музыкой чудесной
Отозвалась, зазвучала
Тарасова песня?

Как же ветер Украины
С думкою крылатой
Долетал до Беларуси
И шумел над хатой?

Рядом доля белоруса
С украинца долей
Шли дорогою тернистой,
Терзались неволей.

Рядом, с детства до кончины,
Гнулись без ответа
Под ярмом и ожидали
Ясного рассвета.

Как жилося, как велось,
Как слабели силы, —
Эту повесть сохранили
Курганы-могилы.

7

Полюбил Тарас девчину,
Полюбил неожиданно
И до самой своей смерти
Не забыл Оксаны.

Вместе скот чужой гоняли
Пастись на полянку,
Вместе бегали босые
К речке спозаранку.

И о чем они, бедняжки,
Думали-гадали,
Знают только Днепр могучий
Да степные дали!

Было сердце у Тараса,
Что любить умело,
А глаза умели плакать
По милой век целый.

Только пан увез Тараса
С собой на чужбину,
И пошла в чужие люди
Бедная девчина. . .

8

Кто, скажите, мог подумать,
Что в такой неволе
У Тараса клад хранится,
Безвестный дотоле?

Ни цари, ни их вельможи,
Ни паны, ни каты
Не могли вовек похитить
Этот клад богатый.

А была его богатством,
Кладом небывалым,
Была песня, что из сердца
На свет вылетала.

Не тонула песня в море,
В огне не горела,
Заковать не мог ту песню
Сатрап озверелый. . .

Рисовал он и картины,
Но в неволе дикой
Счастье срисовать с природы
Не мог, горемыка.

9

И не спится и не снится
Тарасу на свете:
Где ни глянь — неволя всюду,
Плачут мать и дети.

Украина под панамы,
Под царской пятою
Стоном стонет, погибает,
Не зная покоя.

«Вешать панов, класть на плаху
Головы царицы!» —
Зашумело по Украине
Тарасово слово.

Всё то горе, все те муки,
Что его терзали,
Изливал он на бумаге,
Чтобы люди знали.

Звал искать иную долю,
Долю и свободу,
Искать солнца, искать счастья
Родному народу.

И пошли слова Тараса
 Странствовать повсюду, —
 Прямо в сердце западали
 Крепостному люду.

Глаза люди проглядели,
 Поджидая волю:
 «Справедлива речь Тараса
 О народной доле!»

А царя с кровавой свитой,
 А панов кровавых
 Обуял великий ужас
 Перед этой славой. . .

Стали думать, как Тараса
 Лучше покарать им —
 То ли в поле на кургане,
 То ль в отцовской хате?

И карали его карой —
 Чтоб немым томился,
 Чтоб слагать такие песни
 Навек разучился.

11

Ой, путь каторжный, нелегкий,
 Вытоптаный горем
 Да костями людскими устлан,
 Омыт слезным горем!

Тем путем вела Тараса
 Его злая доля —
 Через пуши, через чащи,
 По пустому полю.

Глушь. Безмолвен, как пустыня,
 Край тот сиротливый,
 Только зверь подчас завоет
 Жутко и тоскливо.

Вот куда загнал Тараса
Подлый царь-душитель!
Положил живым в могилу
Жестокий мучитель.

Тарасовы злые муки
Камень только знает,
Да залетный ветер слышит,
Как, бедный, рыдает.

!?"

Крепость Орская — острогом,
Да с царским указом,
Чтобы за перо, за кисти
Не брался ни разу.

Чтоб не брался, чтобы песен
Не слагал крамольных.
Вот какую терпел кару
Певец подневольный!

Сны приходят об отчизне
И в этой могиле.
Но писать хотя бы кровью —
И то запретили!

Песня просится из сердца,
Жаркой кровью рдея,
Но и кисти и бумагу
Взяли лиходеи.

Чахнет, сохнет, отлученный
От родимой нивы,
Под казенной царской палкой
Тарас несчастливый.

18

Такой кары окаянной
Не снести другому!
Шел Тарас из заточенья,
Шел в неволю к дому.

Съела царская расправа
Тарасову силу, —
Меньше он глядел на небо,
А больше — в могилу.

Только песен, песен гулких
Не забыл, бедую,
Не забыл он в песнях-думках
Украину родную.

И писал бы думы-песни
Он кровью своею, —
Да всю кровь из жил горячих
Выпили злоден.

Жадно кровь его из сердца
Пили кровопийцы.
Так пусть память о той муке
Навек сохранится!

14

И погиб Тарас. Не вынес
Жизни подневольной.
Загудели, зарыдали
Днепровские волны.

Шумно побежали волны
Прямо в сине море.
Расскажите, волны, миру
О великом горе!

И плакала Украина,
Плакала, тужила,
Когда сына дорогого,
Певца хоронила.

Холм насыпали высокий
Над Днепром ревучим,
Чтоб далеко Украину
Видно было с кручи.

Спит Тарас, уснул навеки
В той могиле тесной,
Да не спит, жива в народе,
Не спит его песня.

15

Эх, Тарас, кабы проснулся,
Встал ты из могилы
Да на Украину глянул,
Кобзарь ты наш милый!

Глянул бы, огни какие
В степях засверкали,
Новой песней повстречал бы
Днепровские дали.

Над твоей землей привольной
Солнце ярко светит,
Сбросили ярмо навеки
И отцы и дети.

Без царя живут, без пана
Свободные люди.
Всюду стройки, всюду радость —
Чудо здесь на чуде!

А о горе да печали
Нету и помину.
Эх, кобзарь, взглянул бы нынче
Ты на Украину!

27 февраля 1939

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворное наследие Янки Купалы обширно. Три сборника его стихотворений были опубликованы в дореволюционные годы: «Жалейка», Пб., 1908; «Гусяр», Пб., 1910; «Шляхам жыцця» (Дорогой жизни), Пб., 1913. Отдельными изданиями вышли драматические поэмы «Адвечная песня» (Извечная песня), Пб., 1910 и «Сон на кургане», Пб., 1913. Однако в этих изданиях и в периодической печати, где сотрудничал Я. Купала, появилось не все, написанное поэтом до революции. Многие произведения этой поры опубликованы впервые в сборнике «Спадчына» (Наследство), Минск, 1922, в журнале «Полымя» (1929, № 2 и 3; 1930, № 5-6), и других периодических изданиях, в «Зборе твораў», (Собрание сочинений), Минск, 1925—1932.

После революции вышли сборники: «Спадчына», Минск, 1922; «Безназоўнае» (Не названное), Минск, 1925; «Песня-байка» (Песня-сказка), Минск, 1930; «Песня будаўніцтву» (Песня строительству), Минск, 1936; «Беларусі ардэнаноснай» (Белоруссии орденосной), Минск, 1937; «Ад сэрца» (От сердца), Минск, 1940. Переводы для настоящего издания сделаны по текстам этих сборников и последних прижизненных изданий сочинений поэта: первых четырех томов второго — исправленного и дополненного — «Збора твораў», Минск, 1928—1940; пятого (Минск, 1928) и шестого (Минск, 1932) томов первого издания «Збора твораў»; «Твораў 1918—1928», Минск, 1935. Произведения, не вошедшие в эти издания, переведены по текстам «Збора твораў» (6 томов), Минск, Изд-во АН БССР, 1961—1963. По этому изданию выверены также старые переводы, поскольку составители академического шеститомника широко использовали новые материалы, рукописное наследие поэта.

В переводах на русский язык появилось много сборников Я. Купалы. Основные издания: Янка Купала, белорусский поэт, Избранные стихотворения в переводах русских поэтов, М., 1919; Собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1950; Избранное, М.—Л., 1950; Избранные произведения в двух томах, М., 1953; Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), 1956.

Настоящее издание — одно из самых полных собраний избранных произведений Купалы на русском языке. Более 100 стихотворений переведены специально для данного сборника, причем в большинстве это произведения, впервые печатающиеся на русском языке (они отмечены в содержании звездочкой). Ряд переводов заново просмотрен и исправлен.

Разделы сборника составлены по жанровому принципу: «Стихотворения», «Драматические поэмы», «Поэмы». Внутри каждого раздела произведения расположены в хронологическом порядке. Даты указаны в тексте. Без скобок дается авторская датировка. Даты первой публикации или год, не позднее которого могло быть написано произведение, заключены в угловые скобки. Знак вопроса в круглых скобках означает, что дата установлена приблизительно. Стихотворения, не имеющие авторской датировки, принято датировать временем, на протяжении которого создавался сборник, где они были опубликованы. Стихотворения, вошедшие в «Жалейку», датируются: «Между 1905 и 1907»; стихи, появившиеся в сб. «Гусляр», датируются: «Между 1908 и 1910»; напечатанные в сб. «Шляхам жыцця» стихотворения датируются: «1911 или 1912», поскольку в 1912 г. автор уже читал корректуру сборника. В примечаниях оговариваются лишь случаи, когда датировка требует объяснения. В циклах датируется каждое стихотворение, время создания цикла указывается в примечании. В конце первого подраздела сборника, включающего стихи 1904—1917 гг., помещены без дат стихотворения неизвестных лет. Содержание их указывает, что написаны они в дореволюционные годы.

В примечаниях приводятся белорусские названия произведений, и — в случае необходимости — комментарии, связанные с содержанием или историей создания произведения, а также пояснения малоупотребительных или иноязычных слов (пояснение дается в примечании только к тому стихотворению, где данное слово встречается впервые).

Цитаты из белорусских источников во вступительной статье и примечаниях даются в переводе на русский. Даты в текстах, вступительной статье и примечаниях, когда речь идет о дореволюционном творчестве Я. Купалы, указываются по старому стилю.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1901—1917

1. Перевод стих. «Мая доля» («Мая доля, дык вось доля...»). Это самое раннее из дошедших до нас стихотворений Купалы. По воспоминаниям поэта, он начал писать в 1903 или 1904 году: «Первое стихотворение написал я в Селищах, оно было посвящено сестре в день ее именин» («Любімы паэт беларускага народа», Мінск, 1960, с. 12). Сестра поэта Л. Д. Романовская в своих воспоминаниях уточнила: «Было это в 1902 году» («Янка Купала», Зборнік матэрыялаў аб жыцці і дзейнасці народнага паэта БССР Янкі Купалы, Мінск, 1952, с. 36). Поэт вспоминал, что писал сначала на польском языке, но в скором времени начал писать и на белорусском. «Несколько польских стихотворений, очень мало, было напечатано в каком-то польском журнале, кажется в «Ziarno». Но вот попались мне в 1904 или в начале 1905 года революционные прокламации на белорусском языке и книжки «Дудка белорусская» Богушевича и «Гапон» или какая-то другая книжка Марцинкевича... С этого времени начинаю писать только на белорусском языке».

(«3 аўтабіяграфічных матэрыялаў». — «Польмя», 1946, № 6, с. 125). «Моя доля» — единственное, что дошло до нас из белорусских стихотворений 1902—1904 гг. Опубликовано впервые лишь в 1930 г. («Польмя», 1930, № 5-6).

2. Перевод стих. «Мужык», первого появившегося в печати произведения Я. Купалы. В автографе имеется примечание автора: «Стихотворение это было напечатано в минской русской газете «Северо-западный край», 15.V.1905, в № 746. Это первое мое выступление в белорусской литературе». О направлении газеты «Северо-западный край», о ее тесной связи с Минским комитетом РСДРП, о пропаганде на ее страницах идей Маркса и Ленина см. работы: В. Ивашын, Янка Купала, Творчасць перыяду рэвалюцыі 1905—1907 гг., Мінск, 1953; С. Александровіч, Пуцявіны роднага слова, Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку, Мінск, 1971.

3. Перевод стих. «Чаго б я хацеў». Опубликовано в первом сб. стихов Купалы «Жалейка». Книга эта складывалась на протяжении 1905—1907 гг. Сельский учитель А. Посах рассказывает в своих воспоминаниях, как он был удивлен, когда, разговарившись с одним из рабочих в имени папа Любанского — И. Д. Луцевичем, узнал, что этот рабочий является автором стихотворения «А кто там идет...». Вскоре после этого знакомства Луцевич пришел к Посаху с целой тетрадью стихов: «Я слушал, как зачарованный». Встречи продолжались до весны 1907 года: «Каждый раз мы читали одно или несколько новых стихотворений Купалы» (А. Посах, Мае сутрэчы з народнымі паэтамі. — В сб.: Янка Купала, Мінск, 1952, с. 58). Из этих стихов сложилась «Жалейка». Сборник вышел в конце лета 1908 г., а в октябре Комитет по делам печати уже занимался его рассмотрением; в начале ноября было возбуждено дело о запрещении «Жалейки» и привлечении автора к судебной ответственности. Комитет по делам печати писал в отношении на имя прокурора С.-Петербургской судебной палаты: «Сравнивая жизнь крестьянина с тем, как живут помещики, чиновники и другие, Янка резко нападает на современный несправедливый, по его мнению, порядок вещей... Глубоко скорбит автор и о том, что народ не пользуется той свободой, при которой жизнь его не могла бы быть так несчастна и безотраднa... «Песня вольного человека»... говорит о том, что всякого рода насилия «подлых» деспотов, направленные к тому, чтобы заковать в кандалы народную свободу, убить ее мечом палача и петлей, бесцельны, ибо как нельзя погасить солнце, так нельзя уничтожить стремление народа к свободе. В изложенном содержании стихотворения «Песня вольного человека» нельзя не усмотреть открытого возбуждения к действиям явно бунтовщическим, т. е. преступление, предусмотренное п. 1 ст. 129 Уголовного уложения, издания 1903 года» (А. Г. Янка Купала і царская цензура. — «Беларусь», 1947, № 2, с. 62). Анализируя пометки А. Ельского (одного из литераторов буржуазно-националистического лагеря) на экземпляре «Жалейки», сопоставляя их с отзывом цензора о содержании сборника, М. Лужанин высказал интересное соображение о том, что в «деле» о первом сборнике Я. Купалы существенную роль сыграл донос А. Ельского (М. Лужанин, Праца паэта. — В сб.: Янка Ку-

пала», Зборнік матэрыялаў аб жыцці і дзейнасці паэта, Мінск, 1955, с. 52—53).

4. Перевод стих. «У зялёным садочку» («Ой, не раз удваёчку...»).

5. Перевод стих. «Думы маркотныя...».

6. Перевод стих. «І як тут не смяяцца?..». *Эконом* — управляючий хозяйством в помещичьем имении.

7. Перевод стих. «Нуда».

8. Перевод стих. «Каршуп».

9. Перевод стих. «Нябожчык».

10. Перевод стих. «З песень а бітвах».

11. Перевод стих. «Не клянiце мяне».

12. Перевод стих. «Зашумеў лес разгуканы». Опубликовано в журн. «Польмя», 1930, № 5-6, под названием «Отрывок». *Казенныя... дэбры* — принадлежавший казне лес.

13. Перевод стих. «Над калыскай» («Спі, маленькі мой сыночак!..»). В сб. «Жалейка» опубликовано с подзаголовком «Подражание Лермонтову». Подзаголовок был впоследствии изменен, очевидно потому, что в стихотворении переплетаются мотивы «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова и «Колыбельной песни» Некрасова; связано оно и с «Калыханкой» Ф. Богушевича. *Кат* — палач.

14. Перевод стих. «Мая малітва» («Я буду маліцца і сэрцам, і думамі...»).

15. Перевод стих. «Ой, чаму на хаты гэтыя?..».

16. Перевод стих. «Дзе ні вылеці з няволі...». В сб. «Жалейка» опубликовано под названием «Из песен о мужиком горе». *Вурдалак* — мертвец, выходящий (по народным преданиям) из могилы, чтобы пить людскую кровь.

17. Перевод стих. «Вольха».

18. Перевод стих. «Я бачыў».

19. Перевод стих. «Ліпа».

20. Перевод стих. «Шчасце» («Мы гонімся часта за мараю блуднай...»).

21. Перевод стих. «Песня жней» («Пагнуўшы ў крук худыя спіны...»). *Загон* — полоса в поле. *Дожинки* — празднование последнего дня жатвы.

22. Перевод стих. «Спрасоння».
23. Перевод стих. «Не тужы».
24. Перевод стих. «Пакіньма напуста на лёс свой наракаць...».
25. Перевод стих. «За што?» («Маці мая, маці...»).
26. Перевод стих. «Пойдзем...».
27. Перевод стих. «Дзе ты схавалася, яснае сонца...».

28. Перевод стих. «Нашай долі». «*Наша доля*» — первая белорусская газета, издававшаяся легально. Основана в Вильне 1 сентября 1906 г. Всего появилось шесть номеров (из которых пять конфискованы), в декабре 1906 г. газета была закрыта. *Мова* — язык.

29. Перевод стих. «Што ты спіш?» Впервые опубликовано вместе со стих. «Там» за подписью «Марк Бездолный» в сборнике И. Святитского «Відродженэ білоруськаго письменства» (Львів, 1908). Сборник был запрещен царской цензурой: отзыв цензора раскрывал содержание помещенных в нем стихотворений Я. Купалы, направленных против царя, призывающих мужика к восстанию.

30. Перевод стих. «Там».
31. Перевод стих. «Родныя песні».
32. Перевод стих. «Дуб» («Калыханы ветрамі...»).
33. Перевод стих. «Усе разам».
34. Перевод стих. «З сіроцкай долі».
35. Перевод стих. «Хай жа вам так не здаецца...».

36. Перевод стих. «Вясна» («Згінулі сцюжы, марозы, мяцеліцы...»). *Жалейка* — свирель, дудочка.

37. Перевод стих. «Віхор загуляў». *Залом* — заломленные на корню и связанные в пучок колосья. По народному поверью, это ворожба, накликающая несчастье на хозяина поля.

38. Перевод стих. «Першыя песні».
39. Перевод стих. «Куды ні ўцякаю...».
40. Перевод стих. «З песень нядолі» («Колькі жудкага...»).
41. Перевод стих. «Не глядзі...».

42. Перевод стих. «Паэзія». *Пуня* — сарай для хранения сена и т. п. «*Крестьянка*» — здесь имеется в виду произведение из кре-

стьянской жизни; автор иронически противопоставляет его пасторали.

43. Перевод стих. «Хлеб». Сохранившийся автограф свидетельствует, что дата, указанная при первой публикации («Полымя», 1929, № 2), ошибочна.

44. Перевод стих. «На службе».

45. Перевод стих. «3 песнь бедака».

46. Перевод стих. «Вы кажаце. . .».

47. Перевод стих. «Бываюць хвілі. . .».

48. Перевод стих. «Думкі перад вясной». *Чубис всё кричит «пить!»*. Имеется в виду народное предание о проклятой богом птице, не захотевшей участвовать в общем труде, когда все живые существа по приказу бога добывали воду.

49. Перевод стих. «Спроба актавы». *Октава* — стихотворная строфа из 8-ми строк, в которой первые шесть стихов объединены двумя перекрестными рифмами, а два последних стиха — смежной рифмой.

50. Перевод стих. «Праз вайну».

51. Перевод стих. «Доля ўдавы».

52. Перевод стих. «Шуміць шуменька гаёк».

53. Перевод стих. «Водклік з 29 кастрычніка 1905 г. у Мінску». Стихотворение является откликом на «манифест 17 октября», которым Николай II обещал народу неприкосновенность личности, освобождение политических заключенных, свободу слова, собраний — «основы гражданской свободы». После опубликования манифеста 18 октября 1905 г. в Минске на привокзальной площади состоялся многотысячный митинг рабочих. Они настоятельно потребовали от генерал-губернатора Минска Курлова освобождения политических заключенных. Митинг закончился избиением безоружных людей: подоспевшие войсковые подразделения и полиция расстреливали рабочих. Эти события описаны в стихотворении. Но содержание его не исчерпывается откликом на конкретный эпизод, поэт в начале стихотворения явно намекает на события 9 января 1905 г., а затем раскрывает истинный смысл манифеста. Вероятно, поэтому в заглавии стихотворения поставлена другая дата, хотя описаны в нем события 18 октября. Стремлением придать стихотворению обобщающий смысл объясняется, по-видимому, и приписка в автографе: «Исправил и переписал с чужого оригинала. Я. Купала».

54. Перевод стих. «Беларускай выдавецкай суполцы «Загляне сонца і ў наша аконца». «*Заглянет солнце и в наше оконце*» — бело-

русское издательское товарищество, основано в Петербурге 5 мая 1905 г. по инициативе профессора Б. И. Эпимах-Шипиллы. Существовало до 1914 г. Издавало сборники белорусских стихов, буквари, учебники, брошюры и т. п. (подробно о деятельности издательского товарищества см. в кн.: С. Х. Александровіч, Пуцявіны роднага слова, Мінск, 1971).

55. Перевод стих. «Аўтарцы „Скрыпкі беларускай“». Написано не ранее 1906 г., когда был издан сборник стихов Алоизы Степановны Пашкевич (1876—1916), выступавшей под псевдонимом «Тетка», — «Скрипка белорусская». «Дружба Тетки с Янкой Купалой началась задолго до их официального знакомства, — вспоминала жена поэта, — Купала написал стихотворение «Автору «Скрипки белорусской» и посвятил его Тетке, когда она еще находилась в эмиграции. Он посылал ей из Петербурга во Львов едва ли не все свои новые стихи». (Ул. Луцэвіч, *З успамінаў аб Янку Купалу*. — В сб.: «Янка Купала», 1955, с. 247.)

56. Перевод стих. «Касцу». Это первое стихотворение Купалы, опубликованное в газ. «Наша ніва» (1907, 11 мая). «Наша ніва» — белорусская общественно-политическая и литературная газета, издавалась в Вильне с 10 (23) ноября 1906 года; стихотворения Купалы в ней до мая 1907 года не появлялись — по цензурным условиям. Поэт вспоминал позднее: «Большая часть написанного мною утрачена. . . Я много посылал в Вильну, в «Нашу ниву», революционных стихотворений, которые из-за цензурных условий того времени печатать нельзя было. И они где-то с архивом «Нашей нивы» погибли» («Польмя», 1946, № 6, с. 125).

57. Перевод стих. «Грай, мая жалейка. . .», послужившего эпиграфом к сб. «Жалейка». Это и ряд других стихотворений, опубликованных в «Жалейке», не имеют авторской датировки. Они датируются приблизительно: «Между 1905 и 1907» — периодом, когда создавались произведения, составившие сборник.

58. Перевод стих. «Я не паэта».

59. Перевод стих. «Қаму вас, песні?». Опубликовано в сб. «Жалейка» под названием «Қаму? . . .».

60. Перевод стих. «З маіх песень».

61. Перевод стих. «Да песень».

62. Перевод стих. «Да сваіх думак».

63. Перевод стих. «Думкі» («З неспакоем думкі росм. . .»).

64. Перевод стих. «Я не сокал. . .». Опубликовано в сб. «Жалейка» дважды под разными заголовками — «З маіх думак» и «Хто я?». *Гайна* — название реки и деревни в Белоруссии.

65. Перевод стих. «Песня аб песнях».

66. Перевод стих. «Хоць ты, сэрца, лопні, тресні. . .».
67. Перевод стих. «Плачуць мае песні».
68. Перевод стих. «Гэй ты, сэрцайка. . .».
69. Перевод стих. «Адповедзь».
70. Перевод стих. «Як пайду я, пайду. . .».
71. Перевод стих. «Дзе б і праўда жыла. . .».
72. Перевод стих. «Па жыццёвай пуцявіне». Опубликовано в сб. «Жалейка» под названием «З пралётных думак».
73. Перевод стих. «З асенніх напеваў» («Не гудзі так, восень. . .»).
74. Перевод стих. «З песень нядолі» («Шумныя бярозы. . .»).
75. Перевод стих. «З песень аб сваёй старонцы».
76. Перевод стих. «Гэта крык, што жыве Беларусь». *Рига* — хояйственная постройка для сушки и обмолота снопов.
77. Перевод стих. «А хто там ідзе?» На русском языке появилось в переводе А. М. Горького в журн. «Современный мир», 1911, № 2 (в статье «О писателях-самоучках»). Горький сопроводил свой перевод примечанием: «Прошу Янку Купалу простить мне дурной перевод его красноречивой и суровой песни». «Чтобы уяснить себе глубокий смысл этой песни, которая, может быть, на время станет народным гимном белорусов», Горький в своей статье советовал читателю просмотреть «Нашу ниву» — «она много интересного скажет ему» (с. 208).
78. Перевод стих. «Можна. . .».
79. Перевод стих. «Я відзеў душы сільныя. . .».
80. Перевод стих. «Песня вольнага чалавека».
81. Перевод стих. «Воля».
82. Перевод стих. «З песень беларускага мужыка» («Я — багач, я — магнат! . .»).
83. Перевод стих. «Я мужык-беларус. . .».
84. Перевод стих. «На старую ноту». Опубликовано в сб. «Жалейка» под заглавием «На польскую ноту». С *Юрия до Спаса* — с 23 апреля (церковный праздник святого Георгия) до 16 августа.

85. Перевод стих. «Ад рана да рана...». Опубликовано в сб. «Жалейка» без заглавия и первой строки.
86. Перевод стих. «Вось тут і жыві...». Опубликовано в сб. «Жалейка» под заглавием «З песняў мужыцкіх».
87. Перевод стих. «Гоніш мяне, панічок...». *Адам* — по библейскому преданию — первый человек, созданный богом.
88. Перевод стих. «З песень беззямельнага» («Ох, як гляну, гляну я...»).
89. Перевод стих. «А ты, браце, спі!» *Излог* — впадина, ложбина.
90. Перевод стих. «Люлі-люлі, мужычок!...». *Кожан* — летучая мышь.
91. Перевод стих. «Эй, скажы, мужычок!...». Опубликовано в сб. «Жалейка» под заглавием «Да мужычка».
92. Перевод стих. «Ах, ці доўга...».
93. Перевод стих. «На добры стары лад».
94. Перевод стих. «Не рвіся к багатым».
95. Перевод стих. «Якія».
96. Перевод стих. «Дужыя і слабыя».
97. Перевод стих. «Чаго нам трэба». Опубликовано в сб. «Жалейка» с подзаголовком «Подражание». Очевидно сходство этого стихотворения с последними строфами стихотворения Тетки «А мужик поныне не переменился».
98. Перевод стих. «Засвяціла цяпло...».
99. Перевод стих. «Вясна» («Ой, вясна, ой, вясна...»).
100. Перевод стих. «З песень аб вясне» («Свяціла сонца, птушкі пелі...»).
101. Перевод стих. «Падарожны».
102. Перевод стих. «Касьба». *Петров день* — 29 июня, церковный праздник, к которому приурочивали в деревне начало косьбы.
103. Перевод стих. «Захад сонца» («За нязнаную...»).
104. Перевод стих. «Выйду...». *Лубянка* — лукошко.
105. Перевод стих. «Сяўцу».

106. Перевод стих. «Восень» («Эй, восень, восень. . .»). *Лавка* — здесь: амбар, где было взято в долг зерно.

107. Перевод стих. «Спусташэнне».

108. Перевод стих. «Зіма» («Прышла зіма халодная. . .»).

109. Перевод стих. «Мая хатка».

110. Перевод стих. «Саха». *Оратай* — пахарь.

111. Перевод стих. «Лапці».

112. Перевод стих. «Старцы».

113. Перевод стих. «Над магіламі».

114. Перевод стих. «Дзяўчынка, галубка мая!».

115. Перевод стих. «Чорныя вочы».

116. Перевод стих. «Сватаная».

117. Перевод стих. «Шавец». *Копыл* — колодка.

118. Перевод стих. «З дарогі». Опубликовано в сб. «Жалейка» под названием «Падарожны».

119. Перевод стих. «Град». *С Нероном судьба рассчиталась жестоко. . .* Имеется в виду восстание (68 г.), в результате которого был изгнан из Рима жестокий император Нерон (37—68). *Магазин* — здесь: амбар, где было взято в долг зерно.

120. Перевод стих. «Канюх». *Канюх*, каня — канюк, чибис. Написано по мотивам белорусского фольклора (см. примеч. 48).

121. Перевод стих. «Так. . . не. . .».

122. Перевод стих. «Цяжка мне, цяжка, слуге беспрытоннаму. . .».

123. Перевод стих. «Сон» («Не помню дня і той минуты. . .»).

124. Перевод стих. «Я не для вас. . .».

125. Перевод стих. «Перад Сёмухай». *Троица* — Троицын день, церковно-христианский праздник, празднуется через семь недель после пасхального воскресения. На седьмую неделю после пасхи приходится и народный праздник семик. Оба эти праздника сопровождались различными обрядами: дома украшали зеленью, на улицах расставляли березки, завивали из березок венки. *Май* — здесь: зелень, которой украшают дома (название это произошло от «мавки»,

«майки» — в славянской мифологии существа, близкие к русалкам; с представлением о русалках связаны некоторые обряды празднования семика).

126. Перевод стих. «Перад бурай». Опубликовано в журн. «Польмя», 1929, № 2 с примечанием автора: «Стихотворение это написано после роспуска царем второй Думы». Так называемый «третьеиюньский переворот» (вторая Государственная дума была разогнана 3 июня 1907 г.) ознаменовал поражение первой русской революции, победу сил реакции.

127. Перевод стих. «Не чакай. . .».

128. Перевод стих. «Устаны!».

129. Перевод стих. «Покуль сонца ўзыйдзе. . .». *Домовина* — гроб.

130. Перевод стих. «Лета» («Эх ты, лета гарачае, бурнае! . . .»).

131. Перевод стих. «Ці ж гэта многа?!».

132. Перевод стих. «Былі ў бацькі тры сыны. . .». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1907, 14 сентября (в газете ошибочно представлено «августа»). Написано по мотивам белорусской народной песни «Было ў бацькі три сыны. . .». Два ее варианта помещены в сб. П. В. Шейна «Белорусские народные песни», СПб., 1874, с. 28.

133. Перевод стих. «Вучыся. . .».

134. Перевод стих. «Прыйшла восень. . .».

135. Перевод стих. «Ворагам Беларущыны». Написано в ответ на утверждения польских и русских националистов, что белорусский — «искусственно» созданный язык. О высказываниях критиков, унижающих белорусскую культуру, о выступлениях реакционных органов печати против белорусской литературы см.: В. Ивашин, У истоков социалистического реализма, Минск, 1963, с. 45—47; Ул. Луцэвіч, Янка Купала ў Вільні. — В сб.: «Янка Купала», 1952, с. 46.

136. Перевод стих. «Легла на сэрцы гора нядольнае. . .».

137. Перевод стих. «З песень аб няволі».

138. Перевод стих. «Поле роднае».

139. Перевод стих. «Куды ты рвешся! . . .».

140. Перевод стих. «Сумна, сумна жыць на свеце. . .».

141. Перевод стих. «Дайце мне. . .».

142. Перевод стих. «Разлад».

143. Перевод стих. «Праступнік».
144. Перевод стих. «Згінула сонца. . .».
145. Перевод стих. «З маркотных думак. . .» («Ці вымкну я пушкаю з думкай пралётнаю. . .»).
146. Перевод стих. «Замаўчыце, думы. . .».
147. Перевод стих. «Не дружы. . .».
148. Перевод стих. «Даўней і цяпер».
149. Перевод стих. «На адвітанне».
150. Перевод эпіграммы «Мо' чалавскам з рук, з вачэй. . .».
151. Перевод стих. «Не дайце згінуць. . .».
152. Перевод стих. «Чаго хмурыцца? . . .».
153. Перевод стих. «Падымайся, ўставай! . . .».
154. Перевод стих. «Навагоднія жаданні».
155. Перевод стих. «Хто ты гэткі?».
156. Перевод стих. «За праўду».
157. Перевод стих. «Аратаму».
158. Перевод стих. «Песняру Альберту Паў(лові)чу». *Павлович Альберт Францевич (1875—1951) — белорусский поэт, сотрудник «Нашей нивы». За посвящение. . . кланяюсь Вам — имеются в виду стихи, посвященные Павловичем Купале — «Каліва праўды» («Зерно правды»), опубликованные в газ. «Наша ніва», 1908, 14 марта.*
159. Перевод басни «Асёл і навука».
160. Перевод стих. «Касцам».
161. Перевод стих. «Да моладасці».
162. Перевод стих. «На сенажаці».
163. Перевод стих. «Развейся, туман. . .».
164. Перевод стих. «З песень жыцця» («Час быў вясенні. На скібіны дно. . .»).
165. Перевод рассказа в стихах «Сват». По свидетельству поэта, в основу рассказа положено действительное происшествие. *Мясоед* — дни после великого поста. *Гайна* — см. примеч. 64. *Байка* — сказка.

166. Перевод стих. «Хмары і думы».

167. Перевод стих. «Дзе вы?».

168. Перевод стих. «Яшчэ прыйдзе вясна».

169. Перевод стих. «Бор».

170. Перевод стих. «Ўжо днее». Написано ко второй годовщине основания газеты «Наша ніва». *Белавеж* — Беловежская пуша — крупный лесной массив в Белоруссии.

171. Перевод стих. «Роднае слова» («Магутнае слова, ты, роднае слова! . .»).

172. Перевод стих. «Араты».

173. Перевод стих. «Думка» («Эх, мой братка, эх, мой родны. . .»).

174. Перевод стих. «З надзеяй гаротнай. . .».

175. Перевод стих. «Грымну я, грымну па струнах бунтарных. . .».

176. Перевод стих. «Перад вісельняй». Опубликовано в журн. «Польмя», 1929, № 2, с. 54, с примечанием Я. Купалы: «Оригинал этого стихотворения не сохранился, только нашелся случайно у проф. Б. И. Эпимах-Шипиллы типографский оттиск, сделанный в 1908 г. в редакции «Нашей нивы» и размноженный среди его знакомых. По этому оттиску с небольшими поправками стихотворение это и печатается». *Митра* — головной убор епископа и некоторых других представителей высшего духовенства у христиан и католиков. *Ясыр* — рабство.

177. Перевод стих. «За касой».

178. Перевод стих. «Брату». Сохранился автограф с пометкой: «Вильна 13.IX». Датируется поэтому 13 сентября 1908 или 13 сентября 1909 г. (когда Купала в этом месяце находился в Вильне — имеется в виду период до появления сб. «Шляхам жыцця», где опубликовано стихотворение).

179. Перевод стих. «Маладая Беларусь» («Гэй ты, гэі, Беларусь, маладая старонка. . .»).

180. Перевод рассказа в стихах «У шынку».

181. Перевод стих. «А як мы з хаткі выходзім. . .».

182. Перевод стих. «Зімовая ноч».

183. Перевод стих. «Зваяваным». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1909, 20 февраля, под названием «Вучыцелям людскім».

184. Перевод стих. «Не ўздыхай».

185. Перевод стих. «На прадвесні». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1909, 27 февраля, под названием «Думкі хлебароба на прадвесні».

186. Перевод стих. «Памяці Т. Шаўчэнкі» (25 лютага 1909 г.). В последнем прижизненном издании Собрания сочинений («Збор твораў», т. 1, Мінск, 1928) автор сопроводил стихотворение примечанием, объясняющим отсутствие четвертой и пятой строф: «В первом издании в этом месте выброшены из цензурных соображений две четырехстрочные строфы. Из-за отсутствия рукописи этот пробел остается и в нынешнем издании». Впервые строфы восстановлены в кн.: Я. Купала, Збор твораў, т. 2, Мінск, 1961. Для данного сборника эти строфы переведены Вс. Рождественским. «Кобзарь» — сборник стихов Т. Г. Шевченко (1814—1861), изданный в 1840 г. *Кобза* — народный музыкальный инструмент (струнный, щипковый).

187. Перевод рассказа в стихах «За чужую елку».

188. Перевод стих. «Паводка».

189. Перевод стих. «Песняру-беларусу».

190. Перевод стих. «Да дзяўчынкi» («Не цурайся, дзяўчынка-галубка, мяне!..»).

191. Перевод стих. «З песень аб вясне» («І зелень, і кветкі, і песні...»). В прижизненных изданиях ошибочно датировалось 1911 г. Авторская дата имеется в первой публикации («Наша ніва», 1911, 24 марта) — «23.IV.1909 г.». В издании «Збор твораў» (т. 2, Мінск, 1961) в примечании к стихотворению ошибочно указано: «23.V.1909 г.».

192. Перевод стих. «Песня-байка».

193. Перевод стих. «Заклятая кветка». Праздник Ивана Купалы праздновался в ночь с 23 на 24 июня. По народному поверью, в эту ночь зацветает папоротник. Чтобы добыть волшебный цветок, приносящий счастье, надо побороть охраняющие его силы зла.

194. Перевод стих. «Забытая скрипка». *Воздвижение* — религиозный праздник у православных (14 сентября ст. стиля).

195. Перевод стих. «Явар».

196. Перевод стих. «Жальцеся, грайкія струны...».

197. Перевод стих. «Маладым па вяселлі» («Не дубок пры ніўцы ў гаі...»).

198. Перевод стих. «Дзяўчынка і вянок». Фольклорный мотив о потере девушкой «венка» переосмыслен здесь поэтом — решительно отброшена трагическая трактовка случившегося.

199. Перевод басни «Ігнат і п'яўкі».

200. Перевод стих. «Даўгажданая». В примечании к стихотворению, данному в «Зборе твораў» (т. 2, Мінск, 1961), ошибочно указана авторская дата: «23.II.1909». В автографе датировано: «23.IX.1909 г.».

201. Перевод стих. «Чорны бог». Стихотворение, разоблачающее польских националистов, не признававших существования белорусской культуры, языка, нации, имеет и более широкий смысл — оно направлено против сил реакции. Образ черного бога навеян поэту народной песней «Был на Руси черный бог». *Кагал* — здесь: шумное сборище.

202. Перевод стих. «З кірмашу».

203. Перевод стих. «Прад світаннем».

204. Перевод стих. «Паліліся мае слёзы». *Верболюз* — вняк, чернолоз.

205. Перевод стих. «Графэсару Б. Эпімах-Шыпілу з новым 1910 годам». *Эпімах-Шыпілло* Бронислав Игнатьевич (1859—1934) — профессор Петербургского университета, организатор студенческих кружков белорусской молодежи и многих культурных начинаний, в частности инициатор создания белорусского издательского товарищества «Заглянет солнце и в наше оконце». У него жил Купала в годы своего пребывания в Петербурге.

206. Перевод стих. «Як я полем іду...».

207. Перевод стих. «Адцвітанне».

208. Перевод стих. «Снег». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1909, 3 декабря, с подзаголовком «По Пшибышевскому». Как свидетельствует В. Ф. Луцевич, стихотворение было написано после спектакля, на котором была она вместе с поэтом в Вильне в польском театре. Давали драму известного польского драматурга Пшибышевского «Снег». «Пьеса эта захватила Я. Купалу до глубины души. Когда мы вышли из театра, падал снег. Была удивительная тишина. Я. Купала, как обычно, проводил меня до дому, я жила на окраине города, километра три от центра. На завтра я получила от него письмо с посыльным. В письмо было вложено новое стихотворение „Снег“» (Сб. «Янка Купала», 1952, с. 50).

209. Перевод стих. «Песня званара».
210. Перевод стих. «Тут і там».
211. Перевод стих. «Я і воля мая».
212. Перевод стих. «Я не плачу над братняй магілай. . .».
213. Перевод стих. «Гусляр». Впервые опубликовано в сб. «Гусляр». Вошедшие в этот сборник стихотворения, не имеющие авторских дат, датированы приблизительно: «Между 1908 и 1910», т. е. временем, прошедшим между выходом в свет сб. «Жалейка» и сб. «Гусляр».
214. Перевод стих. «Прывітанне». *Баяць* — сказывать.
215. Перевод стих. «Гуслі-самаграі».
216. Перевод стих. «І вецер, і сокал, і я. . .».
217. Перевод стих. «Песня і сіла».
218. Перевод стих. «Адгукніся, душа! . . .». *Криница* — ключ, источник.
219. Перевод стих. «Шчасліvasць» («Мець бы мне крыллі саколія. . .»).
220. Перевод стих. «Дарагай змучаны далёкай. . .». Опубликовано в сб. «Гусляр» под названием «Сон».
221. Перевод стих. «Наша мінуўшчына».
222. Перевод стих. «З песень жыцця» («Нарадзіўся на долю нядолю. . .»). Автограф свидетельствует, что поэт не сразу подобрал заглавие (вначале было: «Из песен безземельного», «Из людской доли»).
223. Перевод стих. «Безземельныя».
224. Перевод стих. «Сядзь тут, на ўзмежку. . .». Опубликовано в сб. «Гусляр» под названием «Сядзь тут, пад крыжам. . .».
225. Перевод стих. «Ці ты ўзойдзеш калі, сонца?».
226. Перевод стих. «Як вазьму жалейку ў рукі. . .».
227. Перевод стих. «Думка» («Нудна ў думках Тамаша. . .»).
228. Перевод стих. «Да сваіх думак».
229. Перевод стих. «З думак маркотных» («Трудненька, ой, жыці. . .»).

230. Перевод стих. «Як тут весела спяваці?».
231. Перевод стих. «А хто маю долю пойме?».
232. Перевод стих. «Выйду, выйду...».
233. Перевод стих. «Сірочая доля».
234. Перевод стих. «Над калыскай» («Люлі, спі, мой сынку!...»).
235. Перевод стих. «На дудцы».
236. Перевод стих. «З песень аб мужыцкай доли» («Чый шнур вузак, убог...»). В автографе было озаглавлено: «Аб тым самым».
237. Перевод стих. «Песня-казка» («Гэй! далёка за морам за сінім...»).
238. Перевод стих. «Голуб і дзяцюк».
239. Перевод стих. «Песня» («Па зімовай па дарожцы...»).
240. Перевод стих. «Не жалейка йграе...».
241. Перевод стих. «Было гэта...».
242. Перевод стих. «Дзяўчыцы». *Скрыня* — сундук.
243. Перевод стих. «Падыдзі...».
244. Перевод стих. «Пакахай мяне, дзяўчынка...».
245. Перевод стих. «Песня» («Бяжыць шыбка ручайка...»).
246. Перевод стих. «Хатка».
247. Перевод стих. «Поле».
248. Перевод стих. «Вясна» («У вянку з пралесак...»).
249. Перевод стих. «Вясенняя раніца».
250. Перевод стих. «Лета» («Лета ты, лета, прыгожа-квяці-стае...»).
251. Перевод стих. «Пятровы час». *Петров день* — см. примеч. 102.
252. Перевод стих. «Завітаў Пятрок».
253. Перевод стих. «Ночка».

254. Перевод стих. «Стужа збліжаецца». Не исключено, что написано в 1908 г., поскольку в автографе объединено общим названием «Осенние напевы» со стихотворением «Еще будет весна...», опубликованным в 1908 г.

255. Перевод стих. «Зазімак».

256. Перевод стих. «Зімой у лесе».

257. Перевод стих. «Песня сонцу».

258. Перевод стих. «Явар і каліна».

259. Перевод стих. «Брату ў чужыне».

260. Перевод стих. «Мой дом».

261. Перевод стих. «На Купалле». *Купалье* — см. примеч. 193.

262. Перевод стих. «Над Іматрой». Я. Купала побывал на *Иматре* 20 июня 1910 г. во время своей поездки по Финляндии (*Суоми*). *Дантов ад*. Одна из частей «Божественной комедии» итальянского поэта Данте (1265—1321) описывает ужасы ада.

263. Перевод стих. «Я ад вас далёка...».

264. Перевод стих. «Мая думка». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1910, 2 сентября с посвящением: «Посвящаю Констанции Буйло». Буйло (Калечиц) К. А. (род. в 1898 г.) — белорусская поэтесса. Ее первый сборник стихов вышел в 1914 году под редакцией Я. Купалы.

265. Перевод стих. «Роднае слова» («Пад наваляй крыўдаў многія сталецці...»). Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1910, 16 декабря с посвящением: «Редакции, сотрудникам, читателям и сторонникам «Нашей Нивы». Написано по случаю четвертой годовщины существования газеты.

266. Перевод стих. «Памяці С. Палуяна». *Полуян С. Е.* (1890—1910) — белорусский поэт демократического направления. Покончил жизнь самоубийством 8 апреля 1910 г. Трагическая судьба поэта, ушедшего из жизни в двадцать лет, нашла взволнованный отклик в среде демократических белорусских литераторов. «Ты был как месяц одинокий», — писал М. Богданович в стихотворении «С. Полуяну». Полуяну посвящена и поэма Я. Купалы «Курган». По воспоминаниям В. Ф. Луцевич, Полуян «был самым близким другом Янки Купалы» (Ул. Луцэвіч, Янка Купала ў Вільні. — В сб.: «Янка Купала», 1952, с. 48). *Граць* — играть.

267. Перевод стих. «Дудар».

268. Перевод стих. «Запушчаны палац».

269. Перевод басни «Мікіта і валы».

270. Перевод стих. «Каб я меў загончык нівы. . .».

271. Перевод стих. «Лясная царэўна».

272. Перевод стих. «Беларус» («Сеў, як той крыж на рас-стаі. . .»). Не исключено, что написано в 1910 году, поскольку машинописный текст находится в тетради профессора Б. И. Эпимах-Шпиллы, составленной из произведений Я. Купалы апреля — июня 1910 г. *Бульба* — картофель.

273. Перевод стих. «Ігнату Буйніцкаму». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1911, 24 февраля — в статье Я. Купалы, где сообщалось о состоявшейся 15 февраля 1911 года в Петербурге вечеринке белорусов. Статья датирована 17 февраля 1911 г. *Буйніцкі Ігнат Терентьевич* (1861—1917) — артист и режиссер, основавший первую белорусскую театральную труппу, разъезжавшую по городам и деревням Белоруссии; в программу труппы входили также народные танцы, песни. «*Мельник*», «*Антошка*», «*Метелица*», «*Юрка*» — белорусские народные танцы. *Цимбалы* — народный музыкальный инструмент; на нем играют, ударяя по струнам специальными крюч-ками.

274. Перевод стих. «Гэй, наперад!».

275. Перевод стих. «Як у лесе зацвіталі. . .».

276. Перевод стих. «З недацветаў».

277. Перевод стих. «Вярба».

278. Перевод стих. «За чаркай». *Присутствие* — здесь: воинское присутствие, учреждение в царской России, ведавшее набором ре-крутов. *Шклов* — город в Белоруссии.

279. Перевод стих. «Песня мая».

280. Перевод стих. «Не праспі».

281. Перевод стих. «Грайце, песні!».

282. Перевод стих. «Жняя». Опубликовано в сб. «Шляхам жыц-ця» с посвящением М. Шишко (по свидетельству жены Я. Купалы, М. Шишко — родственница белорусского поэта Ядвигина Ш.).

283. Перевод стих. «З летніх малюнкаў».

284. Перевод стих. «Як у повесці».

285. Перевод стих. «Я казак — не казак. . .».

286. Перевод стих. «Дзе? . . .».

287. Перевод стих. «Блізкім і далёкім». Стихотворение направлено против польских националистов, уничижительно отзывавшихся о произведениях Я. Купалы, оно адресовано и белорусским националистами, пытавшимся исказить смысл творчества поэта. «Культура русская и культура польская слишком сильны, чтобы допустить возможность образования между ними третьей искусственной культуры — белорусской, не имеющей под собой реальной почвы ни в истории, ни в литературе, ни в жизни», — писала, например, газета «Белорусская жизнь» (1911, 8 февраля). Реакционные публицисты в газетах «Курьер Виленский», «Северо-западная жизнь», «Крестьянин» и др., систематически подвергавшие травле деятелей передовой белорусской культуры, особенно были взволнованы появлением в 1911 году в журнале «Современный мир» статьи М. Горького, где дана была высокая оценка поэзии Я. Купалы.

288. Перевод стих. «За свободу сваю. . .».

289. Перевод стих. «Каб я князем быў. . .». *Был бы пташкою не заклатай, мучиться б не стал* — см. примеч. 48.

290. Перевод стих. «Вячэрняя малітва».

291. Перевод стих. «Заручыны».

292. Перевод стих. «Дзве таполі».

293. Перевод стих. «Ты прыйдзі!».

294. Перевод стих. «Спека».

295. Перевод стих. «Рэчка».

296. Перевод стих. «Сад».

297. Перевод стих. «Сёмуха». *Семик* — см. примеч. 125.

298. Перевод стих. «Дуб» («Распусціўшы сучча. . .»).

299. Перевод стих. «Летняя раса».

300. Перевод стих. «Слугам алтарным». *Тиара* — корона папы, главы католической церкви.

301. Перевод стих. «Свяякам па гутарцы». Опубликовано в сб. «Шляхам жыцця». Стихи, вошедшие в сборник и не имеющие авторской даты, датируются приблизительно — «1911 или 1912».

302. Перевод стих. «Паляці, мая мысль. . .».

303. Перевод стих. «Рвіся, думка! . . .».

304. Перевод стих. «Малаяя Беларусь» («Вольны вецер напеў вольных песень табе. . .»).

305. Перевод стих. «Шлях мой. . .».
306. Перевод стих. «Дзе ты, шчасце маё? . . .».
307. Перевод стих. «Холадна. . .».
308. Перевод стих «Мая доля» («Што ласі заўтра, доля змян-лівая. . .»).
309. Перевод стих. «Не для нас. . .».
310. Перевод стих. «У ночным царстве».
311. Перевод стих. «Ці ж не доля мая?».
312. Перевод стих. «Суды».
313. Перевод стих. «Вёска» («За хатай хата у парадак. . .»).
314. Перевод стих. «Груша».
315. Перевод стих. «Лес».
316. Перевод стих. «На склоне лета».
317. Перевод стих. «З асенніх напеваў» («Кончыцца лета гара-чае. . .»). Последние шесть строф этого стихотворения, отсутствовавшие в переводе А. А. Прокофьева, переведены для этого издания Г. С. Семеновым.
318. Перевод стих. «Восень» («Вось і па леце. . . Няма яснай гожаці. . .»).
319. Перевод стих. «Зіма» («Было цёпла. У аконцы. . .»).
320. Перевод стих. «З зорак усходніх, заходніх, з бліскачай. . .».
321. Перевод стих. «Песня» («Зайшло ўжо сонейка, цень лёг на гонейка. . .»).
322. Перевод стих. «Мая жонка».
323. Перевод стих. «Абнімі. . .».
324. Перевод стих. «Перад ночкай».
325. Перевод стих. «Ці ты чуеш? . . .». В машинописном тексте было посвящение (затем зачеркнутое): «Людвиге С.». По свидетельству жены поэта, имеется в виду родственница Я. Купалы, учительница Людвиги Сивицкая.
326. Перевод стих. «Ястраб».

327. Перевод стих. «Жнеям».

328. Перевод стих. «Праз што плачаш, мужычок?..». Написано под влиянием песни Ф. Богушевича «Что ты бежишь, мужичок?». *Трошки* — немножко.

329. Перевод стих. «Наша песня».

330. Перевод стих. «Падсякайце тое дрэва. . .».

331. Перевод стих. «*Ў* вечным боры. . .». *Темнотворы* — темные силы (переводчик сохранил здесь образование из двух белорусских слов). *Кволая* — хрупкая. *Ночницы* — здесь: летучие мыши. *Мары* — здесь: призраки.

332. Перевод стих. «Ты, зялёная дубрава. . .».

333. Перевод стих. «Бледныя будні дні. . .».

334. Перевод стих. «Русалка».

335. Перевод стих. «Хмарка і маладзік».

336. Перевод стих. «Злажыўшы рукі. . .».

337. Перевод стих. «Па захадзе. . .».

338. Перевод стих. «Граі жа, музыка. . .». *Дукат* — золотая монета.

339. Перевод стих. «Выйдзі. . .».

340. Перевод стих. «Мая малітва» («Ва ўсяку мінуту, ва ўсякай патрэбе. . .»).

341. Перевод стих. «Пад крыжам».

342. Перевод стих. «З кутка жаданняў».

343. Перевод стих. «Я люблю».

344. Перевод стих. «Для зямлі прадзедаў маіх. . .».

345. Перевод стих. «Калі пачнуць. . .».

346. Перевод стих. «Новы год» («Са знонам пут, са свістам пугаў. . .»).

347. Перевод стих. «Лірнік вясковы». *Вл. Сырокомля* — псевдоним польского поэта-демократа Людвиг Кондратовича (1823—1862). Стихотворение написано к пятидесятилетию со дня смерти Вл. Сырокомли. Название взято в кавычки потому, что повторяет

зглавне праграмнаго стихотворення Сырокомлі «*Lirnik wioskowy*». *На холме Гедимина* — імеюцца в вiду захранавшiеся в Вiльне руiны замка Гедимина, княжывшаго в Лiтве с 1316 по 1341 год. *Маркотная* — грустная, печальная. *Будучи с нами*. Много лет Сырокомля прожил в Беларуссии.

348—350. Перевод цикла стих. «Вёска»: 1. «Горы ды каменне. . .». 2. «Вёска, о цiхая вёска мая. . .». 3. «Там, за лесам-борам. . .». Опубликовано в сб. «Шляхам жыцця» под названием «Наша вёска». Этот и следующие циклы стих. №№ 351—352, 353—359, 360—361, 362—369, 370—371 полностью были впервые объединены Купалой для сборника «Шляхам жыцця». Датируются 1912 г. — временем появления корректуры сборника.

351—352. Перевод цикла стих. «Над нiваю ў непагоду»: 1. «По-стаць нязжатая слотамi гноiцца. . .». 2. «I чаго ж, непагода слязiвая. . .».

353—359. Перевод цикла стих. «З песень беззямельнага»: 1. «Нi-ваў загоны. . .». 2. «Як спыўся я за хатай. . .». 3. «Што за шчасце, што за доля. . .». 4. «Растапiлiсь гурбы. . .». 5. «Паляцi ты лесам, полем. . .». 6. «Ой, скажы ты, беззямельнiк. . .». 7. «Дзе мой дом, дзе ты, хата мая? . .». *Селиба* — селенне.

360—361. Перевод цикла стих. «Зiма»: 1. «На марозе, на мяце-лицы. . .». 2. «Белы стрэхи, бела поле. . .».

362—369. Перевод цикла стих. «Аб мужыцкай доли»: 1. «Дайце скрыпку мне маю. . .». 2. «Кепска жыцi! Дый што зробиш? . . .». 3. «Сагнуўшы плечы ў крук. . .». 4. «За сахой, бараной. . .». 5. «Як выйду за хату. . .». 6. «Эх, дзяцюк, хама ўпук. . .». 7. «Сажань шырынёю. . .». 8. «Нашто хлеб, нашто багацце. . .». *Костерь* — сорная трава. *Камрад* — товарищ. *Бурак* — свекла.

370—371. Перевод цикла стих. «На жалейцы»: 1. «З шумам бо-раў, ясакораў. . .». 2. «Я не пушчаю спяваю. . .».

372. Перевод стих. «Снiлася дзяўчыне. . .». 9 февраля 1913 года в Петербурге кружком белорусских студентов была поставлена комедия Я. Купалы «Павлінка». Купала, находившийся в это время в Вильне, был приглашен в Петербург. «Постановка «Павлінки» принята была очень тепло не только белорусским студенчеством, но и петербургской интеллигенцией», — писала В. Ф. Луцевич в своих воспоминаниях (Сб. «Янка Купала», 1952, с. 50—51). Полине Мядельцы, исполнительнице роли Павлінки, посвящено это стихотворение.

373. Перевод стих. «Братка i сястрыца». Написано по мотивам народной песни. Два ее варианта — «Коля речки, коля речки. . .» и «Ой приехаў жоўнеронько. . .» — помещены в кн.: П. В. Шейн, *Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края*, т. 1, ч. 1, СПб, 1887, с. 233—234 и 234—235.

374. Перевод стих. «Ўсюды лста...».

375. Перевод стих. «Не шукай...». Это обращение к соотечественникам, ищущим счастья за пределами родины, вызвано было волной эмиграции бедняков-белорусов в Америку.

376. Перевод стих. «З вясной».

377. Перевод стих. «Песня» («Ах, адкуль жа гэта вестка...»). Написано по мотивам белорусской народной песни «Як поехаў сын Данила ў Русь на войну...» (см.: П. В. Шейн, Матеріалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 1, ч. 1, СПб., 1887, с. 434).

378. Перевод стих. «Будзь смелым!...».

379. Перевод стих. «Навука».

380. Перевод стих. «Летам» («Выйду, сяду каля саду...»).

381. Перевод стих. «З вячэрніх дум».

382. Перевод стих. «Тутэйшы». Это стихотворение, выражающее протест против попыток отрицать существование белорусской нации, против русификаторской политики царской администрации и стремления польских помещиков объявить белорусов поляками, продолжает традицию, начатую Ф. Богушевичем. Подобно тому как в «Крестинах Матая» Богушевича герой на постоянные вопросы — «православный» он или «поляк» отвечает: «я здешний», в стихотворении Купалы национальная тема развивается как тема «здешнего» человека, за душой которого охотятся церковь и костел. Такая ее разработка связана и с биографией поэта — зимой 1897—1898 г. священник, преподававший в народном училище местечка Беларуч закон божий, пытался обратить Янку Луцевича в православную веру (см.: В. Вольскі, Матэрыялы да біяграфіі Янкі Купалы. — В сб.: «Любімы паэт беларускага народа», Мінск, 1960, с. 41). Насколько актуальной была в этот период поставленная в стихотворении тема, свидетельствует хотя бы такое выступление реакционной виленской газеты: «Каждому придется... так или иначе окончательно решить, кто он: поляк или русский независимо от принадлежности к католичеству или православию. В возможность образования между этими двумя сильными центрами еще третьего национального центра, специально белорусского, естественно, никто не верит, не верят даже те, для которых идея этого центра является средством временной политической игры» («Белорусская жизнь», 1911, 8 февраля). *Москаль* — русский.

383. Перевод стих. «Конацца крыніца...».

384. Перевод стих. «Стапогае Ліха».

385. Перевод стих. «Песняй толькі...».

386. Перевод стих. «А ты, сраціна. . .».

387. Перевод стих. «Песня» («Каб была я перапёлкай. . .»). Написано по мотивам белорусской народной песни «А каб жа я была перапёлкай. . .» (П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 1, ч. 1, СПб., 1887, с. 233).

388. Перевод басни «Дэпутаты і грамадзяне». Это стихотворение, раскрывающее антинародный характер Четвертой Государственной Думы, — одно из сатирических произведений, которые Я. Купала публиковал в 1913 г. в «Нашей ниве» в разделе «В мутном омуте» (за подписью «К—а»). См. также № 389.

389. Перевод басни «Пчолы і трутні». *Некто в черном* — имеется в виду служитель церкви, проповедник христианской морали смирения.

390. Перевод стих. «Дзе ні кінь — дык кліні!». *Словно в пекле Марко*. Имеется в виду герой народных сказок Марк Проклятый, солдат, который, попав в ад, разогнал чертей. *То седлай коня Егорью*. Святого Георгия изображали воином на белом коне.

391. Перевод стих. «Жар не згас».

392. Перевод стих. «Цемната і слата. . .».

393. Перевод стих. «На Новы (1914) год».

394. Перевод стих. «Моладзі».

395. Перевод стих. «Страшны вір».

396. Перевод стих. «На полі тае».

397. Перевод стих. «Па шляху».

398. Перевод стих. «Б'юць на трывогу званы. . .».

399. Перевод стих. «Праявы».

400. Перевод стих. «Запела вясна сваю песню».

401. Перевод стих. «Успомні! . . .». *Станкевич* Владислава Францевна (1891—1960) — учительница, активный участник культурно-просветительных мероприятий белорусской демократической интеллигенции в Вильне. Там она познакомилась с Я. Купалой, в 1916 году стала его женой. После смерти поэта посвятила свою жизнь собиранию материалов о жизни и творчестве Я. Купалы. 19 мая 1944 г. правительство Белоруссии вынесло решение об организации Литературного музея Янки Купалы (он был открыт 17 сентября 1945 г.). До конца своих дней В. Ф. Луцевич была директором этого учреж-

дения, где ведется большая работа по собиранию и изучению наследия поэта.

402. Перевод стих. «Гэй ты, дзяўчына, кветка-лілея». *Вл. Станкевич* — см. примеч. 401.

403—404. Перевод стих. из цикла «Песні вайны»: 1. «Разлука». 2. «Засталіся нівы, сёлы». Цикл «Песни войны», состоящий из шести стихотворений (здесь даются четвертое и пятое), опубликованных в «Нашей ниве» на протяжении октября — декабря 1914 года, ясно свидетельствует о том, что с первых же месяцев войны поэт воспринимал ее как трагедию народа, вынужденного бороться за чужие и чуждые ему интересы.

405. Перевод стих. «1914-ты».

406. Перевод стих. «Крыўда».

407. Перевод стих. «Маё царпенне».

408. Перевод стих. «Быў гэта сон. . .».

409. Перевод стих. «Не судзіла доля».

410. Перевод стих. «Таварыш мой».

411. Перевод стих. «На суд». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1915, 2 апреля с подзаголовком: «Посвящаю лжеязычникам».

412. Перевод стих. «Сыйду. . .».

413. Перевод стих. «Вечар».

414. Перевод стих. «На вуліцы».

415. Перевод стих. «Нашто?» («Нашто губляць парывы чыстыя. . .»).

416. Перевод стих. «Ідзе вясна».

417. Перевод стих. «Вясна 1915-я».

418. Перевод стих. «А япа. . .». *Чибис в мольбе сиротливой* — см. примеч. 48.

419. Перевод стих. «Ночцы».

420. Перевод стих. «Чаму?». *Феникс* — в греческой мифологии — символ возрождения, чудесная птица, способная возродиться из пепла.

421. Перевод стих. «Бацькаўшчына». Опубликовано в газ. «Наша ніва», 1915, 24 апреля вместе с № 420 под общим заголовком «Сонеты».

422. Перевод стих. «Мусіць трэба было». *Вл. Станкевич* — см. примеч. 401. Принято датировать годом опубликования (в газ. «Наша ніва», 1915, 19 июня), но не исключено, что написано летом 1913 года. Жена поэта вспоминала: «Часть лета 1913 года Я. Купала проводил у своей матери на хуторе Акопы. Недалеко... жил мой брат, у которого я летом отдыхала... Я. Купала был частым гостем у нас, иногда оставался у нас на несколько дней. Часто он просил меня спеть какую-нибудь белорусскую народную песню. Особенно любил он «Ці ў полі, ці ў полі не бярозка расла». Я. Купале нравились эти слова, и он написал стихотворение «Ці на тебе, ці на тебе не мільён зорак свеціць...» (Ул. Луцэвіч, Янка Купала ў Вільні. — В сб.: «Янка Купала», 1952, с. 51).

423. Перевод стих. «Плача восень».

424. Перевод стих. «Мая вера». Это и следующие стихотворения (по № 433 включительно) не поддаются точной датировке, однако их содержание указывает, что они написаны до революции.

425. Перевод стих. «З дня ў дзень...».

426. Перевод стих. «Як цені».

427. Перевод стих. «Дзве долі».

428. Перевод стих. «Бяспутнасць».

429. Перевод стих. «ДрэMLE Юрка».

430. Перевод стих. «Не ўсе дома».

431. Перевод стих. «З песень мужычых».

432. Перевод стих. «Можам часта мы плакаць...».

433. Перевод стих. «Няма грошы». *Надел* — земельный надел, выданный на душу населения за выкуп на кабальных условиях после реформы 1861 г. «*Чин*» — имеется в виду урядник, осуществлявший в селе полицейскую власть.

1918—1919

434. Перевод стих. «Для бацькаўшчыны». Стихотворения 1918—1920 годов (№№ 434—452) написаны в годы гражданской войны, когда Белоруссия была оккупирована немецкими войсками, а позднее — белополяками. Это следует иметь в виду для уяснения смысла пламенных призывов поэта к освобождению Родины от «чужаков». *Добродейка* — здесь: благотельная.

435. Перевод стих. «Песня» («Як крыніца, льецца, рвецца...»).

436. Перевод стих. «На сход!».

437. Перевод стих. «Час!».

438. Перевод стих. «У вырай» («Зашумела нудна восень...»).

439. Перевод стих. «Млечны Шлях».

440. Перевод стих. «Удосвітак».

441. Перевод стих. «Буралом».

442. Перевод стих. «Спадчына».

443. Перевод стих. «Паязджане». *Поезжане* — лица, участвующие в свадебном поезде. *Злобедуха* — переводчик сохранил выразительное словообразование оригинала: «злыбедуха» — от «злыбеда» (лихо). *Завируха* — метель.

444. Перевод стих. «Світае» («Эй, годзе ўжо спаць! Уставайце!..»). Написано в начале 1919 года — после освобождения Белоруссии от немецкой оккупации (до прихода белополяков).

445. Перевод стих. «Лясное возера».

446. Перевод стих. «Беларускія сыны». В этом стихотворении наиболее сильно выразились патриотические чувства поэта, возмущенного оккупацией Белоруссии белополяками.

447. Перевод стих. «Над калыскай» («Калыхала маці сына...»).

448. Перевод стих. «На нашым...». *Чужак* — оккупант-белополюк.

449. Перевод стих. «Мая навука».

450. Перевод стих. «Дзе ты, хмелю, зімаваў?..».

451. Перевод стих. «Пяць сенатараў». Содержание этого сатирического стихотворения, разоблачающего деятелей белорусского националистического движения как прислужников оккупантов, раскрыл автор в своем примечании к первой публикации: «Стихотворение написано в период существования «Белорусской Рады», когда там произошел раскол и в результате образовалась так называемая «Наивысшая Рада» (правое крыло). Пятёрка, вошедшая в состав Наивысшей Рады, называла себя «сенаторами», так же называли их в ироническом смысле и другие» («Польмя революции», 1933, № 2-3, с. 52.) *Кривицкие поля*. На земле Белоруссии жило некогда восточнославянское племя кривичей. «Марки», «костюшки». Речь идет о деньгах, имевших хождение в Белоруссии в период немецкой

и белопольской оккупации. *Белый орел* изображался на гербе буржуазной Польши.

452. Перевод стих. «У вырай!» («Гэй, вольныя птахі, саколія, дзеці. . .»).

453. Перевод стих. «Бай».

454. Перевод стих. «Сын і маці» («Мамка, мамка, нам сягоня. . .»). *Белавежь, Налибоки* — названия огромных лесных массивов в Белоруссии.

455. Перевод стих. «На смерць Сцяпана Булата». *Булат Степан Герасимович* (1894—1921) — коммунист, один из организаторов партизанского движения в годы оккупации Белоруссии белополяками. *Клуна* — рига.

456. Перевод стих. «А зязюлька кукавала. . .».

457. Перевод стих. «Песня і казка». Опубликовано в журн. «Зоркі» («Звезда»), 1921, № 1 с посвящением «Нале С.». Это, по свидетельству жены поэта, — дочь минского врача Середы.

458. Перевод стих. «Мароз».

459. Перевод стих. «3 Новым годам!».

460. Перевод стих. «Кароль». В первой публикации (журн. «Зоркі», 1932, № 4) ошибочно указана авторская дата: 15.V.1921 г. Беловой автограф и прижизненные издания датированы 1922 г.

461. Перевод стих. «Ад мінскіх дзяцей». *IV Всебелорусский съезд Советов* состоялся 14—18 декабря 1922 года в Минске. На нем была принята декларация о необходимости образования СССР.

462. Перевод стих. «Крым». В Крыму в санатории «Гаспра» Я. Купала лечился в октябре-ноябре 1923 г.

463. Перевод стих. «Цішку Гартнаму». *Тишка Гартный* — псевдоним Д. Ф. Жилуновича (1887—1937), белорусского поэта, прозаика, драматурга, критика.

464. Перевод стих. «Арлянтам». Написано в связи с образованием массового литературного объединения «Маладняк». Этот конкретный повод дал поэту возможность создать произведение большого публицистического звучания. А. В. Луначарский назвал стихотворение одним из гимнов поэта, «в котором целиком отражается его нынешняя революционная радость» («Известия», 1930, 15 мая).

465. Перевод стих. «Дзве сястры».

466. Перевод стих. «. . . О так! Я — пралетар! . . .». Вульгарно-социологическая критика двадцатых годов недоброжелательно отнеслась

к этому стихотворению, объявила его «карикатурой на пролетарский интернационализм». Опровергая такую оценку, В. Ивашин раскрывает исторический и литературный контекст, в котором прозвучало стихотворение, показывает, что выражение «беды», которым поэт охарактеризовал свои «сны о Беларуси», имело в этих конкретных обстоятельствах иронический смысл (В. Ивашин, У истоков социалистического реализма, Минск, 1963, с. 263).

467. Перевод стих. «Шляхам гадоў». Написано в дни, когда отмечалось двадцатилетие литературной деятельности Я. Купалы. Публикация в газ. «Савецкая Беларусь», 1925, 28 мая сопровождалась посвящением: «Всем, кто добрым словом вспомнил меня в день юбилея». В связи с юбилеем белорусское правительство присвоило Купале звание народного поэта БССР. *А те за рубяжом томяцца* — речь идет о жителях Западной Белоруссии, оказавшихся под властью панской Польши.

468. Перевод стих. «Па Даўгіна ўскім гасцінцы». Опубликовано в газ. «Савецкая Беларусь», 1926, 1 июля под заглавием «В дороге». *Акопы* — название хутора, на котором жила мать поэта Б. И. Луцевич. *Не вступіш даўнаго саседа, А хто-то — і сваіх родных* — имеются в виду жители Западной Белоруссии, отторгнутой от родины границами панской Польши. *Пшэпустка* (польск.) — пропуск.

469. Перевод стих. «І прыйдзе».

470. Перевод стих. «За ўсё. . .».

471. Перевод стих. «Улетку».

472. Перевод стих. «Будзь гатоў!».

473. Перевод стих. «Дзе стаяў двор панскі. . .».

474. Перевод стих. «Сей, вольны сейбіт!». Написано к пятилетнему юбилею крестьянской газеты «*Беларуская вёска*» — органа ЦК КП(б)Б и Минского комитета КП(б)Б.

475. Перевод стих. «Летапіснае». *Орел белый* — см. примеч. 451. *Рижский мир* был подписан в Риге 18 марта 1921 г. Установленная этим договором граница с панской Польшей отрезала Западную Белоруссию и Западную Украину от исконных белорусских и украинских земель.

476. Перевод стих. «Дыктатура працы». *Праца* — труд.

477. Перевод стих. «Сыходзіш, вёска, з яснай явы. . .».

478. Перевод стих. «Працай дружнай, калектыўнай».

479. Перевод стих. «Новая восень».

480. Перевод стих. «А ў Вісла плавае тапелец...». Стихотворение, гневно осуждающее террор против политических борцов в польской Польше, было прочитано автором на вечере (16 сентября 1931 г.) в честь политических заключенных, освобождения которых из польских тюрем добилось Советское правительство. *Кресы* (польск.) — окраины. *Жолнер* (польск.) — солдат. *Бельведер* — дворец в Варшаве, резиденция правительства. «*Нех жые польска дефензива!*» (польск.) — «Да здравствует польская дефензива!» (политическая полиция).

481. Перевод стих. «Маладым паэтам».

482. Перевод стих. «Песня будаўніцтву».

483. Перевод стих. «Заўсёды — наперад!».

484. Перевод стих. «Дзе крыўда адвечная спела».

485. Перевод стих. «Настане такая часіна». *Палаццо* — дворец.

486. Перевод стих. «Пад чырвонай зоркаю».

487. Перевод стих. «Вялікаму Кастрычніку».

488. Перевод стих. «Якубу Коласу» («Як калісь спявалі...»). Написано к 50-летию со дня рождения народного поэта Белоруссии Якуба Коласа (1882—1956).

489. Перевод стих. «Лявоніха». *Левониха* — название народной песни и танца.

490. Перевод стих. «Юрачка».

491. Перевод стих. «Май».

492. Перевод стих. «То не шум баравы...». Написано в день, когда Москва торжественно встречала героев-челюскинцев и участвовавших в их спасении летчиков полярной авиации.

493. Перевод стих. «Я — калгасніца...».

494. Перевод стих. «Звездзе». Написано к юбилею газеты «Звезда» — органа ЦК и Минского комитета КП(б) Белоруссии — выходу в свет ее пятидесятичного номера.

495. Перевод стих. «Выпраўляла маці сына».

496. Перевод стих. «Для тых, якіх люблю».

497. Перевод стих. «Нашай Канстытуцыі».

498. Перевод стих. «На нашым полі».

499. Перевод стих. «Хвалююцца морскія хвалі».

500. Перевод стих. «Абвілася краіна. . .».

501. Перевод стих. «Украіна». Опубликовано в газ. «Звезда», 1935, 20 января с примечанием Купалы: «Это стихотворение написано по просьбе ЦО КП(б)У «Коммунист» для номера, посвященного открытию Всесоюзного съезда Советов». *Скоропадские, петлюры, Махно и Деникин*. Скоропадский — гетман Украины в 1918 г., когда она была оккупирована немецкими войсками. Петлюра, Махно — главы анархистских банд, чинивших кровавые злодеяния на Украине в годы гражданской войны. Деникин — генерал царской армии, один из руководителей контрреволюции в годы гражданской войны.

502. Перевод стих. «Сонцу». Им открывается цикл стихов, написанных Я. Купалой летом 1935 года. Они печатались с пометкой автора: «Левки, Оршанщина, VI. 1935». Левки были излюбленным местом отдыха поэта. Его привлекал не только пейзаж — удивительный вид на Днепр, но и люди, с которыми он сдружился, колхозники Оршанщины. Народный поэт Белоруссии П. Бровка вспоминает о своей поездке в Левки с Купалой летом 1935 года: «Янка Купала настойчиво интересовался окружающей жизнью. Он ходил в колхоз, наблюдал, как работают полевые бригады, подолгу рассуждал с колхозниками в поле, заходил в колхозные хлева и конюшни, интересовался животноводством, посадками леса, долго рассуждал с председателем о севообороте, выступал в школе. . .» (Сб. «Янка Купала», 1955, с. 23).

503. Перевод стих. «Здаецца ж, было гэта ўчора. . .».

504. Перевод стих. «Старыя акопы». Написано к 15-летию со дня освобождения Белоруссии от белопольской оккупации. По свидетельствам жены поэта и П. Бровки, стихотворение было навеяно видом старых окопов, сохранившихся на высоком берегу Днепра со времен первой мировой войны. *Сапегі, радзівиллы* — богатые польско-литовские землевладельцы, которым принадлежали в Белоруссии большие поместья.

505. Перевод стих. «Мае мне сонца — правадыр. . .».

506. Перевод стих. «Сосны».

507. Перевод стих. «Госці». Жена поэта вспоминала, что стихотворение было написано под впечатлением встречи с колхозниками колхоза «X съезд Советов», пришедшими после сбора урожая в гости на дачу Я. Купалы (Ул. Луцэвіч, 3 успамінаў аб Янку Купалу. — В сб.: «Янка Купала», 1955, с. 250).

508. Перевод стих. «Алесья».

509. Перевод стих. «Вечарынка».

510. Перевод стих. «Як я молада была. . .».

511. Перевод стих. «Лён». «Широкое, цветущее поле колхозного льна, голубое, безграничное, которое пололи колхозные девчата, послужило темой для стихотворения „Лён“, — вспоминала жена поэта (Сб. «Янка Купала», 1955, с. 251).

512. Перевод стих. «Партызаны».

513. Перевод стих. «Дарогі» («Дарогі вы шасэйныя...»).

514. Перевод стих. «Іспанія будзе свабоднай». *Каталонцы* — жители северо-восточной области Испании Каталонии и Балеарских островов.

515. Перевод стих. «Мы людзі свабодныя».

516. Перевод стих. «Генацвале». По свидетельству грузинского поэта А. Шанидзе, стихотворение посвящено врачу санатория — Э. М. Мецэхели. В Цхалтубо Я. Купала лечился в январе 1938 г. *Генацвале* (грузинск.) — дорогая, хорошая. «*Сулико*» — название грузинской песни.

517. Перевод стих. «Памяці Максіма Горкага». *Но взглядом орлиным меня ты заметил* — см. примеч. 77.

518. Перевод стих. «Аднаасобніку».

519. Перевод стих. «Наша моладзь». Написано к 20-летию ВЛКСМ.

520. Перевод стих. «А мы сабе сеем і сеем...». Написано к XXI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

521. Перевод стих. «Памяці Эдуарда Самуйлёнка». Написано в день смерти белорусского поэта *Эдуарда* Людвиговича *Самуйленка* (1907—1939).

522—529. Перевод стих. из цикла «На заходнебеларускія матывы». Написано в связи с освобождением Западной Белоруссии и воссоединением ее с БССР.

1. Перевод стих. «Ой, павей, вецер!...».

2. Перевод стих. «Ты мне песню спей, дзяўчына...».

3. Перевод стих. «Накарміліся панскаю ласкай...». *Беловежская пуца, лес Августовский* — названия лесных массивов в Западной Белоруссии.

4. Перевод стих. «Расшумеўся лес зялёны». *Ворошилову — поклон!* Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969) с 1934 по 1940 г. занимал пост наркома обороны СССР. *Вилия* — правый приток Немана, проходит по территории БССР и Литовской ССР. *Пасюк* — крыса.

5. Перевод стих. «З новай думкай».

6. Перевод стих. «Ты з заходняй, я з усходняй». *Верещага* — яничка с салом.

7. Перевод стих. «Слава табе, Армия!...».

8. Перевод стих. «Настаў чарод...».

530. Перевод стих. «Паклон мой народу за песні».

531. Перевод стих. «З Першым маем!».

532. Перевод стих. «Беларускім партызанам». Опубликовано (на русском) в газ. «Красная звезда», 1941, 28 сентября и (в оригинале) в газ. «Савецкая Беларусь» (М.), 1942, 2 июля. Стихотворение было отпечатано в 1942 г. в Казани в виде листовки и переправлено в оккупированные фашистами районы Белоруссии.

533. Перевод стих. «Грабежнік».

534. Перевод стих. «Зноў будзем шчасце мець і волю».

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

535. Перевод поэмы «Адвечная песня». Опубликованная отдельным изданием (Петербург, 1910), поэма сразу привлекла внимание А. М. Горького: в 1910 году он в письме А. С. Черемнову, выражая свое восхищение стихами Якуба Коласа и Янки Купалы, писал: «У Купала есть небольшая поэмка «Адвечная песня» — вот бы перевести ее на великорусский язык!» (М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, М., 1955, с. 144). *Кирмаш* — ярмарка. *Петров день* — см. примеч. 102. *Казенка* — казенная винная лавка (продажа спиртных напитков составляла монополию казны). *Журицься* — грустить.

536. Перевод поэмы «На папасе». Написана между 1908 и 1912 гг.: песня, которую поэт Незвестный, напечатана (под названием «Лявон») в газ. «Наша ніва», 1908, 15 августа, а в 1912 г. уже появилась корректура сборника «Шляхам жыцця», где впервые опубликована поэма. В основу рассказа Незвестного о себе положены факты биографии автора. *Кресало* — кремень для высекания огня. *Серники* — спички.

ПОЭМЫ

537. Перевод поэмы «Нікому». Народное предание, которое положено в основу поэмы, Я. Купала узнал зимой 1906 года, когда работал на винокуренном заводе пана Любанского. Крестьянин О. Л. Парфен, рассказавший поэту эту грустную повесть времен крепостного права, вспоминал: «Лицо Купалы, когда я рассказывал, стало суровым, руки его сжались в кулаки: он был очень взволнован» (Сб. «Янка Купала», 1955, с. 293). *На Петра* — см. примеч. 102. *Гайдуки* — слуги, лакеи-крепостные.

538. Перевод поэмы «Курган». Опубликована в газ. «Наша ніва», 1912, 21 июня с посвящением «Памяти С. Полуяна» (о нем см. примеч. 266). О фольклорной основе поэм «Курган». «Бондаровна», «Могила льва» см. в работах: Н. Пятровіч, Янка Купала. Паэмы, драматычныя творы, Мінск, 1957; І. Сцяпунін, Легенда і паэма:

І. Гутараў, Аб народнасці эстэтыкі і паэтыкі Я. Купалы. — В сб.: «Любімы паэт беларускага народа», Мінск, 1960; А. Ахрыменка, Беларуская літаратура і фальклор, Мінск, 1962; Е. Ленсу, Фольклорныя традыцыі в дооктябрьском творчестве Я. Купалы, Мінск, 1965; И. Шотт, Фольклор в творчестве Янки Купалы, М., 1968. Е. Ленсу высказала интересное соображение о том, что Гусяр в поэме Купалы — литературная обработка не только фольклорного, но и белорусского этнографического типа — старца, странника-музыканта, ходившего по деревням. Однако содержание поэмы связано не только с фольклором, но и с событиями современности. В письме, посланном 19 октября 1910 г. в редакцию «Нашей нивы» вместе с поэмой, Я. Купала выражал беспокойство — как она пройдет через цензуру: «Если б боялись ее пропустить по причине неблагонадежности, то 32-ю строфу, где говорится о виселице, выбросьте совсем и замените точками» (автограф хранится в Литературном музее Янки Купалы). *Филипповки* — рождественский пост у православных. *Чубис «пить» не кричит* — см. примеч. 48. *Лунь* — хищная птица с белесовато-пепельным оперением.

539. Перевод поэмы «Бандароўна». Написана по мотивам народных песен, бытующих на Украине и в Белоруссии. По песням известно несколько вариантов истории Бондаровны. Анализ текста показывает, что все фольклорные материалы были внимательно изучены Я. Купалой (см.: И. Шотт, Фольклор в творчестве Янки Купалы, М., 1968, с. 43—47). *Потоцкий Н.* (1712—1782) — крупный польский землевладелец, староста каневский, жестоко расправлявшийся в своих владениях с украинскими и белорусскими крестьянами. *Берестечко* — город на Украине. *Бондаренко Иван* — один из предводителей восстания гайдамаков в 1768 г.

540. Перевод поэмы «Магіла льва». Написана по мотивам народного предания, которое рассказывает об основании города Могилева.

541. Перевод поэмы «Яна і я». Опубликовано в газ. «Беларусь», 1920, 9 и 10 апреля, с подзаголовком «В тенетах жизни». В черновом автографе были подзаголовки: «Песня», «Песня земли и жизни». *Кросна* — ткацкий станок; *ставы, набелицы, пюножи, навой, берда, цевки, уток* — части ткацкого станка. *Радуница* — праздник на последнепасхальной неделе, когда, по религиозному обычаю, православные поминуют на кладбище умерших родственников. *Плаха, сошники, палица, рогач* — части сохи. *Сажалка* — пруд, запруда. *Кладка* — мостки. *Вбѣна* — шерсть.

542. Перевод поэмы «Безназоўнае». Шестой и седьмой разделы появились впервые в газ. «Савецкая Беларусь», 1924, 12 марта с посвящением Шестому Всебелорусскому съезду Советов, на котором было принято решение об укрупнении БССР. Восьмой раздел появился впервые в газ. «Савецкая Беларусь», 1924, 5 января с посвящением газете, которое и сохранилось в основном тексте. *Еще там сытый гонор властвует*. Речь идет о Западной Белоруссии, находившейся тогда под властью панской Польши.

543. Перевод поэмы «Над ракою Арэсай». В основу сюжета поэмы легли подлинные факты, связанные со строительством коммуны Белорусского военного округа. В первом издании поэмы, появившемся в 1933 г., автор к строке «Их семеро весной пришло...» сделал примечание, в котором перечислил фамилии первых коммунаров. Об одном из героев поэмы в этом примечании сказано: «Модин — неизменный старшина коммуны от ее основания и по сей день». Пояснялось в примечании и то, что коммуна организована и пополняется демобилизованными красноармейцами Белорусского военного округа. Воспоминания Э. Модина рисуют интересные подробности поездки Я. Купалы в мае 1933 г. в коммуну БВО: «Во времени посещения колхоза народным поэтом Белоруссии Янкой Купалой, совпавшим с четвертой годовщиной существования колхоза, селение представляло собой настоящий городок. Много жилых домов, в том числе двухэтажных, чудесный клуб, десятилетняя школа, радиоузел, производственные постройки, механические мастерские, лесопильный завод, маслосырзавод, кирпичный завод — все это было электрифицировано. Колхоз был оснащен тракторами, автомашинками и своей узкоколейкой... Приезд Янки Купалы совпал с периодом весеннего сева... Купала ходил по огромному колхозу, беседовал с людьми, вникал во все детали нашей работы и жизни... Часто с учителями нашей школы он посещал окрестные деревни, колхозы и совхозы. Вскоре комната, которую он занимал, стала местом паломничества. К нему шли старые и дети, парни и девчата, пожилые мужчины и школьники. Фактический материал для своей поэмы черпал поэт не из «официальных» источников, а непосредственно из самой действительности» (Э. Модзін, Мае ўспаміны. — В сб.: «Янка Купала», 1955, с. 294—295). *Фрунзенцы, чонгарцы* — бойцы дивизий, прославившихся в боях гражданской войны. *Пинские болота* были в ту пору за кордоном, в Западной Белоруссии. *«Загалье»* — название соседней с совхозом им. 10-летия БССР деревни.

544. Перевод поэмы «Барысаў». Написана в результате поездки в Борисов в июле 1934 года. Город с богатым историческим прошлым дал поэту материал для широких обобщений. *Река Береза* — Березина. *Бонапарта Здесь следы остались*. В ноябре 1812 г. при переправе через Березину были разгромлены остатки армии Наполеона. *Вильгельм II* (1859—1941) — германский император и прусский король (1888—1918); здесь упоминается в связи с оккупацией Белоруссии в 1918 г. немецкими войсками. *Генерал Шептицкий* — генерал белопольской армии в годы оккупации Белоруссии.

545. Перевод поэмы «Тарасова доля». К образу Шевченко Купала неоднократно обращался в своем творчестве. Поэма написана в связи с 125-летием со дня рождения великого украинского поэта. *Колыска* — колыбель, зыбка. *Энгельгардты*. Т. Г. Шевченко родился в семье крепостного крестьянина, принадлежавшего помещику Энгельгардту.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Фото 1936 г.
2. *Между с. 400 и 401*. Фото 1912 г.
3. *Между с. 432 и 433*. Я. Купала и А. Новиков-Прибой в Цхалтубо.
Фото 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Янка Купала. <i>Вступительная статья Р. И. Файнберг</i>	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1904—1917

1. Моя доля («Ну и доля, моя доля...»). <i>Перевод Н. Брауна</i>	57
2. Мужик. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	58
3. Чего б я хотел. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	59
4. В зеленом садочке. <i>Перевод В. Шефнера</i>	60
*5. Думы печальные... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	61
6. Ну как тут не смеяться?.. <i>Перевод Б. Тимофеева</i>	62
7. Тоска. <i>Перевод Г. Семенова</i>	65
8. Коршун. <i>Перевод В. Шефнера</i>	66
9. Покойник. <i>Перевод И. Авраменко</i>	67
*10. Из песен о битвах. <i>Перевод Г. Семенова</i>	69
11. Не кляните меня. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	70
12. Расшумелся лес туманный. <i>Перевод М. Исаковского</i>	73
13. Над колыбелью («Спи, мой маленький сыночек...») (<i>Подражание</i>). <i>Перевод В. Шефнера</i>	74
14. Моя молитва («Я буду молиться и сердцем, и думами...»). <i>Перевод И. Садофьева</i>	77
15. Ой, зачем на хаты бедные?.. <i>Перевод Н. Брауна</i>	78
16. Где б ни встретился с недолей... <i>Перевод И. Авраменко</i>	78
17. Оляха. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	80

Звездочкой обозначены новые переводы, публикуемые впервые в настоящем издании.

18. Я видел. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	81
19. Липа. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	81
20. Счастье («Мы часто летим за мечтой безрассудной...»). <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	82
21. Песня жней. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	82
22. Пробуждение. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	84
23. Не тужи. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	85
24. «Зачем впустию на судьбу роптать...». <i>Перевод И. Садофьева</i>	86
25. За что? <i>Перевод А. Прокофьева</i>	87
26. Пойдем... <i>Перевод Е. Полонской</i>	88
*27. «Где же ты спряталось, ясное солнце...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	88
*28. «Нашей доле». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	89
29. Что ты спишь? <i>Перевод Б. Кежуна</i>	90
30. Там. <i>Перевод М. Исаковского</i>	93
31. Родные песни. <i>Перевод В. Шефнера</i>	94
32. Дуб («Колыхаемый ветром...»). <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	95
33. Все вместе. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	96
34. Из сиротской доли. <i>Перевод Л. Друскина</i>	98
35. Знайте, братья, день настанет... <i>Перевод Б. Кежуна</i>	99
36. Весна («Сгинули стужи, морозы с метелями...»). <i>Перевод А. Прокофьева</i>	99
37. Вихрь загулял. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	100
38. Первые песни. <i>Перевод П. Кустова</i>	101
*39. Бегу неустанно... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	102
40. Из песен недолги («Сколько жуткого...»). <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	102
41. Не гляди... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	103
*42. Поэзия. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	104
43. Хлеб. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	106
44. На службе. <i>Перевод И. Садофьева</i>	106
*45. Из песен бедняка. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	107
46. Твердите вы... <i>Перевод А. Андреева</i>	108
*47. Бывают минуты... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	109
48. Думки перед весной. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	109
49. Проба октавы. <i>Перевод С. Спасского</i>	110
50. Из-за войны. <i>Перевод Л. Друскина</i>	112
51. Доля вдовы. <i>Перевод Л. Друскина</i>	113
52. Шумит весело лесок. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	114
53. Отклик на 29 октября 1905 года в Минске. <i>Перевод А. Андреева</i>	115
*54. Белорусскому издательскому товариществу «Засияет солнце и в наше оконце». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	116
55. Автору «Скрипки белорусской». <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	117
56. Косарю. <i>Перевод Н. Брауна</i>	119
*57. «Пой, моя жалейка...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	120
58. Я не поэт. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	120
*59. Кому вас, песни? . . . <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	121
60. Из моих песен. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	123
61. К песням. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	123

62. К своим думкам. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	124
63. Думки. <i>Перевод В. Шефнера</i>	127
64. Я не сокол. . . <i>Перевод В. Шефнера</i>	128
*65. Песня о песнях. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	129
*66. «Хоть ты, сердце, лопни, тресни. . .». <i>Перевод Г. Семенова</i>	130
67. Плачут мои песни. <i>Перевод Н. Брауна</i>	131
68. Сердце бедное. . . <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	133
69. Отповедь. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	134
70. Как пойду я, пойду. . . <i>Перевод А. Прокофьева</i>	135
71. Где б и правда жила. . . <i>Перевод А. Прокофьева</i>	136
72. На жизненном пути. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	136
73. Из осенних напевов («Не гуди так, осень. . .»). <i>Перевод А. Прокофьева</i>	137
74. Из песен недоли («Шумные березы. . .»). <i>Перевод А. Прокофьева</i>	138
75. Из песен о своей сторонке. <i>Перевод А. Андреева</i>	139
76. Это крик, что живет Беларусь. <i>Перевод В. Шефнера</i>	141
77. А кто там идет? <i>Перевод М. Горького</i>	143
78. Можно. . . <i>Перевод Г. Семенова</i>	144
79. «Я видел души сильные. . .». <i>Перевод И. Садофьева</i>	144
80. Песня вольного человека. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	145
81. Воля. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	146
82. Из песен белорусского мужика. <i>Перевод Н. Брауна</i>	147
83. Я мужик-белорус. . . <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	148
84. На старый мотив. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	149
85. Пойте, люди, песню. . . <i>Перевод Г. Семенова</i>	151
86. Вот тут и живи. . . <i>Перевод А. Прокофьева</i>	152
87. Гонишь нынче, паньчок. . . <i>Перевод В. Шефнера</i>	153
88. Из песен безземельного («Ох, как гляну, гляну я. . .»). <i>Перевод А. Андреева</i>	154
*89. А ты, братец, спи! <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	155
90. Люли-люли, мужичок! <i>Перевод Л. Хаустова</i>	156
91. Эй, скажи, мужичок! . . <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	157
92. Еще долго ль. . . <i>Перевод А. Прокофьева</i>	158
93. На добрый старый лад. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	159
94. Не тянись к богатым. <i>Перевод Б. Иринина</i>	160
95. Вот какие. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	160
96. Сильные и слабые. <i>Перевод Н. Брауна</i>	161
97. Что нам надо. <i>Перевод А. Андреева</i>	162
98. Озарило тепло. . . <i>Перевод А. Прокофьева</i>	163
99. Весна («Ой, весна, ой, весна. . .»). <i>Перевод А. Прокофьева</i>	163
100. Из песен о весне («Светило солнце, птицы пели. . .»). <i>Перевод И. Авраменко</i>	164
101. Странник. <i>Перевод Б. Иринина</i>	165
102. Косьба. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	167
103. Заход солнца. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	168
104. Выйду. . . <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	169
105. Сеятелю. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	170
106. Осень («Эй ты, откуда. . .»). <i>Перевод Н. Брауна</i>	171
107. Опустошение. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	174
108. Зима («Пришла зима постылая. . .»). <i>Перевод В. Шефнера</i>	175
109. Моя хатка. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	176

110.	Соха. Перевод Б. Кежуна	177
111.	Лапти. Перевод Вс. Рождественского	179
112.	Нищие. Перевод Б. Кежуна	180
113.	Над могилами. Перевод М. Комиссаровой	182
114.	Девчинка, голубка моя! Перевод Вс. Рождественского	183
* 115.	Черные очи. Перевод М. Комиссаровой	184
116.	Просватанная. Перевод Л. Хаустова	184
117.	Сапожник. Перевод Л. Хаустова	187
118.	С дороги. Перевод Б. Кежуна	188
119.	Град. Перевод А. Чивилихина	189
* 120.	Канюк (Предание). Перевод Г. Семенова	193
* 121.	Так... Нет... Перевод Г. Семенова	195
122.	«Тяжко мне, тяжко, слуге бесприютному...». Перевод Л. Друскина	196
123.	Сон. Перевод М. Комиссаровой	196
124.	Я не для вас... Перевод М. Комиссаровой	198
125.	Перед Троицей. Перевод А. Прокофьева	199
126.	Перед бурей. Перевод А. Прокофьева	200
* 127.	Не верь... Перевод Г. Семенова	200
* 128.	Встань! Перевод Вс. Рождественского	201
129.	Пока солнце выйдет... Перевод А. Прокофьева	202
130.	Лето («Ой ты, лето горячее, с бурями!...»). Перевод М. Комиссаровой	202
131.	Разве это много? Перевод В. Шефнера	203
132.	Жили-были у отца... Перевод А. Прокофьева	204
133.	Учись... Перевод В. Шефнера	204
134.	Пришла осень... Перевод А. Прокофьева	205
135.	Врагам белорусского. Перевод С. Спасского	206
* 136.	«Горько гнетет мое сердце бездольное...». Перевод Вс. Рождественского	207
137.	Из песен о неволе. Перевод Н. Брауна	208
138.	Поле родное. Перевод М. Комиссаровой	208
* 139.	К чему напрасные мечтанья... Перевод Г. Семенова	209
140.	«Ой, печально в нашем крае...». Перевод Л. Хаустова	210
141.	Дайте мне... Перевод И. Садофьева	211
* 142.	Разлад. Перевод Г. Семенова	211
143.	Преступник. Перевод Е. Полонской	212
* 144.	Сгинуло солнце... Перевод Вс. Рождественского	213
145.	Из печальных дум... («Взлечу ли я пташкой с крылатою душою...»). Перевод А. Прокофьева	214
* 146.	Замолчите, думы... Перевод Вс. Рождественского	214
147.	Не дружи... Перевод А. Прокофьева	216
148.	Прежде и теперь. Перевод П. Кобзаревского	217
* 149.	На прощание. Перевод Г. Семенова	218
* 150.	«Тебя все дразнят: „Человек!...“». Перевод Вс. Рождественского	219
151.	Не дайте погубить... Перевод А. Чивилихина	219
152.	Что ты хмуришься? Перевод М. Комиссаровой	220
153.	Подымайся, вставай!... Перевод Н. Брауна	221
154.	Новогодние пожелания. Перевод Вс. Рождественского	222
* 155.	Кто такой ты? Перевод Г. Семенова	223
156.	За правду. Перевод Л. Друскина	223

157. Пахарю. <i>Перевод В. Шефнера</i>	224
*158. Певцу Альберту Пав(лови)чу. <i>Перевод Г. Семенова</i>	224
159. Осел и наука (<i>Басня</i>). <i>Перевод Б. Кежуна</i>	225
160. Косцам. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	226
161. Молодости. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	226
162. На сенокосе. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	227
163. Развейся, туман... <i>Перевод Н. Белоусова</i>	228
*164. Из песен жизни («День был весенний. В бороздку на дню...»). <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	229
165. Сват (<i>Из рассказов старого земляка</i>). <i>Перевод Л. Хаустова</i>	229
166. Тучи и думы. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	233
167. Где вы? <i>Перевод А. Прокофьева</i>	233
168. Еще будет весна. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	234
169. Бор. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	234
*170. Светает («От неманских вод, из-под хвой Белавежи...»). <i>Перевод Г. Семенова</i>	235
171. Родное слово («Ты, слово родное, могучее слово...»). <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	237
172. Пахарь. <i>Перевод В. Шефнера</i>	237
173. Думка («„Эх ты, брат мой, брат родимый...“»). <i>Перевод Н. Брауна</i>	239
174. С надеждою смутной... <i>Перевод А. Андреева</i>	240
175. «Гряну по струнам бунтарским я, гряну...». <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	241
176. Перед виселицей. <i>Перевод Вс. Азарова</i>	241
177. За косой. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	244
178. Брату. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	244
179. Молодая Беларусь («Гей ты, гей, Беларусь, сторона молодая...»). <i>Перевод Н. Брауна</i>	245
180. В шинке. <i>Перевод Н. Брауна</i>	246
181. А как из хаты выходим... <i>Перевод М. Исаковского</i>	248
182. Зимняя ночь. <i>Перевод В. Шефнера</i>	249
183. Погибшим. <i>Перевод Н. Брауна</i>	250
184. Не вздыхай. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	250
185. Накануне весны. <i>Перевод Л. Друскина</i>	251
186. Памяти Т. Шевченко (25 февраля 1909 г.). <i>Перевод А. Андреева</i>	251
187. За чужую елку. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	253
188. Половодье. <i>Перевод П. Кустова</i>	257
189. Поэту-белорусу. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	258
190. Девушке. <i>Перевод А. Чивилихина</i>	259
191. Из песен о весне («И зелень, и птицы, и песни...»). <i>Перевод Л. Хаустова</i>	260
192. Песня-сказка («В непогоду издалёка...»). <i>Перевод Н. Брауна</i>	260
193. Заклятый цветок. <i>Перевод Э. Багрицкого</i>	261
194. Забытая скрипка. <i>Перевод В. Шефнера</i>	262
195. Явор. <i>Перевод Н. Брауна</i>	265
*196. Жалуйтесь, скорбные струны... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	266
197. Молодым на свадьбе. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	267
*198. Девушка и венок. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	268

*199.	Игнат и пивяки (<i>Басня</i>). Перевод <i>Вс. Рождественского</i> . . .	269
200.	Долгожданная. Перевод <i>Б. Турганова</i> . . .	271
*201.	Черный бог. Перевод <i>Вс. Рождественского</i> . . .	271
*202.	С ярмарки. Перевод <i>Г. Семенова</i> . . .	272
*203.	Перед рассветом. Перевод <i>Г. Семенова</i> . . .	273
204.	Полились мои слезы. Перевод <i>М. Комиссаровой</i> . . .	274
*205.	Профессору <i>Б. Эпимах-Шипилле</i> с Новым 1910 годом. Перевод <i>Вс. Рождественского</i> . . .	274
206.	Как я полем иду. . . Перевод <i>М. Комиссаровой</i> . . .	276
207.	Отцветанье. Перевод <i>А. Прокофьева</i> . . .	277
208.	Снег. Перевод <i>Э. Багрицкого</i> . . .	277
209.	Песня звонаря. Перевод <i>Вс. Рождественского</i> . . .	278
210.	Тут и там. Перевод <i>Н. Сидоренко</i> . . .	280
211.	Я и воля моя. Перевод <i>М. Комиссаровой</i> . . .	280
212.	«Я не плачу над этой могилой. . .». Перевод <i>А. Прокофьева</i>	281
213.	Гусляр. Перевод <i>Б. Кежуна</i> . . .	281
214.	Приветствие. Перевод <i>А. Андреева</i> . . .	282
215.	Гусли-самогуды. Перевод <i>Л. Хаустова</i> . . .	283
216.	И ветер, и сокол, и я. . . Перевод <i>Н. Брауна</i> . . .	284
217.	Песня и сила. Перевод <i>М. Комиссаровой</i> . . .	285
218.	Эй, откликнись, душа! . . . Перевод <i>А. Прокофьева</i> . . .	285
219.	Счастье («Крылья бы мне соколиные. . .»). Перевод <i>В. Шефнера</i>	286
220.	«Измученный путем далеким. . .». Перевод <i>В. Шефнера</i> . . .	287
221.	Наше прошлое. Перевод <i>П. Кустова</i> . . .	288
222.	Из песен жизни («На тяжелую долю-недолю. . .»). Перевод <i>Л. Хаустова</i>	288
223.	Безземельные. Перевод <i>А. Прокофьева</i> . . .	290
224.	Сядь здесь, у стога. . . Перевод <i>Л. Друскина</i> . . .	291
225.	Солнце, выйдешь ли, родное? Перевод <i>А. Андреева</i> . . .	292
226.	«Как возьму жалейку в руки. . .». Перевод <i>А. Прокофьева</i> . . .	293
227.	Думка («Грустно в думках Тамаша. . .»). Перевод <i>Л. Хаустова</i>	293
228.	К своим думам. Перевод <i>Н. Брауна</i> . . .	294
229.	Из печальных дум («Ой, как жить мне трудно. . .»). Перевод <i>М. Комиссаровой</i>	295
230.	Как тут быть веселой песне? Перевод <i>А. Прокофьева</i> . . .	296
231.	Кто поймет мою недолю? Перевод <i>Л. Хаустова</i> . . .	297
232.	Выйду, выйду. . . Перевод <i>Вс. Рождественского</i> . . .	297
233.	Сиротская доля. Перевод <i>М. Комиссаровой</i> . . .	298
234.	Над колыбелью («Ты не плачь ночами. . .»). Перевод <i>А. Андреева</i>	299
235.	На дудке. Перевод <i>П. Кобзаревского</i> . . .	300
236.	Из песен о мужицкой доле. Перевод <i>М. Комиссаровой</i> . . .	301
*237.	Песня-сказка («Гей! за морем за синим далёко. . .»). Перевод <i>Г. Семенова</i>	302
*238.	Голубь и парень. Перевод <i>Г. Семенова</i> . . .	304
239.	Песня («По дороженьке по зимней. . .»). Перевод <i>А. Прокофьева</i>	305
240.	Не жалейка стонет. . . Перевод <i>Л. Хаустова</i> . . .	306
*241.	Было это весной. . . Перевод <i>Г. Семенова</i> . . .	306
242.	Девчинке. Перевод <i>В. Шефнера</i> . . .	307

243.	Подойди... <i>Перевод Б. Иригина</i>	308
244.	Полюби меня, девчинка... <i>Перевод А. Прокофьева</i>	309
245.	Песня («Бежит быстрая речонка...»). <i>Перевод А. Прокофьева</i>	310
246.	Хатка. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	311
247.	Поле. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	312
248.	Весна («С лучезарным взором...»). <i>Перевод А. Прокофьева</i>	313
249.	Весеннее утро. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	314
250.	Лето («Лето ты, лето, пригоже-цветистое...»). <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	315
251.	Петров день. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	316
252.	В Петровке. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	316
253.	Ночь. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	317
254.	Зима приближается. <i>Перевод М. Исаковского</i>	318
255.	Зазимок. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	319
256.	Зимой в лесу. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	320
257.	Песня солнцу. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	320
258.	Явор и калина. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	321
259.	Брату на чужбине. <i>Перевод Н. Брауна</i>	322
260.	Мой дом. <i>Перевод А. Андреева</i>	323
261.	На Купалье. <i>Перевод В. Брюсова</i>	324
*262.	Над Иматрой. <i>Перевод Г. Семенова</i>	324
263.	Я от вас далеко... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	326
264.	Моя думка. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	327
265.	Родное слово («Под ярмом неправды многие столетья...»). <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	328
*266.	Памяти С. Полуяна. <i>Перевод Г. Семенова</i>	329
*267.	Дударь. <i>Перевод Г. Семенова</i>	331
268.	Запущенный дворец. <i>Перевод А. Андреева</i>	333
*269.	Микита и волю (<i>Басня</i>). <i>Перевод Г. Семенова</i>	333
270.	«Если б мне хотя б полоску...». <i>Перевод А. Прокофьева</i>	334
*271.	Лесная царевна. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	335
*272.	Белорус. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	337
*273.	Игнату Буйницкому. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	338
274.	Гей, вперед! <i>Перевод А. Андреева</i>	338
275.	Как в лесочке зацвели... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	339
276.	Из недоцветов. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	340
277.	Вербя. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	341
278.	За чаркой. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	342
279.	Песня моя. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	345
280.	Не проспи. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	346
281.	Пойте, песни! <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	347
282.	Жница. <i>Перевод Е. Полонской</i>	348
283.	Из летних зарисовок. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	349
284.	Как в повести. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	349
285.	Я казак — не казак... <i>Перевод А. Прокофьева</i>	351
286.	Где?.. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	352
287.	Близким и далеким. <i>Перевод С. Спасского</i>	353
288.	За свободу свою... <i>Перевод Л. Друскина</i>	354
289.	Если б я в краю родимом... <i>Перевод Б. Иригина</i>	355
*290.	Вечерняя молитва. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	356
*291.	Обручение. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	357

292. Две березы. Перевод Э. Багрицкого	358
293. Ты приходи! Перевод М. Комиссаровой	358
294. Жара. Перевод Л. Друскина	359
295. Речка. Перевод М. Комиссаровой	360
296. Сад. Перевод М. Комиссаровой	360
*297. Семик. Перевод М. Комиссаровой	361
298. Дуб («Поднимаю ветви. . .»). Перевод М. Комиссаровой	362
299. Летняя роса. Перевод А. Прокофьева	362
300. Слугам алтарным. Перевод А. Андреева	363
301. Родичам по речи. Перевод В. Шефнера	364
302. Полети, моя мысль. . . Перевод А. Прокофьева	365
303. Рвися, думка! . . Перевод П. Кустова	366
304. Молодая Беларусь («Вольный ветер напел вольных песен тебе. . .»). Перевод М. Комиссаровой	366
305. Путь мой. . . Перевод В. Шефнера	368
306. Где ты, счастье мое? . . Перевод П. Кустова	368
307. Холодно. . . Перевод П. Кустова	369
308. Моя доля («Что дашь завтра ты, доля постылая? . .»). Перевод Вс. Рождественского	370
309. Не для нас. . . Перевод Л. Друскина	370
310. В ночном царстве. Перевод В. Брюсова	371
311. Чем не доля моя? Перевод Б. Тимофеева	372
*312. Суды. Перевод Вс. Рождественского	373
*313. Деревня («За хатой хата — по порядку. . .»). Перевод Вс. Рождественского	374
314. Груша. Перевод М. Комиссаровой	375
315. Лес. Перевод А. Прокофьева	375
*316. На склоне лета. Перевод Вс. Рождественского	376
317. Из осенних напевов («Лето минуло отрадное. . .»). Перевод А. Прокофьева	377
*318. Осень («Лето прошло. Из-под неба дождливого. . .»). Перевод Вс. Рождественского	381
319. Зима («Было жарко, и в оконце. . .»). Перевод А. Прокофьева	381
*320. «Ясью восходов, закатов, блескучей. . .» Перевод Г. Семенова	382
321. Песня («Рощи с полянами спят за туманами. . .»). Перевод А. Андреева	383
322. Моя женка. Перевод А. Прокофьева	383
*323. Поцелуй. . . Перевод Г. Семенова	384
324. Перед ночкой. Перевод А. Прокофьева	385
325. Ой, девчинка, ты слышишь? . . Перевод А. Прокофьева	385
326. Ястреб. Перевод М. Комиссаровой	386
327. Жнеям. Перевод А. Прокофьева	387
*328. «Чего плачешь, мужичок? . .». Перевод Г. Семенова	388
329. Наша песня. Перевод А. Прокофьева	388
330. «Подрубайте дуб, что с корня. . .». Перевод Г. Семенова	389
331. В старом бору. . . Перевод Д. Бродского	390
332. Ты, зеленая дубрава. . . Перевод Н. Брауна	390
*333. Тусклые бледные дни. . . Перевод Вс. Рождественского	391
*334. Русалка. Перевод М. Комиссаровой	392
335. Тучка и месяц. Перевод В. Шефнера	393

*336.	Сложивши руки... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	395
337.	После захода солнца... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	395
*338.	Грянь, музыкант... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	396
339.	Выйди... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	397
340.	Моя молитва («Мгновением каждым, минутой люблю...»).	
	<i>Перевод А. Прокофьева</i>	398
*341.	Под крестом. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	399
342.	Желание. <i>Перевод Е. Рывиной</i>	400
343.	Я люблю. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	401
344.	Для тебя, отчизна предков моих... <i>Перевод М. Богдановича</i>	401
345.	Когда начнут... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	402
*346.	Новый год. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	402
*347.	«Лирник народный». <i>Перевод Г. Семенова</i>	403
348—350.	Деревья. <i>Перевод А. Андреева</i>	
	1. «Узкие полоски...»	406
	2. «Ой ты, деревня родная моя...»	406
	3. «Там за лесом-бором...»	407
351—352.	Над нивою в непогоду. <i>Перевод В. Шефнера</i>	
	1. «Нива несжатая низко склоняется...»	408
	2. «Ты зачем, непогода постылая...»	408
353—359.	Из песен безземельного. <i>Перевод М. Исаковско-</i>	
	<i>ковского</i>	
	1. «Эти загоны...»	409
	2. «Как от горя, от напасти...»	410
	3. «Ой ты, счастье, ой ты, доля...»	411
	4. «Тает снег. Чернеюг...»	412
	5. «Ты лети, звени, мой голос...»	413
	6. «Ой, скажи мне, безземельный...»	414
	7. «Где мой дом, где ты, хата моя?»	416
*360—361.	Зима. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	
	1. «К нам с морозом и с метелницей...»	417
	2. «Белы крыши, бело поле...»	418
362—369.	О мужицкой доле. <i>Перевод М. Исаковского.</i>	
	1. «Дайте скрипку мне мою...»	418
	2. «В нашей жизни счастья мало...»	419
	3. «Сгибаясь, будто крюк...»	421
	4. «За сохой, бороной...»	421
	5. «Как за хату выйду...»	422
	6. «Эй ты, друг! Что ж ты вдруг...»	423
	7. «Вот моя полоска...»	425
	8. «Что нам хлеб, зачем он в хате...»	426
370—371.	На свирели. <i>Перевод Б. Кежуна</i>	
	1. «На закате, на заре ли...»	427
	2. «Нет, не в пуще я слагаю...»	428
*372.	«Снилось девчине...». <i>Перевод Г. Семенова</i>	429
373.	«Братец и сестрица» (<i>Из народных мотивов</i>). <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	429
374.	Всюду лето... <i>Перевод М. Исаковского</i>	431
375.	Не ищи... <i>Перевод Н. Брауна</i>	432
376.	Весной. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	433
377.	Песня («Ах, откуда весть такая...»). (<i>Из народных мотивов</i>). <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	434

378. Будь смелым!.. <i>Перевод Е. Полонской</i>	435
379. Наука. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	436
380. Летом («Выйду, сяду возле сада...»). <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	437
*381. Из вечерних дум. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	438
*382. Здешний. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	439
383. Речка убегает... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	440
*384. Стоногое Лихо. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	441
385. Только с песней... <i>Перевод В. Шефнера</i>	442
386. А ты, сиротина... <i>Перевод М. Исаковского</i>	443
387. Песня («Коль была б я перепелкой...») (<i>Из народных мотивов</i>). <i>Перевод М. Исаковского</i>	443
388. Депутаты и граждане. <i>Перевод Б. Тимофеева</i>	444
*389. Пчелы и трутни. <i>Перевод Г. Семенова</i>	445
*390. Куда ни кинь — всё клин! <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	445
391. В сердце пламень не погас. <i>Перевод Л. Друскина</i>	446
*392. «Непогода и мгла...». <i>Перевод Г. Семенова</i>	447
*393. На Новый (1914) год. <i>Перевод Г. Семенова</i>	448
394. Молодежи. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	448
*395. Страшный омут. <i>Перевод Г. Семенова</i>	449
396. На поле тает. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	451
*397. По шляху. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	452
*398. Звоны, тревоги полны... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	453
399. Что там? <i>Перевод С. Городецкого</i>	454
400. Запела весна свою песню. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	455
401. Вспомни!.. <i>Перевод А. Андреева</i>	456
402. «Девушка милая, ясный цветок мой...». <i>Перевод А. Андреева</i>	457
*403—404. Из цикла «Песни войны». <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	
1. Разлука	457
2. Оставались нивы, села	459
405. 1914-й. <i>Перевод О. Колычева</i>	460
*406. Кривда. <i>Перевод Г. Семенова</i>	461
*407. Мое терпение. <i>Перевод Г. Семенова</i>	462
*408. Был это сон... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	462
409. Не судила ты мне, доля. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	463
410. Товарищ мой. <i>Сонет. Перевод Д. Бродского</i>	464
411. На суд. <i>Перевод В. Шефнера</i>	464
*412. Сойду... <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	465
*413. Вечер. <i>Перевод Г. Семенова</i>	466
414. На улице. <i>Перевод Б. Турганова</i>	467
*415. Зачем? <i>Перевод Г. Семенова</i>	468
416. Идет весна. <i>Перевод П. Кустова</i>	469
417. Весна 1915-я. <i>Перевод А. Чивилихина</i>	469
*418. А она... <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	470
*419. Ночке. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	471
*420. Почему? <i>Перевод Г. Семенова</i>	472
421. Отчизна. <i>Перевод А. Андреева</i>	473
*422. Значит, надобно так. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	473
423. Плачет осень. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	474
424. Моя вера. <i>Перевод П. Кустова</i>	475

*425.	Дни за днями... Перевод М. Комиссаровой	475
*426.	Как тени. Перевод Вс. Рождественского	476
427.	Две доли. Перевод М. Комиссаровой	477
428.	Без пути. Перевод М. Комиссаровой	478
429.	Спит Юрка. Перевод Б. Тимофеева	478
430.	«Не все дома». Перевод Б. Тимофеева	479
431.	Из песен мужичьих. Перевод Н. Сидоренко	480
432.	«Можем часто мы плакать...». Перевод М. Комиссаровой	481
433.	Нету гробшей. Перевод Б. Тимофеева	481

1918—1942

*434.	Для отчизны. Перевод М. Комиссаровой	483
435.	Песня («Вспыхнет песня, словно искра...»). Перевод М. Исаковского	483
436.	На сход! Перевод С. Обрадовича	484
*437.	Пора! Перевод М. Комиссаровой	485
*438.	В теплый край. Перевод М. Комиссаровой	486
439.	Млечный Путь. Перевод Л. Хаустова	487
440.	На рассвете. Перевод А. Андреева	487
441.	Бурелом. Перевод А. Андреева	488
442.	Наследство. Перевод А. Андреева	489
443.	Поезжане. Перевод Э. Багрицкого	490
*444.	Светает («Эй, будет храпеть вам! Вставайте!...»). Перевод Г. Семенова	491
445.	Лесное озеро. Перевод А. Прокофьева	492
*446.	Белорусские сыны. Перевод Г. Семенова	492
*447.	Над зыбкой. Перевод Г. Семенова	493
*448.	На нашем... Перевод Вс. Рождественского	494
449.	Моя наука. Перевод М. Исаковского	495
450.	Где ты, хмель мой, зимовал?.. Перевод Е. Мозолькова	496
*451.	Пять сенаторов. Перевод Вс. Рождественского	497
452.	В отлет! Перевод В. Шефнера	498
*453.	Бай. Перевод М. Комиссаровой	499
*454.	Сын и мать. Перевод Г. Семенова	500
455.	На смерть Степана Булата. Перевод С. Обрадовича	503
456.	А кукушка куковала... Перевод А. Прокофьева	504
457.	Песня и сказка. Перевод Н. Брауна	505
458.	Мороз. Перевод М. Исаковского	506
459.	С Новым годом! Перевод М. Светлова	507
*460.	Король. Перевод Г. Семенова	507
461.	От минских детей. Перевод А. Андреева	510
462.	Крым. Перевод А. Прокофьева	510
*463.	Тяшке Гартному. Перевод Г. Семенова	512
464.	Орлятам. Перевод Вс. Рождественского	513
465.	Две сестры. Перевод А. Прокофьева	515
*466.	«...О! Пролетарий я!...». Перевод Г. Семенова	516
467.	Дорогой лет. Перевод А. Чивилихина	517
*468.	На Долгиновском тракте. Перевод М. Комиссаровой	519
*469.	Придут. Перевод М. Комиссаровой	521
470.	За всё... Перевод П. Кобзаревского	522

471. Летом («Сладко летом в полдень знойный...»). Перевод В. Шефнера	523
472. Будь готов! Перевод В. Яснева	524
473. Где стоял двор панский... Перевод Вс. Азарова	525
474. Сей, вольный сеятель! Перевод М. Комиссаровой	525
475. Летописное. Перевод И. Садофьева	526
*476. Диктатура працы. Перевод Вс. Рождественского	529
477. Уходящей деревне. Перевод М. Исаковского	530
478. Волей твердой, коллективной. Перевод М. Комиссаровой	532
479. Новая осень. Перевод Л. Хаустова	533
480. А в Висле труп волной качает... Перевод А. Андреева	534
481. Молодым поэтам. Перевод М. Исаковского	535
482. Песня строителству. Перевод А. Чивилихина	535
483. Вперед — неизменно! Перевод М. Исаковского	537
484. Где кривда извечная зрела. Перевод Н. Брауна	538
485. Я верю... Перевод М. Исаковского	539
486. Под звездою алою. Перевод П. Кобзаревского	541
487. Великому Октябрю. Перевод Л. Хаустова	542
488. Якубу Коласу. Перевод А. Чивилихина	543
489. Легопиха. Перевод А. Прокофьева	545
490. Юрочка. Перевод А. Андреева	545
491. Май. Перевод М. Исаковского	547
492. То не шум боровой... Перевод М. Исаковского	548
493. Я — колхозница... Перевод М. Исаковского	549
494. «Звезде». Перевод М. Комиссаровой	550
495. Мать сыночка провожала. Перевод А. Прокофьева	551
496. Для тех, кого люблю. Перевод А. Андреева	552
497. Нашей Конституции. Перевод И. Садофьева	553
498. В нашем поле. Перевод М. Исаковского	554
499. Волнуется синее море. Перевод М. Исаковского	555
500. Край родной. Перевод М. Исаковского	556
501. Украина. Перевод А. Прокофьева	556
502. Солнцу. Перевод Н. Брауна	558
503. Сдается, вчера это было... Перевод М. Исаковского	559
504. Старые окопы. Перевод М. Исаковского	561
505. Мое мне солнце — проводник... Перевод Вс. Азарова	562
506. Сосны. Перевод Л. Друскина	562
507. Гости. Перевод А. Прокофьева	563
508. Алесь. Перевод М. Исаковского	565
509. Вечеринка. Перевод А. Прокофьева	566
510. Как я молода была... Перевод М. Исаковского	567
511. Лен. Перевод А. Прокофьева	568
512. Партизаны. Перевод А. Чивилихина	570
513. Дороги. Перевод А. Андреева	571
514. Испания будет свободной. Перевод Б. Кемпуна	572
515. Мы люди свободные. Перевод Н. Брауна	573
516. Генацвале. Перевод В. Гусева	574
517. Памяти Максима Горького. Перевод Б. Иригина	574
518. Единичнику. Перевод А. Андреева	576
519. Наша молодежь. Перевод Б. Иригина	577
520. А мы себе сеем и сеем... Перевод М. Исаковского	578
521. Памяти Эдуарда Самуйленка. Перевод Л. Хаустова	580

522—529. Из цикла «На западнобелорусские мотивы»

1. Ой, повеи, ветер!..	Перевод В. Шефнера	581
2. Ты мне песню спой, девчина...	Перевод Л. Хаустова	582
3. Накормились мы панскою лаской...	Перевод П. Кобзаревского	583
4. Расшумелся лес зеленый.	Перевод П. Кобзаревского	584
5. С новой думой.	Перевод А. Твардовского	585
*6. С Западной ты, я с Восточной.	Перевод Вс. Рождественского	586
*7. Слава тебе, Армия!..	Перевод Г. Семенова	587
8. Настал черед...	Перевод А. Чивилихина	587
530. Спасибо народу за песню.	Перевод М. Исаковского и Б. Иринина	589
*531. С Первым мая!	Перевод Вс. Рождественского	590
532. Белорусским партизанам.	Перевод М. Голодного	591
533. Хищник.	Перевод Б. Иринина	593
534. Снова ждут нас счастье и свобода.	Перевод Вс. Рождественского	594

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

535. Извечная песня. Поэма в двенадцати картинах.	Перевод М. Исаковского	599
536. На привале (Картинка 1906 года).	Перевод А. Прокофьева	626

НОЭМЫ

537. Никому (Из времен крепостного права).	Перевод М. Исаковского	643
538. Курган.	Перевод Н. Брауна	653
539. Бондаровна (Из народной песни).	Перевод А. Прокофьева	660
540. Могила льва.	Перевод М. Исаковского	673
541. Она и я.	Перевод Вс. Рождественского	689
542. Незнаванное.	Перевод А. Андреева	704
543. Над рекой Орессой.	Перевод М. Исаковского	714
544. Борисов.	Перевод Н. Брауна	747
545. Тарасова доля.	Перевод Б. Турганова	753
Примечания		763
К иллюстрациям		801

Янка Купала

ИЗБРАННОЕ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1973,
816 стр. План выпуска 1973 г. № 352.

Редактор *Н. Г. Захаренко*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *Ф. Н. Аврунина*

и *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 25/VI 1973 г. Подписано в
печать 2/X 1973 г. М 56439. Бумага 84×103¹/₃₂,
типогр. № 1. Печ. л. 25¹/₂+3 вкл. (43,15).
Уч.-изд. л. 37,75. Тираж 40 000 экз. За-
каз № 878. Цена 3 р. 72 к.

Издательство «Советский писатель», Ле-
нинградское отделение, Ленинград, Нев-
ский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ле-
нинградская типография № 5 Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

По вине типографии пропущены знаки препинания:

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
23	10 св.	в лирику	в лирику.
31	8 сн.	1906 году	1906 году.
35	11 сн.	М Горького	М. Горького
44	17 св.	этап	этап.
44	24 св.	(«От сердца»)	(«От сердца»).
44	5 сн.	отношения	отношения.
46	5 св.	Купалы	Купалы.
49	15 сн.	Горькому	Горькому.
185	9 сн.	мужу	мужу.
200	16 св.	цепей	цепей,
258	5 сн.	царей	царей.

